ДБ
300
061
т. I
Описан.
русско-
турецк.
войны.
спб, 1901.

$-\sqrt{830}$

$\sqrt[3]{\text{III}}$

$\text{II}/1.$

DG
300
061

A 718

DB
300
061

ОПИСАНІЕ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1877—78 г.г.

на Балканскомъ полуостровѣ.

„Составить полное систематическое описаніе всѣхъ событій войны, не вдающееся въ несвоевременную критику, но излагающее съ полною правдивостью фактическую ихъ сторону".

(Задача, возложенная на Военно-Историческую Коммисію Высочайше одобреннымъ докладомъ Военнаго Министра).

Томъ I.

ОБСТАНОВКА ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

СЪ АТЛАСОМЪ КАРТЪ, ПЛАНОВЪ И СХЕМЪ.

Библіотека
Артиллерійской
бригады.

Изданіе Военно-Исторической Коммисіи Главнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1901.

D

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
25904 1966

Артиллерійской

Отъ Военно-Исторической Коммисіи при Главномъ Штабѣ.

Настоящее „Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 годовъ на Балканскомъ полуостровѣ“ опирается на историческій матеріалъ далеко неполный и несовершенный.

Главныя причины тому слѣдующія:

При нашемъ Главномъ Штабѣ не существовало какъ до войны, такъ и въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за войной, особаго органа, который бы, на подобіе иностранныхъ военно-историческихъ отдѣленій, обязанъ былъ своевременно заботиться о собираніи и приведеніи въ порядокъ военно-историческаго матеріала.

Уже послѣ войны, въ 1879 году, особыми циркулярами командующимъ войсками въ округахъ, сдѣлано было распоряженіе о доставленіи на храненіе въ Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 годовъ. Однако, мѣра эта оказалась недостаточной и дѣло подвигалось настолько туго, что Военный Министръ, приказомъ отъ 1 декабря 1885 года за № 283, потребовалъ, чтобы войсковыя части, а равно и военно-служащіе, имѣющіе на рукахъ матеріалы, не замедлили доставленіемъ ихъ въ вышеназванный Архивъ.

Но и эта мѣра помогла дѣлу лишь отчасти, такъ какъ за время съ 1879 по 1886 годъ много цѣннаго матеріала успѣло утратиться.

Самый основной и главный историческій матеріалъ—походные дневники штабовъ и отдѣльныхъ частей войскъ—доставленъ далеко не всѣми; въ имѣющихся же отсутствуетъ однообразіе системы, а достоинство нѣкоторыхъ изъ нихъ умаляется тѣмъ, что они были составлены послѣ войны; кромѣ того, во многихъ дневникахъ не имѣется необходимыхъ ссылокъ на документы и приложеній.

Хотя въ распоряженіи Военно-Исторической Коммисіи имѣется громадное количество разныхъ войсковыхъ дѣлъ, но большинство изъ нихъ состоитъ изъ текущей переписки, вовсе не предназначавшейся служить историческимъ матеріаломъ, поэтому подходящіе документы встрѣчаются въ этихъ дѣлахъ лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ. Вдобавокъ многіе отпуски безъ подписей и чиселъ, а оригиналы безъ помѣтокъ послѣ получки и т. п., такъ что часто рождается сомнѣніе, въ какой мѣрѣ данная бумага можетъ служить документальнымъ матеріаломъ.

Такимъ образомъ, многіе, иногда и существенные, историческіе вопросы не находятъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла неточности, пропуски или недомолвки въ описаніи войны не только возможны, но почти и неизбѣжны.

Сознавая эти недочеты, Военно-Историческая Коммисія, въ маѣ 1899 года, путемъ публикацій обращалась съ просьбой о присылкѣ матеріаловъ, но и эта мѣра прибавила Коммиссіи лишь ничтожное ихъ количество.

Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ Коммисію просить г.г. читателей, участвовавшихъ въ войнѣ или обладающихъ какими-либо матеріалами, относящимися до нея, благоволить сообщить Коммисіи свои замѣчанія и дополняющіе матеріалы, которые будутъ имѣться въ виду при послѣдующихъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ. Довѣренные Коммисіи документы и матеріалы, по желанію владѣльцевъ ихъ, будутъ возвращены по снятіи копій.

Адресъ Коммисіи: С.-Петербургъ, Главный Штабъ, въ Военно-Историческую Коммисію.

С.-Петербургъ.
25 іюня 1901 г.

Артиллерійской
бригады.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Взглядъ на причины войны и положеніе Россіи къ ея началу VII

ГЛАВА I.

Театръ войны 1

Общій очеркъ театра военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи.—Румынія, какъ база.—Дунай.—Придунайская Болгарія.—Страна за Балканами.—Свойства театра военныхъ дѣйствій въ военномъ отношеніи.—Свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій, имѣвшіяся въ Россіи передъ войною.

ГЛАВА II.

Вооруженныя силы Турціи 28

Политическое положеніе Турецкой имперіи передъ войною 1877—1878 г.г.—Организація ея военно-сухопутныхъ силъ по проекту 1869 г.—Составъ и комплектованіе арміи. — Дѣйствующія войска (низамъ): пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженерныя войска; ихъ вооруженіе и снабженіе. — Резервныя войска (редифъ) и ихъ кадры. — Составъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.—Продовольствіе и снабженіе арміи.—Главнѣйшія качества и способы дѣйствій турецкихъ войскъ. — Развитіе вооруженныхъ силъ Турціи съ Герцеговинскаго возстанія и расположеніе ихъ ко дню объявленія войны. — Силы турокъ въ различные періоды кампаніи.—Флотъ.

ГЛАВА III.

Вооруженныя силы Румыніи, Сербіи и Черногоріи . . 49

Вооруженныя силы Румыніи: армія постоянная и территоріальная.—Вооруженныя силы Сербіи: армія постоянная и народная.—Вооруженныя силы Черногоріи и положеніе ихъ ко времени объявленія Россіей войны Турціи.

ГЛАВА IV.

СТРАН.

Вооруженныя силы Россіи 62

Состояніе вооруженныхъ силъ къ началу 70-хъ годовъ.—Реформы 1873—74 г.г.—Комплектованіе арміи офицерами и нижними чинами.—Измѣненія въ организаціи арміи въ періодъ 1870—77 г.г. — Полевыя войска: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженерныя войска.—Соединеніе полевыхъ войскъ въ корпуса.—Тыловыя войска: крѣпостныя, резервныя и мѣстныя.—Войска вспомогательнаго назначенія. — Военно-врачебныя учрежденія. — Иррегулярныя войска: казачьи и изъ инородцевъ.—Государственное ополченіе.—Вооруженіе.—Снаряженіе. — Снабженіе войскъ обозомъ.

ГЛАВА V.

Тактическая подготовка русской арміи 139

Вліяніе Крымской и послѣдующихъ войнъ.—Корпусъ офицеровъ.—Нижніе чины. — Пѣхота. — Кавалерія.—Артиллерія.—Войска инженерныя.—Штабы.—Общія занятія разныхъ родовъ оружія.—Заключеніе.

ГЛАВА VI.

Военно-морскія силы Россіи 209

Военно-морскія силы Россіи передъ войною 1877—78 г.г.—Судовой составъ.—Боевыя суда, ихъ вооруженіе и распредѣленіе по флотамъ и флотиліямъ.—Управленіе судами и эскадрами.—Личный составъ флота.—Морское образованіе и боевая подготовка.—Торговый флотъ.—Порты.—Черноморскій театръ войны.—Содѣйствіе сухопутнымъ войскамъ.

ГЛАВА VII.

Приготовленія къ войнѣ и развитіе русскихъ силъ по іюль мѣсяцъ 1878 года 239

Мѣропріятія Военнаго Министерства по укомплектованію войскъ.—Изданіе недоставшихъ положеній.—Новыя формированія.—Ноябрьская мобилизація.—Первая дополнительная мобилизація.—Послѣдующія мобилизаціи.—Составъ дѣйствующей арміи, устройство и составъ ея управленія. — Сосредоточеніе арміи въ Бессарабіи. — Организація обороны Черноморскаго побережья. — Измѣненія въ организаціи арміи за время стоянки ея въ Бессарабіи. — Состояніе, здоровье и занятія войскъ.—Зимніе и весенніе смотры.

ГЛАВА VIII.

стран.

Состояніе русской желѣзнодорожной сѣти къ осени 1876 года и работа ея по сосредоточенію дѣйствующей арміи . . 300

Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти къ 1877 году. — Планы перевозки войскъ. — Мобилизаціонныя перевозки за ноябрь и декабрь мѣсяцы.—Перевозка укомплектованныхъ частей.—Задержка движенія.—Общіе выводы.

ГЛАВА IX.

Русское полевое интендантство и снабженіе дѣйствующей арміи предметами интендантскаго довольствія . . . 331

Регламентація устройства и дѣятельности полевого интендантства, продовольственной части и вещевого довольствія.—Снаряженіе.—Обозъ.—Снабженіе офицеровъ. — Подготовительныя мѣры по обезпеченію арміи продовольствіемъ, вещевымъ довольствіемъ, палатками, обозомъ и деньгами.—Текущее довольствіе арміи въ Бессарабіи: продовольствіе, вещевое довольствіе, квартирное довольствіе.

ГЛАВА X.

Объявленіе войны Россіей Турціи 375

Пріѣздъ Императора Александра II въ армію. — Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны Турціи. — Циркуляръ Государственнаго Канцлера князя Горчакова. — Правила отношеній во время войны къ непріятелю и нейтральнымъ державамъ. — Приказъ по дѣйствующей арміи отъ 12 апрѣля. — Воззваніе къ жителямъ Румыніи. — Отъѣздъ Императора Александра изъ арміи и возвращеніе.

Приложеніе къ главѣ VIII.

Таблица техническаго состоянія русской желѣзнодорожной сѣти въ 1876 году 389

ВЗГЛЯДЪ НА ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ И ПОЛОЖЕНІЕ РОССІИ КЪ ЕЯ НАЧАЛУ.

Настоящее, чисто военное, „Описаніе Русско-Турецкой войны 1877—78 годовъ на Балканскомъ полуостровѣ" ограничивается бѣглымъ изложеніемъ ближайшихъ событій и дипломатическихъ сношеній, вызвавшихъ войну и создавшихъ для нея извѣстное исходное положеніе.

Въ февралѣ 1875 года возникли волненія въ турецкой провинціи — Герцеговинѣ. Причина ихъ заключалась, кромѣ религіознаго антагонизма, въ аграрныхъ условіяхъ. Хотя крѣпостное право въ Босніи и Герцеговинѣ было отмѣнено еще въ 1851 году, но, тѣмъ не менѣе, христіанское сельское населеніе оставалось тамъ въ весьма тяжелой экономической зависимости отъ первенствующаго сословія—дворянъ, которые, хотя и не потеряли своей славянской народности, однако, давно уже приняли мусульманство.

Волненіе вскорѣ перешло въ открытое возстаніе, которое изъ Герцеговины распространилось по всей Босніи. Дѣйствуя все смѣлѣе и смѣлѣе, возставшіе начали нападать не только на мусульманскія селенія, но и на отряды турецкихъ войскъ. Въ концѣ іюля они обложили Требинье и другіе укрѣпленные пункты, занятые турками.

Однако, было ясно, что эти успѣхи долго продолжаться не могутъ и что они должны вызвать кровавое возмездіе со стороны турокъ. А потому правительства Германіи, Австріи и Россіи, по почину послѣдняго, заручившись согласіемъ остальныхъ великихъ европейскихъ державъ: Англіи, Франціи и Италіи, поручили своимъ представителямъ въ Константинополѣ обратиться къ Оттоманскому прави-

тельству съ коллективнымъ совѣтомъ—успокоить возставшій край не оружіемъ, а болѣе мягкими мѣрами. Они предлагали Портѣ послать туда чрезвычайнаго коммисара и допустить для переговоровъ съ инсургентами международную коммисію изъ консуловъ. Предложеніе это было Оттоманскимъ правительствомъ принято.

Въ концѣ августа коммисія объѣхала Боснію и Герцеговину и, познакомившись съ положеніемъ мѣстнаго населенія, пришла къ убѣжденію, что только коренными реформами можно умиротворить возставшій край.

Послѣ этого державы предоставили Вѣнскому кабинету, какъ болѣе другихъ заинтересованному, выработать планъ для умиротворенія. Этотъ планъ былъ изложенъ въ циркулярной нотѣ, заключавшей въ себѣ проектъ цѣлаго ряда мѣстныхъ реформъ. Содержаніе этой ноты было сообщено Портѣ 19 января 1876 года.

Оттоманское правительство, уступая требованію Европы, объявило инсургентамъ амнистію и обнародовало предложенныя реформы. Однако, уступчивость эта не прекратила волненій: герцеговинцы не вѣрили обѣщаніямъ. Къ веснѣ 1876 года возстаніе передалось и въ Болгарію, жители коей тоже не могли не тяготиться турецкимъ владычествомъ. Здѣсь еще въ мартѣ мѣсяцѣ дѣйствовали эмиссары болгарскаго революціоннаго комитета, засѣдавшаго въ Бухарестѣ. Въ апрѣлѣ обнаружились уже волненія въ нѣсколькихъ селеніяхъ Филиппопольскаго и Татаръ-Базарджикскаго округовъ. Образовались вооруженные отряды, которые, скрываясь въ Балканахъ и ихъ предгорьяхъ, производили оттуда набѣги на мусульманскія села.

Между тѣмъ, движеніе, охватившее христіанскія народности Балканскаго полуострова, не могло, конечно, не вызвать реакціи въ средѣ мусульманскаго населенія. Защищая свои вѣковыя привилегіи и преобладаніе надъ христіанами, мусульмане во многихъ мѣстахъ взялись за оружіе. Въ

Салоникахъ 24 апрѣля фанатически настроенная толпа убила германскаго и французскаго консуловъ. Еще болѣе серьезный характеръ приняли безпорядки въ Константинополѣ.

Въ средѣ турецкой интеллигенціи, получившей европейское образованіе, давно уже существовала партія такъ называемой „Молодой Турціи", стремившаяся къ возрожденію своего отечества собственными національными силами, хотя и на почвѣ европейской культуры. Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія партія эта съ нескрываемымъ негодованіемъ смотрѣла на уступчивость своего правительства. Въ половинѣ мая, пользуясь разгорѣвшимся фанатизмомъ константинопольскаго населенія, она произвела дворцовый переворотъ: султанъ Абдулъ-Азисъ скончался скоропостижно при загадочной обстановкѣ. На престолъ возведенъ племянникъ его—Мурадъ II. Этотъ переворотъ еще болѣе усложнилъ положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Захвативъ власть въ свои руки, партія „Молодой Турціи" рѣшила избавить свое отечество отъ европейской опеки и съ этою цѣлью прежде всего подавить христіанское возстаніе, служившее поводомъ иноземнаго вмѣшательства. Усмиреніе рѣшено было начать съ Болгаріи, а именно съ самой богатой забалканской ея части.

Къ концу мая болгарское возстаніе было подавлено, причемъ участвовавшіе въ „усмиреніи" шайки турецкихъ баши-бузуковъ и черкесовъ нашли просторъ своему разбойничьему разгулу. Вѣсти объ этихъ постигшихъ болгаръ бѣдствіяхъ, размѣръ и распространеніе коихъ были отчасти преувеличены молвой и печатью, взволновали общественное мнѣніе въ Европѣ вообще, а въ Россіи въ особенности.

Общее горячее сочувствіе русскаго народа къ судьбѣ единокровныхъ и единовѣрныхъ народовъ Балканскаго полуострова выразилось вначалѣ весьма значительными

денежными пожертвованіями, а впослѣдствіи, во время Серво-Турецкой войны, личнымъ участіемъ многихъ русскихъ добровольцевъ, сражавшихся въ рядахъ сербскихъ ополченій.

Съ возникновеніемъ герцеговинскихъ волненій, положеніе правительствъ славянскихъ государствъ Сербіи и Черногоріи, сопредѣльныхъ театру возстанія, было весьма трудное. Въ виду же болгарскихъ событій они не въ состояніи были оставаться долѣе безучастными. Сербскія войска, подъ начальствомъ русскаго отставного генерала Черняева, перешли границу 20 іюня (2 іюля) и вторглись въ Болгарію; въ тотъ же самый день открыла военныя дѣйствія и Черногорія. Такимъ образомъ, начавшееся въ Герцеговинѣ аграрное волненіе разрослось въ обширное славянское національное движеніе, охватившее значительную часть Балканскаго полуострова.

Между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, милиціонное сербское ополченіе не выдержало напора турецкой регулярной арміи Абдулъ-Керима-паши: сербы были разбиты и отброшены въ долину Моравы. Опасаясь за свою столицу, князь Миланъ 11 августа обратился къ великимъ державамъ съ просьбою остановить турокъ и содѣйствовать заключенію перемирія. Просьба эта, конечно, принята была въ Россіи весьма сочувственно. Англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Лофтусъ, доносилъ своему правительству, что онъ ни за что́ не отвѣчаетъ, если не будетъ положенъ предѣлъ наступленію турецкихъ войскъ.

При такихъ обстоятельствахъ Англія рѣшила взять починъ на себя. Войдя въ соглашеніе съ великими державами, Лондонскій кабинетъ отъ имени всей Европы потребовалъ, чтобы Порта на время пріостановила военныя дѣйствія, что́ и было исполнено. Тогда Англія выступила съ широкой программой умиротворенія Востока. Въ ней говорилось о заключеніи мира съ Сербіей и Черногоріей (которая должна была даже получить отъ Турціи земельное

приращеніе) и о дарованіи административной автономіи Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

Программа эта сообщена была Оттоманскому правительству англійскимъ посломъ 9 (21) сентября и предложенія его поддержаны представителями Россіи и прочихъ державъ. Однако, Порта уклонилась отъ принятія ея къ исполненію.

Образъ дѣйствій Оттоманскаго правительства основанъ былъ, конечно, на томъ, что европейскія державы и на этотъ разъ, какъ и прежде, не согласились относительно принудительныхъ мѣръ противъ Турціи на случай ея отказа. Вина въ такомъ положеніи дѣла не лежала на Россіи, такъ какъ Русское правительство, на случай отказа Порты, предложило: оккупацію Босніи и Герцеговины—австрійскими, а Болгаріи—русскими войсками и производство морской демонстраціи къ Босфору соединенной эскадрой всѣхъ державъ. Но Англія и Австрія на это не согласились; этимъ и подтвердилось коренное различіе между стремленіями Россіи въ дѣлѣ умиротворенія Балканскаго полуострова и политикой западно-европейскихъ державъ.

Съ формальной стороны всѣ державы преслѣдовали однѣ и тѣ же цѣли, но, по существу, виды ихъ далеко не сходились. Европейскія державы, независимо преслѣдованія частныхъ своихъ цѣлей, хлопотали, главнымъ образомъ, о сохраненіи политическаго statu quo; реформъ въ пользу возставшихъ провинцій онѣ желали лишь настолько, насколько это было необходимо для достиженія указанной главной цѣли. Россія, вполнѣ сочувствуя идеѣ сохраненія мира и европейскаго согласія, отстаивала, прежде всего, интересы единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народовъ Балканскаго полуострова. Интересы эти требовали не только прекращенія временныхъ волненій и междоусобицы, но и серьезныхъ ручательствъ за будущее. Добиться же этого дипломатическими переговорами можно было лишь при условіи,

когда за мирными требованіями проглядывала бы рѣшимость принять, въ случаѣ надобности, мѣры болѣе энергичныя и существенныя.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что вполнѣ единодушное воздѣйствіе европейской дипломатіи въ этомъ именно смыслѣ достигло бы намѣченной цѣли. Таково было возрѣніе Императора Александра II. Въ такомъ же духѣ старалась вести дѣло русская дипломатія, не находя, однако, сочувствія и поддержки со стороны великихъ державъ, отвергавшихъ всякую мысль о давленіи внѣ-дипломатическомъ. А потому, на дѣлѣ, всѣ труды европейской дипломатіи, длившіеся уже болѣе года, не привели къ желаемому результату и до самой той минуты, когда, какъ сказано, князь Миланъ сербскій, 11 августа 1876 года, просилъ заступничества державъ для предохраненія Сербіи отъ послѣдствій ея пораженія.

Въ то время возбужденіе мусульманъ въ Константинополѣ все болѣе и болѣе увеличивалось. Нерѣшительный султанъ Мурадъ II былъ свергнутъ съ престола и на мѣсто его 19 августа возведенъ младшій братъ его Абдулъ-Гамидъ. Война противъ христіанъ была объявлена „священною".

Между тѣмъ, къ началу октября выяснилось, что дипломатическіе переговоры, руководимые Англіей, не приведутъ къ благопріятному концу, а потому Русское правительство, черезъ своего посла при Оттоманскомъ правительствѣ, графа Игнатьева, потребовало созыва международной конференціи въ Константинополѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено: въ случаѣ несогласія Порты, отозвать графа Игнатьева и не позже начала ноября приступить къ частной мобилизаціи арміи; если же послѣдняя угроза не подѣйствуетъ—объявить Турціи войну.

На предложеніе графа Игнатьева Оттоманское правительство давало уклончивые отвѣты, а тѣмъ временемъ истекъ срокъ перемирія, заключеннаго съ сербами. Турки возобновили

наступательныя дѣйствія и 17 октября сербы были разбиты подъ Дюнишемъ. Путь въ Бѣлградъ былъ открытъ. Доведенный до послѣдней крайности, князь Миланъ отправилъ къ Императору Александру II депешу съ мольбою спасти Сербію. Тогда Его Величество, 18 октября, повелѣлъ объявить Портѣ: „что въ случаѣ, если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на шесть недѣль или два мѣсяца, то русское посольство выѣдетъ изъ Константинополя и дипломатическія сношенія будутъ прерваны". Турецкое правительство приказало прекратить военныя дѣйствія на всемъ театрѣ войны съ 20 октября.

Рѣшительный шагъ, сдѣланный Россіей, возбудилъ неудовольствіе въ Англіи. Глава Англійскаго кабинета лордъ Биконсфильдъ на обѣдѣ, данномъ лордомъ-меромъ Лондона въ Гильдголѣ, 28 октября, произнесъ рѣчь, направленную противъ Россіи. Заявивъ, что Англія прежде всего намѣрена заботиться о соблюденіи трактатовъ, обезпечивающихъ цѣлость Турціи, и что улучшеніе быта ея христіанскихъ подданныхъ дѣло второстепенной важности, лордъ Биконсфильдъ въ заключеніе своей рѣчи высказалъ, что миръ будетъ обезпеченъ уже потому, что никто лучше Англіи не приготовленъ къ войнѣ и что еслибы ей пришлось начать борьбу, то она будетъ продолжать ее до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ своихъ цѣлей.

Съ своей стороны Императоръ Александръ II въ рѣчи къ Московскому дворянству и представителямъ города Москвы, 29 октября, выразилъ твердую рѣшимость добиться такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что́ Россія вправѣ требовать отъ Порты, въ случаѣ же, если Порта не подчинится требованіямъ Европы,—дѣйствовать самостоятельно. Чтобы придать болѣе значенія этимъ словамъ, 1 ноября послѣдовало Высочайшее повелѣніе мобилизовать часть русской арміи. Тогда Англійское правительство сочло нужнымъ поддержать требованія Россіи и

убѣдило Порту согласиться на созывъ конференціи въ Константинополѣ.

Уполномоченные шести великихъ европейскихъ державъ собрались 20 ноября (2 декабря) въ помѣщеніи русскаго Константинопольскаго посольства для предварительныхъ совѣщаній. Имъ предстояло выработать условія мира Турціи съ Сербіей и Черногоріей и новое положеніе объ управленіи Босніей, Герцеговиной и Болгаріей на основаніи широкой ихъ автономіи. Къ 10 декабря состоялось соглашеніе по этимъ вопросамъ.

Однако, турецкіе уполномоченные, приглашенные затѣмъ для участія въ засѣданіяхъ конференціи, уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, ссылаясь на конституцію, только-что дарованную своей имперіи султаномъ Абдулъ-Гамидомъ. По ихъ словамъ, не встрѣчалось никакой надобности въ узкой областной автономіи, когда всѣмъ подданнымъ султана были дарованы широкія права; въ случаѣ же необходимости удовлетворить какія-либо частныя нужды, ихъ гораздо лучше разберетъ не конференція изъ иностранныхъ дипломатовъ, а Оттоманскій парламентъ, когда онъ соберется. Наконецъ, 8 января Турецкое правительство совершенно отвергло всѣ требованія Европы. Тогда, въ видѣ угрозы, представители всѣхъ шести великихъ державъ покинули Константинополь.

Тѣмъ не менѣе Россія, все еще не теряя надежды на европейское согласіе, обратилась 19 января къ великимъ державамъ съ вопросомъ: какъ полагаютъ онѣ поступить въ виду отказа Порты? Державы медлили отвѣтомъ, а тѣмъ временемъ Турція, заключивъ 16 (28) февраля миръ съ Сербіей, начала стягивать свои войска противъ Черногоріи, не согласившись сдѣлать въ ея пользу уступки, предложенной Константинопольской конференціей.

Не получая отвѣта на свой вопросъ отъ остальныхъ великихъ державъ, Русское правительство въ концѣ февраля

отправило графа Игнатьева въ объѣздъ европейскихъ столицъ, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ кабинеты къ подписанію протокола, въ которомъ были бы выражены минимальныя требованія Европы отъ Оттоманскаго правительства.

Удостовѣрившись въ томъ, что прочія державы присоединятся къ протоколу, если только Англія согласится его подписать, графъ Игнатьевъ въ началѣ марта прибылъ въ Лондонъ. Однако, успѣхъ переговоровъ туго подвигался впередъ, такъ какъ Лондонскій кабинетъ требовалъ занесенія въ протоколъ условія о демобилизаціи русскихъ войскъ. Такое обязательство въ международномъ актѣ, конечно, не могло быть допущено. Но, дабы доказать уступчивость Россіи, поручено было графу Шувалову, посланнику при англійскомъ дворѣ, словесно заявить, что Русское правительство готово согласиться на присылку въ С.-Петербургъ особаго турецкаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, съ соблюденіемъ, однакожъ, Портою нѣкоторыхъ условій.

Послѣ этого, 19 марта, протоколъ былъ подписанъ представителями великихъ державъ въ Лондонѣ. Но раньше подписанія протокола были заявлены двѣ декларації: англійская и русская. Въ первой изъ нихъ Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Дерби, заявлялъ, что еслибы державамъ не удалось отклонить войну, то Англія будетъ считать протоколъ недѣйствительнымъ и не имѣющимъ значенія. Декларація же графа Шувалова заключалась въ томъ, что Русское правительство готово приступить къ разоруженію, но только послѣ того, какъ Турція заключитъ миръ съ Черногоріей, поставитъ свои войска на мирную ногу и приступитъ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ.

Черезъ десять дней послѣ подписанія Лондонскаго протокола, 29 марта, Турецкое правительство отвѣтило отказомъ на заключавшіяся въ немъ предложенія. Въ этой,

весьма обширной, циркулярной нотѣ сказано было, между прочимъ, что „Турція, какъ государство независимое, не можетъ признавать надъ собою никакого надзора, ни коллективнаго, ни иного. Поддерживая съ прочими дружественными государствами отношенія, основанныя на международномъ правѣ и договорахъ, она не можетъ признавать за иностранными агентами или представителями, назначенными для покровительства своимъ соотечественникамъ, миссіи офиціальнаго надзирателя".

По полученіи такого отвѣта Россіи оставалось лишь прибѣгнуть къ силѣ оружія.

12 апрѣля 1877 года послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о войнѣ съ Турціей и въ тотъ же день русскія войска перешли границу на обоихъ театрахъ войны—въ Европѣ и Азіи.

Война, навязанная Россіи обстоятельствами, застигла ее въ положеніи, не благопріятствовавшемъ проявленію ея природной силы и мощи. Вліяли на это, главнымъ образомъ, двѣ совершенно разнородныя причины.

Съ одной стороны, далеко еще не выравнялись недочеты, унаслѣдованные отъ прежней Восточной (Крымской) войны 1854—56 годовъ, а съ другой—великія коренныя реформы и улучшенія Императора Александра II, потребовавъ значительныхъ жертвъ, плодовъ пока принести еще не успѣли. Это была эпоха переходная какъ для народа, государства, такъ и для вооруженныхъ силъ Россіи.

Крымская война подорвала финансовое благосостояніе Россіи, а между тѣмъ новыя, связанныя съ реформами, учрежденія, сооруженіе разомъ довольно значительной сѣти рельсовыхъ сообщеній и необходимость увеличить вооруженныя силы въ уровень съ современными требованіями—понуждали къ новымъ расходамъ и пожертвованіямъ. Все это опять-таки отягощало финансы государства и долго

мѣшало бюджетному ихъ равновѣсію. Притомъ многіе милліоны крестьянъ, вызванныхъ къ просвѣщенію и самостоятельной жизни, не успѣли еще вполнѣ развить и проявить свою дѣятельность, способную увеличить силу государства, основанную на народной культурѣ и производительности.

Государственное финансовое положеніе Россіи значительно улучшилось только въ ближайшіе къ войнѣ годы, изъ коихъ 1875 годъ, предшествовавшій эпохѣ новыхъ экстренныхъ расходовъ по случаю готовящейся войны, далъ превышеніе доходовъ надъ расходами свыше 33 милліоновъ рублей. Результатъ этотъ достигнутъ былъ путемъ неизбѣжной, постоянной бережливости, которая, конечно, изъ года въ годъ отзывалась и на военномъ бюджетѣ, а затѣмъ и на вооруженныхъ силахъ.

Недочеты отъ предыдущей, Крымской, войны отразились на вооруженныхъ силахъ Россіи и на военномъ ея могуществѣ вообще еще и въ другихъ отношеніяхъ.

Для облегченія населенія, послѣ Крымской войны, въ теченіе шести лѣтъ, а именно съ 1856 по 1862 годъ включительно, вовсе не производилось рекрутскихъ наборовъ, а потому и не было соотвѣтственнаго приращенія запаса обученныхъ нижнихъ чиновъ, между тѣмъ какъ прежній естественно истощался.

Хотя въ 1874 году и принята была всесословная воинская повинность, но она къ началу войны 1877 года не могла еще особенно заявить о себѣ улучшеніемъ арміи и запаса ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніяхъ. Не отразилась она и въ видѣ ощутительнаго увеличенія числительности и боевой готовности арміи.

Намѣченная организація русской арміи и степень ея проведенія въ дѣло до войны соображались, главнымъ образомъ, съ финансовыми средствами, а потому ограничивались скромными, сравнительно, размѣрами. Тѣмъ не менѣе готовый запасъ обученныхъ нижнихъ чиновъ былъ далеко

недостаточенъ для удовлетворенія требованіямъ и тогдашней организаціи въ случаѣ общей мобилизаціи всей арміи, не говоря уже о кадрахъ для государственнаго ополченія и пополненія усиленной убыли, вызываемой всякой войной. Ощущался также громадный недочетъ въ запасѣ офицеровъ.

Тѣ же финансовыя соображенія отражались на медленномъ развитіи намѣченныхъ улучшеній, въ особенности по части матеріальной. Такъ, между прочимъ, перевооруженіе принятыми новыми образцами малокалибернаго ручного огнестрѣльнаго оружія, системы Бердана, далеко не было еще окончено, такъ что двѣ трети ручного оружія, находившагося въ войскахъ, состояли тогда еще изъ передѣланныхъ прежнихъ шести-линейныхъ винтовокъ, несравненно менѣе совершенныхъ противъ берданокъ.

Такимъ образомъ, случилось то, что вся пѣхота войскъ, открывшихъ военныя дѣйствія на обоихъ театрахъ войны въ 1877 году, вооружена была прежними, передѣланными, ружьями, за исключеніемъ только стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Къ перевооруженію артиллеріи новыми дальнобойными орудіями еще не приступали.

Наконецъ, Россія въ Крымскую кампанію потеряла весь свой Черноморскій флотъ, а на основаніи Парижскаго мира 1856 года лишилась права его возстановленія. Хотя впослѣдствіи условіе это было уничтожено Лондонской конференціей 1871 года, однако не оказалось средствъ, чтобы создать достаточно сильный флотъ въ столь короткій сравнительно промежутокъ времени.

Послѣдствіемъ этого было то, что Черное море во все время войны находилось во власти турецкаго флота, который въ любое время могъ быть усиленъ эскадрой какого-либо возможнаго союзника Турціи. Такимъ образомъ, Черное море, которое при иныхъ, обратныхъ, условіяхъ могло служить русскимъ силамъ надежной базой для обоихъ театровъ войны и путемъ постояннаго между ними общенія, теперь

не только ихъ разъединяло, но еще служило туркамъ путемъ для враждебныхъ покушеній на длинное Черноморское прибрежье Россіи.

Это послѣднее обстоятельство побудило держать для охраненія прибрежья такія значительныя силы, прибавка коихъ къ русской наступательной арміи на Балканскомъ полуостровѣ въ началѣ войны въ состояніи была сразу обезпечить за ней самые рѣшительные успѣхи.

Отсутствіе морского сообщенія, невыгодное вообще для русскихъ армій во все время войны, отразилось особенно ощутительно въ самый рѣшительный, окончательный, періодъ ея, т. е. съ подходомъ къ Константинополю и во время стоянки предъ нимъ, когда сообщенія русской Балканской арміи пролегали по однимъ лишь кружнымъ путямъ, черезъ Болгарію и Румынію.

Всѣ эти невыгодныя обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, и составили тѣ общія коренныя причины, коими, независимо частныхъ несовершенствъ и промаховъ, вызваны во время войны многія запинки и даже серьезныя неудачи.

Послѣдствія этихъ же коренныхъ причинъ, безспорно, тяготѣли и на усиліяхъ русской дипломатіи какъ до начала войны, такъ и, въ особенности, послѣ ея окончанія, во время Берлинскаго конгресса.

Событія Русско-Турецкой войны на Балканскомъ полуостровѣ раздѣляются по ходу своему на три главные періода:

I.

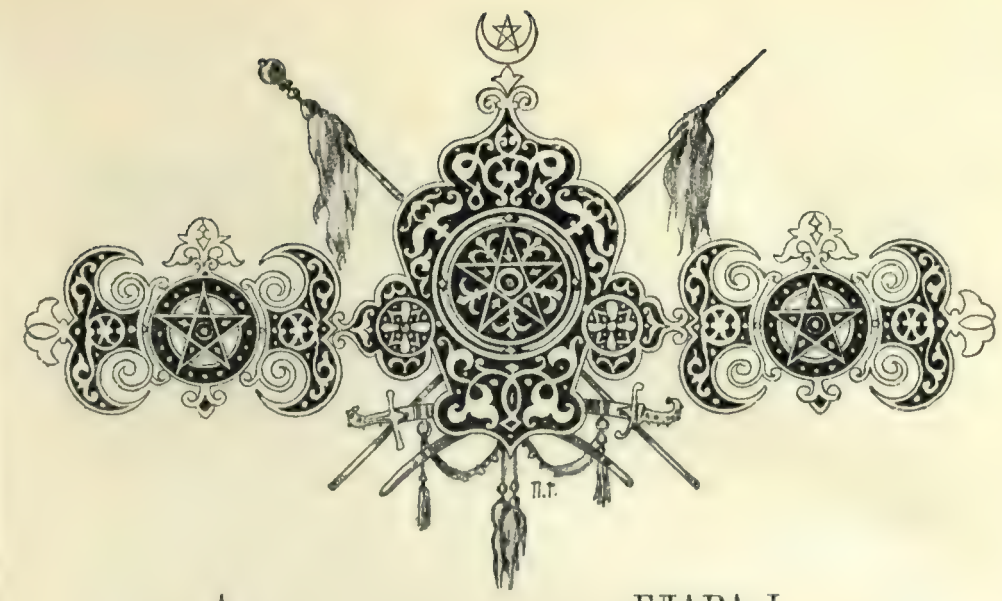
Начальное наступленіе русскихъ силъ, прерванное вторымъ сраженіемъ при Плевнѣ. Періодъ этотъ обнимаетъ время съ 12 апрѣля по 19 іюля 1877 года.

II.

Остановка наступательныхъ дѣйствій русскихъ силъ до взятія Плевны 28 ноября 1877 года.

III.

Окончательное наступленіе русскихъ силъ на Константинополь, прерванное перемиріемъ 19 января 1878 года, за которымъ послѣдовалъ Санъ-Стефанскій миръ 19 февраля того же года.



ГЛАВА I.

Театръ войны.

Общій очеркъ театра военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи.—Румынія, какъ база.—Дунай.—Придунайская Болгарія.—Страна за Балканами.—Свойства театра военныхъ дѣйствій въ военномъ отношеніи.—Свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій, имѣвшіяся въ Россіи передъ войною. *(Планы №№ 1 и 2).*

ОБШИРНАЯ Оттоманская имперія, передъ войною 1877—78 г.г., занимала въ Европѣ, Азіи и Африкѣ пространство въ 77.000 кв. миль съ 40,4 милліонами населенія. Изъ этого числа на Европейскія владѣнія приходилось 9.400 кв. миль съ 17,3 милліонами: непосредственныя владѣнія—6.200 кв. миль съ 11,5 милліонами; Румынія—2.200 кв. миль съ $4^1/_2$ милліонами; Сербія—1.000 кв. миль съ 1.300.000; въ Азіи 31.600 кв. миль съ 17,6 милліонами населенія; въ Африкѣ 36.000 кв. миль съ 5,5 милліонами жителей (изъ нихъ въ Египтѣ и Тунисѣ, находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ съ Портою, считалось 30.000 кв. миль съ 4,2 милліонами населенія). Источникомъ для пополненія вооруженныхъ силъ турецкому правительству могло служить лишь мусульманское населеніе имперіи—всего до 25 мил. человѣкъ, а за исключеніемъ Египта, Туниса и Аравіи—до 19 мил. человѣкъ.

Въ составъ Европейскихъ владѣній Оттоманской имперіи номинально входила еще Черногорія, которая, однако, съ начала XIX столѣтія пользовалась фактически полною независимостью. Что касается вассальныхъ княжествъ—Румыніи и Сербіи, то на средства таковыхъ Оттоманское правительство не только не могло разсчитывать, но должно было смотрѣть на нихъ, какъ на противниковъ.

Турецкая имперія непосредственно соприкасалась съ Россіей лишь на весьма незначительномъ пространствѣ, гранича на протяженіи около 400 верстъ съ Кавказомъ. Въ Европѣ Турція примыкала къ Россіи (Бессарабской губерніи) лишь территоріей вассальнаго своего княжества Румыніи на протяженіи 450 верстъ. Для вторженія же русскихъ войскъ изъ Бессарабіи въ Турцію могло служить лишь узкое пространство между юго-восточною областью Австро-Венгріи—Трансильваніей—и Чернымъ моремъ, всего въ 200 верстъ шириною. Въ зависимости отъ вышеизложеннаго военныя дѣйствія въ минувшую кампанію разыгрались на двухъ отдѣльныхъ театрахъ—Европейскомъ и Азіатскомъ, изъ которыхъ по политическимъ и стратегическимъ причинамъ важнѣйшимъ сталъ Европейскій, обнявшій собою всю восточную половину Балканскаго полуострова. Границами этого театра войны можно считать: съ сѣвера—пограничную черту Румыніи съ Венгріей и Трансильваніей, съ сѣверо-востока—пограничную черту Румыніи съ Россіей, съ востока и юго-востока—Черное море, Босфоръ, Мраморное море и Дарданеллы, съ юга и юго-запада—Эгейское море до залива Лагосъ, Родопскія горы, Рыло-дагъ и Кара-дагъ, съ запада—Радомирскія горы, Западный Балканъ и сербскую границу.

Въ указанныхъ предѣлахъ театръ войны заключалъ до 5.000 кв. миль съ 10 милліонами населенія, причемъ важнѣйшія событія минувшей кампаніи разыгрались въ Средней и Западной Болгаріи, Софійской котловинѣ, Румеліи и

Добруджѣ, на площади до 2.000 кв. миль съ 4 мил. населенія. Протяженіе театра войны съ сѣвера на югъ достигало 500 верстъ (отъ южной границы Трансильваніи до Эгейскаго моря) и съ запада на востокъ также до 500 верстъ. Двумя естественными рубежами—Дунаемъ и Балканами, пересѣкавшими всѣ пути изъ Россіи къ Царьграду, — театръ войны дѣлился на три части, во многомъ отличныя другъ отъ друга по климату, населенію, богатству страны, естественнымъ и политическимъ условіямъ, а именно: Румынію, Придунайскую Болгарію и страну за Балканами. Различіе между названными областями весьма велико, почему необходимо отдѣльно описать каждую изъ нихъ, а равно и рубежи, ихъ раздѣляющіе.

Румынія, ограниченная австро-венгерской и русской границами, Чернымъ моремъ и Дунаемъ, представляетъ страну гористую у Карпатъ и постепенно измѣняющуюся въ холмистую и равнинную, по мѣрѣ приближенія къ Дунаю. Рѣки, прорѣзывающія ее въ направленіи отъ названныхъ горъ къ Дунаю, какъ и всѣ горные потоки, причиняя внезапныя наводненія, нерѣдко прерываютъ сообщенія въ странѣ. Изъ рѣкъ болѣе значительны: Жіулъ, Ольта, Веде, Арджисъ съ притокомъ Дембовицей, Яломица, Серетъ и Прутъ, судоходныя лишь въ среднемъ теченіи, но удобныя по всему протяженію для сплава лѣса, въ изобиліи растущаго въ ихъ верховьяхъ и годнаго для устройства мостовъ.

Вообще Румынія достаточно орошена и только къ востоку отъ Бухареста, между Дунаемъ и р. Яломицею, представляетъ безводную и ненаселенную степь (такъ называемую Бараганскую), по которой передвиженіе войскъ чрезвычайно затруднительно.

Въ климатическомъ отношеніи Румынія находится въ условіяхъ довольно благопріятныхъ для здоровья; только въ низменныхъ мѣстахъ, особенно близъ заливаемыхъ вес-

ною береговъ Прута и Дуная, господствуетъ перемежающаяся лихорадка.

Жители княжества, многимъ обязанные Россіи и единовѣрные ей, отличаются племеннымъ и религіознымъ единствомъ. Числительность населенія, по свѣдѣніямъ 1876 г., простиралась до $4^1/_2$ мил. Средняя густота доходила до 2 тыс. человѣкъ на кв. милю. Городовъ числилось 83, изъ коихъ въ Бухарестѣ было 221 тыс., а въ Яссахъ 90 тыс. жителей. Кромѣ того, было шесть городовъ съ населеніемъ, превышающимъ 20 тыс.

Здѣшнія селенія, деревни и хутора группируются главнымъ образомъ по долинамъ рѣкъ. Въ отношеніи расквартированія войскъ они не представляли особыхъ удобствъ въ восточной части страны, но имѣли выгодныя свойства въ центральной и западной, гдѣ, благодаря скученности дворовъ, позволяли располагать большое количество войскъ на тѣсномъ пространствѣ.

Хотя Румынія страна по преимуществу земледѣльческая, но она не могла, однако, обезпечить продовольствіе русской арміи привычными послѣдней продуктами: рожь и овесъ—главные продукты потребленія русскихъ войскъ — собирались въ недостаточномъ количествѣ; гречихи же и проса совсѣмъ не было. Вслѣдствіе такихъ условій, пришлось потомъ подвозить изъ Россіи: сухари, крупу и овесъ.

Главнѣйшими путями для движенія русской арміи чрезъ Румынію къ Дунаю могли служить: 1) желѣзная дорога: Унгени—Яссы—Пасканы—Текучъ—Галацъ—Плоешти—Бухарестъ—Журжево (на Дунаѣ противъ Рущука) длиною 610 в.; отъ станціи Пасканы названной дороги отходила желѣзная дорога на Черновцы и далѣе къ Львову; отъ станціи Текучъ—вѣтвь на Бырлатъ; отъ станціи Плоешти—желѣзная дорога въ Трансильванію и далѣе къ Пешту; отъ станціи Буфта отходила желѣзная дорога черезъ Питешти и Краіову къ Турно-Северину длиною въ 310 верстъ и далѣе

въ предѣлы Венгріи къ Пешту; 2) грунтовая дорога Скуляны—Яссы и далѣе шоссейная дорога отъ Яссъ по долинѣ рѣки Серета къ Фокшанамъ и оттуда черезъ Бузео, Плоешти и Бухарестъ на Журжево (440 в.); 3) шоссейная дорога отъ Унгенскаго желѣзнодорожнаго моста мимо г. Яссъ, вдоль теченія рѣки Бырлатъ на Текучъ и отсюда къ Галацу (230 в.); 4) грунтовая дорога отъ Леово на Фальчи и внизъ по р. Пруту на Галацъ (115 в.), и 5) частію грунтовая, частію шоссейная дорога отъ Болграда на Галацъ и далѣе на Браиловъ и Бухарестъ (240 в.), съ вѣтвями къ Дунаю на Гирсово, Каларашъ и Ольтеницу. Городъ Галацъ служитъ узломъ всѣхъ этихъ путей (за исключеніемъ второго), почему предварительное занятіе его, а также и сосѣднихъ съ нимъ Рени и Браилова являлось безусловно необходимымъ для обезпеченія наступленія изъ предѣловъ Россіи къ Бухаресту.

Къ этому же пункту подходила русская Бендеро-Галацкая желѣзнодорожная линія, вполнѣ оконченная постройкою уже по объявленіи войны. Не смотря на это, воинскія перевозки совершались по ней уже во время кампаніи.

Всѣ указанные пути, ведущіе изъ Россіи въ Румынію, пересѣкаются рѣкою Прутомъ. Рѣка эта, не смотря на небольшую свою ширину, отличается быстрымъ теченіемъ и имѣетъ броды только выше Унгени. Ниже устья рѣки Жижіи Прутъ течетъ въ болотистой долинѣ, наводняемой во время разливовъ. Мосты существовали у Скулянъ и Унгени (желѣзнодорожный). Сверхъ того, имѣлись переправы у Фальчи и на дорогѣ Рени-Галацъ. Вслѣдствіе описанныхъ свойствъ своихъ Прутъ представлялъ значительное препятствіе для переправы войскъ.

Въ западной части княжества важнѣйшимъ путемъ для дальнѣйшаго наступленія русскихъ войскъ была желѣзная и рядомъ идущая частію шоссейная, частію грунтовая дорога отъ Бухареста чрезъ Питешти, Слатину и Краіову на Калафатъ (280 в.) съ отходящими отъ нея къ Дунаю вѣт-

вями: 1) отъ Бухареста чрезъ Александрію на Турну-Магурелли (120 в.) съ вѣтвью на Зимницу отъ Александріи (35 в.), 2) шоссе отъ Краіовы по направленію къ Рахову (65 в.).

Названные пути сообщенія въ Румыніи оказались ненадежными.

Желѣзныя дороги, не отличавшіяся прочностью постройки, бѣдныя подвижнымъ составомъ (давали не болѣе 4—5 воинскихъ поѣздовъ въ сутки), могли служить лишь слабымъ подспорьемъ при передвиженіи войскъ къ Дунаю [1]).

Шоссейныя дороги не выдерживали усиленнаго движенія войскъ и обозовъ. Грунтовые же пути, особенно въ равнинной полосѣ, пролегая по черноземно - глинистой почвѣ, легко портились послѣ каждаго сильнаго дождя и обращались въ трудно проходимые еще и потому, что на нихъ не было устроено надежныхъ мостовъ.

Телеграфная сѣть связывала всѣ румынскіе города.

Въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Румынія должна была служить русской арміи основаніемъ дѣйствій (базою). Изъ вышеизложенныхъ же свойствъ этой страны видно, что въ этомъ отношеніи она не удовлетворяла многимъ условіямъ; она не въ состояніи была дать средства, необходимыя для довольствія русскихъ войскъ привычными имъ продуктами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не благопріятствовала подвозу ихъ изъ Россіи, точно также какъ и быстрому сосредоточенію войскъ; сжатая между Австріей и Чернымъ моремъ, на которомъ господствовалъ турецкій флотъ, она

---

[1]) Всѣ румынскія дороги были одноколейныя и уже русскихъ, вслѣдствіе чего нельзя было усилить паровозами и вагонами ихъ весьма малочисленный подвижной составъ (20 легкихъ, 64 mixte и 48 товарныхъ паровозовъ; 422 пассажирскихъ, 351 спеціальнаго назначенія и 1.600 товарныхъ вагоновъ). Низкое полотно, легко размываемое дождями, и непрочные мосты, часто уничтожаемые наводненіями, плохо устроенныя станціи, съ малымъ количествомъ запасныхъ путей, мастерскихъ и паровозныхъ депо, и, наконецъ, принадлежность дорогъ нѣсколькимъ обществамъ—сильно затрудняли ихъ эксплоатацію. Вслѣдствіе того на первыхъ порахъ, по недостаточности транспортовъ и безсилію румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, приходилось перевозить въ Румынію въ громадномъ количествѣ запасы сухарей кружнымъ путемъ, чрезъ Галицію, по австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ.

не имѣла обезпеченныхъ фланговъ; наконецъ, прикрытая съ фронта Дунаемъ, она не представляла ни одной постоянной переправы черезъ эту рѣку.

Дунай во время кампаніи имѣлъ для русской арміи троякое значеніе: 1) до сосредоточенія войскъ—какъ оборонительная линія, прикрывающая стратегическое развертываніе арміи; 2) послѣ сосредоточенія—какъ оборонительная линія турокъ, которую нужно было форсировать, и 3) послѣ переправы—какъ препятствіе, затрудняющее сообщеніе арміи съ ея базою.

Имѣя общее направленіе съ запада на востокъ и протекая въ тогдашнихъ границахъ Турціи отъ Желѣзныхъ воротъ до Чернаго моря (775 в.), Дунай отъ Виддина до Черноводъ дугою вдается во внутрь Балканскаго полуострова, въ нижнемъ же своемъ теченіи, поворачивая къ сѣверу, а потомъ къ востоку, вливается въ Черное море.

По своему очертанію Дунай облегчалъ дѣйствія турокъ на оба фланга арміи, сосредоточенной на среднемъ его теченіи, и позволялъ угрожать непосредственно Галацу—главному узлу путей изъ Россіи въ Румынію.

Теченіе Дуная, не смотря на слабое паденіе русла, довольно быстрое (34 саж. въ минуту или 4 версты въ часъ), что̀ объясняется обиліемъ притоковъ Дуная, имѣющихъ горный характеръ. Глубина, обыкновенно не меньше 10 футъ (лишь изрѣдка въ жаркое время открываются броды, очень рѣдко сквозные), въ зависимости отъ таянія снѣговъ значительно повышается (до 4—10 ф. выше обыкновеннаго уровня). Ширина рѣки отъ 350 саж. до $1^1/_2$ версты, а въ разливъ—до 10 и болѣе верстъ.

Отъ сербской границы до кр. Силистріи Дунай течетъ однимъ русломъ, далѣе же раздѣляется на рукава и ниже Исакчи тремя руслами впадаетъ въ Черное море. Наименьшая ширина рѣки (350 саж.) приходится противъ Калафата, Ломъ-Паланки, Никополя, Рущука и Гирсова.

Половодье Дуная бываетъ нѣсколько разъ въ годъ, въ зависимости отъ времени таянія снѣговъ въ равнинахъ, Балканскихъ, Карпатскихъ и Альпійскихъ горахъ. Время начала и окончанія половодій, а также размѣры таковыхъ подвергаются значительнымъ колебаніямъ. Особенно сильно весеннее половодье, вызываемое таяніемъ снѣговъ въ Карпатахъ и на Балканѣ. Оно начинается со второй половины марта или съ первыхъ чиселъ апрѣля, продолжается обыкновенно 6—8 недѣль и оканчивается чаще всего въ первыхъ числахъ іюня, затягиваясь иногда до середины этого мѣсяца, что̀ и случилось въ 1877 г. При сильныхъ дождяхъ половодье затягивается еще долѣе. Въ концѣ іюля или въ началѣ августа Дунай вновь разливается, вслѣдствіе таянія снѣговъ въ Альпахъ, недѣли на двѣ.

Судоходство на всемъ указанномъ протяженіи совершается свободно бо́льшую часть года, а въ Сулинское гирло могутъ входить даже морскіе мониторы.

Берега Дуная совершенно различны другъ отъ друга: правый—высокъ и крутъ, лѣвый—по большей части низменный, мѣстами болотистый, мѣстами поросшій камышомъ и для доступа къ рѣкѣ требуетъ устройства гатей. Во время разлива Дунай затопляетъ почти исключительно лѣвый берегъ на 5—10 верстъ и дѣлаетъ переправу мало возможною.

Вообще удобными мѣстами для переправы на правый берегъ считались слѣдующіе участки: 1) отъ Калафата (противъ Виддина) и ниже на 30 в., 2) при устьѣ р. Жіуль напротивъ Рахова, 3) при устьѣ р. Ольты у Турну-Магурелли и ниже на 15 в., 4) у Зимницы, 5) близъ Слободзеи и Журжева (противъ Рущука), 6) въ устьѣ р. Арджиса (Ольтеница), 7) у Калараша, 8) у Гирсова, 9) у Браилова, 10) у Галаца и 11) у Рени.

Какъ естественная преграда, Дунай усиливался расположеніемъ на немъ крѣпостей: Виддина, Никополя, Рущука,

Туртукая и Силистріи. Крѣпости эти способствовали сосредоточенію турецкихъ силъ какъ для активной, такъ и для пассивной обороны рѣки и мѣшали обращенію Дуная въ коммуникаціонную линію. Кромѣ того, турки имѣли на рѣкѣ броненосную флотилію, что̀ дѣлало переправу болѣе затруднительною, чѣмъ въ предшествовавшія кампаніи.

Дунай замерзаетъ не каждую зиму, но ледоходъ, не позволяющій сохранять мосты, продолжается около двухъ мѣсяцевъ, съ декабря по февраль. Время это самое тяжелое для переправившейся арміи. Отрѣзанная отъ сообщеній, не успѣвъ устроить вспомогательную базу на правомъ берегу, она вынуждена или существовать на средства занятаго края, или возвращаться къ своимъ магазинамъ на румынскій берегъ, какъ это и бывало въ прежнія войны Россіи съ Турціей [1]). Даже въ тѣ рѣдкіе годы, когда Дунай покрывается льдомъ, сообщеніе по нему не представляется надежнымъ, такъ какъ слой льда не настолько толстъ, чтобы выдерживать большія тяжести.

Придунайская Болгарія (бо́льшая часть нынѣшняго Болгарскаго княжества) расположена, кромѣ сѣверо-восточной ея окраины, на сѣверномъ склонѣ Балканскихъ горъ. Представляя страну гористую близъ Балканъ, она становится холмистою и мѣстами даже равнинною по мѣрѣ приближенія къ Дунаю. Съ юга на сѣверъ ее прорѣзываютъ множество рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Дунай (Тимокъ, Ломъ, Огостъ, Скитъ, Искеръ, Видъ, Осма, Янтра, Кара-Ломъ и Теке-дере), долины коихъ имѣютъ восточные берега болѣе возвышенные, чѣмъ западные. Съ запада на востокъ течетъ рѣка Камчикъ, образующаяся изъ сліянія двухъ рѣкъ (Беюкъ-Камчика и Дели-Камчика) и впадающая въ Черное море въ 20 верстахъ къ югу отъ Варны.

---

[1]) Въ войну 1877—78 г. ледоходъ по Дунаю начался въ половинѣ декабря 1877 года и рѣка окончательно покрылась льдомъ 31 декабря. Съ 15 января 1878 года ледъ опять тронулся по рѣкѣ.

Климатъ Придунайской Болгаріи, жаркій въ низкихъ мѣстахъ, отличается суровостью въ горахъ. Зима съ морозами, иногда доходящими до 15°—18° по Р., продолжается здѣсь съ половины ноября до марта. Рѣзкіе переходы отъ дневной жары къ ночному холоду, столь свойственные Балканскому полуострову, неблагопріятно отражались на здоровьи войскъ даже въ теплое время года.

Занимая пространство болѣе 1 т. кв. миль и имѣя около $1^1/_2$ милліона жителей, Придунайская Болгарія представляла страну довольно хорошо населенную въ Прибалканской части, менѣе плотно близъ Дуная и еще слабѣе на сѣверо-востокѣ.

Населеніе ея состояло изъ православныхъ болгаръ (60%), жившихъ преимущественно западнѣе линіи Рущукъ—Елена, и около 40% магометанъ (турокъ, татаръ и черкесовъ), жившихъ къ востоку отъ указанной линіи, главнымъ образомъ, въ окрестностяхъ Османъ-Базара,Ески-Джумы, Шумлы и Силистріи.

Разныя части Придунайской Болгаріи представляютъ въ военномъ отношеніи слѣдующія характеристическія особенности:

а) Баба-дагъ, ограниченный Дунаемъ, Чернымъ моремъ и двойнымъ Траяновымъ валомъ, идущимъ отъ Черноводъ на Кюстенджи, имѣетъ болотисто-низменный характеръ въ сѣверо-восточной части, холмистый—въ центральной и степной—на юго-западѣ.

Обиліе пастбищъ, покрытыхъ роскошною травою, даетъ возможность развитію здѣсь скотоводства; сюда пригонялись на выпасъ стада овецъ не только изъ Румыніи, но даже изъ Трансильваніи.

Рѣдкое населеніе этой области имѣло крайне смѣшанный характеръ и состояло изъ татаръ, молдованъ, болгаръ, турокъ, русскихъ [1]), нѣмцевъ, евреевъ, грековъ и черкесовъ.

По Баба-дагу, съ сѣвера на югъ, проходили довольно

[1]) Некрасовцевъ—потомковъ выселившихся запорожцевъ и раскольниковъ разныхъ толковъ.

хорошія колесныя дороги отъ Исакчи и Тульчи на г. Баба-дагъ и далѣе въ Кюстенджи съ вѣтвью на Меджидіе, а съ запада на востокъ — шла желѣзная дорога Черноводы—Кюстенджи (60 в. длины) и колесная изъ Мачина чрезъ Исакчу въ Тульчу. Имѣя обильный подножный кормъ и обезпеченный подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ къ порту Кюстенджи, эта область могла служить театромъ военныхъ дѣйствій для турецкихъ войскъ, желавшихъ угрожать сообщеніямъ русской арміи съ Румыніею и препятствовать движенію ея на Силистрію и Варну.

б) Добруджа, лежащая къ югу отъ Баба-дага, заключалась между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, простираясь, примѣрно, до линіи Варна—Силистрія. Она представляетъ плоскую равнину, перерѣзанную лишь балками, безводную и безлѣсную. Населеніе ея состояло преимущественно изъ болгаръ.

Дороги, кромѣ хорошей колесной отъ Меджидіе на Хаджи-Оглу-Базарджикъ, находились въ плохомъ состояніи.

По перечисленнымъ свойствамъ своимъ эта область считалась неудобною для дѣйствія значительныхъ силъ, что̀ и подтверждалось примѣрами военной исторіи (1828 и 1854 гг.).

в) Восточная Болгарія, покрытая большею частью такъ называемымъ Дели-Орманскимъ лѣсомъ, простирается къ западу отъ Добруджи, приблизительно, до линіи Рущукъ—Османъ-Базаръ, представляетъ холмистую мѣстность, пересѣченную глубокими оврагами и покрытую густымъ лѣсомъ, а въ южной своей части заполненную отрогами Балканъ. Въ водѣ здѣсь недостатка не встрѣчается, хотя бо́льшая часть рѣкъ, не достигая Дуная, уходитъ въ почву.

Населеніе этой области было почти исключительно мусульманское (турки и черкесы); оно отличалось воинственностью и, судя по примѣру прошлыхъ кампаній, признавалось враждебнымъ.

Опасенія эти, однако, не оправдались. Вообще можно сказать, что въ минувшую войну сельское турецкое насе-

леніе не проявило къ русскимъ особой непріязни. Большинство его спѣшило покидать занятый край; тѣ же мусульмане, которые пока оставались на мѣстахъ, выполняли требованія русскихъ властей. Иногда между турками и болгарами возникали кровавыя распри, но почти не было случая, чтобы въ мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ турки-сельчане прибѣгали къ вѣроломству, брались за оружіе и враждебно появлялись на сообщеніяхъ. Словомъ, къ партизанской, народной, войнѣ турки не проявляли наклонности не только потому, что у нихъ отобрано было оружіе, но и потому, что время брало свое. Живя по-долгу бокъ-о-бокъ съ мирными болгарами и часто находясь въ экономической отъ нихъ зависимости, они мало-по-малу утратили прежнюю воинственность и религіозную нетерпимость. Безъ подстрекательствъ извнѣ турокъ-сельчанинъ былъ инертенъ и безобиденъ. Что же касается болѣе буйнаго и празднаго городского и черкесскаго населенія, то оно, при приближеніи русскихъ войскъ, заблаговременно выселялось изъ края или спѣшило подъ защиту своей арміи. Изъ него-то преимущественно и формировались шайки баши-бузуковъ.

Дороги Дели-Ормана представляли трудно доступныя лѣсныя дефиле и направлялись почти исключительно отъ Дуная къ югу. Лучшія изъ нихъ вели отъ Силистріи къ Разграду, Шумлѣ и Варнѣ. Кромѣ того, на западъ отъ Варны пролегала желѣзная дорога черезъ Разградъ къ Рущуку (190 в. длины), а на югъ, чрезъ Бургасъ, шелъ колесный береговой путь въ Константинополь.

Важнѣйшими населенными пунктами Баба-дага, Добруджи и Восточной Болгаріи были Тульча, Меджидіе, Силистрія, Разградъ, Шумла, Хаджи-Оглу-Базарджикъ, Ени-Базаръ и приморскіе порты—Варна и Бальчикъ.

г) Средняя и западная части Придунайской Болгаріи.

Границами этой области служили: Дунай, линія Рущукъ—Османъ-Базаръ, Балканы и рѣка Тимокъ. Ломанною

линіею: Разградъ—Тырново—Плевна—Враца—Бѣлградчикъ она раздѣлялась на двѣ части.

Къ сѣверу отъ названной линіи, до обрывистаго берега Дуная, простирается возвышенная равнина, изрѣзанная рѣчками и балками, покрытая обработанными полями, виноградниками, а мѣстами—небольшими рощами.

Южнѣе указанной линіи начинались лѣсистыя и богатыя водою предгорья Балканъ.

Главное населеніе этой области составляли христіане; мусульмане же жили большею частью въ городахъ и только въ окрестностяхъ Тырнова, Сельви, Ловчи и Плевны встрѣчались ихъ деревни.

Главное занятіе жителей составляло земледѣліе, дававшее огромные сборы кукурузы, пшеницы и частію ячменя; овса же, ржи и сѣна заготовлялось весьма немного. Но вообще страна эта могла своими средствами продовольствовать значительныя силы, на что, однако, не разсчитывали передъ началомъ войны.

Мѣстныя постройки не вездѣ были удобны для расквартированія войскъ; такъ, въ окрестностяхъ Плевны онѣ состояли изъ тѣсныхъ и грязныхъ землянокъ, въ которыхъ помѣщался зимою и домашній скотъ; въ предгорьяхъ же Балканъ квартирное расположеніе войскъ было затруднительно еще и потому, что отдѣльныя поселенія (колибы—хутора) сильно разбросаны. Такимъ образомъ, размѣщеніе здѣсь большой арміи по квартирамъ представлялось затруднительнымъ; даже лазаретныя помѣщенія приходилось располагать въ палаткахъ. Только въ окрестностяхъ Тырнова и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ встрѣчались обширныя и хорошо обстроенныя селенія.

Дорогъ, вообще, имѣлось достаточно. Большинство ихъ направлялось отъ Дуная къ Балканамъ. Гораздо менѣе было поперечныхъ путей, особенно въ предгорной части. Немногочисленныя шоссе были узки и состояли изъ тонкаго слоя щебня.

Для арміи, наступающей отъ Средняго Дуная къ Балканамъ, особенное значеніе пріобрѣтали слѣдующіе пути:

Продольные: 1) отъ Рущука (шоссе): а) на Разградъ, Ески-Джуму, Османъ-Базаръ и Котелъ (110 вер.); б) на Бѣлу, Тырново и Елену къ Твардицкому перевалу (130 в.) и отъ Тырнова на Габрово къ Шипкинскому перевалу (140 в.); на этотъ путь выходило шоссе отъ Систова (всего отъ Шипки до Систова 120 в.); 2) отъ Никополя чрезъ Плевну (грунтовая дорога и далѣе шоссе): а) на Ловчу и Траянъ (100 в.) и б) на Орханіе (125 в.); 3) шоссе отъ Рахова на Врацу (60 в.); 4) шоссе отъ Ломъ-Паланки на Берковацъ (65 вер.).

Поперечные: 1) прибрежный, частію проселочный, путь отъ Рущука на Вардинъ, Систово, Бѣловоды, Никополь, Старосельцы, Рахово, Ломъ-Паланку къ Виддину (280 в.); 2) шоссе отъ Бѣлы на Плевну (85 в.); 3) отъ Османъ-Базара на Тырново и Ловчу (шоссе) и далѣе грунтовою дорогою къ Яблоницѣ на Софійскомъ шоссе (190 вер.).

Нѣкоторыя изъ названныхъ дорогъ были описаны въ маршрутахъ, изданныхъ передъ войною 1877—78 г. Въ дѣйствительности всѣ эти пути оказались весьма неудобными для движенія большихъ войсковыхъ массъ и ихъ обозовъ.

Особыя трудности пришлось испытать, когда въ Болгаріи настала ненастная погода. Принятыя же мѣры по исправленію путей не могли увѣнчаться успѣхомъ даже на такихъ важныхъ дорогахъ, какъ идущія отъ Систовской переправы на Шипку, къ Плевнѣ и пр. [1]).

---

[1]) Исправленіе дорогъ было поручено г.-л. Кренке. Въ іюлѣ 1877 года онъ былъ занятъ продолженіемъ и устройствомъ Тырново-Габровскаго шоссе на Шипкинскій перевалъ и далѣе до деревни Шипки. Въ сентябрѣ того же года г.-л. Кренке назначенъ былъ завѣдывать всѣми дорогами въ Сѣверной Болгаріи, изъ коихъ въ то время представлялись важнѣйшими: а) отчасти шоссированныя: Систово — Тырново — Шипкинскій перевалъ; Гривица (у Плевны) — Вѣла — Обрѣтеникъ (близъ Рущука); б) грунтовыя, отчасти шоссированныя: Систово — Булгарени (у Плевны); Никополь — Плевна; Вѣла — Чаиркіой — Тырново. Въ теченіе всей осени 1877 года г.-л. Кренке былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ подъемныхъ путей отъ Дунайскихъ мостовъ въ Систово и очисткою непролазной

Въ только что описанномъ раіонѣ особое значеніе имѣли: крѣпость Рущукъ, Систово, Никополь, Плевна, Ловча и Тырново, какъ узлы главнѣйшихъ дорогъ и торговые пункты. Тырново же болгары считали своею древнею столицею.

Въ инженерномъ отношеніи Придунайская Болгарія была усилена крѣпостями, имѣвшими цѣлью облегчить оборону Дуная и прикрыть проходы въ восточной, наиболѣе доступной, части Балканъ.

Важнѣйшія изъ крѣпостей: Шумла (крѣпость-лагерь на 60.000 чел. съ обводомъ въ 32 версты), Варна (приморская крѣпость-лагерь на 100.000 чел. съ обводомъ въ 34 версты), Рущукъ (крѣпость-лагерь на 20.000 чел. съ обводомъ въ 10 верстъ), Силистрія (крѣпость-лагерь на 25.000 чел. съ обводомъ въ 12 вер.) составляли такъ называемый четыреугольникъ крѣпостей, усиленный на сѣверномъ фронтѣ старинными укрѣпленіями Туртукая, а на западномъ—временнаго типа укрѣпленнымъ лагеремъ у Разграда, вновь сооруженнымъ передъ войной.

Четыреугольникъ этотъ имѣлъ весьма важное значеніе, преграждая непосредственно кратчайшіе пути (по Восточной Болгаріи) изъ Европейской Россіи къ Константинополю и господствуя въ качествѣ фланговой стратегической позиціи и надъ путями Средней Болгаріи.

Обладаніе четыреугольникомъ крѣпостей давало турецкой арміи обезпеченную базу, опираясь на которую армія

грязи на улицахъ этого города. Затѣмъ, съ паденіемъ Плевны и съ наступленіемъ зимы, исправлялась дорога отъ Систово до Тырново. Позднее время года, избранное для исправленія дорогъ, и недостатокъ въ рабочихъ были причинами, что всѣ усилія г.-л. Кренке не могли увѣнчаться успѣхомъ, и наши войсковые обозы въ теченіе всей осени и зимы терпѣли страшныя бѣдствія и затрудненія на болгарскихъ дорогахъ. Тѣ же неблагопріятныя условія помѣшали г.-л. Кренке привести въ порядокъ Ямболи-Бургасскую дорогу, когда онъ, уже при главнокомандующемъ Тотлебенѣ, былъ назначенъ начальникомъ военныхъ сообщеній въ Сѣверной и Южной Болгаріи и когда вышеназванный трактъ служилъ главнымъ путемъ сообщенія нашихъ войскъ съ Россіею. Проработавъ на Ямболи-Бургасскомъ шоссе октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы 1878 года и истративъ на это болѣе 200 тыс. металлическихъ рублей, нельзя было добиться, чтобы сдѣлать эту дорогу удобопроѣздною. Между тѣмъ протяженіе ея не превосходило и ста верстъ.

эта могла угрожать сообщеніямъ русской арміи какъ въ Румыніи, такъ и въ Средней Болгаріи.

Оборона Дуная обезпечивалась значительною крѣпостью Виддиномъ (гарнизонъ 8.000), слабыми укрѣпленіями у Рахова, небольшою устарѣлою крѣпостью Никополемъ, крѣпостями: Рущукомъ и Силистріей, входившими въ составъ вышеупомянутаго четыреугольника, кромѣ того, Туртукаемъ и маленькими устарѣлыми крѣпостцами: Гирсовымъ, Мачинымъ и Тульчей, не представлявшими серьезнаго оборонительнаго значенія.

Южную границу Придунайской Болгаріи составляютъ Балканы.

Балканскій хребетъ, отъ устья рѣки Тимока до Чернаго моря, дугообразною горною массою преграждаетъ доступы въ Забалканье и служитъ новымъ препятствіемъ для арміи, наступающей изъ Румыніи къ столицѣ Турціи. Сѣверный склонъ его пологій и спускается къ Дунаю террасами; южный же, наоборотъ, крутой и во многихъ мѣстахъ представляетъ скалистые обрывы. Надъ общимъ горнымъ кряжемъ подымаются отдѣльныя вершины, изъ которыхъ значительнѣйшія расположены въ центральной части и достигаютъ 7.600 фут. Снѣгъ на высотѣ большей части переваловъ выпадаетъ въ исходѣ сентября, таетъ же въ іюнѣ. Таковъ общій характеръ Балканскихъ горъ. Для болѣе подробнаго разсмотрѣнія ихъ можно раздѣлить на три части: Западные, Центральные и Восточные.

1) Западные Балканы имѣютъ видъ узкаго непрерывнаго хребта, который тянется отъ устья Тимока до рѣки Большой Искеръ, почти на 200 вер. У сѣверо-западной своей оконечности (близъ Зайчаръ) этотъ хребетъ имѣетъ высоту около 1.000 фут.; затѣмъ, постепенно возвышаясь, достигаетъ въ центрѣ 6.300 фут.; откуда снова понижается и близъ Искера, у восточной своей окраины, имѣетъ уже не болѣе $4^1/_2$ тыс. футовъ. Оба склона его покрыты густымъ

лѣсомъ: на сѣверѣ—хвойнымъ, на югѣ—лиственнымъ. Населеніе этой горной мѣстности состояло почти исключительно изъ болгаръ и только у подошвы хребта находились черкесскія поселенія. Западные Балканы соединяются на юго-западѣ съ горами Витошъ отдѣльнымъ отрогомъ, прорѣзаннымъ долиною р. Нешавы.

2) Центральные Балканы расположены между рѣкою Большой Искеръ и Сливненскимъ горнымъ узломъ, на протяженіи около 240 верстъ. Ширина ихъ въ общемъ около 16 верстъ. Средняя высота до 4.500 футовъ. Сѣверный склонъ покрытъ порослями дуба, бука и клена, а въ верховьяхъ Вида—вѣковыми хвойными лѣсами; южный же, за исключеніемъ нѣсколькихъ ущелій, совершенно обнаженъ. Предгорья главнаго хребта, постепенно понижаясь къ сѣверу, наполняютъ все пространство до линіи Луковитъ—Ловча — Сельви — Тырново — Османъ-Базаръ. Сѣверный склонъ Центральныхъ Балканъ былъ населенъ исключительно болгарами, южный же имѣлъ населеніе смѣшанное изъ болгаръ и турокъ.

Части Центральнаго Балкана носятъ различныя названія по городамъ и селеніямъ, расположеннымъ у его подошвы и въ ущельяхъ, а именно: Велико-Софійскій, Этропольскій, Тетевенскій, Златицкій, Троянскій, Калоферскій, Шипкинскій, Травненскій, Еленинскій и Сливненскій. Изъ нихъ хребты Тетевеня, Трояна и Калофера, на протяженіи почти шестидесяти верстъ, представляютъ самую суровую, дикую и малодоступную часть: главный гребень ихъ достигаетъ 6.300 футовъ (перевалы Тетевенскій и Калоферскій); южный же скатъ—отвѣсная скалистая стѣна, изрытая глубокими трещинами, по которымъ стремятся горные потоки.

Шипка-Балканъ значительно ниже; перевалъ того же названія лежитъ на высотѣ только 3.900 футовъ.

Въ Травненскомъ, Еленинскомъ и Сливненскомъ хребтахъ, служащихъ продолженіемъ Шипкѣ-Балкану, главный

кряжъ менѣе каменистъ и достигаетъ на перевалахъ 3.500 футъ. Стѣновидный характеръ южнаго склона сохраняется лишь до дороги изъ Травны въ Маглижъ. Далѣе же, къ востоку, скаты становятся болѣе пологими и прорѣзываются ущельями небольшихъ рѣчекъ.

3) Восточные или Малые Балканы, начинаясь у Сливненскаго горнаго узла, тянутся до самаго Чернаго моря, занимая площадь въ 120 верстъ длины и 60 в. ширины. Отъ описанныхъ уже частей хребта они отличаются тѣмъ, что вмѣсто сплошной горной массы состоятъ изъ трехъ отдѣльныхъ кряжей. Изъ нихъ: средній, или главный, тянется между верхними теченіями Беюкъ и Дели-Камчиковъ, прорѣзывается симъ послѣднимъ и затѣмъ, направляясь къ мысу Поли-Кастро, наполняетъ своими отрогами все пространство между низовьями соединенныхъ Камчиковъ и рѣчкою Хаджи-дере; южный кряжъ идетъ параллельно среднему вдоль праваго берега рѣки Дели-Камчикъ; сѣверный, направляясь къ г. Ески-Джума и давши отроги къ западу, переходитъ въ холмы до линіи Разградъ—Базарджикъ.

Средняя высота Малыхъ Балканъ достигаетъ $2^1/_2$ тысячъ футовъ; ихъ скаты покрыты лѣсомъ, за исключеніемъ береговой полосы. Населеніе почти исключительно мусульманское (турки и черкесы).

Балканскій хребетъ, не смотря на свой суровый и дикій характеръ, представляетъ много переваловъ, ведущихъ изъ Придунайской Болгаріи въ Забалканье. Большинство этихъ проходовъ было извѣстно еще до войны; по крайней мѣрѣ, изъ тридцати важнѣйшихъ, перечисленныхъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Каница, почти всѣ подробно описаны въ брошюрѣ „Балканы“, розданной русскимъ войскамъ передъ выступленіемъ въ походъ.

Главнѣйшіе изъ Балканскихъ проходовъ суть слѣдующіе:

1) Берковецкій, на Ломъ-Паланкскомъ шоссе въ г. Софію, куда, чрезъ Западные же Балканы, вели и двѣ горныя тропы изъ г. Врацы.

2) Орханійскій или Арба-Конакскій; чрезъ этотъ самый удобный изъ всѣхъ переваловъ проходило Плевно-Софійское шоссе. Кромѣ этой дороги, чрезъ Центральные Балканы вели довольно удобный путь изъ г. Этрополя въ дер. Стыргелъ (чрезъ перевалъ того же названія) и нѣсколько вьючныхъ и трудно проходимыхъ тропъ, а именно: отъ Этрополя: а) къ Арба-конакскому хану черезъ г. Шандорникъ (Шиндарникъ), б) къ д. Мирково черезъ Бабу-гору и в) въ г. Златицу (чрезъ перевалъ того же названія); отъ Тетеженя въ дер. Рахманли черезъ Рыбарицкій перевалъ; отъ г. Трояна, черезъ Троянскій перевалъ, въ Карлово; отъ дер. Новосело, черезъ перевалъ Розалитскій или Мара-Гадюкъ, въ г. Калоферъ.

3) Шипкинскій или Св. Николая, чрезъ который проходилъ главный путь изъ Рущука въ Адріанополь.

4) Травненскій, чрезъ который шла колесная дорога отъ г. Травна на дер. Сельцы къ Маглижу и далѣе къ г. Казанлыку.

5) Хаинкіойскій (Хаинъ-Богазъ), чрезъ который пролегала весьма неудобная дорога отъ Тырнова, чрезъ дер. Килифаръ и Поровцы, къ дер. Хаинъ-кіой.

6) Твардицкій (Кредичъ), на пути отъ г. Елены въ д. Твардица.

7) Сливненскій, на вьючномъ пути отъ дер. Стара-рѣка въ г. Сливно.

Что касается переваловъ въ Восточныхъ или Малыхъ Балканахъ, то они, хотя не высоки, но зато длинны и утомительны. Изъ нихъ важнѣйшимъ и удобнѣйшимъ былъ Котельскій, соединявшій г. Османъ-Базаръ съ г. Ямболь.

Всѣ перечисленныя дороги, пересѣкавшія Балканскій хребетъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, выходили на

одинъ общій продольный путь: Софія — Златица — Карлово—Казанлыкъ—Эски-Загра—Сливно—Бургасъ. Это обстоятельство значительно облегчало оборону Балканъ, позволяя туркамъ стягивать свои войска противъ того или другого перевала.

Вообще нужно замѣтить, что передъ войною, не только въ Россіи, но и особенно заграницей, сильно преувеличивали значеніе Балканскаго хребта, какъ оборонительной линіи. Событія же послѣдней кампаніи показали, что въ немъ не было почти ни одного перевала, по побочнымъ тропамъ котораго пѣхота не могла бы пробраться въ тылъ обороняющагося.

Забалканскій театръ войны ограничивался: съ сѣвера—Балканами, съ востока—Чернымъ моремъ, съ юга—Мраморнымъ и Эгейскимъ морями, съ юго-запада и запада—горами: Родопами, Рыло-дагомъ, Кара-дагомъ и Радомирскими.

Вся эта обширная площадь, представляя страну преимущественно гористую, перерѣзанную нѣсколькими значительными рѣками, подраздѣляется на слѣдующіе раіоны:

а) Софійскій, обнимающій собою Софійскую и Кюстендильскую котловины, лежащія между Балканами, Ихтиманскими горами, Рыло-Кара-дагомъ и Радомирскими горами. Софійская котловина отдѣляется отъ Кюстендильской высокою группою—Витошъ.

Населенная довольно плотно (1.700 чел. на кв. милю), преимущественно болгарами (96%) съ малою примѣсью турокъ, область эта отличалась здоровымъ климатомъ, плодородіемъ и достаткомъ жителей, число которыхъ доходило до 250 т. человѣкъ.

Сильно приподнятыя надъ прочими низменностями Балканскаго полуострова, Софійская и Кюстендильская котловины служили истокомъ рѣкъ: Искера къ Дунаю, Марицы и Кара-Су (Струма) къ Эгейскому морю и Нишавы—къ Болгарской Моравѣ. Теченіемъ этихъ рѣкъ опредѣлялось и

направленіе путей, узломъ коихъ служилъ городъ Софія (22 т. жителей), связанный дорогами со всѣми частями Балканскаго полуострова.

б) Долины рѣки Марицы (Ѳракійская равнина), лежащей между Балканами, Родопами и Странджей.

Долина эта совершенно справедливо признавалась одною изъ богатѣйшихъ областей Оттоманской имперіи. Тутъ почти вся земля была обработана, орошена и находилась подъ пашнями, виноградниками, садами, розовыми, рисовыми плантаціями и проч. Довольно густое (свыше 2.000 чел. на кв. милю) населеніе этой области, числительностью до 750 тысячъ, до Адріанополя состояло изъ болгаръ, съ примѣсью турокъ и грековъ, далѣе же — по преимуществу турецкое, а на берегу моря—греческое. Богатство жителей и большіе склады всякаго рода запасовъ обезпечивали войскамъ, дѣйствующимъ въ этомъ раіонѣ, полное довольствіе хлѣбомъ, скотомъ и фуражемъ.

Изъ населенныхъ пунктовъ этой мѣстности особо важное значеніе имѣли: Адріанополь [1])—узелъ важнѣйшихъ путей, вторая столица имперіи, имѣвшій до 90 т. жителей, изъ которыхъ болѣе половины болгаръ и грековъ; Филиппополь—городъ съ 46 тысячами жителей, соединенный желѣзною и шоссейною дорогами съ Адріанополемъ и Константинополемъ; Татаръ-Базарджикъ, Эски-Загра и Эни-Загра—какъ узлы дорогъ.

Рѣка Марица судоходна внизъ отъ Адріанополя, а въ благопріятное время — отъ Филиппополя, выше же этого города мелка и во многихъ мѣстахъ проходима въ бродъ. Ширина рѣки на участкѣ отъ Филиппополя до Адріанополя въ среднемъ 100 саженъ, а ниже, до устья,—150 саженъ.

Мосты черезъ Марицу имѣлись: у Семенли два (одинъ желѣзнодорожный), у Мустафа-Паши, Адріанополя и вблизи

[1]) Адріанополь былъ обращенъ турками уже во время войны въ обширный укрѣпленный лагерь съ укрѣпленіями временнаго типа вмѣстимостью на 60.000 человѣкъ.

Демотики (желѣзнодорожный). Важнѣйшіе притоки Марицы: Гіокъ-Су и Тунджа съ плодородными цвѣтущими долинами и Ергине, по долинѣ которой пролегали шоссейный и желѣзнодорожный пути отъ Адріанополя къ Константинополю.

в) Черноморскаго побережья, расположеннаго между хребтомъ Странджа и Чернымъ моремъ, представляющаго бѣдную страну, со скалистымъ грунтомъ, слабо населенную болгарами и греками.

Только въ долинахъ, сходящихся къ Бургасскому заливу, населеніе болѣе многочисленно и живетъ зажиточно.

Важнѣйшимъ пунктомъ этого раіона являлся Бургасъ—одинъ изъ лучшихъ портовъ Чернаго моря, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ.

г) Окрестностей Константинополя представлявшихъ волнообразную равнину, пустынную, безплодную и очень слабо населенную.

Самый городъ съ населеніемъ въ 500 т. чел., изъ коихъ 300 т. мусульманъ, окруженъ командующими высотами и до минувшей войны былъ почти беззащитенъ со стороны суши, такъ какъ старинныя его стѣны и нѣсколько оборонительныхъ казармъ и блокгаузовъ не могли оказать при атакѣ серіознаго сопротивленія. Только въ концѣ войны турки приступили къ возведенію укрѣпленныхъ линій для защиты своей столицы.

д) Побережья Эгейскаго моря, представляющаго страну, заполненную отрогами лѣсистыхъ Родопскихъ горъ, пустынную въ гористой части и довольно густо населенную по прибрежнымъ долинамъ. Населеніе страны было смѣшанное—изъ грековъ и турокъ съ небольшою примѣсью болгаръ.

Важнѣйшими населенными пунктами страны были портовые города Эносъ и Деде-Агачъ, изъ которыхъ послѣдній былъ конечной станціей желѣзнодорожной вѣтви Демотика—Деде-Агачъ.

Забалканскій театръ войны пересѣкался двумя главными продольными путями: 1) Софія—Златица—Карлово—Казанлыкъ — Эски-Загра — Сливно — Бургасъ (350 в.) и 2) Бѣлградъ - Константинопольскимъ шоссе, которое проходитъ черезъ Царибродъ, Софію, Филиппополь и Адріанополь (отъ Цариброда до Константинополя 560 в.).

Эти двѣ главныя линіи были соединены между собою нѣсколькими поперечными дорогами, идущими: а) изъ Татаръ-Базарджика въ Златицу (60 в.); б) изъ Филиппополя въ Карлово (60 в.); в) изъ Папазлія въ Эски-Загру (58 в.); г) изъ Германли въ Эски-Загру (60 в.); д) изъ Адріанополя въ Сливно (115 в.); е) изъ Люле-Бургаса, черезъ Кыркъ-Киллиссе, въ Сизополь (130 в.), и ж) изъ Чаталджи на Сараи и далѣе берегомъ моря, черезъ Мидію, къ Сизополю (175 в.).

Кромѣ этихъ поперечныхъ дорогъ, отъ продольнаго пути Софія—Бургасъ отдѣлялись многочисленныя вѣтви къ Балканскимъ проходамъ, а отъ Бѣлградъ-Константинопольскаго шоссе дороги: на Кюстендиль, Дубницу, Самаковъ, Батакъ, Станимакъ, Эносъ, Галлиполи и Родосто.

Изъ рельсовыхъ путей Забалканскій театръ пересѣкался, въ направленіи съ запада на востокъ, желѣзною дорогою, идущею отъ станціи Бѣлово западнѣе Татаръ-Базарджика, чрезъ Филиппополь и Адріанополь, на Константинополь (450 в.); эта дорога имѣла вѣтви: на сѣверъ—отъ станціи Семенли на Ямболь (90 в.) и на югъ—отъ Демотики на Деде-Агачъ (100 в.).

Обобщая все сказанное о Балканскомъ театрѣ войны, слѣдуетъ придти къ заключенію, что Россія, не владѣя Чернымъ моремъ, могла направить свою армію въ Турцію только чрезъ Румынію, которая должна была, такимъ образомъ, служить базою въ предстоявшей войнѣ. Обстоятельство это, какъ уже было сказано, представляло существенныя неудобства.

Затѣмъ, дальнѣйшее наступленіе русской арміи изъ Румыніи было затруднено оборонительными линіями Дуная и

Балканъ, расположенными одна за другою въ 100—120 верстахъ и преграждавшими доступъ къ центру власти турокъ—Царьграду.

Наступленіе къ Балканамъ было возможно по путямъ, проходившимъ по Восточной, Средней и Западной Болгаріи; но изъ нихъ первые преграждались четыреугольникомъ крѣпостей, замыкавшимъ проходы чрезъ Малые Балканы въ Забалканскій край; послѣдніе же, хотя и вели чрезъ удобный Арба-Конакскій перевалъ въ богатую Софійскую область и на Бѣлградъ-Константинопольское шоссе, но были весьма кружны. Между тѣмъ, чрезъ Среднюю Болгарію пролегали болѣе короткіе пути, а именно: отъ Рущука чрезъ Османъ-Базаръ на Ямболь (170 в.), отъ Систово чрезъ Тырново въ Казанлыкъ (130 в.). Пути эти являлись такимъ образомъ наиболѣе предпочтительными.

Отсутствіе въ Средней Болгаріи желѣзныхъ дорогъ и недостатокъ перевозочныхъ средствъ, въ связи съ предполагаемою бѣдностью этой страны, побудили двинуть вслѣдъ за русской арміей значительные интендантскіе транспорты, которые встрѣтили не малыя трудности даже на шоссейныхъ дорогахъ, не выдерживавшихъ, по своему незатѣйливому устройству, тяжелыхъ военныхъ обозовъ при малѣйшемъ ненастьи, не говоря уже объ осенней и зимней распутицѣ [1]).

Характеръ же населенныхъ пунктовъ и построекъ вынуждалъ войска располагаться бивакомъ во всякое время года [2]).

Въ общемъ, особенности театра войны на Балканскомъ полуостровѣ въ стратегическомъ отношеніи могутъ быть

[1]) На самомъ дѣлѣ Средняя Болгарія, не говоря уже о Забалканьѣ, оказалась страною настолько богатою хлѣбомъ и скотомъ, что при правильной организаціи довольствіе арміи могло бы быть обезпечено одними мѣстными средствами. Во многихъ пунктахъ были захвачены, кромѣ того, значительные турецкіе запасы.

[2]) Извѣстно, что во всю минувшую кампанію значительныя части войскъ не могли быть располагаемы на квартирахъ и только въ ноябрѣ удалось часть больныхъ и раненыхъ размѣстить въ наскоро и съ большими затрудненіями устроенныхъ лазаретахъ въ Тырновѣ и по домамъ въ окрестныхъ селахъ. Затѣмъ, уже въ послѣдній періодъ войны можно было нѣкоторымъ частямъ войскъ воспользоваться на нѣсколько дней квартирнымъ расположеніемъ въ Софіи, Адріанополѣ и проч.

сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) очень короткая база, угрожаемая съ обоихъ фланговъ и тыла; 2) длинная операціонная линія, требовавшая много войскъ для своего обезпеченія (отъ Бухареста—на Систово и Шипку—до Константинополя 600 вер.); 3) необходимость подвоза запасовъ къ арміи изъ Россіи при весьма неудобной коммуникаціонной линіи; 4) наличность естественныхъ и искусственныхъ преградъ, усиливавшихъ оборону и затруднявшихъ наступательныя дѣйствія; 5) наконецъ, какъ ниже увидимъ, неполнота и неточность свѣдѣній о мѣстности, требовавшія особенно широкаго развитія новыхъ развѣдокъ.

Свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій добывались передъ кампаніей съ большимъ трудомъ.

Балканскій полуостровъ принадлежалъ къ наименѣе извѣстнымъ странамъ въ Европѣ. Причины тому понятны. Съ водвореніемъ владычества турокъ всякія научныя изысканія стали затруднительны и только сравнительно недавно ими стали заниматься западно-европейскіе изслѣдователи. Но ихъ труды, нерѣдко основанные на сомнительныхъ турецкихъ источникахъ, не всегда пользовались довѣріемъ и мало кому были извѣстны въ Россіи. Для русскихъ же ученыхъ и путешественниковъ изученіе Турціи было трудно и небезопасно.

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ свѣдѣнія о ней были не полны и не всегда отличались достовѣрностью.

Къ изученію Турціи, какъ театра войны, было приступлено лишь послѣ Бухарестскаго мира (1812), когда граница Россіи придвинулась къ Дунаю. Свѣдѣнія, собранныя послѣ того, послужили матеріаломъ для составленія первой, далеко неполной, карты Европейской Турціи. Этою картою русскія войска руководствовались въ войну 1828—29 гг., во время которой впервые произведена была полуинструментальная съемка занятыхъ областей. На основаніи этой съемки была составлена и издана въ 1835 г. десятиверстная карта

Европейской Турціи, отличавшаяся наибольшею полнотою въ частяхъ, прилегающихъ къ Черному морю.

Послѣ Крымской войны Черноморское побережье Турціи, съ упраздненіемъ Черноморскаго флота, утратило для Россіи прежнее значеніе. Поэтому приходилось ознакомиться съ ея внутренними областями. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ приняты къ тому настолько дѣятельныя мѣры, что уже въ 1868 году можно было издать „Военно - статистическій Сборникъ“, въ которомъ впервые появился въ печати сравнительно полный очеркъ тогдашняго состоянія Оттоманской имперіи.

Такимъ образомъ, къ началу минувшей войны удалось значительно пополнить свѣдѣнія о Турціи. Къ этому времени была составлена и издана военно-топографическая десятиверстная карта Балканскаго полуострова (полковника Артамонова) и собраны данныя о территоріи, населеніи и вооруженныхъ силахъ Оттоманской имперіи, какихъ не имѣлось въ прежнія войны.

Не ограничиваясь этимъ, русское военное министерство, тотчасъ же по объявленіи мобилизаціи арміи, пріобрѣло въ Вѣнѣ у извѣстнаго путешественника Каница составленную имъ семиверстную карту Балканскаго полуострова, которая къ началу войны была издана на русскомъ языкѣ [1]). Обѣ эти карты, составленныя изъ отдѣльныхъ маршрутовъ и отрывочныхъ, исключительно глазомѣрныхъ, съемокъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ пользуясь исключительно разспросными свѣдѣніями, оказались впослѣдствіи далеко не полными, особенно въ части Средней Болгаріи, занятой русскими войсками вскорѣ послѣ переправы черезъ Дунай у Систова.

Кромѣ картъ Артамонова и Каница, войскамъ дѣйствующей арміи во время самой кампаніи розданы были издан-

[1]) Въ русской арміи была еще, такъ называемая, австрійская семиверстная карта; но она появилась уже послѣ начала военныхъ дѣйствій, такъ какъ къ изданію ея въ Вѣнѣ приступили только въ декабрѣ 1876 года.

ныя въ началѣ 1877 года военно-ученымъ комитетомъ брошюры: „Маршруты по Европейской Турціи“ и „Балканы“, въ количествѣ 750 экземпляровъ, заключавшія въ себѣ подробное описаніе важнѣйшихъ путей въ Придунайской Болгаріи и почти всѣхъ извѣстныхъ переваловъ черезъ Балканскій хребетъ.

Хотя, такимъ образомъ, свѣдѣнія о Турціи передъ войною 1877—78 годовъ были гораздо полнѣе тѣхъ, съ которыми начинались прежніе походы русскихъ войскъ, но, вообще говоря, многаго еще не доставало, а многое было не вѣрно и приводило къ ложнымъ выводамъ.

Важнѣйшими изъ такихъ ложныхъ выводовъ, вредно отразившихся на ходѣ операцій, были: 1) преувеличенное значеніе, придававшееся Балканамъ, какъ оборонительной линіи, что̀ едва не повело къ пріостановкѣ дѣйствій въ началѣ зимы 1877 года; 2) убѣжденіе въ скудости средствъ Болгаріи (которую притомъ предполагали найдти сильно раззоренной), особенно относительно перевозочныхъ средствъ и недостатка фуража, что̀ привело къ непроизводительнымъ расходамъ и большой потери времени при заготовкахъ. Много также вредили войскамъ неточности имѣвшихся въ войскахъ картъ, преимущественно при дѣйствіяхъ въ Средней и Западной Болгаріи.

ГЛАВА II.

Вооруженныя силы Турціи.

Политическое положеніе Турецкой имперіи передъ войною 1877—1878 гг.—Организація ея военно-сухопутныхъ силъ по проекту 1869 г.—Составъ и комплектованіе арміи.—Дѣйствующія войска (низамъ): пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженерныя войска; ихъ вооруженіе и снабженіе.—Резервныя войска (редифъ) и ихъ кадры.—Составъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.—Продовольствіе и снабженіе арміи.—Главнѣйшія качества и способы дѣйствій турецкихъ войскъ.—Развитіе вооруженныхъ силъ Турціи съ Герцеговинскаго возстанія и расположеніе ихъ ко дню объявленія войны.—Силы турокъ въ различные періоды кампаніи.—Флотъ.

Разрывъ Россіи съ Турціей произошелъ при весьма невыгодной для послѣдней политической обстановкѣ. Турецкому правительству приходилось не только продолжать войну съ Черногоріей и возставшимъ населеніемъ Босніи, Герцеговины, Ѳессаліи, Эпира и Крита, но также быть готовымъ къ продолженію прерванной перемиріемъ войны съ Сербіей. Наконецъ, Румынія вооружалась видимо противъ Турціи. Объявленіе войны Портѣ греческимъ правительствомъ было также весьма вѣроятно. Кромѣ того, тогда же возникшія пограничныя недоразумѣнія съ Персіею могли и эту послѣднюю заставить взяться за оружіе. Если къ этому добавить, что Австрія сосредоточивала свои войска на боснійской границѣ, то станетъ понятнымъ, какое напряженіе силъ требовалось отъ Турціи.

Съ другой стороны, какъ финансы, такъ и внутреннее состояніе страны находились въ неудовлетворительномъ положеніи.

Тѣмъ не менѣе предъидущая политика Оттоманскаго правительства, равно какъ и давленіе турецкой народной партіи привели Турцію къ войнѣ съ Россіею.

И такъ, турецкому правительству предстояла нелегкая задача—выдержать борьбу съ Россіей, видимо столь неравную, при далеко не достаточныхъ боевыхъ силахъ и средствахъ къ развитію таковыхъ.

Изъ послѣдующаго изложенія будетъ видно однако, что правительство это сдѣлало все возможное въ его положеніи для достиженія названной цѣли.

Начало новѣйшей организаціи турецкой арміи, по образцу прусской ландверной системы, положено было въ 1839 году султаномъ Абдулъ-Меджидомъ; окончательно же она принята была въ 1869 году.

По проекту тогдашняго сераскира (военнаго министра) Гуссейна-Авни-паши, въ составъ сухопутныхъ войскъ Турціи должны были входить:

а) Низамъ (полевыя и мѣстныя войска) численностью, по штатамъ, въ 210 т. человѣкъ, изъ которыхъ 150 т. постоянно состояло на службѣ, а 60 т. такъ называемаго ихтіата находилось въ отпуску и предназначалось на пополненіе и формированіе частей низама въ военное время [1]).

Срокъ службы въ низамѣ назначался 6-лѣтній, изъ коихъ для пѣхотинца два послѣдніе, а для кавалериста и артиллериста послѣдній годъ—въ ихтіатѣ.

б) Редифъ (резервныя войска) численностью, по штатамъ военнаго времени, въ 192 т. человѣкъ, дѣлившійся на два класса. Въ первый классъ перечислялись на три года

[1]) Къ постояннымъ войскамъ причисляли также и корпусъ жандармовъ (заптіэ), имѣвшій военное устройство, но исполнявшій полицейскія обязанности. Наличныя силы этого корпуса простирались до 20 т., но могли быть доведены до 30 т. чел.

нижніе чины, окончившіе службу въ низамѣ и ихтіатѣ, а равно и всѣ лица въ возрастѣ отъ 20 до 29 лѣтъ, по разнымъ причинамъ освобожденныя отъ дѣйствительной службы въ войскахъ въ мирное время; чины редифа 1-го класса, по окончаніи установленнаго срока, перечислялись на три года въ редифъ 2-го класса. Въ мирное время редифъ имѣлъ только слабые кадры изъ ротныхъ командировъ, нѣсколькихъ субалтернъ-офицеровъ и небольшого числа нижнихъ чиновъ; въ военное время онъ формировалъ отдѣльныя отъ низама части пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Запасы оружія и обмундированія содержались и въ мирное время и были вполнѣ достаточны.

в) Мустахфизъ (ополченіе) численностью въ 300 т. человѣкъ, въ который перечислялись на 8 лѣтъ люди, окончившіе срокъ пребыванія въ редифѣ. Мустахфизъ никакихъ кадровъ не имѣлъ и запасовъ для него въ мирное время не содержалось.

Общій срокъ службы во всѣхъ перечисленныхъ родахъ войскъ полагался 20-лѣтній.

Осуществить эту организацію предполагалось не ранѣе 1878 года, когда она должна была дать Турціи около 700 т. человѣкъ регулярнаго войска.

Сверхъ того, въ чрезвычайныхъ случаяхъ предполагалось выставлять вспомогательныя войска изъ азіатскихъ племенъ, населяющихъ горныя области, а равно изъ албанцевъ и др. Часть этихъ войскъ придавалась къ полевой арміи подъ именемъ баши-бузуковъ (ассакири-муавине); другая же составляла національную гвардію (ассакири-муллье) и несла исключительно гарнизонную службу.

Ежегодному призыву къ рекрутскому жребію подлежало только мусульманское [1]) населеніе, въ возрастѣ отъ 20 до

[1]) Христіанскія общины Турціи, вмѣсто положеннаго на ихъ долю ежегоднаго контингента въ 16 т. чел., вносили «бедель», т. е. денежный налогъ съ каждаго мужчины.

26 лѣтъ [1]), изъ котораго полагалось зачислять въ низамъ ежегодно по 37.500 человѣкъ; но, по недостатку финансовыхъ средствъ, число зачисляемыхъ въ низамъ было значительно меньше [2]). Этотъ недоборъ, поступая въ редифъ, переполнялъ его людьми, не бывшими на дѣйствительной службѣ, т. е. вовсе не обученными военному дѣлу.

Для отбыванія воинской повинности вся территорія имперіи раздѣлялась на шесть корпусныхъ округовъ (орду) соотвѣтственно шести корпусамъ арміи [3]); гвардейскій же корпусъ предполагалось комплектовать со всей имперіи.

Каждый корпусный округъ раздѣлялся на столько баталіонныхъ территоріальныхъ участковъ, сколько въ немъ считалось баталіоновъ.

По нормальному штату въ каждомъ корпусномъ округѣ населеніе въ возрастѣ отъ 20 до 32 лѣтъ должно было комплектовать:

а) корпусъ низама, въ составѣ 24 баталіоновъ пѣхоты, въ томъ числѣ 6 стрѣлковыхъ (шишане), 24 эскадроновъ конницы, 14 батарей полевой артиллеріи (9 пѣшихъ, 3 конныхъ и 2 горныхъ, всего 84 орудія) и одной саперной роты. Въ дѣйствительности корпуса были неодинаковаго состава: нѣкоторые сильнѣе нормальнаго (I и III), другіе слабѣе (VI, VII) и

б) соотвѣтствующее количество баталіоновъ редифа 1-го и 2-го класса.

Увеличеніе кавалеріи и артиллеріи не предполагалось.

Мѣстныя войска состояли изъ артиллерійскихъ ротъ: крѣпостныхъ и береговыхъ и особыхъ мѣстныхъ войскъ;

---

[1]) Замѣщеніе допускалось натурою и деньгами.

[2]) Передъ войною въ собственныхъ владѣніяхъ Турціи считалось до 19 мил. мусульманскаго населенія.

[3]) Корпуса турецкой арміи носили слѣдующія названія: I (Гвардейскій), II (Дунайскій), III (Румелійскій), IV (Анатолійскій), V (Сирійскій), VI (Аравійскій), VII (Іеменскій). Два послѣднихъ корпуса, занятые водвореніемъ порядка въ Іеменской провинціи, не предназначались для войны съ Россіей и не были въ полномъ составѣ.

всего къ 1 января 1877 г. таковыхъ состояло: пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи 165 ротъ и 1 эскадронъ.

Войскъ разныхъ категорій, считая низамъ, редифъ, гарнизонныя и мѣстныя войска, пограничные баталіоны и флотскіе редифные баталіоны, Турція должна была выставить, согласно закону 1869 года, всего 573 баталіона. На самомъ дѣлѣ, въ теченіе войны, по даннымъ Штрекера (Решида)-паши, она выставила до 740 баталіоновъ пѣхоты. Число же кавалеріи и артиллеріи немногимъ превысило число батарей и эскадроновъ, содержимыхъ въ мирное время.

Запасныхъ войскъ организовано не было и запаса для комплектованія войскъ, уже вышедшихъ въ походъ, не имѣлось, вслѣдствіе чего составъ нѣкоторыхъ полевыхъ баталіоновъ уменьшился въ теченіе кампаніи до 200 чел. въ баталіонѣ и даже менѣе.

Баталіонъ (таборъ) состоялъ изъ 8 ротъ (бейлюкъ); рота военнаго состава изъ 96 строевыхъ нижнихъ чиновъ; баталіонъ изъ 774, а полкъ изъ 2.353 строевыхъ нижнихъ чиновъ. Названіе „таборъ“ отвѣчало хозяйственной единицѣ всякаго оружія. Такъ баталіонъ пѣхоты (піаде-таборъ), батарея или часть ея (топчи-таборъ), или часть конницы (сувари-таборъ) — все называлось таборъ или табуръ.

Въ эскадронѣ (бейлюкъ) военнаго состава полагалось 143 всадника.

Батарея состояла изъ 6 орудій и 12 зарядныхъ ящиковъ и, по штатамъ военнаго времени, въ ней полагалось 110 строевыхъ нижнихъ чиновъ и 117 лошадей.

Во время войны въ русскомъ Полевомъ Штабѣ, при исчисленіи непріятельскихъ силъ, таборъ пѣхоты обыкновенно принимался въ 650 штыковъ, въ эскадронѣ—100 сабель и въ батареѣ—100 человѣкъ. Въ дѣйствительности же численность турецкихъ баталіоновъ пѣхоты вообще была ниже и не рѣдко доходила до 250 и даже до

100 человѣкъ. Турецкая система войскового довольствія обыкновенно отнимала множество людей изъ строя.

По организаціи, принятой для турецкой арміи, баталіоны (таборъ) пѣхоты должны были соединяться по три, а эскадроны по шести въ полки (алай); полки — по два въ бригады (лива), бригады—по двѣ въ дивизіи (фуркъ), а двѣ пѣхотныхъ дивизіи съ одною кавалерійскою образовывали корпусъ (орду). Батареи, соединяясь по три въ баталіоны, составляли артиллерійскій полкъ, баталіоны котораго придавались по одному къ каждой пѣхотной и кавалерійской дивизіи корпуса, а послѣдній баталіонъ, четвертый, образовывалъ корпусную артиллерію [1]).

Нужно, однако, имѣть въ виду, что это подраздѣленіе на корпуса, дивизіи и бригады на практикѣ не было строго проведено и не имѣло ни тактическаго, ни административнаго значенія. Сколько нибудь крупные отряды турецкой арміи составлялись, смотря по обстоятельствамъ, изъ отдѣльныхъ баталіоновъ различныхъ категорій войскъ: низама, редифа, а иногда и мустахфиза.

Въ семи корпусахъ по штатамъ полагалось имѣть низама: 45 пѣхотныхъ, 25 кавалерійскихъ и два инженерныхъ полка, семь отдѣльныхъ саперныхъ ротъ, 43 стрѣлковыхъ баталіона и 105 батарей [2]), составлявшихъ 186⅞ бат., 145 эск. и 630 орудій.

Пѣхота была вооружена ружьями двухъ образцовъ: Генри-Мартини и Снайдера.

Ружья Генри(Пибоди)-Мартини (калибръ 4,5 линіи) подходили по своимъ баллистическимъ качествамъ къ русскимъ ружьямъ Бердана (начальная скорость ихъ 1.360 футъ въ секунду), но имѣли прицѣлъ до 1.800 шаговъ. Этимъ ружьемъ было вооружено до 70% турецкой пѣхоты.

[1]) Горныя орудія преимущественно придавались къ стрѣлковымъ баталіонамъ: по два къ каждому баталіону.

[2]) Къ 15 марта 1877 года артиллерія была увеличена вновь сформированными полевыми и горными батареями и число батарей достигло 143 съ 858 орудіями.

Ружья Снайдера (калибръ 5,77 линій) соотвѣтствовали состоявшимъ на вооруженіи большинства русской пѣхоты ружьямъ Крнка и Карле (начальная скорость 1.175 футъ въ секунду) и частію представляли собою передѣлку винтовки Минье, заряжавшейся съ дула. Прицѣлъ имѣлъ дѣленія до 1.300 шаговъ.

Патронами пѣхота довольствовалась изъ патронныхъ ящиковъ, возившихся за каждымъ баталіономъ на вьюкахъ или на обывательскихъ подводахъ.

Конница имѣла магазинныя ружья Генри-Винчестера (калибръ 4,3 линіи) у драгунъ и въ первыхъ и шестыхъ эскадронахъ каждаго уланскаго полка (въ остальныхъ—пики и, кромѣ того, сабли и револьверы). Ружьями Винчестера была снабжена также часть баши-бузуковъ. Дѣленіе прицѣла было доведено до 1.300 шаговъ.

Полевая артиллерія была вооружена: конныя батареи и третья часть пѣшей—по одной изъ батарей каждаго пѣшаго отдѣленія (баталіона)—4-фунтовыми, прочія 6 полевыхъ батарей каждаго корпуса—6-фунтовыми стальными съ казны заряжающимися орудіями и горныя батареи—3-фунтовыми бронзовыми съ казны заряжающимися пушками.

Бо́льшая часть орудій турецкой артиллеріи принадлежала къ первымъ образцамъ нарѣзныхъ съ казны заряжающихся пушекъ, не скрѣпленныхъ кольцами, стрѣлявшихъ небольшимъ относительнымъ зарядомъ, посылавшимъ снарядъ съ начальною скоростью не свыше 1.000 футъ въ секунду. Орудія эти были снабжены или сдвижнымъ замкомъ Крейнера, или сплошнымъ призматическимъ замкомъ.

Число дальнобойныхъ стальныхъ орудій системы Круппа, скрѣпленныхъ кольцами, придававшихъ снаряду начальную скорость около 1.400 футъ въ секунду, было весьма не велико, особенно въ началѣ кампаніи. Имѣются свѣдѣнія, что въ арміи Абдулъ-Керима-паши къ этому времени имѣлось только 48 дальнобойныхъ орудій и лишь впослѣдствіи

вновь присылаемыя въ эту армію батареи были уже вооружены таковыми. У Османа-паши въ Плевнѣ не было ни одного дальнобойнаго орудія.

Снаряды турецкой артиллеріи были: 1) граната, одностѣнная, съ ударной трубкой; дѣйствіе ея было вообще неудовлетворительно, 2) шрапнель съ дистанціонной трубкой, дѣйствовавшая по открытымъ войскамъ весьма удовлетворительно; слѣдуетъ замѣтить однако, что турки плохо справлялись съ установкой трубки, и 3) картечь, которую турки употребляли крайне рѣдко.

Артиллерійское довольствіе арміи было вполнѣ обезпечено[1]).

Старшіе начальники турецкой арміи, за рѣдкими исключеніями, не стояли на высотѣ своего положенія.

Составъ турецкихъ офицеровъ былъ не однороденъ: небольшая часть пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ (не болѣе 5—10%) окончила курсъ въ военныхъ школахъ, большинство же ихъ было произведено изъ нижнихъ чиновъ, причемъ испытаніе ограничивалось лишь знаніемъ уставовъ; даже умѣнье читать и писать было для нихъ необязательно.

Наоборотъ, артиллерія и инженерныя войска комплектовались въ большинствѣ хорошо подготовленными офицерами, кончившими артиллерійско-инженерное училище съ 6-лѣтнимъ курсомъ.

Пополненіе арміи унтеръ-офицерами производилось посредствомъ подготовки рядовыхъ въ учебныхъ командахъ. Несмотря на короткій срокъ службы, составъ унтеръ-офицеровъ турецкой арміи былъ весьма удовлетворителенъ. Причи-

[1]) Къ началу войны, согласно турецкимъ оффиціальнымъ даннымъ, правительство располагало: 138 полевыми батареями и имѣло 800 крѣпостныхъ орудій; 334 т. ружей Генри-Мартини, изъ коихъ роздано было войскамъ 310 т., а остальныя оставались въ складахъ; 325 т. ружей Снайдера, частію розданныхъ войскамъ, преимущественно редифу; около 39 т. ружей Винчестера и около 20 т. револьверовъ, розданныхъ кавалеріи, милиціи и жандармамъ. Кромѣ того, изъ Америки выписанъ былъ новый запасъ ружей, въ размѣрѣ одной трети уже имѣвшагося. Огнестрѣльные запасы постепенно выписывались оттуда же. Запасъ патроновъ приготовлялся громадный; предполагалось имѣть на каждаго пѣхотинца отъ 500 до 1.000 патроновъ.

ною, побуждавшею всякаго порядочнаго унтеръ-офицера относиться добросовѣстно къ службѣ, была надежда на производство въ офицеры по истеченіи извѣстнаго срока службы.

Военное управленіе грѣшило многоначаліемъ и находилось въ вѣдѣніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ лицъ; такъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ (муширъ-топъ-хане), бывшій какъ бы артиллерійскимъ министромъ и завѣдывавшій въ то же время инженерными войсками, ни въ чемъ не подчинялся военному министру (сераскиру). Этотъ порядокъ, усвоенный въ мирное время, сказался и въ минувшую войну отсутствіемъ единства въ управленіи арміею.

Главнокомандующій арміею не былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, будучи обязанъ представлять планы таковыхъ на предварительное утвержденіе султана, который и обсуждалъ ихъ въ образованномъ на время войны „тайномъ военномъ совѣтѣ“. Рѣшенія этого совѣта сообщались для исполненія главнокомандующему или непосредственно, или черезъ военнаго министра. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій обязанъ былъ сообразоваться съ мнѣніями сераскира и состоявшаго при немъ военнаго совѣта („дарихура“). Наконецъ, на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій присутствовали довѣренныя лица султана, съ мнѣніями которыхъ также приходилось считаться [1]).

Турецкій генеральный штабъ состоялъ изъ 130 офицеровъ разныхъ чиновъ. Онъ пополнялся ежегоднымъ выпускомъ восьми воспитанниковъ изъ военной школы, съ чиномъ капитана.

Войсковыя учрежденія не были организованы; подвижныхъ парковъ армія не имѣла; казенный войсковой обозъ состоялъ изъ четырехъ вьючныхъ лошадей или муловъ на роту пѣхоты и эскадронъ конницы; затѣмъ всѣ тяжести, запасы и шанцевый инструментъ возились за каждымъ баталіономъ на обывательскихъ подводахъ или вьюкахъ, соби-

[1]) Изъ посмертныхъ записокъ Штрекеръ(Решидъ)-паши.

раемыхъ реквизиціею, что̀ весьма стѣсняло подвижность войскъ и, какъ оказалось на дѣлѣ, нерѣдко служило помѣхою наступательнымъ дѣйствіямъ турокъ въ прошлую войну.

Госпитальная часть, едва удовлетворяя потребностямъ мирнаго времени, была совершенно не подготовлена для войны, такъ какъ не имѣлось даже кадровъ подвижныхъ госпиталей [1]).

Интендантство, какъ учрежденіе, не существовало; обязанности же его какъ въ мирное, такъ и въ военное время исполнялись верховнымъ совѣтомъ при военномъ министерствѣ, командирами корпусовъ и корпусными совѣтами.

Хотя продовольствіе и содержаніе турецкихъ войскъ законами и положеніями обезпечивались достаточно широко [2]), но въ дѣйствительности жалованье уплачивалось весьма неисправно, а иногда и совершенно удерживалось. Провіантъ, фуражъ и обмундированіе, отпускавшіеся не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ натурою, выдавались несвоевременно и не въ должномъ количествѣ.

Кромѣ войскъ Оттоманской имперіи въ войнѣ съ Россіей принялъ участіе отрядъ войскъ Египта, состоявшаго въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи.

Вооруженныя силы Египта, состояли изъ дѣйствующихъ войскъ и ихъ резерва, иррегулярныхъ войскъ и жандармовъ (кавасовъ). Общая числительность дѣйствующихъ войскъ по штатамъ военнаго времени достигала 65 тыс. чел. при 150 орудіяхъ.

---

[1]) Въ мирное время имѣлось: въ Константинополѣ 8 госпиталей на 2.200 больныхъ, при каждомъ корпусѣ по одному и, кромѣ того, еще нѣсколько отдѣльныхъ госпиталей въ разныхъ мѣстахъ расположенія войскъ.

Къ началу минувшей войны госпитали были открыты: въ Варнѣ, Нишѣ, Софіи, Шумлѣ, Силистріи, Рущукѣ, Татаръ-Базарджикѣ, Османъ-Базарѣ, Тырновѣ и Габровѣ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на помощь раненымъ турецкимъ солдатамъ явились иностранныя благотворительныя общества съ своими врачами и перевязочными средствами.

[2]) Командиру корпуса (муширъ) назначалось жалованье въ годъ по 33 тыс. руб.; начальнику дивизіи—8 тыс. руб.; полковому командиру—2.400 руб.; баталіонному и эскадронному—1.200 руб.; капитану пѣхоты—460 руб.; подпоручику—300 руб.; нижнимъ чинамъ—отъ 2 руб. до 4 руб. 50 коп.

Изъ этихъ силъ противъ Россіи было выставлено Египтомъ до 12 баталіоновъ пѣхоты, полкъ кавалеріи (6 эскадроновъ) и 4 батареи. Пѣхота была вооружена ружьями Ремингтона, заряжавшимися съ казенной части. Артиллерія, за малымъ исключеніемъ, была вооружена нарѣзными мѣдными съ дула заряжающимися пушками французской системы 4-хъ и 12-фунт. калибра.

Турецкій солдатъ обладалъ многими хорошими боевыми качествами. Сознавая, что только мусульмане имѣли право носить оружіе для защиты султана и вѣры, онъ, подчиняясь религіозной дисциплинѣ, былъ послушенъ и не требовалъ побужденій. Наказанія въ турецкихъ войскахъ были весьма рѣдки и обыкновенно замѣнялись словесными увѣщаніями. Выносливый, трезвый, умѣренный въ пищѣ и превосходный ходокъ, турецкій солдатъ, при соотвѣтствующемъ обученіи и воспитаніи, могъ бы сдѣлаться образцовымъ воиномъ.

Лагерные сборы были рѣдки и не приносили даже части той пользы, какой можно было бы отъ нихъ ожидать. Маневрированіе большими частями всѣхъ трехъ родовъ оружія не входило въ кругъ занятій войскъ. Исключеніе представляли войска II корпуса, которыми командовалъ передъ войною Абдулъ-Керимъ-паша, собиравшіяся въ лагерѣ подъ Шумлой, въ числѣ 20—30 тыс. человѣкъ, гдѣ производились маневры въ составѣ крупныхъ отрядовъ всѣхъ родовъ оружія.

По словамъ Беккера-паши, турецкая пѣхота даже въ виду непріятеля совершала передвиженіе въ разбродъ и безъ всякаго порядка.

Что касается выказанной турками въ прошлую войну способности къ упорной оборонѣ, то она въ значительной долѣ можетъ быть объяснена врожденными свойствами ихъ солдата, какъ было замѣчено—выносливаго, стойкаго, вообще фанатичнаго, всегда покорнаго судьбѣ и, въ большинствѣ, привычнаго къ землекопнымъ работамъ. Съ своей стороны, турецкое правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы

усилить оборонительную способность своихъ войскъ, которыя состояли, по большей части, изъ наскоро собранныхъ и плохо обученныхъ баталіоновъ редифа и мустахфиза.

Снабдивъ пѣхоту усовершенствованнымъ (по дальности и скорозарядности) ружьемъ, громаднымъ количествомъ патроновъ и шанцевымъ инструментомъ [1]), турки держались такого способа дѣйствій: занявъ позицію, нерѣдко растянутую на нѣсколько верстъ по фронту, они тотчасъ же устраивали на ней стрѣлковые окопы (располагая ихъ, гдѣ было можно, въ нѣсколько ярусовъ), ложементы и батареи; затѣмъ, если время позволяло, они воздвигали на важнѣйшихъ пунктахъ редуты.

Вотъ какъ характеризуетъ подготовку поля сраженія турками ближайшій помощникъ и сотрудникъ М. Д. Скобелева [2]):

„Турки, занимая позицію, тотчасъ же усиливаютъ ее ложементами для стрѣлковъ. Затѣмъ, если ихъ оставляютъ въ покоѣ, ложементы углубляются, устраиваются помѣщенія для орудій, далѣе устраиваютъ сильной профили открытыя и сомкнутыя укрѣпленія. Если время еще позволяетъ, то въ укрѣпленіяхъ дѣлаются траверсы противъ тыльнаго обстрѣливанія, вмѣсто одной линіи траншей, если мѣстность позволяетъ, нѣсколько. Наконецъ, турки растягиваютъ позицію, занимая сосѣднія высоты и усиливая ихъ ложементами. Ихъ укрѣпленные лагери подъ Ловчей и Плевной показываютъ, что земляныя работы не прерывались ни на минуту.

„Въ Ловчѣ, когда укрѣпленіе позиціи сочлось оконченнымъ, турки надѣлали нѣсколько прекрасныхъ погребовъ и наконецъ приступили къ послѣднимъ работамъ: къ устройству блиндированныхъ помѣщеній для своихъ войскъ. Послѣднюю работу мы имъ не дали окончить.

[1]) Баталіонъ пѣхоты сопровождался обыкновенно вьючными мулами, изъ коихъ каждый былъ нагруженъ двумя деревянными ящиками съ двумя тысячами патроновъ. Каждый турецкій пѣхотинецъ имѣлъ на себѣ отъ 150 до 200 патроновъ, нерѣдко истрачивая въ день двойное количество ихъ. Правильной стрѣльбѣ турецкія войска никогда не обучались и во время ораженій стрѣляли на авось, почти не цѣлясь, но зато безпрерывно. Шанцевый инструментъ также возился за войсками на мулахъ.

[2]) „Дневникъ и замѣтки“ А. Н. Куропаткина.

„Въ траншеяхъ заботливость объ удобствахъ помѣщеній солдатъ — изумительная. Во внутренней крутости траншей вырыты углубленія, въ которыхъ ставится для сражающихся вода, а иногда медъ и сухари. Патроны укладываются частію въ этихъ ямкахъ, частію ставятся въ ящикахъ по дну траншей.

„Турецкія укрѣпленія, взятыя нами на Шипкѣ, въ Ловчѣ и Плевнѣ, не только солидны по своимъ размѣрамъ, но и изящны по наружному виду....

„....Даже побѣда не заставляла турокъ забывать объ усиленіи своихъ позицій".

Вообще укрѣпленія турокъ и ихъ расположеніе были настолько приспособлены къ мѣстности, что ни одинъ изъ передовыхъ окоповъ, взятыхъ русскими, не могъ служить имъ надежнымъ укрытіемъ отъ артиллерійскаго и пѣхотнаго огня. При пользованіи же этимъ послѣднимъ турки прежде всего заботились о томъ, чтобы встрѣтить противника съ возможно дальняго разстоянія и возможно частою стрѣльбою. Поэтому, какъ только послѣдній появлялся въ сферѣ досягаемости выстрѣловъ, по немъ открывалась спѣшная пальба, причемъ главное вниманіе обращалось не на мѣткость отдѣльныхъ выстрѣловъ, а на обстрѣливаніе цѣлыхъ площадей.

Турецкая артиллерія по своему обученію и снабженію составляла наилучшій родъ оружія и стрѣляла недурно гранатою. Шрапнелью турки владѣли плохо.

Избѣгая боя съ сильнѣйшею русскою артиллеріею, турецкая артиллерія часто мѣняла позиціи и широко пользовалась окопами, прятая въ послѣднихъ прислугу и ведя огонь урывками. При движеніи въ атаку русской пѣхоты огонь возобновлялся съ особенною энергіею.

Артиллерійскій огонь обыкновенно открывался съ очень большихъ дистанцій, что̀ вело къ порчѣ матеріальной части, а противнику не могло принести вреда. Къ дѣйствію въ массѣ турецкая артиллерія не была подготовлена.

Наступленіе турокъ начиналось массовою и продолжительною пальбою съ дальнихъ разстояній. Самую же атаку турецкая пѣхота производила въ боевомъ порядкѣ, состоявшемъ изъ густой стрѣлковой цѣпи съ небольшими, почти сплошь за нею слѣдующими, сомкнутыми поддержками. За этою первою линіею, въ дальнемъ разстояніи и въ крупныхъ частяхъ, двигались резервы [1]). Атака точно также сопровождалась самымъ частымъ ружейнымъ огнемъ.

Наступленіе турки преимущественно производили съ фронта и только въ рѣдкихъ случаяхъ пытались обходить съ фланга непріятельскія позиціи. На крыльяхъ турецкой пѣхоты обыкновенно гарцовали нестройныя толпы иррегулярной конницы (баши-бузуки). О совершенномъ отсутствіи какой либо организаціи среди баши-бузуковъ свидѣтельствуютъ сами турки. По ихъ сознанію, эти полудикія орды были опасны не столько для непріятеля, сколько для беззащитныхъ жителей. Лучшую часть иррегулярной конницы составляли переселившіеся съ Кавказа черкесы, успѣвшіе, однако, значительно утратить свои прежнія боевыя качества [2]).

Что касается регулярной конницы, преимущественно комплектуемой курдами, арабами и другими азіатскими племенами, то, руководимая европейскими инструкторами, не цѣнившими ни привычекъ, ни вѣками усвоенныхъ преданій, она мало-по-малу настолько утратила боевыя качества, что, ничѣмъ не заявивъ себя на театрѣ военныхъ дѣйствій, тщательно избѣгала не только столкно-

[1]) Большинство турецкихъ начальниковъ вообще предпочитало бо́льшую часть своихъ силъ держать въ резервѣ, часто въ далекомъ разстояніи отъ боевыхъ линій.

[2]) Въ 1864 году въ Европейскую Турцію всѣхъ черкесовъ переселилось около 90 тысячъ душъ обоего пола. Водворенные небольшими селеніями среди болгаръ, воинственные горцы стали обращаться къ земледѣлію и утрачивать свои боевыя привычки. Турецкій черкесъ къ минувшей войнѣ уже пересталъ быть отважнымъ наѣздникомъ и мѣткимъ стрѣлкомъ. Сидя на плохихъ и мелкихъ лошадяхъ, черкесы обыкновенно избѣгали кавалерійскихъ схватокъ и предпочитали издали открывать огонь съ коня. Они были вооружены магазиннымъ ружьемъ и по своему снаряженію и одеждѣ не отличались отъ кавказскихъ казаковъ.

веній съ русскою конницею, но и появленія на поляхъ сраженій [1]).

Вообще же нужно замѣтить, что турецкая конница, регулярная и иррегулярная, составляла самую слабую, плохо обученную и малочисленную часть турецкихъ вооруженныхъ силъ [2]).

Приступая къ выясненію вопроса о количествѣ войскъ, выставленныхъ Турціею въ прошлую кампанію, необходимо замѣтить, что точное его разрѣшеніе представляется дѣломъ труднымъ. Постоянныя неурядицы и безпрестанныя передвиженія войскъ для усмиренія возстаній въ различныхъ областяхъ Турціи вынуждали ее такъ часто мѣнять составъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ частей, что даже въ мирное время не имѣлось точныхъ свѣдѣній о дѣйствительной численности арміи. Въ теченіе же всей минувшей войны, согласно турецкимъ источникамъ, наличный составъ ихъ войсковыхъ частей нерѣдко бывалъ въ нѣсколько разъ менѣе противъ принятыхъ штатовъ.

При такихъ условіяхъ, хотя и можно было добыть свѣдѣнія о числѣ тактическихъ единицъ, но ихъ дѣйствительную боевую силу приходилось опредѣлять лишь гадательно.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, конечно, наибольшее значеніе имѣютъ данныя о силахъ турокъ къ началу войны.

Передъ возстаніемъ въ Герцеговинѣ и Босніи Турція по мирному положенію содержала около 128 т. дѣйствующихъ войскъ (низама), до 20 т. жандармовъ и до 10 т. внутренней стражи. Съ началомъ же волненій въ Босніи и Герце-

[1]) Турецкая кавалерія преобразована была по уставу и образцу французской арміи, нарочно для сего приглашенными изъ Франціи офицерами. Ради стройности фронта высшіе турецкіе офицеры согласились отказаться отъ чистокровныхъ и горячихъ лошадей Востока, замѣнивъ ихъ плохимъ сортомъ, купленнымъ въ Европѣ.

[2]) Полагаютъ, что собственно на Европейскомъ театрѣ войны турки имѣли до 8 т. регулярной и до 20 т. иррегулярной (баши-бузуки) конницы. Первую цифру слѣдуетъ считать преувеличенною, что же касается второй, то она совершенно гадательна, такъ какъ баши-бузукамъ никогда никакого учета не велось. Штрекеръ опредѣляетъ число иррегулярной конницы, принимавшей участіе въ войнѣ, въ 12 т. человѣкъ.

говинѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, Турція стала приводить свою армію на военное положеніе и уже въ началѣ 1876 года приступила къ укомплектованію таборовъ низама ихтіатомъ, мобилизовавъ въ то же время болѣе ста таборовъ редифа 1-го класса. Въ іюнѣ того же года, когда Сербія и Черногорія объявили войну Турціи, призванъ былъ редифъ 2-го класса. Тогда же разрѣшено было принимать участіе въ войнѣ охотникамъ и баши-бузукамъ. Около этого же времени противъ сербовъ двинуты были вспомогательныя египетскія войска.

Такимъ образомъ, къ концу октября 1876 года, т. е. ко времени первой мобилизаціи русскихъ войскъ, въ составѣ турецкой арміи числилось до 448 таборовъ пѣхоты, 147 эскадроновъ кавалеріи и до 114 полевыхъ и горныхъ батарей.

Изъ этого общаго количества войскъ на Европейскомъ театрѣ находилось до 327 таборовъ пѣхоты, 84 эскадрона и 68 батарей, что̀, приблизительно, могло дать около 190 т. штыковъ и сабель.

По тогдашнимъ общимъ отзывамъ, всѣ эти войска были сильно разстроены предшествовавшею борьбою съ возставшими областями и съ княжествами, на границахъ коихъ они преимущественно и были сосредоточены [1]). Но съ предъявленіемъ русскаго ультиматума отъ 19 октября турецкое правительство дѣлаетъ распоряженія какъ объ измѣненіи дислокаціи войскъ, такъ и объ ихъ усиленіи.

Однакожъ, судя по свѣдѣніямъ Полевого Штаба, увеличеніе турецкой арміи шло медленно и къ 1 января 1877 года прибавилось лишь 18 таборовъ пѣхоты; число же частей кавалеріи и артиллеріи оставалось прежнее.

За то въ расположеніи войскъ произошли значительныя перемѣны: между Дунаемъ и Балканами къ 1 января уже

[1]) Къ этому времени собственно между Дунаемъ и Балканами, не считая войскъ, стоявшихъ у Видина, находилось всего 14 таборовъ пѣхоты и 6 эскадроновъ, расположенныхъ мелкими частями въ крѣпостяхъ и городахъ Придунайской Болгаріи.

числилось 125 таборовъ пѣхоты, 29 эскадроновъ кавалеріи и 26 батарей, что̀ вмѣстѣ съ войсками, расположенными у Виддина и Зайчара, составляло, приблизительно, до 80 т. чел.

Начиная съ января и до объявленія войны, турецкое правительство занято было формированіемъ новыхъ частей редифа, призывомъ подъ знамена мустахфиза, увеличеніемъ числа полевыхъ и горныхъ батарей [1]), заготовленіемъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ въ Нишѣ, Виддинѣ, Шумлѣ, Адріанополѣ и проч. По тогдашнимъ извѣстіямъ, благодаря этимъ мѣрамъ, турецкая армія уже въ половинѣ марта имѣла до 560 таборовъ пѣхоты при 858 полевыхъ и горныхъ орудіяхъ.

Изъ этихъ войскъ непосредственно за Дунаемъ расположено было:

а) въ крѣпостномъ четыреугольникѣ (Шумла, Варна, Силистрія и Рущукъ), примѣрно, до 60 т. человѣкъ и

б) въ окрестностяхъ Виддина до 58 т. человѣкъ.

Для обѣихъ этихъ армій собрано было достаточно средствъ для переправы на лѣвый берегъ Дуная, которую, повидимому, турки намѣревались произвести у Виддина и у Силистріи.

Затѣмъ, по свѣдѣніямъ Полевого Штаба, въ апрѣлѣ и маѣ 1877 года во всей турецкой арміи числилось 580 таборовъ пѣхоты, 147 эскадроновъ кавалеріи и 143 батареи, въ коихъ, по примѣрному разсчету, состояло до 406.000 собственно регулярныхъ войскъ, при 858 полевыхъ орудіяхъ [2]). Полагалось, что изъ нихъ около 280 т. находилось въ Европейской Турціи, которыя, въ свою очередь, распредѣлялись такимъ образомъ: около 90 т. оставлено было въ Босніи, Герцеговинѣ, Албаніи, Эпирѣ и Ѳессаліи и на островѣ Критѣ, а остальныя 190 т. предназначались для дѣйствій противъ русской арміи.

---

[1]) Главный недостатокъ ощущался въ лошадяхъ, для восполненія коего рѣшено было упразднить скорострѣльныя батареи.

[2]) Иррегулярныхъ же войскъ, по свѣдѣніямъ, насчитывалось до 70.000.

Въ концѣ мая, по русскимъ свѣдѣніямъ, турки имѣли для обороны Дуная 150.450 чел., а именно: въ Бабадагской области—9.650 чел., въ Восточной Болгаріи—87.750 чел. и въ Западной Болгаріи (преимущественно около Виддина)—53.050 чел.

Кромѣ того, для защиты Балканъ имѣлось 8.650 ч., въ Забалканьѣ—18.150 ч. и въ Константинополѣ—12.900 ч.

Такимъ образомъ, для встрѣчи русскихъ на Дунаѣ, въ Балканахъ и на пути къ Константинополю турки, по этимъ свѣдѣніямъ, имѣли уже тогда 189 т. регулярныхъ войскъ.

Таковы были свѣдѣнія русскаго Полевого Штаба о силахъ противника наканунѣ переправы русской арміи черезъ Дунай.

Обращаясь затѣмъ къ турецкимъ источникамъ, видно, что цифровыя данныя по этому предмету почти сходятся съ русскими [1]). Общую численность своихъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ на всѣхъ театрахъ турки опредѣляли въ 494 т. человѣкъ. Изъ этого числа 186 т. было показано въ Тунскомъ вилайетѣ, т. е. въ Добруджѣ, въ четыреугольникѣ крѣпостей, въ Виддинѣ, Тырновѣ, Габровѣ, Нишѣ, Софіи и Адріанополѣ [2]).

Войска, расположенныя въ такъ называемомъ крѣпостномъ четыреугольникѣ и въ крѣпостяхъ Западной Болгаріи, въ первое время исключительно предназначались для обороны и только впослѣдствіи часть ихъ должна была дѣйствовать на русскія сообщенія. Для встрѣчи же по переходѣ черезъ Дунай главныхъ силъ въ открытомъ полѣ турки предполагали сформировать за Балканами особую

---

[1]) Это весьма понятно: русскимъ агентамъ въ большинствѣ случаевъ удавалось доставать только тѣ свѣдѣнія, которыя имѣлись въ бумагахъ штабовъ и канцелярій, т. е. штатныя, а не дѣйствительныя цифры.

[2]) Сверхъ того: въ Европейской Турціи регулярныхъ и иррегулярныхъ около 152 т. (въ Константинополѣ—20 т., въ Кандіи—10 т., въ Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи—107 т., въ Эпирѣ и Ѳессаліи—15 т. человѣкъ), въ Азіатской Турціи—около 140 т. Затѣмъ, при штабъ-квартирахъ корпусовъ и разныхъ другихъ мѣстахъ остальныя 16 т.

резервную армію сперва изъ мустахфиза, а потомъ изъ мусульманскаго и христіанскаго населенія Константинополя. Ни того, ни другого Портѣ не удалось выполнить, и только въ началѣ іюля турки принимаютъ болѣе рѣшительныя мѣры для противодѣйствія движенію русскихъ войскъ въ глубь страны [1]).

Объ этихъ мѣрахъ, равно какъ о развитіи вооруженныхъ силъ Турціи въ остальные періоды кампаніи, будетъ сказано ниже.

Здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе минувшей войны общая численность всѣхъ регулярныхъ турецкихъ войскъ едва-ли когда нибудь достигала 500 т. Изъ этого числа для дѣйствій противъ русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ турки могли выставить около 250 т., да и то не сразу, а постепенно [2]). До этой наибольшей цифры турецкія войска успѣли достигнуть лишь не задолго до паденія Плевны. Послѣ же плѣненія армій Османа и Весселя-пашей турецкія силы въ теченіе одного мѣсяца уменьшились на 70 т. человѣкъ. Если затѣмъ къ этому числу добавить около 20 т., прежде положившихъ оружіе, и не менѣе 50 т. больныхъ, раненыхъ и убитыхъ, то къ концу войны въ рядахъ турецкой арміи едва ли могло остаться болѣе 125 т. войскъ, способныхъ продолжать борьбу съ русскими войсками на Балканскомъ полуостровѣ [3]).

Турецкій флотъ, на развитіе котораго было обращено особое вниманіе султана Абдулъ-Азиса, былъ довольно многочисленъ, но не оказалъ существенной помощи сухопутнымъ войскамъ.

---

[1]) Въ такъ называемой Шумлинской арміи для дѣйствій въ полѣ, въ концѣ іюня, едва можно было назначить 30 таборовъ (около 20 т. человѣкъ), а въ половинѣ іюля—не болѣе 50 таборовъ.

[2]) По свѣдѣніямъ бывшаго военнаго агента Франціи при турецкой арміи во время войны г. Торси, эта цифра не превосходила 220 т.

[3]) О боевыхъ потеряхъ въ турецкихъ войскахъ въ минувшую войну не имѣется даже приблизительныхъ свѣдѣній.

Заботами султана броненосный флотъ въ матеріальномъ отношеніи былъ поставленъ довольно высоко, но личный составъ не отвѣчалъ своему назначенію. Попытка исправить этотъ недостатокъ приглашеніемъ на службу опытныхъ иностранцевъ (Гобартъ-паша) успѣха не имѣла.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, турецкій флотъ къ 1877 году состоялъ изъ 22 броненосныхъ судовъ и 82 небронеосныхъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, на всѣхъ этихъ судахъ находилось 763 орудія и 15 т. человѣкъ команды [1]).

Броненосцы, имѣя броню отъ 3 до 9 дюймовъ толщиною, были вооружены по преимуществу нарѣзными, заряжающимися съ дула, 7 и 9-дюймовыми орудіями Армстронга, но встрѣчались и гладкія орудія.

Въ концѣ 1876 года турецкій флотъ дѣлился на слѣдующія эскадры:

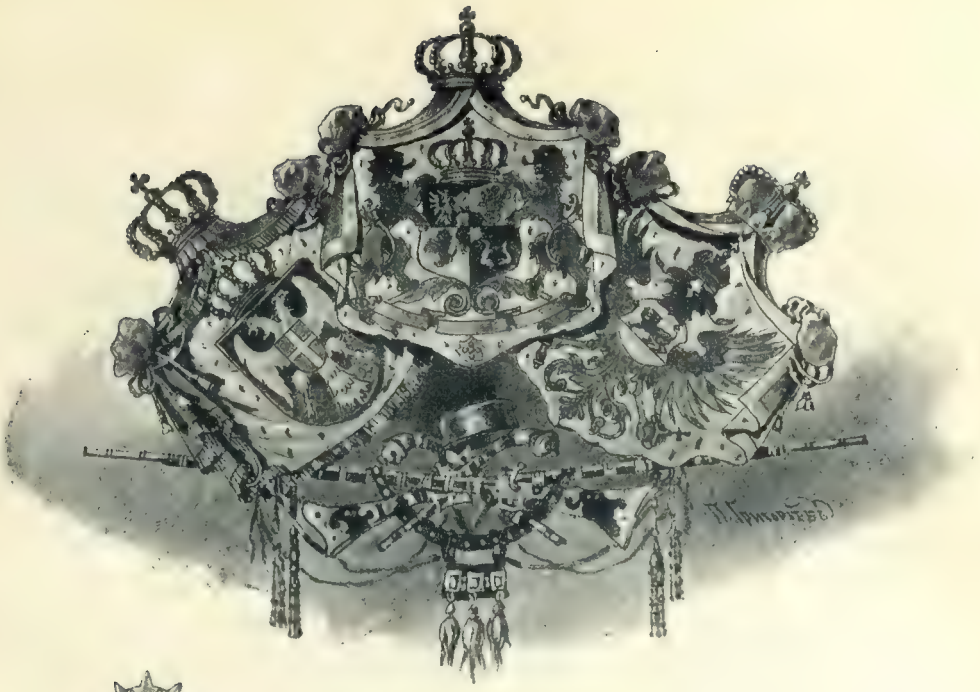
1) Дунайскую, состоявшую изъ 5 броненосныхъ канонерокъ, 4 винтовыхъ шхунъ и 3 транспортовъ, всего 12 судовъ съ 22 орудіями и 640 чел. экипажа; 2) броненосную, подъ начальствомъ Гобарта-паши, въ Мраморномъ морѣ; 3) Средиземнаго моря; 4) Краснаго моря, и 5) Персидскаго залива.

Боевыми достоинствами турецкій флотъ не отличался; но при перевозкѣ войскъ онъ могъ оказать значительныя услуги, особенно при содѣйствіи частныхъ пароходовъ, которыхъ въ теченіе недѣли можно было зафрахтовать до 30 въ одномъ Константинополѣ, что̀ давало возможность Портѣ посадить на суда и перевезти въ любой пунктъ до 35 т. человѣкъ одновременно. Судя по имѣющимся турецкимъ источникамъ, во все время войны моремъ перевезено было изъ разныхъ частей имперіи около 150 таборовъ въ Варну, Деде-Агачъ, въ Константинополь и пр. Болѣе значительныя перевозки происходили въ іюлѣ и декабрѣ 1877 г. и въ концѣ войны.

[1]) Отчетъ Инспекторскаго Департамента Морского Министерства за 1877 г., стр. 93.

По свѣдѣніямъ Полевого Штаба, къ 1 января 1877 года Дунайская флотилія была усилена и состояла изъ 10—12 броненосцевъ разной величины, 4 винтовыхъ шхунъ, 5 военныхъ пароходовъ, 9 пароходовъ рѣчной флотиліи и большого числа баркасовъ, шлюповъ и транспортныхъ судовъ.

Подводя итогъ сказанному о военныхъ силахъ Турціи, можно придти къ заключенію, что, не смотря на упущенія въ организаціи войскъ, особенно по части высшаго командованія, и недостаточное ихъ обученіе, турецкая армія оказалась гораздо болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ того ожидали. Причину тому, помимо превосходныхъ боевыхъ качествъ турецкаго солдата, слѣдуетъ искать въ широкомъ использованіи турками свойствъ скорострѣльнаго и дальнобойнаго оружія, поскольку таковое было доступно малообученнымъ войскамъ, а равно въ искусномъ пользованіи окопами, находившемъ обширное примѣненіе при оборонительномъ способѣ войны, которому слѣдовала турецкая армія. Турки широко пользовались услугами полевой фортификаціи, и турецкая лопата, совмѣстно съ дальнобойнымъ, скорострѣльнымъ, обильно снабженнымъ патронами ружьемъ, создавала нерѣдко непреодолимыя препятствія наступленію превосходныхъ числомъ и качествомъ русскихъ войскъ.



ГЛАВА III.

Вооруженныя силы Румыніи, Сербіи и Черногоріи.

Вооруженныя силы Румыніи: армія постоянная и территоріальная.— Вооруженныя силы Сербіи: армія постоянная и народная.— Вооруженныя силы Черногоріи и положеніе ихъ ко времени объявленія Россіей войны Турціи.

По статуту, изданному въ 1831 году, княжества Молдавія и Валахія, изъ которыхъ образовалось впослѣдствіи Румынское княжество, могли выставить 7 баталіоновъ, 7 эскадроновъ и до 12.000 пѣшей и конной милиціи. Регулярная румынская армія была основана во время русскаго управленія этими княжествами. Уставы и порядокъ внутренней службы были русскіе.

Съ соединеніемъ княжествъ, въ 1859 году, подъ властью князя Александра Кузы, все русское было позабыто и замѣнено французскимъ. Изъ Франціи были вызваны инструкторы; составъ же арміи увеличенъ до 25 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 4 батарей; для полицейской службы внутри страны образована конная стража (каларапи), а для пограничной службы — пѣхотные баталіоны (доробанцы); затѣмъ все

остальное населеніе въ возрастѣ отъ 17 до 46 лѣтъ числилось въ народномъ ополченіи.

Въ 1866 году, съ избраніемъ князя Карла Гогенцоллернскаго, вооруженныя силы страны начинаютъ устраиваться по германскимъ образцамъ, и, по примѣру Пруссіи, въ Румыніи вводится территоріальная система.

Къ началу октября 1876 года румынскія войска состояли изъ: а) постоянной арміи съ ея резервомъ; б) территоріальной арміи съ ея резервомъ (конница—калараши [1]), пѣхота—доробанцы и артиллерія—пожарныя команды); в) милиціи [2]) и г) національной гвардіи (въ городскихъ общинахъ) и ополченія [3]) (въ сельскихъ общинахъ).

Все населеніе, за исключеніемъ иностранцевъ, обязано было воинскою повинностью въ возрастѣ отъ 21 до 46 лѣтъ. Число жителей Румыніи передъ минувшею войною простиралось до $4^1/_2$ милліоновъ.

Румынскія войска пополнялись почти исключительно новобранцами по призыву, частію же охотниками и остающимися на сверхсрочную службу. Срокъ службы былъ установленъ: въ постоянной арміи—четыре года дѣйствительной службы и четыре года въ резервѣ; въ территоріальной арміи—пять (для каларашей) и шесть (для доробанцевъ) лѣтъ дѣйствительной службы и три (два) года въ резервѣ.

Числительность арміи опредѣлялась двумя составами: военнымъ и мирнымъ. Въ случаѣ необходимости призывались послѣдовательно: резервъ, территоріальная армія (пѣхота—доробанцы, кавалерія—калараши), милиція, національная гвардія и народныя ополченія.

Въ постоянной арміи административной единицей былъ полкъ; дивизіонныхъ и бригадныхъ управленій въ мирное

[1]) Въ калараши зачислялись, по собственному желанію, лица состоятельныя, соглашавшіяся обзавестись лошадью и содержать ее на собственный счетъ.

[2]) Въ милицію зачислялись: а) всѣ лица въ возрастѣ отъ 21 до 29 лѣтъ, не зачисленныя въ ряды арміи, и б) прошедшія черезъ ряды арміи въ возрастѣ отъ 29 до 37 лѣтъ.

[3]) Всѣ лица въ возрастѣ отъ 37 до 46 лѣтъ.

время не существовало, а въ военное время въ нихъ назначались генералы и офицеры, состоявшіе при главномъ штабѣ.

Постоянную армію и флотъ составляли: а) пѣхота—8 линейныхъ полковъ (каждый—въ два баталіона, баталіонъ изъ четырехъ ротъ), 4 баталіона стрѣлковъ (егерей), баталіонъ пожарныхъ г. Бухареста, баталіонъ пожарныхъ г. Яссы [1]) и 2 роты пѣшихъ жандармовъ; б) кавалерія—2 четырехъ-эскадронныхъ полка рошіоровъ (красные гусары), 3 эскадрона постоянныхъ каларашей и 2 эскадрона конныхъ жандармовъ; в) артиллерія—4 полка (изъ 5 пѣшихъ и 1 конной батарей, въ шесть орудій каждая), рота артиллерійскихъ мастеровыхъ и парковое отдѣленіе [2]); г) инженерныя войска—баталіонъ въ 4 роты; д) флотилія Дунайская—два парохода (съ 4 орудіями каждый) и одна канонерская лодка, съ 12 офицерами и 372 матросами (двѣ морскія роты); е) административныя войска—санитарная рота и эскадронъ военнаго обоза [3]).

Пѣхота постоянной арміи была вооружена скорострѣльными ружьями Пибоди, а доробанцы — частію ружьемъ Дрейзе, частію ружьемъ Крынка. Всѣ пѣхотинцы были снабжены Линемановскими лопатами, кавалерія же—саблями, пистолетами, а отчасти игольчатыми карабинами; артиллерія большею частью была вооружена крупповскими стальными орудіями: 4-фунтовыми и 9-фунтовыми. Послѣднія были дальнобойныя. Часть артиллеріи (до 40 орудій) имѣла мѣдныя съ казны заряжающіяся пушки. Сверхъ того, имѣлся запасъ въ 100 нарѣзныхъ съ дула заряжающихся пушекъ на случай мобилизаціи пожарныхъ командъ. На орудіе по-

[1]) Пожарные баталіоны имѣли военную организацію. Съ 1875 г. въ пожарныхъ командахъ 15 наиболѣе населенныхъ городовъ уже вводилась новая артиллерійская организація.

[2]) Изъ двухъ артиллерійскихъ полковъ корпуса одинъ служилъ корпусной артиллеріей, а другой дѣлился между двумя дивизіями, по одному трехъ-батарейному отдѣленію на каждую.

[3]) По штатамъ 1868 года баталіоны состояли изъ 4 ротъ по 120 человѣкъ въ мирное время и по 250 человѣкъ въ военное время. Эскадроны имѣли по 100 коней въ мирное время и 170 лошадей въ военное время. Роты инженернаго баталіона дѣлились на піонерное, минерное, понтонное и телеграфное отдѣленія.

лагалось по одному зарядному ящику, возившему по 50 зарядовъ на орудіе. Сверхъ того, имѣлся летучій паркъ въ 160 повозокъ, возившій 96 снарядовъ на орудіе.

Санитарная часть была прекрасно устроена и широко развита.

Въ каждомъ полку былъ пріемный покой для легко больныхъ, въ каждомъ пунктѣ управленія территоріальной дивизіи—госпиталь, въ Бухарестѣ 2 госпиталя на 400 кроватей и отдѣленіе для выздоравливающихъ [1]). Санитарная рота изъ 81 унтеръ-офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ составляла депо для образованія перевязочныхъ пунктовъ въ военное время.

При постоянной арміи находился эскадронъ военнаго обоза въ 140 упряжныхъ и 25 верховыхъ лошадей (повозки въ 4 лошади).

Территоріальная армія. Въ военномъ отношеніи Румынія дѣлилась на 4 округа, соотвѣтствовавшихъ 4 территоріальнымъ дивизіямъ (Малая и Большая Валахія, Нижняя и Верхняя Молдавія). Округа раздѣлялись на полковые, баталіонные и эскадронные участки.

Организація территоріальной арміи была одинакова съ постоянною арміею и состояла, по штату военнаго времени, изъ 16 полковъ пѣхоты въ 2 баталіона каждый (доробанцы) и 8 полковъ кавалеріи (калараши) по 4 эскадрона каждый.

Территоріальная армія въ мирное время наблюдала государственную границу и несла полицейскую службу, а въ военное—составляла резервъ постоянной арміи; равно назначалась для второстепенныхъ дѣйствій на театрѣ войны [2]). Артиллерія территоріальной арміи имѣла только кадры людей и небольшое число лошадей. Организованнаго обоза не было.

---

[1]) Кромѣ того, военные госпитали были: въ Краіовѣ, Плоешти, Галацѣ и Яссахъ.

[2]) Въ дѣйствительности въ минувшую кампанію части территоріальной арміи несли службу наравнѣ съ постоянною арміею.

При плохомъ состояніи финансовъ Румыніи, матеріальная часть ея арміи была мало развита и, ко времени войны, она нуждалась во многомъ.

Вообще передъ войною съ Турціей многое было далеко не закончено въ румынской арміи, тѣмъ не менѣе Румынія могла выставить въ поле: дѣйствующихъ войскъ до 20 т. и территоріальныхъ до 32 т.; всего до 52 т. человѣкъ и 24 батареи (52 бат. пѣхоты и 4 бат. инжен. войскъ, 40 эск. кавалеріи, 144 оруд., летучій паркъ въ 160 повозокъ).

Эти войска передъ войною было рѣшено соединить въ 4 пѣхотныя дивизіи и 4 кавалерійскія бригады и свести таковыя въ 2 корпуса.

Уже въ октябрѣ 1876 года, подъ предлогомъ осеннихъ маневровъ, былъ объявленъ боевой составъ (ordre de bataille) румынской арміи, по которому она соединялась въ два корпуса, въ составѣ двухъ пѣхотныхъ дивизій, причемъ каждая дивизія должна была состоять: изъ 2 бригадъ пѣхоты, бригады кавалеріи и артиллерійскаго трехбатарейнаго полка; кромѣ того, при каждомъ корпусѣ состояла корпусная артиллерія изъ 6 батарей (36 орудій) и кавалерійскій полкъ (4 эскадрона).

Въ составъ корпусовъ входили какъ постоянныя, такъ и территоріальныя войска, причемъ и тѣ, и другія были распредѣлены по бригадамъ.

Бригады пѣхоты состояли или изъ 6 баталіоновъ (одинъ постоянный полкъ и 2 полка доробанцевъ), или изъ 6 баталіоновъ того же состава съ добавленіемъ стрѣлковаго баталіона.

Затѣмъ, о боевой готовности румынской арміи ко дню объявленія войны и объ участіи ея въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ русскими войсками будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Сербія получила автономію и право содержать свои собственныя войска по Адріанопольскому миру 1829 года.

Въ 1867 году турки очистили послѣдніе, занимаемые ими въ Сербіи пункты, и Сербія стала, по отношенію къ Портѣ, въ тѣ же условія подчиненности, какъ и Румынія, т. е. оставалась связана съ нею только обязательствомъ уплаты опредѣленной ежегодной дани.

Сербское княжество занимало передъ войною около 1.000 кв. миль и имѣло около 1.300.000 жителей.

Воинская повинность въ Сербіи была общеобязательна. Ей подлежало все мужское населеніе, способное носить оружіе, отъ 20 до 50-лѣтняго возраста.

Вооруженныя силы Сербіи состояли изъ постоянной и народной арміи.

Постоянная армія („стояче войско“) была весьма малочисленна и имѣла главнымъ назначеніемъ доставлять офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для народной арміи. Составъ ея былъ опредѣленъ закономъ 24 февраля 1876 года въ два баталіона пѣхоты, по 4 четы или роты въ каждомъ; 2 эскадрона кавалеріи (160 чел.); 8 полевыхъ батарей (64 орудія), 4 горныя батареи (16 орудій); 1 піонерный и 1 понтонный баталіоны; 1 обозное и 1 санитарное отдѣленія.

Численность этой „стоячей бригады“ равнялась 4.000 человѣкъ, которые въ мирное время несли гарнизонную службу, а въ военное время являлись кадромъ для народной арміи, составлявшей ополченіе, созываемое въ мирное время только для учебныхъ сборовъ.

Народная армія раздѣлялась на два призыва или класса. Для комплектованія этой арміи была принята территоріальная система, для чего все княжество дѣлилось на шесть округовъ, которые, въ свою очередь, раздѣлялись на 18 бригадныхъ и 80 баталіонныхъ участковъ, выставлявшихъ 80 баталіоновъ I класса, сводимыхъ въ 18 пѣхотныхъ бригадъ, и столько же баталіоновъ II класса. Первый призывъ, сверхъ того, долженъ былъ выставлять 33 эскадрона, 18 батарей 6-орудійнаго состава, 4 крѣпостныя батареи, 19 піо-

нерныхъ отдѣленій, 18 санитарныхъ и 134 обозныхъ ротъ, 19 рабочихъ, 19 провіантскихъ и 19 мастеровыхъ взводовъ.

Для вооруженія людей 1-го призыва народной арміи имѣлись скорострѣльныя ружья Пибоди, а для 2-го призыва—заряжающіяся съ казны и съ дула ружья Грина.

По штатамъ военнаго времени постоянная и народная арміи должны были выставить 153.500 чел., при 204 орудіяхъ, но на самомъ дѣлѣ эти цифры едва могли достигнуть 100.000 ч., не считая войскъ, необходимыхъ внутри страны [1]).

Изъ техническихъ заведеній Сербія имѣла литейный, оружейный и пороховой заводы, капсюльное и патронное заведенія, лафетную мастерскую и арсеналъ. Въ ея складахъ хранилось 200 запасныхъ орудій и 260.000 ружей (Пибоди, Грина и ударныхъ нарѣзныхъ).

Постоянная армія содержалась на счетъ казны; народная же получала отъ казны оружіе, снаряженіе и боевые припасы, а во время сборовъ—кормовыя деньги и фуражъ.

Въ октябрѣ 1876 г. численность и расположеніе сербской арміи, только что выдержавшей тяжкую борьбу съ турецкими войсками, были слѣдующія:

1) Южная или Моравская армія, ген. Черняева, была расположена между г. Алексинацемъ, позиціею Делиградъ, селеніемъ Дьюнишъ и горнымъ хребтомъ Великій Ястребацъ.

Генералъ Черняевъ силы этой арміи къ 17 октября опредѣлилъ въ 28 тыс. человѣкъ [2]).

2) Тимокская армія, противъ занятаго турками г. Зайчара; всего около 13.000 человѣкъ.

---

[1]) Къ 20 іюля 1876 года, т. е. передъ войною съ Турціею, сербамъ удалось собрать всѣхъ войскъ отъ 90 до 100 тысячъ. Изъ нихъ ко времени перемирія съ Портою числилось въ рядахъ всѣхъ сербскихъ армій отъ 35 тыс. до 40 тыс.

[2]) По свидѣтельству же, принимавшихъ участіе въ Сербо-Турецкой войнѣ, русскихъ офицеровъ, у ген. Черняева въ концѣ сентября было всего 32 порядочныхъ и 14 посредственныхъ баталіоновъ; остальныя же войска никуда не годились, и силы пѣхоты, приблизительно, равнялись 15—20 тысячамъ; по показанію же капит. Субботича, къ 17 октября у ген. Черняева было около 19.500 чел. пѣхоты.

3) Ибарская армія, у Новаго Базара, подъ командою ген. Новоселова; всего около 8.000 человѣкъ.

4) Дринская армія, подъ начальствомъ полк. Узо-Мирковича, при устьѣ р. Дрины, противъ Боснійскаго города Бѣлины; всего 9.950 чел. Сверхъ того, небольшіе отряды находились у г. Княжеваца, для связи Моравской и Тимокской армій, и у г. Зворника, для связи Ибарской арміи съ Дринскою.

Сербская армія во время перемирія съ Турціею находилась въ весьма неудовлетворительномъ состояніи и въ половинѣ декабря 1876 года состояла изъ:

а) Постояннаго войска (4 батал.)—2.000 чел.; б) двухъ бригадъ добровольцевъ (8 батал.) — 3.000 чел.[1]), и в) бригады Дринскихъ добровольцевъ—4.000; а всего около 9.000 ч.

Такъ называемой народной арміи къ этому времени уже не существовало, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ отрядовъ, расположенныхъ кордономъ вдоль демаркаціонной линіи.

Русское правительство пыталось помочь реорганизаціи сербскихъ войскъ путемъ значительной денежной помощи и привлеченія русскихъ офицеровъ на сербскую службу.

Миссія командированнаго съ названною цѣлью ген.-лейт. Никитина не имѣла, однако, успѣха. Сербское правительство войны не желало, содѣйствія выполненію своей задачи ген.-лейт. Никитинъ не встрѣтилъ и по его просьбѣ былъ отозванъ, потративъ на военныя надобности Сербіи лишь небольшую часть имѣвшейся въ его распоряженіи суммы.

Такимъ образомъ, въ случаѣ предполагавшейся зимней кампаніи, сербскія войска не могли оказать русской арміи существеннаго содѣйствія.

Объ участіи, принятомъ Сербіей въ состоявшейся русско-турецкой кампаніи, будетъ сказано ниже.

[1]) Въ томъ числѣ русскихъ 1.542 (остальные 1.500 добровольцевъ состояли изъ болгаръ, арнаутовъ, черногорцевъ и проч.). По свидѣтельству очевидцевъ, русскихъ добровольцевъ въ самое горячее время было около 2.300 отставныхъ нижнихъ чиновъ и около 470 отставныхъ офицеровъ.

Вооруженныя силы Черногоріи состояли почти исключительно изъ народнаго ополченія, призывавшагося въ случаѣ войны.

Воинской повинности подлежали всѣ черногорцы отъ 16 до 60 лѣтъ. По первому зову князя страна могла выставить 16.700 ратниковъ (войниковъ), которые формировали роты (четы), баталіоны и, въ рѣдкихъ случаяхъ, высшія тактическія единицы. Въ ротахъ считалось 108 чел., въ баталіонахъ—отъ 4 до 6 ротъ, въ бригадахъ—отъ 4 до 6 баталіоновъ, въ дивизіи—2 бригады.

Четы, т. е. роты, составлялись большею частью изъ односельчанъ и каждая чета была настоящею тактическою единицею черногорскаго войска.

По роду оружія черногорское войско подраздѣлялось на пѣхоту и артиллерію; кавалеріи вовсе не было.

Каждая нахія (уѣздъ) должна была выставлять, подъ предводительствомъ своего воеводы, ополченіе извѣстной силы и дѣйствовать самостоятельно, не смѣшиваясь съ войсками другихъ округовъ. Эта организація вызывалась топографическими и экономическими условіями страны, въ которой невозможно на одномъ пунктѣ собрать и прокормить болѣе 6—7 тыс. человѣкъ [1]).

Каждый черногорскій ополченецъ обязанъ былъ имѣть собственное оружіе. Въ 1876 году черногорскимъ княземъ пріобрѣтено было въ Австріи нѣсколько тысячъ малокалиберныхъ ружей, а равно 2.500 ружей системы Крынка.

Кромѣ ополченія, Черногорія имѣла княжескую гвардію (перяники), силою въ 100 человѣкъ, и до 20 трехъ и четырехъ-фунтовыхъ горныхъ орудій, раздѣленныхъ на 7 батарей, въ каждой по 2 и по 4 орудія.

Точно опредѣлить численность черногорской арміи не представлялось возможности по неимѣнію данныхъ о коли-

[1]) Черногорскій ополченецъ долженъ былъ продовольствоваться на свой счетъ; пищу на нѣсколько дней ему приносили изъ дому жена и дѣти.

чествѣ лицъ мужскаго пола, способныхъ носить оружіе. Предполагалось, что при самомъ сильномъ напряженіи силъ Черногорія могла выставить до 26 т. бойцевъ, въ возрастѣ отъ 14 до 60 лѣтъ.

Передъ заключеніемъ перемирія съ Турціею положеніе черногорскихъ войскъ, въ концѣ октября, въ общихъ чертахъ представлялось въ такомъ видѣ:

Позиціи турокъ на рѣкѣ Заслапѣ были обложены 12—13 баталіонами черногорцевъ подъ начальствомъ Петра Вукотича. Около 2 баталіоновъ сторожили крѣпость Никшичъ, а 2 баталіона находились у урочища Крстаца, охраняя главнѣйшіе пути къ Никшичу изъ Герцеговины; около 7 баталіоновъ, подъ начальствомъ Пейко Павловича, дѣйствовали въ Герцеговинѣ между Требинье, Билечъ, Клобукъ и Гачко.

Со стороны Албаніи, между Скутарійскимъ озеромъ и моремъ дѣйствовали два баталіона и два орудія; противъ крѣпостей Спужа и Подгорицы и до р. Тары было до десяти баталіоновъ и пять горныхъ орудій. У Даниловграда—три баталіона съ четырьмя горными орудіями. Два баталіона у Колашина и Беране. Всего же около 38—40 баталіоновъ, силою въ 23.000 чел., при 20 горныхъ орудіяхъ.

За нѣсколько дней до объявленія разрыва Россіи съ Турціею и по окончаніи 1 апрѣля срока перемирія съ Черногоріею, Порта категорически отказалась согласиться на требованія уполномоченныхъ этого княжества и прекратила съ ними переговоры.

Одновременно съ этимъ она отдала приказъ своимъ войскамъ снабдить Никшичъ провіантомъ и, въ случаѣ сопротивленія черногорцевъ, открыть противъ нихъ военныя дѣйствія.

Важнѣйшая роль при началѣ военныхъ дѣйствій выпала на долю тѣхъ черногорскихъ войскъ, которыя, подъ начальствомъ воеводы Петра Вукотича, занимали позицію на Крстацѣ, заграждая доступъ туркамъ въ Дужское ущелье и Никшичъ.

Наступленіе турокъ началось въ концѣ мая 1877 года и первыя ихъ дѣйствія были удачны. Встрѣтивъ 24 мая черногорскія войска у Крстаца, Сулейманъ-паша, послѣ кровопролитнаго боя, заставилъ ихъ отойти къ Пресѣку, близъ Дужскаго прохода. Но и отсюда черногорцы должны были отступить, оставивъ свободнымъ путь къ Никшичу. Снабдивъ безъ выстрѣла эту крѣпость провіантомъ, Сулейманъ-паша двинулся внутрь страны на соединеніе съ двумя другими турецкими отрядами, наступавшими съ юга, подъ начальствомъ Али-Саиба-паши, и съ востока, подъ начальствомъ Мехмета-Али-паши.

Общая численность всѣхъ этихъ турецкихъ войскъ простиралась до 60 т. человѣкъ.

Противъ этой массы, надвигавшейся со всѣхъ сторонъ, должна была держаться горсть храбрыхъ защитниковъ Черной горы.

Совершивъ цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ, черногорцы, въ концѣ концевъ, должны были уступить численному превосходству турокъ.

Для Черногоріи наступили тяжелые дни испытанія.

Съ 5 по 11 іюня по всей странѣ кипѣлъ непрерывный бой, кончившійся тѣмъ, что Сулейманъ-паша, хотя и съ потерею до 10 тыс. своихъ войскъ, соединился съ Али-Саибомъ близъ Спужа [1]).

Извѣстія, получаемыя въ то время, были крайне сбивчивы. Однѣ телеграммы сообщали о частныхъ успѣхахъ черногорцевъ, другія же, напротивъ, приносили вѣсти о полной побѣдѣ турокъ и близкой гибели Черногорскаго княжества.

Все это происходило за нѣсколько дней до переправы русской арміи черезъ Дунай и, по общему убѣжденію, только ея появленіе въ Болгаріи могло спасти черногорцевъ....

---

[1]) На югѣ Черногоріи, въ Даниловградскомъ округѣ.

Вслѣдъ за вѣстью о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай телеграфъ извѣстилъ, что черногорцы управились съ грозными силами врага: 16 іюня они нанесли туркамъ пораженіе въ долинѣ Морачи и заставили ихъ очистить княжество.

Быстрое движеніе русскихъ войскъ къ Балканамъ вынудило Порту отозвать Сулеймана-пашу съ частью его войскъ для защиты Адріанополя, куда Сулейманъ и выступилъ чрезъ Скутари на Антивари 25 іюня ст. стиля.

Такимъ образомъ, для черногорцевъ прошла опасность и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ они могли перейдти въ наступленіе противъ Никшича.

10 и 11 іюля ими взяты были штурмомъ высоты Требешъ, господствующія надъ крѣпостью и гор. Никшичемъ, а также форты Горнопольскій и Рабовацъ.

Удача, выпавшая на долю черногорцевъ, не оставляла ихъ и до конца борьбы.

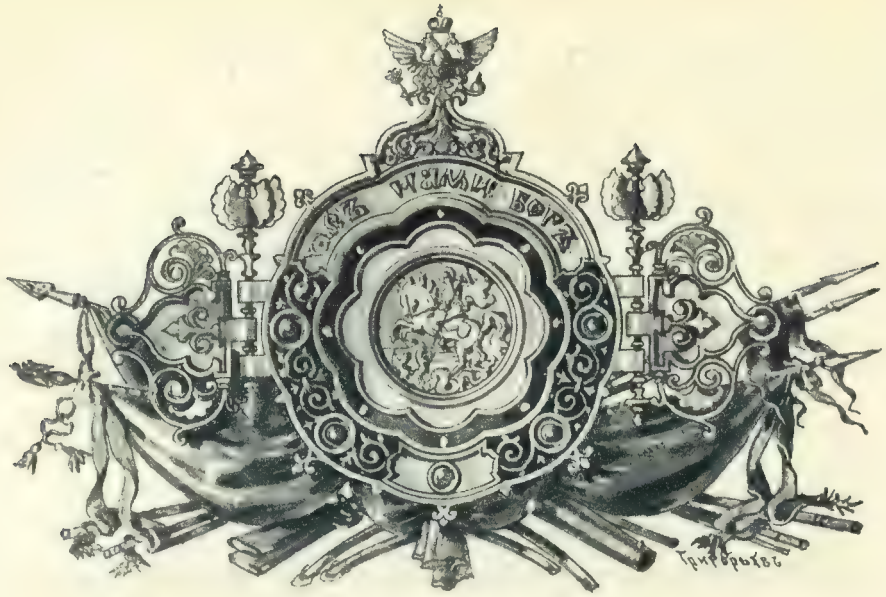
Овладѣвъ 27 августа крѣпостью Никшичъ, они двинулись въ Дужскій проходъ, заняли съ боя защищавшіе его форты и укрѣпленія, направились затѣмъ къ Подгорицѣ и Антивари и взятіемъ этого послѣдняго города закончили войну въ исходѣ 1877 года.

Изъ настоящаго бѣглаго очерка видно, что наибольшее значеніе для Россіи въ ея борьбѣ съ Турціей могла получить и въ дѣйствительности получила Румынія, какъ по состоянію своихъ вооруженныхъ силъ, такъ, особенно, по своему географическому положенію по отношенію къ важнѣйшему театру военныхъ дѣйствій.

Менѣе значенія имѣла Сербія, сильно разстроенная непосильной для нея борьбой съ Турціей. Примыкая непосредственно къ театру военныхъ дѣйствій, Сербское княжество могло бы получить серьезное значеніе для наступающей къ Балканамъ русской арміи, обезпечивая ея правый флангъ.

Совершенное разстройство арміи и политическія соображенія правительства не позволили, однако, Сербіи выполнить эту задачу въ достаточной степени. Лишь къ концу войны, когда успѣхъ таковой былъ обезпеченъ, Сербія выставила въ поле вспомогательный 60-тысячный корпусъ.

Что касается Черногоріи, то, несмотря на отдаленность ея отъ главнаго театра войны, ея ополченія принесли существенную помощь общему дѣлу, долго удерживая передъ собою армію Сулеймана-паши и до конца войны отвлекая на себя часть силъ Турціи.



ГЛАВА IV.

Вооруженныя силы Россіи.

Состояніе вооруженныхъ силъ къ началу 70-хъ годовъ.—Реформы 1873—74 гг.—Комплектованіе арміи офицерами и нижними чинами.—Измѣненія въ организаціи арміи въ періодъ 1870—77 гг.—Полевыя войска: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженерныя войска.—Соединеніе полевыхъ войскъ въ корпуса.—Тыловыя войска: крѣпостныя, резервныя и мѣстныя.—Войска вспомогательнаго назначенія.—Военно-врачебныя учрежденія.—Иррегулярныя войска: казачьи и изъ инородцевъ.—Государственное ополченіе.—Вооруженіе.—Снаряженіе.—Снабженіе войскъ обозомъ.

ПРЕЖДЕ изложенія устройства и состоянія вооруженныхъ сухопутныхъ силъ Россіи непосредственно передъ войною 1877 года необходимо остановиться на организаціи русской арміи въ началѣ 70-хъ годовъ и изложить важнѣйшія реформы, предпринятыя Военнымъ Министерствомъ въ періодъ 1873—1874 годовъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ русская армія состояла изъ войскъ:

а) *Регулярныхъ* — полевыхъ, крѣпостныхъ, резервныхъ, войскъ внутренней стражи и частей и командъ вспомогательнаго назначенія, а также различныхъ военныхъ заведеній.

б) *Иррегулярныхъ* двухъ категорій: казачьихъ войскъ и войскъ изъ инородцевъ.

Въ военное время по примѣру прошлыхъ большихъ войнъ можно было разсчитывать, кромѣ того, на призывъ ополченія, но для организаціи послѣдняго въ мирное время никакихъ мѣръ принято не было.

Полевыя войска состояли изъ:

1) 47 пѣхотныхъ дивизій, 8 стрѣлковыхъ бригадъ и 48 линейныхъ баталіоновъ.

Дивизій было: 3 гвардейскихъ, 4 гренадерскихъ и 40 пѣхотныхъ, заключавшихъ въ себѣ 188 пѣхотныхъ полковъ, изъ коихъ 16 были 4-баталіоннаго состава, остальные же 3-баталіонные.

Въ баталіонахъ пѣхотныхъ и линейныхъ было по 5 ротъ: одна стрѣлковая и 4 линейныхъ. Стрѣлковыя бригады состояли каждая изъ 4-баталіоновъ 4-ротнаго состава.

Всего полевой пѣхоты было 660 баталіоновъ.

2) 10 кавалерійскихъ дивизій, въ коихъ считалось 56 полковъ 4-эскадроннаго состава, а всего 224 эскадрона.

3) 47 пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, каждая въ 4 батареи 8-орудійнаго состава; всего 234 батареи съ 1.872 4- и 9-фунтовыми мѣдными нарѣзными съ казны заряжающимися пушками [1]), 8 конно-артиллерійскихъ бригадъ въ 18 батарей съ 108 4-фунтовыми пушками и 8 парковыхъ бригадъ съ 30 артиллерійскими парками.

4) 5 саперныхъ бригадъ изъ 10 саперныхъ баталіоновъ, 6 понтонныхъ полубаталіоновъ, 6 военно-телеграфныхъ и 2 инженерныхъ полевыхъ парковъ [2]).

Крѣпостныя войска состояли изъ 8 полковъ и 5 отдѣльныхъ баталіоновъ; всего изъ 25 баталіоновъ пѣхоты и 59 крѣпостныхъ артиллерійскихъ ротъ (по военному времени 91).

Резервныя войска имѣли назначеніемъ подготовку рекрутъ для прочихъ войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, за исключеніемъ саперныхъ баталіоновъ — кромѣ

[1]) Въ томъ числѣ 80 скорострѣльныхъ пулеметовъ Гатлинга.

[2]) Сверхъ того имѣлась Туркестанская саперная рота.

того—несшихъ службу во многихъ одинаковую съ полевыми частями.

Войска эти состояли изъ 80 отдѣльныхъ резервныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ, 56 кавалерійскихъ резервныхъ эскадроновъ, частію сведенныхъ въ 6 резервныхъ кавалерійскихъ бригадъ, и 4 резервныхъ пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, каждая въ 3 батареи, 2 конно-артиллерійскихъ бригадъ, по 2 батареи каждая, и 4 резервныхъ саперныхъ баталіоновъ.

Войска для внутренней службы имѣли назначеніемъ поддержаніе порядка внутри имперіи и несли мѣстную, конвойную и этапную службу. Они состояли изъ 70 губернскихъ баталіоновъ, горнозаводскаго и 603 уѣздныхъ мѣстныхъ, этапныхъ, конвойныхъ и постовыхъ командъ.

Вспомогательныя войска и учрежденія состояли изъ жандармскихъ командъ, различныхъ мѣстныхъ артиллерійскихъ частей и управленій, мѣстныхъ парковъ, складовъ, инженерныхъ командъ и управленій, учебныхъ войскъ (пѣхотныя баталіонъ и рота; эскадронъ, пѣшая и конная батареи, гальваническая рота), военно-желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ командъ, военно-учебныхъ заведеній, интендантскихъ складовъ, магазиновъ и мастерскихъ, военно-врачебныхъ заведеній, тюремныхъ заведеній, ремонтныхъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ депо и двухъ рабочихъ бригадъ.

Казачьи войска. Казачьи войска выставляли пѣшія, конныя и артиллерійскія части и состояли изъ войскъ: Донского, Кубанскаго, Терскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Семирѣченскаго, Забайкальскаго и Амурскаго, а также Иркутскаго и Енисейскаго полковъ. Всего по штатамъ военнаго времени казачьи войска выставляли: 31 баталіонъ, 933 сотни и 26 конныхъ батарей со штатнымъ составомъ 3.980 офицеровъ и 177.099 казаковъ. По списку же къ 1 января 1877 г. состояло 3.236 офицеровъ и 181.930 казаковъ.

Въ томъ числѣ на дѣйствительной службѣ находились 10 баталіоновъ, 289 эскадроновъ и сотенъ и 15 конныхъ батарей въ составѣ 1.771 офицеръ и 63.218 казаковъ; остальные офицеры и нижніе чины находились на льготѣ.

Инородческія войска. Къ началу 1871 года на службѣ состояли слѣдующія инородческія части: л.-гв. кавказскій эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, Дагестанскій и Кутаисскій конно-иррегулярные полки, Дагестанская, Терская, Андійская и Кубанская милиціи, Грузинская пѣшая дружина и Гурійская пѣшая сотня. Всего $1^1/_4$ дружина и 37 эскадроновъ и сотенъ въ составѣ по штату 132 офицера и 5.612 нижнихъ чиновъ. По списку же къ 1 января 1871 года состояло 131 офицеръ и 5.612 нижнихъ чиновъ.

Всего въ арміи числилось 733.761 чел. по мирному времени; въ томъ числѣ въ полевыхъ войскахъ 517.079 нижнихъ чиновъ. Для приведенія арміи на военное положеніе имѣлось въ запасѣ 514.615 чел. нижнихъ чиновъ.

Всего, считая съ казачьими и инородческими войсками, въ распоряженіи военнаго министерства къ началу 1871 года имѣлось 1.440.918 нижнихъ чиновъ. Офицеровъ состояло по списку 24.788 чел.; до штата мирнаго времени не хватало 1.052 чел.

Некомплектъ по штатамъ военнаго времени предвидѣлся въ размѣрѣ около 6.000 чел. Запаса офицеровъ не было и некомплектъ могъ лишь отчасти быть покрытъ пріемомъ на службу отставныхъ офицеровъ и переводомъ лицъ офицерскаго званія, служившихъ въ другихъ вѣдомствахъ.

Затѣмъ предполагалось покрыть некомплектъ производствомъ въ офицеры достойныхъ унтеръ-офицеровъ.

Комплектовалась русская армія до 1874 года путемъ рекрутскихъ наборовъ съ податныхъ сословій [1]), производившихся ежегодно.

[1]) Царство Польское ставило рекрутъ отъ всѣхъ сословій, по особому разсчету и на нѣсколько различныхъ отъ Имперіи основаніяхъ.

Въ періодъ 1856—1862 годовъ рекрутскихъ наборовъ не производилось, дабы облегчить населеніе послѣ усиленныхъ наборовъ во время Крымской войны.

Вспомогательными источниками для пополненія убыли въ войскахъ, а также приведенія ихъ въ военный составъ служили: призывы на службу временно и безсрочно-отпускныхъ, обратный пріемъ вновь на службу нижнихъ чиновъ, временно признанныхъ неспособными, пріемъ дворянъ и вольноопредѣляющихся, солдатскихъ дѣтей, государственныхъ крестьянъ и лицъ другихъ сословій добровольно поступавшихъ, лицъ добровольно опредѣлявшихся нижними чинами изъ отставныхъ офицеровъ и лицъ духовнаго званія, оказавшихся за штатомъ, военныхъ замѣстителей [1]) и, наконецъ, лицъ отданныхъ въ военную службу за преступленія и проступки и возвращенныхъ изъ другихъ вѣдомствъ за неблагонадежное поведеніе и пр.

Начиная съ 1863 года пріемный возрастъ рекрутъ былъ опредѣленъ отъ 21 до 30 лѣтъ. Срокъ службы опредѣлялся по постановленіямъ до 1864 г. для нижнихъ чиновъ, поступившихъ ранѣе 8 сентября 1859 года,—въ 20 лѣтъ, изъ которыхъ 15 лѣтъ дѣйствительной службы и 5 лѣтъ въ безсрочномъ отпуску, а для нижнихъ чиновъ, поступившихъ позже этого дня, общій срокъ службы былъ назначенъ 15 лѣтъ, изъ коихъ 12 лѣтъ дѣйствительной службы и 3 года въ безсрочномъ отпуску. Законъ этотъ не распространялся до 1864 года на войска корпуса внутренней стражи и командъ внутренняго артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ.

Въ этомъ году мѣра эта была распространена и на названныя выше части въ качествѣ временной, а съ 1866 года стала уже примѣняться постоянно.

---

[1]) На основаніи Рекрутскаго устава допускалась для рекрутъ замѣна себя охотниками. Въ 1868 году издано положеніе о замѣнѣ обязательной военной службы денежнымъ выкупомъ и частнымъ наймомъ охотниковъ въ рекруты.

Засимъ съ 1864 года послѣдовали новыя облегченія, а именно:

Въ 1864 году кавказскимъ войскамъ, въ награду за покореніе Кавказа, повелѣно было людей, поступившихъ до 8 сентября 1859 года и прослужившихъ 15 лѣтъ на дѣйствительной службѣ, увольнять не въ безсрочный отпускъ, а прямо въ отставку.

Въ 1868 году въ видахъ быстрѣйшаго накопленія запаса постановлено увольнять въ безсрочный отпускъ людей, поступившихъ до 8 сентября 1859 года, по прослуженіи 13 лѣтъ срокомъ на 7 лѣтъ, а поступившихъ послѣ этого дня—по прослуженіи 10 лѣтъ, срокомъ на 5 лѣтъ.

Кромѣ того, въ арміи широко примѣнялось увольненіе людей во временные отпуски, начиная съ 9 и даже 8 лѣтъ дѣйствительной службы, и уже въ 1871 году въ войскахъ имѣлось на дѣйствительной службѣ не болѣе 7% нижнихъ чиновъ, служившихъ 9 и болѣе лѣтъ.

Успѣхи, достигнутые Пруссіей въ 1870—71 годахъ, въ значительной степени благодаря принятію принципа общеобязательной воинской повинности, побудили и русское правительство измѣнить систему комплектованія арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ развить, вообще, свои вооруженныя силы, поставивъ таковыя въ уровень съ требованіями измѣнившейся политической обстановки.

1 января 1870 года во всеподданнѣйшемъ докладѣ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе Государя Императора на составленіе особой записки относительно предстоящаго развитія военныхъ силъ Имперіи. Предположеніе это удостоилось одобренія Его Императорскаго Величества и во исполненіе Высочайшей воли были учреждены двѣ коммисіи: одна для разработки положенія о личной воинской повинности, а другая—для составленія положеній о запасныхъ, мѣстныхъ, резервныхъ войскахъ и государственномъ ополченіи.

По окончаніи работъ названныхъ коммисій и прочихъ подготовительныхъ работъ, 8 апрѣля 1873 года состоялось, подъ непосредственнымъ руководствомъ Императора Александра II, особое совѣщаніе о стратегическомъ положеніи Россіи и объ организаціи арміи.

Заключенія, выработанныя на этомъ совѣщаніи, повлекли за собою коренныя преобразованія въ комплектованіи арміи нижними чинами и послужили началомъ значительныхъ измѣненій въ организаціи войскъ.

Выработанный въ 1873 году коммисіей уставъ о воинской повинности удостоился 1 января 1874 года Высочайшаго утвержденія и въ концѣ того же года было приступлено къ призыву новобранцевъ на основаніи такового.

Комплектованіе русской арміи нижними чинами производилось на основаніи вышеупомянутаго устава порядкомъ, основныя черты котораго остаются неизмѣнными и по настоящее время.

Воинской повинности подлежало все мужское населеніе; денежный выкупъ или замѣна охотниками не разрѣшались; лишенные всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ къ отправленію воинской повинности не допускались.

Отбываніе воинской повинности было опредѣлено въ двухъ видахъ: 1) поступленіемъ на дѣйствительную службу и далѣе въ запасъ и въ ополченіе и 2) зачисленіемъ прямо въ ополченіе. Вопросъ о видѣ отбыванія воинской повинности рѣшался жребіемъ. Къ исполненію воинской повинности каждый призывался одинъ разъ въ жизни, именно въ тотъ годъ, въ которомъ ему къ 1 января исполнилось 20 лѣтъ.

Общій срокъ службы былъ установленъ въ 15 лѣтъ, послѣ чего каждый принятый на службу зачислялся прямо въ ополченцы до сорокалѣтняго возраста.

Не поступившіе на службу по жребію прямо зачислялись въ ополченіе до сорокалѣтняго возраста.

Сроки дѣйствительной службы и состоянія въ запасѣ были опредѣлены слѣдующіе:

1) для лицъ, не имѣвшихъ льготъ по правамъ образованія, срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ въ 6 лѣтъ и состояніе въ запасѣ въ 9 лѣтъ;

2) для лицъ, имѣющихъ льготы по правамъ образованія, смотря по разряду такового, сроки дѣйствительной службы опредѣлены отъ 6 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ и состояніе въ запасѣ до 15 лѣтъ общаго срока службы.

Поступавшія на службу въ войска отдаленныхъ округовъ лица, не имѣвшія правъ по образованію, были обязаны 7 годами дѣйствительной службы, но за то въ запасѣ состояли 3 года. Лица, пользовавшіяся правами образованія по четвертому разряду, поступившія въ эти округа, служили 6 лѣтъ и въ запасѣ состояли 4 года.

Воинская повинность не была обременительна для населенія: изъ числа всѣхъ подлежащихъ призыву на службу поступало не болѣе четвертой части.

Изъятія отъ воинской повинности были допущены лишь:

1) для священнослужителей всѣхъ вѣроисповѣданій, православныхъ псаломщиковъ и окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ и училищахъ;

2) для лицъ, неспособныхъ къ военной службѣ,

и 3) для лицъ, имѣющихъ менѣе 2 аршинъ и $2^1/_2$ вершковъ росту.

При отбываніи воинской повинности допускались льготы по образованію и по семейному положенію.

Первыя давали право поступленія вольноопредѣляющимися (смотря по образованію) при срокахъ дѣйствительной службы отъ 3 мѣсяцевъ и до 2 лѣтъ, причемъ для всѣхъ такихъ лицъ пребываніе въ запасѣ было опредѣлено въ 9 лѣтъ.

Вторыя—смотря по одному изъ трехъ разрядовъ, давали больше или меньше правъ на освобожденіе отъ дѣйствительной службы и зачисленіе прямо въ ополченіе.

Артиллерійской
бригады.

Съ 1874 года право добровольнаго поступленія на службу было дано и лицамъ, не имѣвшимъ образовательнаго ценза и тѣмъ изъ имѣющихъ таковой, которыя пожелали бы поступить въ возрастѣ старше 20 лѣтъ. Всѣ эти лица назывались охотниками и принимались на службу въ возрастѣ: въ мирное время не старше 30 лѣтъ, а въ военное—40 лѣтъ.

Кромѣ вольноопредѣляющихся и охотниковъ, вспомогательными источниками комплектованія служили воспитанники, выпущенные изъ военно-учебныхъ заведеній нижними чинами, и лица, разжалованныя изъ офицеровъ.

Всѣ эти источники давали, однако, менѣе 2% общей цифры комплектованія.

Ко времени мобилизаціи 1 ноября 1876 года въ рядахъ войскъ находилось уже два годовыхъ призыва новобранцевъ, принятыхъ на службу на основаніи означеннаго устава.

Запасъ арміи состоялъ почти исключительно изъ нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ свое время на службу путемъ рекрутскихъ наборовъ.

Всего къ 1 ноября 1876 года состояло по спискамъ въ арміи нижнихъ чиновъ 722.193 чел. и въ запасѣ—752.305 чел., а всего—1.474.498 нижнихъ чиновъ, что̀ было недостаточно не только для приведенія арміи на военное положеніе полностью, согласно проектированной въ 1873 году организаціи, но и для укомплектованія арміи по этой незаконченной еще организаціи въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась къ концу 1876 года, для чего не хватало свыше 480/т. человѣкъ. Предположивъ вѣроятный недоборъ запаса въ 10%, слѣдуетъ придти къ заключенію, что недостатокъ запаса доходилъ до 550/т. человѣкъ.

Составъ унтеръ-офицеровъ русской арміи пополнялся въ началѣ царствованія Императора Александра II попрежнему вольноопредѣляющимися, далѣе, такъ называемыми кантонистами и, наконецъ, производствомъ изъ поступившихъ въ войска прямо по рекрутскимъ наборамъ.

Объ унтеръ-офицерахъ первой категоріи упоминается тутъ только ради точности, такъ какъ они, будучи почти исключительно кандидатами на офицерское званіе, сами находились въ категоріи обучаемыхъ и, въ сущности, никакого вліянія на обученіе и воспитаніе рядовыхъ не имѣли.

Баталіоны кантонистовъ со связанными съ ними школами и учебными войсками давали отлично вышколенныхъ по тогдашнимъ требованіямъ инструкторовъ и учителей, а также чиновъ нестроевыхъ, требующихъ предварительной подготовки.

Число поступающихъ ежегодно въ войска изъ этого источника было невелико, но поступавшіе при продолжительныхъ срокахъ службы всетаки оказывали замѣтное вліяніе на составъ унтеръ-офицеровъ и на обученіе и воспитаніе рядовыхъ [1]).

Впрочемъ, вліяніе это не распространилось непосредственно на ближайшій періодъ, предшествовавшій войнѣ 1877—78 годовъ, такъ какъ Высочайшимъ манифестомъ отъ 26 августа 1850 г. пополнявшіе собственно кантонистскія части солдатскіе сыновья были исключены изъ военнаго вѣдомства, послѣ чего число находившихся въ кантонистскихъ заведеніяхъ начало быстро уменьшаться [2]).

Училища военнаго вѣдомства, учрежденныя въ 1858 году взамѣнъ кантонистскихъ заведеній, пополнялись добровольно поступающими, число коихъ, однако, бывало замѣтно

---

[1]) Въ теченіе 20-лѣтняго періода (съ 1836 — 56 года) поступало въ войска среднимъ числомъ въ годъ по 778 унтеръ-офицеровъ изъ кантонистовъ, прошедшихъ черезъ учебныя войска; въ этотъ же періодъ поступало въ среднемъ по 318 музыкантовъ въ годъ.

[2]) Къ 1 января 1856 года состояло на лицо въ кантонистскихъ заведеніяхъ солдатскихъ дѣтей 42.681 человѣкъ и, кромѣ того, на воспитаніи у родственниковъ — 329.886, изъ коихъ на казенномъ довольствіи—201.451. Къ 1 января 1859 года число кантонистовъ въ заведеніяхъ уменьшилось до 12.451. Изъ нихъ поступило во вновь открытыя военныя училища 5.925 человѣкъ (изъ коихъ собственно въ училища—3.225, прочіе—въ команды при тѣхъ же училищахъ), остальные опредѣлены на службу въ войска, военныя управленія, мастеровыя команды, фельдшерскіе ученики, отданы родственникамъ и проч.

менѣе вакансій. Въ 1866 году они переформированы въ „военныя начальныя школы“, потерявъ окончательно характеръ заведеній, подготовляющихъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ.

Такимъ образомъ, составъ унтеръ-офицеровъ какъ во время войны, такъ и въ ближайшій до нея періодъ состоялъ почти исключительно изъ поступившихъ прямо въ части войскъ. Выборъ въ унтеръ-офицеры этой категоріи не представлялъ никакихъ затрудненій въ прежнее время при продолжительныхъ срокахъ дѣйствительной службы. Тогда было время и полная возможность узнать и оцѣнить каждаго человѣка въ отдѣльности; обученіе и воспитаніе въ столь продолжительный срокъ совершалось какъ будто само собой. Произведенные вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнимъ требованіямъ.

Съ сокращеніемъ сроковъ дѣйствительной службы дѣло пополненія унтеръ-офицерскаго состава значительно затруднилось; оно потребовало новыхъ мѣръ и особаго старанія подлежащихъ начальниковъ. Мѣры эти и старанія согласно современнымъ требованіямъ послѣ войны 1854—56 годовъ выразились прежде всего въ стремленіи къ грамотности, а засимъ—въ видѣ преимущественно класснаго обученія. Начиная съ 1857 года, почти во всѣхъ корпусахъ, по распоряженіямъ корпусныхъ начальствъ, открывались школы для обученія въ частяхъ войскъ неграмотныхъ унтеръ-офицеровъ и нѣкотораго числа рядовыхъ. Школы эти, не имѣвшія опредѣленнаго общаго типа, были, на основаніи „Инструкціи“ 1867 года (прик. по воен. вѣд. № 262), замѣнены полковыми и баталіонными учебными командами съ двухлѣтнимъ срокомъ обученія. Обученіе въ нихъ было въ теченіе двухъ зимнихъ періодовъ строевое, практическое, но также и съ значительнымъ развитіемъ классныхъ занятій.

Въ 1875 году, по случаю введенія всеобщей воинской повинности и связаннаго съ ней сокращенія сроковъ дѣй-

ствительной службы нижнихъ чиновъ, курсъ полковыхъ командъ сокращенъ до одного зимняго.

Впрочемъ, учебныя команды вообще, давая извѣстное обученіе и образованіе, никакъ не могли замѣнить того воспитанія, которое даетъ только сама служба достаточно продолжительная. Наоборотъ, требованіе извѣстной степени грамотности отъ кандидатовъ для поступленія въ команды ограничивало ихъ выборъ, такъ что въ команды не всегда поступали люди по личнымъ природнымъ свойствамъ наиболѣе соотвѣтствуемые.

Нельзя сказать, чтобы и самое классное учебное направленіе въ командахъ съ преобладаніемъ словеснаго заучиванія способствовало надлежащей подготовкѣ къ унтеръ-офицерскому званію.

Во всякомъ случаѣ по тѣмъ и другимъ причинамъ необходимо было молодой составъ унтеръ-офицеровъ поддержать и укрѣпить извѣстнымъ числомъ старослуживыхъ.

Нѣкоторое число унтеръ-офицеровъ, прошедшихъ уже обязательный срокъ службы въ строю, поступило въ войска на основаніи правилъ „О замѣстителяхъ“, объявленныхъ въ 1868 году, временно на пять лѣтъ. Такихъ замѣстителей поступило за пятилѣтній періодъ 6.247, изъ коихъ только около трети унтеръ-офицеровъ.

Въ виду недостаточности указаннаго источника предоставлено было въ 1871 году (прик. по воен. вѣд. № 169) оставаться на службѣ каждый разъ на годъ.

Наконецъ, въ 1874 году издано положеніе о нижнихъ чинахъ унтеръ-офицерскаго званія, остающихся на сверхсрочной службѣ (прик. по воен. вѣд. № 259), коимъ увеличивалось денежное вознагражденіе и внѣшнія отличія сверхсрочно-служащимъ, число коихъ къ 1877 году ограничивалось въ общемъ 6.126 чел., считая и поступившихъ въ штабы и управленія, что̀ составляло 6% общаго числа унтеръ-офицеровъ русской арміи по мирному составу.

Такимъ образомъ, въ періодъ времени до начала войны число болѣе опытныхъ, сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ въ войскахъ было, сравнительно со штатомъ, крайне ограниченно. Засимъ понятно, что при молодомъ составѣ всей массы прочихъ унтеръ-офицеровъ вся почти тяжесть образованія и воспитанія рядовыхъ, лежавшая прежде на старыхъ опытныхъ унтеръ-офицерахъ, легла на всѣхъ офицеровъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ. Въ этихъ видахъ приказомъ по военному вѣдомству 1875 года № 28 опредѣлялось: „всѣ молодые офицеры тотчасъ по прибытіи ихъ въ войска должны быть распредѣлены по ротамъ и эскадронамъ“....

Что касается унтеръ-офицеровъ спеціальныхъ войскъ—инженерныхъ и артиллерійскихъ, то они, независимо практическаго обученія на службѣ, получали и прежде, до Крымской войны, извѣстное, особое, частію школьное образованіе, обучаясь и грамотѣ. Въ унтеръ-офицеры инженерныхъ войскъ и фейерверкеры артиллеріи производились рядовые, прошедшіе съ успѣхомъ черезъ школы бригадныя саперныя и дивизіонныя артиллерійскія; не прошедшихъ черезъ школы фейерверкеровъ разрѣшалось имѣть не болѣе трети. Какъ тѣ, такъ и другія школы находились подъ наблюденіемъ особыхъ двухъ комитетовъ: одного—школъ артиллерійскихъ, а другого—инженерныхъ.

Разъ твердо поставленное дѣло подготовки въ унтеръ-офицеры и фейерверкеры спеціальныхъ войскъ вызвало затѣмъ только нѣкоторое постепенное видоизмѣненіе въ требованіяхъ и извѣстныя усовершенствованія. Впрочемъ, общее послѣдовательное сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы и тутъ отразилось неблагопріятно, хотя уже при самомъ первоначальномъ назначеніи новобранцевъ въ спеціальныя войска выбирались люди болѣе подходящіе.

Въ случаѣ приведенія арміи на военное положеніе недостатка въ унтеръ-офицерахъ не было. Наоборотъ, оказывался большой сверхкомплектъ.

Комплектованіе арміи офицерами. Важнѣйшими источниками комплектованія русской арміи офицерами были:

1) выпускъ изъ военно-учебныхъ заведеній;

2) производство въ офицеры вольноопредѣляющихся и лицъ, поступившихъ на службу по наборамъ.

Дополнительными источниками комплектованія служили: опредѣленіе вновь на службу изъ отставки офицерскихъ чиновъ и переводъ изъ другихъ вѣдомствъ.

Изъ 25.953 офицеровъ, состоявшихъ на службѣ къ 1 января 1876 года, число офицеровъ 1-й категоріи, получившихъ удовлетворительное общее и военное образованіе, не превышало трети общаго числа офицеровъ по мирному составу.

Притомъ, небольшой самъ по себѣ, контингентъ лицъ названной категоріи былъ раздѣленъ крайне неравномѣрно между гвардейскими и армейскими частями и различными родами оружія.

Громадное большинство офицеровъ, окончившихъ курсъ въ военныхъ училищахъ, служило въ гвардіи, артиллеріи, инженерныхъ войскахъ и корпусѣ военныхъ топографовъ. На долю же армейской пѣхоты и кавалеріи оставалось лишь меньшинство.

Образованіе общее и военное офицеры эти получали въ кадетскихъ корпусахъ съ спеціальными классами, Константиновскомъ военномъ, артиллерійскомъ и инженерномъ училищахъ, а съ преобразованіемъ корпусовъ въ военныя гимназіи: общее—въ этихъ послѣднихъ или гражданскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а военное въ трехъ [1]) военныхъ пѣхотныхъ училищахъ, Пажескомъ и Финляндскомъ корпусахъ, Николаевскомъ кавалерійскомъ, артиллерійскомъ, инженерномъ и военно-топографическомъ училищахъ.

Изъ остальныхъ офицеровъ русской арміи около половины можно было считать удовлетворяющими элементар-

[1]) Въ 1866 году было открыто четвертое военное училище, упраздненное, однако, въ 1870 году.

нымъ требованіямъ общаго и военнаго образованія, а именно прошедшихъ курсъ юнкерскихъ училищъ. Остальные же—не удовлетворяли и этимъ скромнымъ требованіямъ.

Производство въ офицеры изъ вольноопредѣляющихся [1]) въ пятидесятыхъ годахъ подчинялось слѣдующимъ правиламъ:

Вольноопредѣляющіеся производились въ офицеры: 1) по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи опредѣленнаго срока, отъ 6 мѣсяцевъ до 12 лѣтъ, въ зависимости отъ полученнаго образованія и сословныхъ преимуществъ и 2) въ нѣкоторыхъ случаяхъ по выдержаніи передъ производствомъ испытанія въ наукахъ по особымъ программамъ.

При поступленіи на службу въ армейскіе полки вольноопредѣляющіеся, за нѣкоторымъ исключеніемъ, испытывались по весьма краткой программѣ, исключительно по общимъ предметамъ, а съ 1861 года и въ знаніи уставовъ своего рода оружія [2]) и производились затѣмъ въ офицеры по выслугѣ вышеуказанныхъ сроковъ службы безъ особаго экзамена и лишь по испытаніи въ знаніи службы.

Вольноопредѣляющіеся гвардейскихъ частей подвергались при поступленіи на службу нѣсколько болѣе серьезному испытанію по общимъ предметамъ, а передъ производствомъ обязаны были выдержать экзаменъ и по военнымъ предметамъ, по установленной для того программѣ, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ офицеровъ гвардіи и, какъ будетъ указано ниже, офицеровъ спеціальныхъ войскъ, офицеры изъ вольноопредѣляющихся не имѣли никакой военно-научной подготовки и въ массѣ—весьма слабую общенаучную подготовку.

---

[1]) Вольноопредѣляющіеся поступали въ войска или на правахъ образованія, или по происхожденію.

[2]) Въ пѣхотѣ до баталіоннаго ученья включительно, а въ кавалеріи требовалось знаніе и полкового ученья.

На дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ единственнымъ условіемъ для производства являлась выслуга лѣтъ въ нижнемъ званіи и достаточная личная фронтовая подготовка. Послѣдняя понималась обыкновенно въ самомъ узкомъ смыслѣ. Идеаломъ ея былъ не будущій офицеръ—начальникъ, учитель и воспитатель нижнихъ чиновъ, а скорѣе унтеръ-офицеръ—ординарецъ.

Вольноопредѣляющіеся артиллерійскихъ и инженерныхъ частей подвергались экзамену по довольно обширной программѣ при артиллерійскомъ или инженерномъ отдѣленіи военно-ученаго комитета.

Недостатокъ въ офицерахъ, обнаружившійся въ теченіе 1854—56 годовъ, заставилъ еще уменьшить требованія къ лицамъ, добровольно поступающимъ на службу, сократить срокъ выслуги для дворянъ до одного года и понизить срокъ выслуги для вольноопредѣляющихся, смотря по разряду, до двухъ—шести лѣтъ.

Неудовлетворительность научной подготовки лицъ, добровольно поступающихъ на службу, хорошо сознавалась, и при первой къ тому возможности, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, поступленіе лицъ съ малымъ образовательнымъ цензомъ было затруднено и самыя испытанія стали значительно болѣе строгими.

Однако, мѣра эта, при общемъ низкомъ уровнѣ народнаго образованія, привела къ сокращенію числа добровольно поступающихъ на службу лицъ болѣе, чѣмъ въ пять разъ.

Для устраненія названнаго недостатка по необходимости пришлось, съ одной стороны, сгладить въ значительной степени различіе въ правахъ сословій при поступленіи на службу, а съ другой—принять мѣры къ доставленію возможности лицамъ, добровольно поступающимъ на службу, пополнить свое общее образованіе и пріобрѣсти необходимыя военныя познанія во время пребыванія на службѣ, что̀ и было достигнуто развитіемъ юнкерскихъ училищъ, начало

которымъ по иниціативѣ войсковыхъ начальниковъ было положено еще въ сороковыхъ годахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали требовать отъ вольноопредѣляющихся сдачи экзамена по программѣ юнкерскихъ училищъ.

Юнкерскія училища частію возникали при нѣкоторыхъ корпусныхъ штабахъ, частію, по обстоятельствамъ военнаго времени, закрывались. Въ теченіе годичнаго или двухгодичнаго курса они давали подготовку лицамъ, поступившимъ на правахъ дворянъ и вольноопредѣляющимся, служившимъ въ частяхъ этихъ корпусовъ.

Въ 1854 году была открыта военная школа въ Финляндіи, получившая съ 1861 года названіе „юнкерскаго училища для войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ“.

Тогда же возникла школа для юнкеровъ при IV корпусѣ въ г. Воронежѣ. Въ 1860 году открыты школы при I, II и III корпусахъ. Такія же школы, въ меньшемъ размѣрѣ, были открыты и при нѣкоторыхъ дивизіонныхъ штабахъ.

Изъ числа этихъ заведеній въ 1863 году существовали лишь слѣдующія юнкерскія училища: 1) при IV армейскомъ корпусѣ въ Воронежѣ, 2) при II корпусѣ подъ названіемъ „училище войскъ Царства Польскаго“, и 3) „училище для войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ“.

Въ 1856 году генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе общій новый планъ устройства юнкерскихъ училищъ при всѣхъ корпусахъ, кромѣ гвардейскаго, при пѣхотныхъ и кавалерійскихъ резервныхъ дивизіяхъ. Проектъ этотъ въ главныхъ частяхъ получилъ Высочайшее одобреніе и для разработки положенія объ юнкерскихъ школахъ былъ переданъ въ особую коммисію подъ предсѣдательствомъ самого графа Ридигера, а по кончинѣ послѣдняго—подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Плаутина.

Коммисія представила свои соображенія въ слѣдующемъ 1857 году. Дальнѣйшее развитіе вопроса объ юнкерскихъ

училищахъ встрѣтило большія затрудненія, такъ что собственно положеніе объ юнкерскихъ училищахъ состоялось только въ 1864 году.

14 іюля 1864 года былъ удостоенъ Высочайшаго одобренія проектъ учрежденія юнкерскихъ училищъ съ двухлѣтнимъ курсомъ[1]), которыя и стали открываться одно за другимъ, и къ 1 января 1871 года число таковыхъ доходило уже до 16. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность обставить производство въ офицеры болѣе строгими, чѣмъ ранѣе, требованіями и, начиная съ 1868 года, всѣ лица, производившіяся въ офицеры не изъ военно-учебныхъ заведеній, должны были или пройти предварительно курсъ юнкерскихъ училищъ, или выдержать экзаменъ по одинаковой съ ними программѣ.

Къ началу 1876 года число юнкерскихъ училищъ было доведено до 17 съ общимъ числомъ обучающихся въ 4.342 юнкера. Выпускъ 1876 года далъ 2.006 человѣкъ, получившихъ право на производство въ офицеры.

Всего же къ 1 января 1876 года было выпущено изъ юнкерскихъ училищъ 9.618 чел., а къ 1 января 1877 года—11.626 чел. Выпускъ 1877 года, произошедшій уже во время войны, далъ еще 1.868 чел.

Что касается лицъ, произведенныхъ въ офицеры изъ числа поступившихъ на службу по наборамъ и призывамъ, то число таковыхъ всегда было не велико[2]).

До 1874 года срокъ выслуги такихъ лицъ для производства въ офицеры требовался: въ гвардіи 10 лѣтъ, въ арміи—12 лѣтъ, въ Сибирскомъ и Оренбургскомъ округахъ—

---

[1]) Для поступленія въ юнкерскія училища требовалось выдержать вступительный экзаменъ.

[2]) По исчисленіямъ въ 1862 году ихъ состояло на службѣ въ частяхъ арміи:

Изъ кадетскихъ корпусовъ . . . . . въ пѣхотѣ—$^1/_5$, въ кавал. $^1/_4$, въ стрѣлк. батал. $^4/_5$
„ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся . . . . $^3/_5$, „ „ $^2/_3$, „ „ „ $^1/_3$
„ унтеръ-офицеровъ обязательной службы . . $^1/_{15}$, „ „ $^1/_{20}$, „ „ „ $^1/_{200}$
(П. Г. Бобровскій. Юнкерскія училища).

15 лѣтъ и въ корпусѣ внутренней стражи 18 лѣтъ. Въ теченіе Крымской кампаніи срокъ выслуги былъ пониженъ въ гвардіи до 8 лѣтъ, а во время Польскаго мятежа 1863 года въ гвардіи—до 7 лѣтъ, а въ арміи—до 8 лѣтъ.

Непремѣннымъ условіемъ для производства въ офицеры этихъ лицъ ставилось, чтобы они въ теченіе всей службы въ нижнихъ чинахъ ни разу не подверглись тѣлесному наказанію.

Съ 1874 года лица, поступившія по жребію на сроки четырехъ лѣтъ и выше, для производства въ офицеры должны были отбыть срокъ обязательной службы и пробыть въ унтеръ-офицерскомъ званіи, смотря по правамъ образованія, отъ одного года до двухъ лѣтъ. Для лицъ же, поступившихъ на болѣе короткіе сроки, требовалось лишь предварительное производство въ унтеръ-офицеры.

Что касается испытанія для производства въ офицеры, то до 1868 года унтеръ-офицеры, поступившіе по набору, подвергались таковому при дивизіонныхъ штабахъ, по весьма краткой программѣ. При этомъ подвергаемые испытанію должны были объявить: желаютъ ли они быть произведенными въ офицеры, или же отказываются отъ производства, причемъ отказавшійся лишался права на производство навсегда. Взамѣнъ того, отказавшійся отъ производства, но выдержавшій экзаменъ, пріобрѣталъ многія преимущества, а именно—$^2/_3$ прапорщичьяго жалованья, которыя по прослуженіи пяти лѣтъ обращались ему въ пенсію, и отличіе въ одеждѣ. Не выдержавшіе экзаменъ получали въ этомъ случаѣ лишь $^1/_3$ прапорщичьяго оклада. Громадное большинство унтеръ-офицеровъ довольствовалось этими преимуществами и отказывалось отъ производства.

Наконецъ, относительно образованія лицъ, поступавшихъ на службу изъ отставки или изъ другихъ вѣдомствъ, то въ общемъ оно было одинаково съ образованіемъ офицеровъ, перечисленныхъ выше категорій.

Источникомъ комплектованія офицерами съ высшимъ образованіемъ были академіи: Николаевская генеральнаго штаба, Михайловская артиллерійская, Николаевская инженерная и военно-юридическая. Съ 1854 по 1876 годъ, включительно, академіи эти выпустили 2.288 офицеровъ, получившихъ высшее военное образованіе. Въ томъ числѣ: академія генеральнаго штаба—829, артиллерійская—561, инженерная—697 и военно-юридическая—201. Выпускъ 1876 года далъ: изъ академіи генеральнаго штаба—24, артиллерійской—13, инженерной—23 и военно-юридической—28 офицеровъ.

При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что собственно въ войскахъ состояла лишь часть (около половины) всѣхъ выпущенныхъ изъ академій офицеровъ, преимущественно офицеровъ генеральнаго штаба. Офицеры же, выпущенные изъ академій артиллерійской и инженерной въ значительномъ большинствѣ, а военно-юридической полностью, были отвлечены технически-артиллерійской, строительной и судебной дѣятельностью.

Для комплектованія арміи медицинскимъ персоналомъ служила преимущественно медико-хирургическая академія. Сверхъ того, принимались на службу и лица, окончившія медицинскіе факультеты въ различныхъ университетахъ.

Комплектованіе военнаго вѣдомства чиновниками производилось по правиламъ, общимъ для прочихъ вѣдомствъ.

Некомплектъ офицеровъ и чиновниковъ по штатамъ военнаго времени былъ весьма великъ.

По этимъ штатамъ, согласно незаконченной организаціи 1873 года, въ войскахъ, управленіяхъ и различныхъ учрежденіяхъ должно было состоять свыше 44 т. офицеровъ; по спискамъ къ 1 ноября 1876 года значилось 26.888, что по мирному времени представляло сверхкомплектъ въ 545 офицеровъ. Однако, при полной мобилизаціи пришлось бы принять на службу до 17 т. человѣкъ, т. е. почти 40% штатнаго числа. Между тѣмъ запаса офицеровъ до 1874 года

установлено не было, а съ 1874 до конца 1876 его накопиться не могло, такъ какъ случаи ухода офицеровъ ранѣе выслуги лѣтъ дѣйствительной службы вообще были рѣдки. Чиновниковъ по штатамъ военнаго времени должно было состоять свыше 15 т. человѣкъ, по списку же состояло 8.119, т. е. не хватало около 7/т. человѣкъ, что̀ составляло 47% штатнаго числа. Особенныя неудобства представлялъ недостатокъ въ военно-медицинскомъ персоналѣ.

Для устраненія неудобствъ, вытекавшихъ изъ такого положенія дѣлъ, военному министерству пришлось принять рядъ особыхъ мѣръ, о чемъ будетъ указано ниже, въ главѣ седьмой.

Помимо указанныхъ выше измѣненій въ порядкѣ комплектованія войскъ, періодъ времени съ 1870 по 1877 годъ ознаменовался многочисленными измѣненіями въ организаціи русской вооруженной силы.

Еще въ 1873 году, послѣ совѣщанія, лично руководимаго Императоромъ Александромъ II, рѣшено было: 1) усилить полевыя войска, 2) преобразовать и развить мѣстныя войска и 3) образовать кадры для резервныхъ и запасныхъ войскъ[1]).

Полевыя войска предположено было развить слѣдующимъ образомъ: 1) привести всѣ пѣхотные полки въ 4-баталіонный составъ[2]), 2) сформировать пѣхотную дивизію и два уланскихъ полка на Кавказѣ[3]), 3) увеличить число полевыхъ пѣшихъ батарей на двѣ въ каждой бригадѣ (7-ю и 8-ю)[4]), 4) преобразовать конную артиллерію, 5) увеличить составъ инженерныхъ войскъ и 6) ввести въ составъ кавалерійскихъ дивизій казачьи полки.

Мѣстныя войска предполагалось переформировать такъ, чтобы они служили готовымъ матеріаломъ и кадромъ во

[1]) Послѣдняя мѣра, а именно: образованіе кадровъ для запасныхъ войскъ въ мирное время, осуществлена не была.

[2]) Къ 1 ноября 1876 года приведено было въ 4-батал. составъ всего 40 полковъ.

[3]) Уланскихъ полковъ сформировано не было.

[4]) Предположеніе это не было приведено въ исполненіе даже по окончаніи войны.

время войны для резервныхъ и запасныхъ войскъ. На сформированныя резервныя войска и преобразованныя крѣпостныя части предполагалось возлагать исполненіе всѣхъ вспомогательныхъ дѣйствій въ тылу полевыхъ армій.

Для непрерывнаго пополненія убыли во время войны, въ полевыхъ и резервныхъ войскахъ предположено было въ военное время формировать особыя запасныя войска. Наконецъ, въ 1874 году предположено было дать устройство государственному ополченію. Однако, финансовое состояніе государства не позволяло произвести указанныя преобразованія одновременно и въ полномъ объемѣ, почему таковыя предполагалось производить постепенно, по особымъ на каждый разъ указаніямъ Государя и отнюдь не прибѣгая къ чрезвычайнымъ расходамъ. Съ 1873 года военному министерству было поставлено въ обязанность довольствоваться въ теченіе пяти лѣтъ нормальнымъ бюджетомъ, изъ котораго и должны были быть произведены расходы на предположенное формированіе частей, перевооруженіе арміи, заготовку запасовъ и проч.

Такимъ образомъ, многія насущныя преобразованія не могли быть выполнены до войны и частію были лишь проектированы.

Ходъ важнѣйшихъ преобразованій въ періодъ 1870—1876 годовъ въ общихъ чертахъ былъ слѣдующій:

Въ 1872 году — повелѣно сформировать въ пѣшихъ артиллерійскихъ бригадахъ пятыя и шестыя батареи и положено усилить полевые парки.

Въ 1873 году—упразднены бывшіе резервные баталіоны въ ожиданіи общей реформы тыловыхъ войскъ.

Въ 1874 году — преобразованы полевыя и мѣстныя войска Кавказскаго военнаго округа [1]); переформированы войска для внутренней службы въ десяти округахъ Евро-

[1]) Полки Кавказской гренадерской и 5 армейскихъ дивизій приведены въ 4-батал. составъ и сформирована новая 41-я пѣх. дивизія.

пейской Россіи; изданы положенія о резервныхъ и запасныхъ войскахъ; изъ войскъ гвардіи образованъ корпусъ.

Въ 1875 году — преобразована кавалерія и конная артиллерія; опредѣлены главныя основанія организаціи полевыхъ артиллерійскихъ парковъ.

Въ 1876 году — гвардейскіе пѣхотные полки приведены въ 4-баталіонный составъ; дана новая организація крѣпостной артиллеріи; сформированы нѣкоторыя запасныя артиллерійскія части; часть арміи сведена въ корпуса; издано положеніе о подвижномъ ополченіи.

Изъ сказаннаго видно, что за этотъ періодъ военное министерство проявило необыкновенную дѣятельность, направленную къ усовершенствованію организаціи русской военной силы.

Такимъ образомъ, въ сравнительно короткій срокъ исполнено было многое изъ намѣченнаго программою 1873 года.

Однако, невозможно было устранить важнѣйшіе коренные недочеты, а именно: отсутствіе запаса офицеровъ и недостатокъ запаса обученныхъ нижнихъ чиновъ. Россія обладала, конечно, для единоборства съ Турціей силами болѣе чѣмъ достаточными, но, несмотря на обиліе свободнаго еще сырого матеріала, могъ все-таки оказаться недостатокъ въ наличныхъ организованныхъ силахъ въ случаѣ болѣе крупныхъ политическихъ осложненій, среди коихъ пришлось бы отстаивать уже завоеванное.

По выполненіи вышеприведенныхъ реформъ организація русской арміи къ 1 ноября 1876 года представлялась въ слѣдующемъ видѣ.

Вооруженныя силы Россіи состояли изъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ и ополченія.

Регулярныя войска раздѣлялись на 4 категоріи: 1) дѣйствующія или полевыя, 2) тыловыя, 3) запасныя и 4) вспомогательнаго назначенія.

Иррегулярныя войска подраздѣлялись на: 1) войска казачьи и 2) войска изъ инородцевъ.

А. **Регулярныя войска.** I. *Полевыя войска* состояли изъ пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ, а именно: изъ 48 пѣхотныхъ дивизій [1]), 8 стрѣлковыхъ бригадъ [2]), 34 линейныхъ баталіоновъ [3]), 17 кавалерійскихъ дивизій [4]), 51 пѣшей артиллерійской бригады и отдѣльной пѣшей батареи [5]), гвардейской конно-артиллерійской бригады, 22 конныхъ батарей [6]) и 5 саперныхъ бригадъ [7]), а всего 682 баталіоновъ, 224 эскадроновъ и 2.556 орудій, 15¼ саперныхъ баталіоновъ, 6 понтонныхъ полубаталіоновъ, 9 телеграфныхъ, 2 полевыхъ и 2 осадныхъ инженерныхъ парковъ.

Часть этихъ войскъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, уже входила въ составъ гвардейскаго и шести армейскихъ корпусовъ.

а) *Пѣхота* состояла изъ 192 пѣхотныхъ полковъ (10 гвардейскихъ, 18 гренадерскихъ и 164 армейскихъ), 32 стрѣлковыхъ и 34 линейныхъ баталіоновъ; всего въ полевой пѣхотѣ считалось 682 баталіона.

Почти наканунѣ войны рѣшено было всѣ пѣхотные полки привести въ четырехъ-баталіонный составъ, по четыре роты въ каждомъ. Эта мѣра, однако, была выполнена въ войскахъ только Кавказскаго военнаго округа и гвардейскаго корпуса, всего въ десяти дивизіяхъ. Остальные же полки пока имѣли прежній трехъ-баталіонный составъ, по пяти ротъ въ баталіонѣ, причемъ первыя четыре роты были

---

[1]) 3 гвардейскихъ, 4 гренадерскихъ и 41 армейская.

[2]) Гвардейской, 5 армейскихъ, Кавказской и Туркестанской.

[3]) 7 Кавказскихъ, 2 Оренбургскихъ, 4 Западно-Сибирскихъ, 6 Восточно-Сибирскихъ и 15 Туркестанскихъ.

[4]) 2 гвардейскихъ, 14 армейскихъ и Кавказской кавалерійской. Сверхъ того, имѣлись двѣ казачьи дивизіи: Донская и Кавказская (сводно-казачья).

[5]) 48 бригадъ по числу пѣхотныхъ дивизій, 3 бригады особаго состава (2 Туркестанскихъ и Восточно-Сибирская) и одна Западно-Сибирская отдѣльная пѣшая батарея. Кромѣ того, формировались еще три батареи (изъ нихъ двѣ горныя).

[6]) Въ томъ числѣ одна конно-горная, которая еще формировалась.

[7]) 5 бригадъ: Сводная, Кавказская и три съ №№ 1—3.

линейныя, а пятыя — стрѣлковыя. Стрѣлковые баталіоны состояли каждый изъ четырехъ ротъ.

Изъ линейныхъ баталіоновъ 7 Кавказскихъ имѣли по четыре роты; остальные же (15 Туркестанскихъ, 2 Оренбургскихъ, 4 Западно-Сибирскихъ и 6 Восточно-Сибирскихъ)— по пяти; причемъ въ каждомъ линейномъ баталіонѣ одна рота (4-я или 5-я)—стрѣлковая.

Два пѣхотные полка составляли бригаду, а двѣ бригады—дивизію; четыре стрѣлковыхъ баталіона соединялись въ бригаду.

Для линейныхъ баталіоновъ никакихъ соединеній высшаго порядка не было; они подчинялись командующимъ войсками тѣхъ областей, въ которыхъ квартировали.

Числительность пѣхотныхъ частей съ 1874 года опредѣлялась двумя составами: мирнымъ и военнымъ. Составы эти были различны для трехъ-и четырехъ-баталіонныхъ полковъ, стрѣлковыхъ и линейныхъ баталіоновъ [1]).

Роты всей пѣхоты дѣлились на два взвода; взводъ—на два полувзвода; полувзводъ—на два отдѣленія. Въ ротахъ трехъ-баталіонныхъ полковъ полагалось по военному составу имѣть въ строю 42 ряда во взводѣ, а въ ротахъ четырехъ-баталіонныхъ полковъ—по 54 ряда во взводѣ.

Непосредственно передъ объявленіемъ войны (приказъ по воен. вѣд. 1877 года № 128, отъ 9 апрѣля) организація ротъ была существенно измѣнена. Согласно названному приказу роты дѣлились на двѣ полуроты; полурота—на два взвода; взводъ (по военному составу)—на четыре отдѣленія. Это было сдѣлано съ цѣлью облегчить управленіе отдѣленіями начальникамъ таковыхъ, такъ какъ по прежней организаціи, вслѣдствіе большого числа рядовыхъ въ отдѣленіи, управленіе послѣдними въ бою было затруднительно.

[1]) Нѣкоторые линейные баталіоны содержались и въ мирное время по военному составу, большинство же—по прежнему усиленно-мирному.

По военному составу въ частяхъ пѣхоты полагалось:

	Штыковъ, не считая унт.-офиц.	Всего на довольствіи нижн. чин.
Въ ротѣ 3-батал. полка	168	200
„ „ 4 „ „	216	247
„ „ стрѣлк. батал.	168 [1])	200
„ „ линейнаго батал. . . .	168 [2])	203
„ баталіонѣ: 3-батал. полка . .	840	1.001
„ „ 4 „ „ . .	864	989
„ „ стрѣлковомъ . .	672 [1])	823
„ „ линейномъ . . .	840 [2])	1.067
„ полку: 3-батал.	2.520	3.316
„ „ 4 „	3.456	4.283
„ стрѣлк. бригадѣ изъ 4 батал.	2.880	3.634
„ дивизіи изъ 12 батал. . . .	10.080	13.284 [3])
„ „ „ 16 „ . . .	13.824	17.152

Въ дѣйствительности части 16-баталіонныхъ дивизій имѣли при мобилизаціи штатъ почти одинаковый съ частями 12-баталіонныхъ дивизій. Произошло это потому, что разница между составомъ трехъ и четырехъ-баталіонныхъ полковъ при приведеніи дивизій въ 16-баталіонный составъ не была еще усчитана росписаніемъ № 6, по которому мобилизовалась русская армія. Гвардейскія дивизіи доводились лишь до 84-ряднаго состава въ ротахъ, вмѣсто 108-ряднаго. Вслѣдствіе этого общее число людей на довольствіи въ гвардейскихъ дивизіяхъ было 13.808, а въ Кавказскихъ дивизіяхъ всего 13.653.

б) *Кавалерія* (регулярная) согласно положенію 1875 года сводилась съ частью казачьихъ полковъ въ 17 кавалерійскихъ дивизій неодинаковаго состава. Сверхъ того, какъ выше сказано, имѣлись еще двѣ дивизіи, составленныя исключительно изъ казачьихъ частей.

---

[1]) Въ Кавказскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ по 216 въ ротѣ и по 864 въ баталіонѣ. Число людей на довольствіи въ этихъ баталіонахъ должно было доходить до 1.163 человѣкъ.

[2]) Въ Кавказскихъ по 216 въ ротѣ и по 864 въ баталіонѣ. Число людей на довольствіи въ Кавказскихъ линейныхъ баталіонахъ было различно.

[3]) Съ дивизіоннымъ лазаретомъ 13.592.

18 дивизій состояли изъ четырехъ полковъ каждая, а именно: 1-я гвардейская кавалерійская изъ кирасирскихъ; 1-я—14-я—каждая изъ драгунскаго, уланскаго, гусарскаго и Донского казачьяго; Кавказская кавалерійская—изъ драгунскихъ; Донская казачья—изъ четырехъ Донскихъ казачьихъ и Кавказская (сводно-казачья)—изъ трехъ Кубанскихъ и Терскаго полковъ; наконецъ, 2-я гвардейская дивизія состояла изъ семи полковъ въ мирное и изъ восьми въ военное время (два драгунскихъ, два уланскихъ, два гусарскихъ и одинъ л.-гв. сводно-казачій, съ причисленнымъ къ нему л.-гв. Уральскимъ эскадрономъ). Л.-гв. сводно-казачій полкъ при мобилизаціи развертывался призывомъ на службу льготныхъ эскадроновъ въ два полка: л.-гв. казачій Его Величества и л.-гв. Атаманскій; л.-гв. Уральскій эскадронъ дѣлался отдѣльнымъ.

Гвардейскіе казачьи полки состояли собственно изъ шести эскадроновъ, изъ коихъ: первая очередь (два эскадрона) на постоянной службѣ въ составѣ л.-гв. сводно-казачьяго полка; вторая очередь (два эскадрона) призывалась при мобилизаціи, и тогда л.-гв. сводно-казачій полкъ дѣлился на два четырехъ-эскадронныхъ полка, а третья очередь (остальные два эскадрона) могла быть также призвана при мобилизаціи или во время войны и тогда каждый полкъ обращался въ шести-эскадронный.

Всего въ составъ 19 дивизій входило 237 эскадроновъ (въ томъ числѣ 13 гвардейскихъ казачьихъ) и 130 сотенъ, а всего 367 эскадроновъ и сотенъ.

Приведенная огранизація кавалеріи въ четырехъ-полковыя дивизіи вмѣсто шести-полковыхъ со включеніемъ казачьихъ полковъ была принята лишь за годъ до объявленія мобилизаціи, что̀, понятно, было не вполнѣ достаточнымъ для полнаго ознакомленія большинства начальниковъ дивизій со своими частями и обратно.

Всѣ регулярные полки имѣли одинаковый четырехъ-эскадронный составъ; всѣ казачьи—шести-сотенный, кромѣ

четырехъ-сотенныхъ полковъ Терскаго войска. Дивизія дѣлилась на двѣ бригады (2-я гвардейская—на три), по два полка въ каждой (драгунскій и уланскій, гусарскій и казачій).

Эскадроны и сотни дѣлились на четыре взвода. Число рядовъ во взводахъ доходило въ регулярной кавалеріи и въ казачьихъ войскахъ до 16.

Числительность кавалерійскихъ частей по военному составу была такова:

		Число конныхъ вооруженныхъ рядовыхъ.	Всего на довольствіи: Нижнихъ чиновъ.	Лошадей строевыхъ.
Эскадронъ		128	156	149
Сотня		128	155	151
Полки:	регулярный	512	860 [1])	609
	казачій 6-сотен.	768	943	930
	„ 4 „	532	605	602

Кромѣ указанныхъ выше частей, къ регулярной кавалеріи относились два дивизіона: Крымскій и Башкирскій [2]), комплектовавшіеся, за исключеніемъ небольшого кадра, изъ татаръ, уроженцевъ Крыма и Башкиріи.

в) *Полевая артиллерія* дѣлилась на пѣшую и конную; къ составу ея причислены были и артиллерійскіе парки.

Пѣшая артиллерія состояла изъ 48 бригадъ одинаковаго состава (по числу гвардейскихъ, гренадерскихъ и пѣхотныхъ дивизій), 3 бригадъ особаго состава (1-я и 2-я Туркестанскія и Восточно-Сибирская) и одной отдѣльной батареи (Западно-Сибирской). Всего 299 батарей съ 2.392 орудіями.

По нормальной организаціи, каждая бригада должна была состоять изъ восьми батарей по восьми орудій, но организація эта, хотя и утвержденная, не была вовсе объявлена, такъ какъ приведеніе ея въ исполненіе было обусловлено денежными соображеніями. Фактическій составъ 48 бригадъ былъ шести-батарейный; первыя три батареи были вооружены

[1]) Въ томъ числѣ конныхъ 593. Сверхъ того, по штату полагалось имѣть 16 вольноопредѣляющихся.

[2]) Во время войны Башкирскій дивизіонъ былъ развернутъ въ четырехъ-эскадронный полкъ.

9-фунтовыми, а послѣднія три—4-фунтовыми мѣдными нарѣзными пушками, заряжавшимися съ казны [1]). Исключеніе составляли четыре бригады на Кавказѣ (20-я, 21-я, 39-я и 41-я), въ которыхъ шестыя батареи были вооружены 3-фунтовыми горными пушками, а въ 20-й и 21-й бригадахъ, сверхъ того,—горными пушками вмѣсто 9-фунтовыхъ были вооружены и третьи батареи. Сверхъ того, для дѣйствующей арміи были сформированы уже послѣ мобилизаціи двѣ горныхъ батареи (прик. по воен. вѣд. 1876 г. № 361). При этомъ необходимо замѣтить, что шестыя батареи остальныхъ 44 бригадъ только передъ самою мобилизаціею получили 4-фунтовыя пушки, со всею принадлежащею къ нимъ матеріальною частью, взамѣнъ скорострѣльныхъ пушекъ (картечницъ), признанныхъ мало полезными для войны [2]).

Въ Туркестанѣ и Сибири артиллерія имѣла особую организацію [3]).

Какъ было уже сказано, всѣ вообще батареи пѣшей артиллеріи, а равно и конно-горная состояли изъ восьми орудій. Числительность батарей опредѣлялась тремя составами [4]).

Конная артиллерія состояла изъ 26 регулярныхъ конныхъ (въ томъ числѣ пять гвардейскихъ), одной конно-горной бата-

---

[1]) При мобилизаціи гвардейскаго корпуса вся его пѣшая артиллерія была перевооружена 9-фунтов. пушками, т. е. эти орудія были даны всѣмъ легкимъ батареямъ взамѣнъ 4-фунтовыхъ пушекъ.

[2]) Одна скорострѣльная батарея во время минувшей войны находилась при войскахъ дѣйствующей арміи.

[3]) 1-я Туркестанская артиллерійская бригада состояла изъ четырехъ батарей: первая имѣла 9-фунтов., вторая и третья—4-фунтов., четвертая—горныя 3-фунтов. пушки; сверхъ того, при бригадѣ состояла еще конно-горная батарея, сформированная лѣтомъ 1876 года. 2-я Туркестанская и Восточно-Сибирская артиллерійскія бригады имѣли по три батареи: 1-я и 2-я — съ 4-фунтов., 3-я — съ горными пушками. Западно-Сибирская пѣшая батарея была вооружена 4-фунтовыми пушками.

[4]) А именно: 1) военный: прислуги на 5 взводовъ (5-й взводъ—запасный) и лошадей на полное число орудій и зарядныхъ ящиковъ; 2) усиленный мирный: прислуги на 4 взвода и лошадей на 8 орудій и на 8 ящиковъ, и 3) обыкновенный мирный: прислуги на 4 взвода по уменьшенному разсчету, лошадей на 4 орудія и на 2 ящика.

реи и 21 казачьей (одна гвардейская) конной батареи [1]). Изъ нихъ всѣ регулярныя конныя и Донскія казачьи батареи были шести-орудійнаго состава, а прочія казачьи батареи въ мирное время имѣли по четыре, а въ военное—по восьми орудій, кромѣ Оренбургскихъ, которыя состояли въ мирное время изъ двухъ шести-орудійныхъ и двухъ четырехъ-орудійныхъ батарей, а въ военное время—изъ восьми шести-орудійныхъ батарей.

Вся конная артиллерія была вооружена 4-фунтовыми мѣдными нарѣзными, заряжающимися съ казны, пушками.

Всего считалось конной артиллеріи со всѣми казачьими конными батареями 66 батарей съ 416 орудіями. Изъ нихъ шесть гвардейскихъ батарей составляли бригаду, а всѣ прочія приданы были къ 14 армейскимъ кавалерійскимъ дивизіямъ такимъ образомъ, что при первыхъ семи дивизіяхъ состояло по двѣ регулярныхъ батареи, а при послѣднихъ семи—по одной регулярной и по одной казачьей батареѣ [2]). Всѣ орудія, какъ пѣшей, такъ и конной артиллеріи, возились шестью лошадьми [3]).

На каждое 9-фунтовое орудіе пѣшей артиллеріи полагалось по $1^1/_2$ деревянныхъ ящика новой конструкціи (четырехъ-колесныхъ) или по три деревянныхъ ящика старой

---

[1]) 6-й л.-гв. Донской казачьей батареи, въ мирное время имѣвшей на службѣ лишь одинъ дивизіонъ, другой находился на льготѣ, Донскихъ казачьихъ (№№ 8—14), 5 Кубанскихъ (№№ 1—5), двухъ Терскихъ (№№ 1 и 2), четырехъ Оренбургскихъ (№№ 1, 2, 5, 6) и двухъ Забайкальскихъ (№№ 1 и 2).

Здѣсь показаны лишь казачьи конно-артиллерійскія батареи, состоявшія на службѣ въ мирное время. Въ военное время казачьи войска выставляли еще 18 батарей (14 Донскихъ и 4 Оренбургскихъ), а всего 39 батарей. Сверхъ того, Донское и Оренбургское войска выставляли еще по одной запасной батареѣ.

[2]) Съ 1875 года конной артиллеріи было присвоено всего два состава: военный—прислуги на 4 взвода (4-й взводъ—запасный) и лошадей на полное число орудій и ящиковъ; мирный—прислуги на 3 взвода, а лошадей на всѣ орудія, но только на 2 ящика.

[3]) 9-фунтовое орудіе, съ лафетомъ и нагруженнымъ передкомъ, вѣсило $107^1/_4$ пуд.; слѣдовательно, на каждую лошадь приходилось 17,8 пуд. груза; тогда какъ вѣсъ всей системы 4-фунтов. орудія (пѣшей и конной артиллеріи) былъ 77 пуд. и, слѣдовательно, на лошадь приходилось всего 12,8 пуда, не считая въ обоихъ случаяхъ вѣса ѣздовыхъ и прислуги.

конструкціи (двухъ-колесныхъ). На 4-фунтовое орудіе, какъ пѣшее, такъ и конное, полагалось по одному ящику новой конструкціи или по два ящика старой конструкціи. Запряжка ящиковъ двухъ-колесныхъ была троечная, четырехъ-колесныхъ ящиковъ—шестерочная [1]). Ко времени кампаніи большинство батарей не получило еще ящиковъ новой конструкціи и отбыло войну съ двухъ-колесными ящиками.

Вѣсъ двухъ-колеснаго ящика безъ посаженной прислуги доходилъ до 74¼ пудовъ.

Всего на вооруженіи полевой артиллеріи въ 1876 году, по военному времени, состояло 365 батарей при 2.808 орудіяхъ, считая въ томъ числѣ и казачью артиллерію [2]).

Числительность артиллерійскихъ частей по военному составу была такова:

		Число строевыхъ нижн. чин.	Всего на довольствіи: Нижнихъ чиновъ.	Всего на довольствіи: Лош. строев. и артил.
Артиллерійская бригада		1.494	1.730	1.116
Батареи:	пѣшая батарейная . .	279	316	199
	„ легкая	219	255	173
	конная	219	253	224
	горная	209	326	120
	Донская казачья . . .	279	308	303
	Кубанская „ . . .	285	321	296
	Терская „ . . .	285	321	296
Дивизіонный летучій паркъ . .		284	321	272
Подвижной паркъ		228	265	234
½ коннаго артил. парка . . .		195	228	187

Отношеніе артиллеріи къ боевой числительности пѣхоты равнялось, приблизительно, 4 орудіямъ на 1.000 штыковъ.

[1]) Ящики новой системы полковника Энгельгардта имѣлись ко времени объявленія войны лишь въ 39 батареяхъ 9-фунтовыхъ и въ 68 батареяхъ 4-фунтовыхъ. Кромѣ указанныхъ ящиковъ, проектированъ былъ образецъ желѣзнаго четырехъ-колеснаго ящика, но испытанія такового не были еще окончены къ 1877 году.

[2]) Батарей:

	Батар.	Орудій.	
пѣшихъ 9-фунт.	143	1.144	
„ 4 „	147	1.176	
конныхъ 4 „	26	156	1.588
казач. 4 „	39	252	
пѣш. горныхъ 3-фунт.	9	72	80
кон. „ 3 „	1	8	
Всего . .	365	2.808	

Отношеніе числа орудій къ числу сабель въ кавалерійскихъ дивизіяхъ было различное [1]).

Артиллерійскіе парки, по своему устройству, находились въ переходномъ состояніи не только передъ мобилизаціею, но и во время всей минувшей войны.

Къ началу кампаніи полевыя войска имѣли парки четырехъ различныхъ организацій, изъ коихъ утвержденная въ 1875 году считалась *нормальною*.

По ней полагалось имѣть 48 дивизіонныхъ летучихъ парковъ, по числу пѣхотныхъ дивизій, 17 кавалерійскихъ отдѣленій летучаго парка для снабженія кавалеріи съ ея артиллеріею и 7 отдѣленій для стрѣлковыхъ бригадъ кромѣ Туркестанской.

Дивизіонные летучіе парки нормальной организаціи имѣли по 130 четырехъ-колесныхъ ящиковъ, дѣлились каждый на пять отдѣленій: два пѣхотныхъ и три артиллерійскихъ, и должны были каждый снабжать боевыми запасами одну пѣхотную дивизію съ ея артиллеріей и одинъ казачій полкъ.

Кавалерійское отдѣленіе состояло изъ 16 зарядныхъ и 8 патронныхъ ящиковъ, а стрѣлковое—изъ 16 патронныхъ ящиковъ.

Подвижные парки нормальной организаціи состояли изъ 48 отдѣленій, по числу пѣхотныхъ дивизій. Каждое отдѣленіе имѣло 48 четырехъ-колесныхъ ящиковъ съ запасами для пѣхотной дивизіи, стрѣлковаго баталіона, кавалерійскаго и казачьяго полковъ и восьми батарей.

---

[1]) На 1.000 штыковъ приходилось:
Въ пѣхотныхъ дивизіяхъ изъ 16 баталіоновъ . . . . . 4,1 орудій.
„ „ „ „ 12 „ . . . . . 4,1 „
Въ кавалерійскихъ дивизіяхъ на 1.000 сабель:
Въ 1-й гвард. кавалерійской изъ 16 эскадр. } почти 6 орудій.
Во 2-й „ „ „ 32 „ }
Въ 1-й—14-й арм. кавал. каждая изъ 18 эскадр. и сотенъ—5,2 орудій.
Въ Донской казачьей изъ 24 сотенъ—почти по 4 орудія.

По этой организаціи въ теченіе войны было сформировано всего 7 дивизіонныхъ летучихъ парковъ, 7 кавалерійскихъ и 2 стрѣлковыхъ отдѣленія летучихъ и 22 отдѣленія подвижныхъ парковъ.

За неимѣніемъ, однако, четырехъ-колесныхъ ящиковъ пришлось часть парковъ имѣть по старой организаціи 1867 года, частію по переходной организаціи 1875 года и, наконецъ, по временной организаціи 1876 года.

Парки *старой* организаціи 1867 года состояли: летучіе артиллерійскіе и конно-артиллерійскіе изъ 84 троечныхъ двухъ-колесныхъ зарядныхъ ящиковъ каждый и подвижные — изъ 55 парковыхъ дышловыхъ или 90 парковыхъ оглобельныхъ повозокъ.

По этой организаціи въ теченіе кампаніи было сформировано два конно-артиллерійскихъ (№№ 4 и 5) и 12 подвижныхъ парковъ (№№ 10—18 и 22—24).

Организація парковъ 1867 года [1]), приспособленная къ общей войсковой тогдашней организаціи, не соотвѣтствовала новому устройству арміи, почему въ 1875 году, одновременно съ выработкой нормальной организаціи, по недостатку средствъ для одновременнаго снабженія всей артиллеріи четырехъ-колесными ящиками, рѣшено было принять *переходную* организацію, разсчитавъ парки согласно новому устройству арміи, но составивъ ихъ изъ ящиковъ и повозокъ старыхъ типовъ. Положено было сформировать изъ имѣвшихся на лицо двухъ-колесныхъ ящиковъ временные дивизіонные парки по 124 ящика, а изъ наличныхъ парковыхъ повозокъ составить отдѣленія подвижного парка по 49 повозокъ въ каждомъ.

По этой организаціи было сформировано 10 летучихъ дивизіонныхъ парковъ и 7 отдѣленій подвижного парка.

---

[1]) Въ мирное время передъ войною 1877—78 годовъ кадрами всѣхъ вообще парковъ должны были служить 29 артиллерійскихъ и 7½ конно-артиллерійскихъ парковъ, соединенныхъ, кромѣ Кавказскихъ и Финляндскаго, въ 8 парковыхъ бригадъ.

Однако, при мобилизаціи, вслѣдствіе отсутствія потребнаго количества даже и старыхъ ящиковъ, рѣшено было въ дополненіе къ паркамъ перечисленныхъ выше организацій сформировать недостающее число по *временной* организаціи, частію изъ не распредѣленныхъ еще двухъ-колесныхъ ящиковъ, частію изъ неформенныхъ повозокъ, частію изъ имѣвшихъ быть поставленными заводами четырехъ-колесныхъ ящиковъ. Составъ этихъ парковъ былъ не одинаковъ. А именно:

12 летучихъ парковъ (№№ 10—18 и 22—24) по 96 двухъ-колесныхъ зарядныхъ ящиковъ въ каждомъ;

2 конно-артиллерійскихъ парка (№№ 7 и 8) изъ 122 неформенныхъ парныхъ повозокъ каждый;

3 кавалерійскихъ отдѣленія по 40 двухъ-колесныхъ ящиковъ и 1 стрѣлковое отдѣленіе изъ 20 такихъ же ящиковъ;

2 отдѣленія подвижного парка по 50 двухъ-колесныхъ ящиковъ, 4 подвижныхъ парка по 110 неформенныхъ повозокъ и одинъ паркъ изъ 192 четырехъ-колесныхъ зарядныхъ ящиковъ.

Всѣ конно-артиллерійскіе парки вообще были раздѣлены пополамъ и каждая половина была придана какой-либо кавалерійской дивизіи.

Изъ сказаннаго видно, насколько было велико разнообразіе парковой организаціи, почему разсчетъ количества боевыхъ припасовъ на каждое орудіе или винтовку выходилъ различный для разныхъ дивизій, смотря по составу приданныхъ имъ парковъ.

Осадная артиллерія состояла въ мирное время только изъ запасовъ боевыхъ и всей матеріальной части, хранившихся въ артиллерійскихъ складахъ. Запасы были разсчитаны на три осадныхъ парка: 1-й, 2-й и Кавказскій.

Осадная артиллерія кадровъ не имѣла и въ случаѣ мобилизаціи личный составъ ея назначался изъ крѣпостной артиллеріи.

1-й и 2-й осадные парки состояли изъ 400 орудій каждый, а Кавказскій паркъ—изъ 230 [1]). Эти два осадные парка дѣлились каждый на двѣнадцать, а Кавказскій—на десять отдѣленій. Первыя два отдѣленія каждаго парка назначались для обложенія и первоначальнаго бомбардированія крѣпости; слѣдующія восемь (въ Кавказскомъ паркѣ—шесть)—для правильной осады; остальныя два отдѣленія считались запасными.

Прежнее положеніе объ осадной артиллеріи было замѣнено новымъ только въ концѣ 1876 года, уже по объявленіи мобилизаціи [2]).

Инженерныя войска. По прежней организаціи, какъ указано выше, у насъ было 11 дѣйствующихъ и 4 резервныхъ саперныхъ баталіона, 6 понтонныхъ полубаталіоновъ, 6 военно-телеграфныхъ парковъ, 2 полевыхъ и 2 осадныхъ инженерныхъ парка и двѣ отдѣльныя роты: гальваническая учебная и Туркестанская саперная.

Въ октябрѣ 1876 года, непосредственно передъ мобилизаціею, резервные саперные баталіоны были обращены въ дѣйствующіе; вновь прибавлено еще 3 военно-телеграфныхъ парка, а шесть существовавшихъ переформированы по новому штату.

Въ декабрѣ того же года былъ сформированъ въ Москвѣ первый желѣзнодорожный баталіонъ, названный 3-мъ, по номеру саперной бригады, въ которую онъ былъ включенъ.

---

[1]) А именно:

		1-го и 2-го осадн. парка.	Кавказскаго парка.
Пушекъ нарѣзныхъ:	24-фунт. мѣдныхъ	140	66
	— „ стальныхъ	60	—
	9 „ „	80	60
	Итого пушекъ . .	280	126
Мортиръ:	нарѣзныхъ 8-дюйм. стальныхъ	40	—
	„ 6 „ мѣдныхъ	40	38
	„ 2-пудовыхъ	—	36
	гладкихъ 1/2-пуд. мѣдныхъ	40	30
	Итого мортиръ . .	120	104
	Всего орудій . . .	400	230

[2]) Каждый паркъ состоялъ изъ управленія осаднаго парка и отдѣловъ: строевого (6 баталіоновъ крѣпостной артиллеріи) и транспортнаго.

Въ январѣ 1877 года было объявлено новое положеніе, согласно которому понтонные полубаталіоны переименованы въ баталіоны и число ихъ должно было быть увеличено съ шести на восемь [1]); кромѣ того, положено было: число полевыхъ инженерныхъ парковъ увеличить съ двухъ до пяти, имѣть четыре желѣзнодорожныхъ баталіона и сформировать вновь двѣ отдѣльныя минныя роты.

Такъ какъ всѣ эти предположенія должны были приводиться въ исполненіе лишь по мѣрѣ заготовленія матеріальной части согласно новымъ табелямъ, то на самомъ дѣлѣ только понтонные полубаталіоны, безъ измѣненія ихъ штата, были переименованы въ баталіоны, и, въ теченіе 1877 года, вновь сформированы 2-й и 4-й желѣзнодорожные баталіоны и двѣ минныя роты: Кронштадтская и Керченская, назначенныя для огражденія подводными минами портовъ Балтійскаго и Чернаго морей.

Такимъ образомъ, послѣ этихъ измѣненій, инженерныя полевыя войска должны были состоять изъ $15^1/_4$ саперныхъ баталіоновъ (въ томъ числѣ Туркестанская саперная рота), $8^1/_4$ понтонныхъ баталіоновъ (въ томъ числѣ Кавказская понтонная рота) [2]), 4 желѣзнодорожныхъ баталіоновъ (въ дѣйствительности ихъ было только три), 9 военно-телеграфныхъ, 5 полевыхъ инженерныхъ и 2 осадныхъ инженерныхъ парковъ (при 2-й и 3-й саперныхъ бригадахъ) и двухъ минныхъ ротъ.

Къ 1 ноября 1876 года изъ числа названныхъ войскъ были соединены въ пять бригадъ слѣдующія части:

1-я бригада: саперные баталіоны:—гвардейскій, гренадерскій и № 1; военно-телеграфные парки №№ 1 и 2.

2-я бригада: саперные баталіоны №№ 2, 3 и 4; понтонные полубаталіоны №№ 3 и 4; военно-телеграфные парки №№ 3 и 4; осадный инженерный паркъ № 1.

---

[1]) На Кавказѣ предполагалось сформировать отдѣльную Кавказскую понтонную роту.

[2]) Понтонные баталіоны №№ 7 и 8, а также Кавказская понтонная рота во время минувшей войны сформированы не были.

3-я бригада: саперные баталіоны №№ 5, 6 и 7; понтонный полубаталіоны №№ 5 и 6; желѣзнодорожный баталіонъ № 3; военно-телеграфные парки №№ 5 и 6; инженерные парки: полевой № 2 и осадный № 2.

4-я бригада: саперные баталіоны №№ 8, 9 и 10; понтонные полубаталіоны №№ 1 и 2; военно-телеграфные парки №№ 7 и 8; полевой инженерный паркъ № 1.

Кавказская бригада: Кавказскіе саперные баталіоны №№ 1, 2 и 3; Кавказскій военно-телеграфный паркъ [1]).

Этотъ составъ саперныхъ бригадъ оставался безъ измѣненія до самаго конца минувшей войны.

Численность частей инженерныхъ войскъ по военному времени была слѣдующая:

	Штыковъ.	Всего на довольствіи нижн. чин.
Въ саперной ротѣ	208	—
„ саперномъ баталіонѣ [2]) . . .	832	1.123
„ понтонномъ	240	468
„ желѣзнодорожномъ	832	1.069
„ паркахъ: военно-телеграфномъ	—	367
„ паркахъ: полев. инженерномъ .	—	136
„ паркахъ: осадномъ	—	272

Саперный баталіонъ, согласно положенію 4 января 1877 года, долженъ былъ состоять въ мирное время изъ пяти ротъ; въ военное время баталіоны должны были выдѣлять по одной ротѣ для образованія кадровъ запасныхъ и резервныхъ саперныхъ частей. Всего предполагалось образовывать 5 запасныхъ баталіоновъ и 20 резервныхъ ротъ, путемъ развертыванія каждой изъ пятыхъ ротъ десяти баталіоновъ въ двѣ резервныя. Въ дѣйствительности саперные баталіоны, остававшіеся въ старомъ четырехъ-ротномъ составѣ, формировали при мобилизаціи запасные баталіоны, по одному при бригадѣ, путемъ выдѣленія кадра изъ всѣхъ

[1]) Внѣ бригадной организаціи находились Кронштадтская и Керченская минныя роты. Кромѣ того, были двѣ отдѣльныя роты: гальваническая (учебная) и Туркестанская саперная.

[2]) Штатъ саперныхъ баталіоновъ остался прежній.

ротъ всѣхъ баталіоновъ. Резервныхъ ротъ формируемо не было вовсе, за исключеніемъ одной резервной роты съ парусиновыми понтонами, сформированной изъ 4-й роты 3-го запаснаго сапернаго баталіона.

Понтонный баталіонъ состоялъ изъ двухъ ротъ [1]).

Желѣзнодорожный баталіонъ дѣлился на четыре роты (двѣ строительныхъ и двѣ эксплоатаціонныхъ).

Военно-телеграфные парки назначались для устройства и содержанія телеграфныхъ сообщеній между частями дѣйствующей арміи.

Каждый паркъ дѣлился на три самостоятельныхъ отдѣленія, изъ коихъ каждое могло устроить 33 версты, а весь паркъ 100 верстъ съ 6 станціями.

Кромѣ того, паркъ могъ проложить 450 саженъ подводнаго рѣчнаго кабеля. Матеріалъ для постановки линій возился въ фурахъ, на четырехъ и шести лошадяхъ [2]).

Полевые инженерные парки состояли изъ трехъ отдѣленій, по четыре части въ отдѣленіи, съ запасомъ въ каждомъ изъ этихъ парковъ шанцеваго инструмента на 12 пѣхотныхъ дивизій и 12 саперныхъ ротъ, въ томъ ограниченномъ, впрочемъ, числѣ, какое полагалось по табелямъ для снаряженія войскъ.

Осадный инженерный паркъ состоялъ каждый изъ 4 отдѣленій и въ каждомъ изъ таковыхъ отдѣленій имѣлось инструментовъ и другихъ принадлежностей для осады одной крѣпости.

---

[1]) Понтонный паркъ каждаго баталіона могъ устроить мостъ для переправы войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, безъ обоза, отъ 146 до 172 саженъ, а съ обозомъ—только отъ 128 до 135 саженъ длины; для переправы же осадной артиллеріи всего отъ 100 до 114 саженъ длины. При назначеніи понтоновъ для перевозки, каждый изъ двухъ полупонтоновъ подымалъ по 48 чел. (при 6 понтонерахъ), а для перевозки кавалеріи, артиллеріи и обозовъ составлялись изъ понтоновъ паромы различной величины и подъемной силы.

[2]) Военно-телеграфные парки въ минувшую войну впервые появились на театрѣ военныхъ дѣйствій. До войны же они не принимали участія ни въ общихъ лагерныхъ сборахъ, ни на маневрахъ; исключенія въ этомъ отношеніи составляли два парка, находившіеся въ Петербургѣ.

Соединеніе полевыхъ войскъ въ корпуса. Со времени введенія у насъ военно-окружнаго управленія и подъ вліяніемъ тогдашней французской военной организаціи постоянное соединеніе войскъ въ корпуса было отмѣнено и вмѣсто нихъ высшею тактическою единицею принята дивизія. Только на время войны предполагалось соединять войска въ корпуса. Въ 1873 году, въ виду предстоявшаго увеличенія состава арміи и стремленія къ быстрой ея мобилизаціи, рѣшено было вновь возстановить корпусныя управленія для полевыхъ войскъ. Уже въ слѣдующемъ году изъ всѣхъ гвардейскихъ частей былъ образованъ гвардейскій корпусъ [1]), а затѣмъ, вмѣстѣ съ мобилизаціею, въ 1876 году состоялось повелѣніе объ образованіи еще шести армейскихъ корпусовъ слѣдующаго состава.

Корпуса.	Дивизіи:	
	Пѣхотныя.	Кавалерійскія.
VII	15-я и 36-я	7-я
VIII	9-я и 14-я	8-я
IX	5-я и 31-я	9-я
X	13-я и 34-я	10-я
XI	11-я и 32-я	11-я
XII	12-я и 33-я	12-я

Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ шести армейскихъ корпусовъ состоялъ: изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, съ двумя артиллерійскими бригадами и двумя конными батареями. Боевую силу армейскаго корпуса составляли: 24 баталіона (20.160 штыковъ) [2]), 18 эскадроновъ и сотенъ (2.562 сабли) [3]) и 108 орудій—96 пѣшихъ и 12 конныхъ.

При каждомъ изъ названныхъ корпусовъ полагалось имѣть: два дивизіонныхъ подвижныхъ лазарета (по одному на пѣхотную дивизію), два дивизіонныхъ летучихъ парка

[1]) Три пѣхотныя, двѣ кавалерійскія дивизіи, съ ихъ артиллеріею, гвардейская стрѣлковая бригада, гвардейскій саперный баталіонъ и пр.

[2]) Съ унтеръ-офицерами 22.200.

[3]) Съ унтеръ-офицерами и трубачами 3.314.

и одинъ конно-артиллерійскій полупаркъ (вмѣсто цѣлаго парка). Вмѣстѣ съ этими вспомогательными учрежденіями въ каждомъ армейскомъ корпусѣ вышеуказаннаго состава полагалось на довольствіи 35.294 человѣка и 8.490 лошадей [1]).

Повозокъ при корпусѣ состояло всего 1.197, не считая офицерскихъ [2]).

Въ концѣ февраля 1877 года было сформировано еще девять корпусовъ: гренадерскій и армейскіе: I—VI, XIII и XIV. Составъ этихъ корпусовъ былъ слѣдующій:

Корпуса.	Дивизіи: Пѣхотныя.	Кавалерійскія.
Гренадерскій.	1-я, 2-я и 3-я грен.	
I армейскій.	22-я, 24-я и 37-я пѣх.	1-я
II „	25-я, 26-я и 27-я „	2-я
III „	28-я и 29-я „	3-я
IV „	16-я и 30-я „	4-я
V „	7-я и 8-я „	5-я
VI „	4-я, 6-я и 10-я „	6-я
XIII „	1-я и 35-я „	13-я
XIV „	17-я и 18-я „	1-я Донск. каз.

Слѣдовательно, во время войны были распредѣлены по корпусамъ всѣ пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи, съ ихъ артиллеріею, за исключеніемъ десяти пѣхотныхъ (2-я, 3-я, 19-я, 20-я, 21-я, 23-я, 38-я, 39-я, 40-я и 41-я) и трехъ кавалерійскихъ дивизій (14-й, Кавказской кавалерійской и Кавказской сводно-казачьей).

---

[1]) Въ гвардейскомъ корпусѣ 46 тыс., а въ гренадерскомъ почти 40 тыс. человѣкъ на довольствіи по военному времени.

[2]) Подробности разсчета:

	Людей.	Лошадей.	Повозокъ.
Управленіе корпуса	53	21	5
Двѣ пѣх. дивизіи съ ихъ управленіями . . .	26.568	1.780	526
„ артил. бригады „ „ . . .	3.460	2.060	148
Одна кав. дивизія	3.462	3.062	100
Двѣ конныя батареи	506	612	26
Два дивизіон. подвижн. лазарета	416	230	56
„ „ летуч. парка (организ. 1875 г.) .	642	580	286
Одинъ конно-артил. полупаркъ	187	145	50
Всего	35.294	8.490	1.197

Въ составъ корпусовъ не входили слѣдующія части полевыхъ войскъ: всѣ стрѣлковые и линейные баталіоны, всѣ инженерныя войска и тѣ казачьи части, которыя не были распредѣлены по кавалерійскимъ дивизіямъ.

Изъ сказаннаго видно, что большинство корпусныхъ командировъ имѣло только нѣсколько мѣсяцевъ для ознакомленія со ввѣренными имъ войсками, а нѣкоторые приняли корпуса непосредственно передъ выступленіемъ ихъ въ походъ.

II. *Тыловыя войска.* Въ составъ этихъ войскъ, назначавшихся для второстепенныхъ военныхъ дѣйствій, службы въ тылу арміи и для усиленія войскъ полевыхъ, входили: 1) крѣпостныя, 2) резервныя и 3) мѣстныя войска.

1) *Крѣпостныя* войска, назначаясь для образованія постоянныхъ гарнизоновъ крѣпостей и для обороны ихъ, состояли изъ пѣхоты и артиллеріи.

а) Крѣпостная пѣхота была организована въ 1874 году, съ цѣлью освободить полевую пѣхоту отъ занятія крѣпостей. Въ случаѣ надобности крѣпостная пѣхота могла быть назначаема и для дѣйствій въ полѣ, а потому имѣла такое же вооруженіе и снаряженіе, какъ и полевая пѣхота, но не имѣла обоза и численность ея кадровъ была значительно менѣе.

Въ мирное время полагалось имѣть 29 крѣпостныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ четырехъ-ротнаго состава (48 рядовъ въ ротѣ); въ военное же время каждая рота превращалась въ баталіонъ четырехъ-ротнаго состава (по 108 рядовъ въ ротѣ), такъ что крѣпостной баталіонъ долженъ былъ развертываться въ четырехъ-баталіонный полкъ [1]).

Крѣпостные полки могли быть, въ случаѣ надобности, соединяемы въ крѣпостныя бригады и дивизіи.

---

[1]) Названія баталіоновъ давались по крѣпостямъ; если ихъ было въ одной крѣпости нѣсколько, то и по нумерамъ. Съ переформированіемъ въ полки, эти послѣдніе принимали нумера и названія баталіоновъ, изъ коихъ развертывались.

Переформированіе крѣпостной пѣхоты по новому штату состоялось только въ 1876 году, причемъ число баталіоновъ не доведено до нормы 29, а оставлено прежнее, т. е. 24.

Эти 24 баталіона въ случаѣ мобилизаціи обращались въ 24 четырехъ-баталіонныхъ полка, т. е. въ 96 баталіоновъ.

За время кампаніи число крѣпостныхъ баталіоновъ дошло до 61 баталіона.

б) Крѣпостная артиллерія, назначаемая для дѣйствія изъ крѣпостныхъ орудій, по организаціи 1876 года должна была состоять изъ 50 крѣпостныхъ артиллерійскихъ баталіоновъ четырехъ-ротнаго состава, распредѣленныхъ по 15 крѣпостямъ. Мирный составъ каждаго баталіона 400, а военный—1.200 строевыхъ рядовыхъ.

Но эта организація не могла быть приведена въ исполненіе немедленно; въ 1876 году и по 1 іюля 1878 года было сформировано всего 41 баталіонъ [1]). Затѣмъ осталось еще 10 отдѣльныхъ крѣпостныхъ артиллерійскихъ ротъ старой организаціи.

Изъ баталіоновъ крѣпостной артиллеріи могли выдѣляться, по особымъ распоряженіямъ, кадры на образованіе личнаго состава осадной артиллеріи, которая, какъ сказано выше, своихъ кадровъ не имѣла.

2) *Резервныя* войска. До 1873 года резервныя войска состояли изъ всѣхъ родовъ оружія и имѣли назначеніемъ обученіе рекрутъ для дѣйствующихъ войскъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

Въ 1873 году войска эти были упразднены и таковыя рѣшено было формировать лишь въ военное время, только для пѣхоты армейской и саперъ. При этомъ измѣнилось и самое ихъ назначеніе.

Вмѣсто обученія рекрутъ для войскъ дѣйствующихъ, резервныя войска предполагалось употреблять въ видѣ

[1]) Изъ нихъ 33 баталіона четырехъ-ротнаго и 8 баталіоновъ трехъ-ротнаго состава.

цѣлыхъ частей для усиленія полевой арміи и разныхъ второстепенныхъ дѣйствій на театрѣ войны.

Подготовка укомплектованія для дѣйствующихъ войскъ въ военное время была возложена на запасныя войска; обученіе же рекрутъ въ мирное время составило обязанность каждой военной части.

Формированіе резервныхъ частей въ военное время производилось назначеніемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ полевыхъ, мѣстныхъ войскъ и запаса арміи, вещевое же и другое имущество должно было храниться для резервной пѣхоты въ неприкосновенныхъ запасахъ складовъ мѣстныхъ войскъ, а для резервной артиллеріи—при запасныхъ батареяхъ [1]).

а) Резервную пѣхоту въ военное время должны были составлять: л.-гв. резервный полкъ [2]) и 164 армейскихъ баталіона. Составъ и численность этихъ послѣднихъ предполагались одинаковыми съ баталіонами полевыхъ войскъ. Формируясь въ 164 внутреннихъ городахъ Россіи, армейскіе резервные четырехъ-ротные баталіоны могли быть, вмѣстѣ съ резервными артиллерійскими бригадами, сводимы въ полки, бригады и дивизіи.

Такимъ образомъ, во время войны резервная пѣхота должна была выставить почти $13^1/_2$ резервныхъ дивизій двѣнадцати-баталіоннаго состава [3]), изъ коихъ восемь дивизій могли имѣть по бригадѣ артиллеріи.

Всего къ 1 іюля 1878 года было сформировано и формировалось 144 баталіона резервной пѣхоты.

---

[1]) На самомъ дѣлѣ имущества для резервныхъ войскъ заготовлено почти не было и это обстоятельство весьма затруднило приведеніе означенныхъ войскъ на военное положеніе.

[2]) Л.-гв. резервный полкъ въ мирное время имѣлъ постоянный кадръ, подъ названіемъ кадроваго этого полка баталіона, который еще въ 1873 году былъ составленъ изъ бывшаго л.-гв. гарнизоннаго баталіона.

[3]) Въ минувшую войну было сформировано 11 резервныхъ дивизій. За неимѣніемъ въ дѣйствительности собственнаго запаса офицеровъ и нижнихъ чиновъ, дивизіи эти, въ виду истощенія запаса къ началу 1877 года, дабы не нарушать всѣ разсчеты по мобилизаціи остальныхъ полевыхъ войскъ, пришлось формировать изъ частей крѣпостной и мѣстной пѣхоты и укомплектовать преимущественно ратниками ополченія 1-го разряда.

б) Резервная артиллерія въ военное время должна была состоять изъ 48 резервныхъ восьми-орудійныхъ пѣшихъ батарей, вооруженныхъ 9 и 4-фун. пушками [1]).

Эти батареи, въ случаѣ надобности, могли соединяться въ артиллерійскія бригады. Какъ было сказано, резервная артиллерія въ мирное время не содержалась и кадры для ея формированія должны были выдѣляться изъ запасныхъ батарей, которыя, однако, не были еще сформированы. При этихъ батареяхъ должно было храниться и все имущество резервной артиллеріи.

За время кампаніи, однако, было сформировано болѣе значительное число резервныхъ батарей, а именно 68. Сверхъ того, къ 1 іюля 1878 года формировалось еще 3 батареи.

в) Резервныя инженерныя войска должны были состоять изъ 20 резервныхъ саперныхъ ротъ; кадрами для нихъ въ военное время должны были служить, по организаціи 1877 года, пятыя роты гвардейскаго и 9 саперныхъ баталіоновъ, причемъ каждая изъ этихъ ротъ образовывала двѣ резервныя роты [2]).

Организація резервныхъ войскъ къ началу войны не была обезпечена людьми и имуществомъ. Запаса нижнихъ чиновъ еще не могло накопиться даже для полевыхъ мѣстныхъ и крѣпостныхъ войскъ, а заготовленіе имущества для резервныхъ войскъ требовало нѣсколькихъ лѣтъ времени и чрезвычайныхъ затратъ, на которыя не имѣлось средствъ.

3) *Мѣстныя* войска. Эти войска назначались преимущественно для караульной, конвойной и вообще внутренней службы; но могли назначаться и для усиленія, въ военное время, кадровъ резервныхъ и запасныхъ войскъ.

---

[1]) Изъ нихъ 12 девяти-фунтовыхъ и 36 четыре-фунтовыхъ.

[2]) Организація 1877 года во время войны осталась невыполненною и въ теченіе кампаніи была сформирована изъ 4-й роты 3-го сапернаго баталіона лишь одна резервная рота съ парусиновыми понтонами.

Они состояли исключительно изъ пѣхотныхъ баталіоновъ и командъ, расположенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Въ мирное время караульная служба частію исполнялась и полевыми войсками, а потому нѣкоторые мѣстные баталіоны и команды содержались въ кадровомъ составѣ.

Въ виду этого, по принятой въ 1874 году организаціи, полагалось содержать:

а) мѣстные баталіоны постояннаго состава [1]) въ двадцати одномъ губернскомъ или областномъ городѣ, численностью каждый отъ 400 до 1.200 человѣкъ, причемъ баталіоны, имѣвшіе не болѣе 600 человѣкъ, дѣлились на двѣ роты, а прочіе—на четыре роты;

б) мѣстныя команды постояннаго состава, разной численности, во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и въ семи губернскихъ городахъ Царства Польскаго;

в) мѣстные кадровые [2]) баталіоны (четырехъ-ротнаго состава, въ 400 чел.)—въ обѣихъ столицахъ и въ семи большихъ губернскихъ городахъ должны были, въ военное время, обращаться въ четырехъ-баталіонные мѣстные полки;

г) мѣстныя кадровыя команды—во всѣхъ остальныхъ губернскихъ городахъ, въ трехъ составахъ. Въ военное время команды изъ 250 и 100 чел. должны были развертываться каждая въ четырехъ-ротный мѣстный баталіонъ (изъ 800 или 600 человѣкъ), а команды изъ 64 человѣкъ—въ двухъ-ротный баталіонъ (отъ 500 до 400 чел.);

д) конвойныя команды для сопровожденія арестантовъ по главнымъ ссыльнымъ путямъ.

---

[1]) Постоянный составъ имѣли тѣ баталіоны и команды, на которыхъ лежала исключительно вся мѣстная служба. Составъ этотъ былъ различенъ въ разныхъ городахъ, въ зависимости отъ величины служебнаго наряда.

[2]) Кадровый составъ былъ присвоенъ тѣмъ баталіонамъ и командамъ, которые были расположены совмѣстно съ полевыми войсками и несли поэтому въ ограниченныхъ размѣрахъ караульную и конвойную службу; но въ военное время, по выступленіи полевыхъ войскъ въ походъ, эти мѣстныя войска усиливались и должны были нести полный нарядъ всей караульной и конвойной службы.

Въ дѣйствительности ко времени мобилизаціи мѣстныя войска состояли изъ слѣдующихъ частей:

Мѣстныхъ баталіоновъ:	постояннаго состава	20
	кадроваго „	9
„ командъ:	постояннаго „	597
	кадроваго „	47
конвойныхъ командъ		38
Сверхъ того, формируемыхъ въ военное время мѣстныхъ командъ		17

Въ военное время мѣстныя войска должны были дать 103 баталіона и 652 команды.

На самомъ дѣлѣ въ теченіе войны было сформировано болѣе значительное число этихъ частей. Всего къ 1 іюля 1878 года въ мѣстныхъ войскахъ состояло 134 баталіона и 675 командъ.

III. *Запасныя войска.* Съ 1874 года запасными войсками стали называться тѣ части всѣхъ родовъ оружія, формируемыя во время войны, которыя должны были подготовлять и отправлять на театръ войны команды для пополненія убыли въ полевыхъ и резервныхъ войскахъ.

а) Запасная пѣхота должна была состоять, въ военное время, изъ отдѣльныхъ баталіоновъ четырехъ-ротнаго состава [1]), по одному баталіону на каждый пѣхотный полкъ и на каждую стрѣлковую бригаду (кромѣ Туркестанской), всего по числу полевыхъ полковъ и стрѣлковыхъ бригадъ 199 баталіоновъ [2]).

Для запасныхъ баталіоновъ кадровъ въ мирное время не полагалось; они должны были формироваться при мобилизаціи изъ состава полевой и мѣстной пѣхоты, частію-же—изъ запаса. Одновременно съ мобилизаціею полковъ и стрѣлковыхъ бригадъ должны были формироваться и соотвѣтствующіе запасные баталіоны.

---

[1]) Одинъ только гвардейскій стрѣлковый запасный баталіонъ состоялъ изъ трехъ ротъ, потому что для л.-гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона запасной роты не полагалось. Вмѣсто того названный баталіонъ формировалъ въ военное время особую резервную роту.

[2]) 12 гвардейскихъ пѣхотныхъ, 16 гренадерскихъ, 164 армейскихъ и 7 стрѣлковыхъ (въ томъ числѣ одинъ гвардейскій).

Гвардейскіе и гренадерскіе полки, а равно и гвардейская стрѣлковая бригада сами отъ себя выдѣляли при мобилизаціи кадры для формированія своихъ запасныхъ баталіоновъ, посылавшихъ, во время войны, укомплектованія только своимъ полкамъ и баталіонамъ.

Армейскіе же запасные баталіоны (164 пѣхотныхъ и 6 стрѣлковыхъ) получали кадры изъ разныхъ частей полевыхъ и мѣстныхъ войскъ; они формировались въ тѣхъ же 164 городахъ, въ которыхъ, какъ было сказано, должны были формироваться резервные баталіоны.

Армейскіе баталіоны, не имѣя связи съ полевыми частями, должны были безразлично укомплектовывать тѣ дѣйствующія и резервныя части, которыя нуждались въ пополненіи на театрѣ войны [1]).

Неприкосновенные запасы имущества армейскихъ запасныхъ баталіоновъ должны были храниться въ пунктахъ формированія ихъ, при частяхъ мѣстныхъ войскъ.

Въ каждомъ запасномъ баталіонѣ полагалось четыре роты двоякаго состава: а) постоянный [2]) — изъ штабъ и оберъ-офицеровъ и опредѣленнаго числа унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ, назначаемыхъ для обученія новобранцевъ, составлявшихъ кадры баталіоновъ и б) перемѣнный, образовывавшійся изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, призываемыхъ изъ общаго запаса арміи для пополненія убыли во время войны.

За неимѣніемъ офицеровъ въ запасѣ, ихъ брали, какъ для запасныхъ, такъ и для резервныхъ войскъ, изъ мѣст-

---

[1]) Направленіе маршевыхъ командъ на пополненіе разныхъ частей полевыхъ и резервныхъ войскъ должно было производиться по особымъ росписаніямъ Главнаго Штаба.

[2]) Въ постоянномъ составѣ каждаго баталіона опредѣлено было имѣть: 15 офицеровъ и чиновниковъ и 177 нижнихъ чиновъ, а въ перемѣнномъ—16 офицеровъ, 1.000 строевыхъ и 116 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ. Въ дѣйствительности, согласно мобилизаціоннаго росписанія № 6, запасные баталіоны были сформированы въ двухъ-ротномъ составѣ по 8 офицеровъ и чиновниковъ и по 83 нижнихъ чина въ постоянномъ составѣ и въ перемѣнномъ по 500 нижнихъ чиновъ.

ныхъ, крѣпостныхъ, а также нѣкоторыхъ частей полевыхъ войскъ, притомъ въ значительномъ количествѣ даже изъ тѣхъ, которыя уже вошли въ составъ Дунайской арміи.

Въ случаѣ недостатка нижнихъ чиновъ запаса перемѣнный составъ пополняли ратниками ополченія 1-го разряда и новобранцами ежегоднаго призыва [1]).

Запасные баталіоны, по мѣрѣ надобности, высылали въ армію маршевыя команды пополненія.

Всѣ гвардейскіе запасные баталіоны положено было формировать въ Петербургѣ (стрѣлковый — въ Царскомъ Селѣ), а всѣ гренадерскіе и армейскіе стрѣлковые баталіоны (кромѣ Кавказскихъ)—въ Москвѣ.

Петербургскіе и Московскіе запасные баталіоны должны были подчиняться особо назначаемымъ командирамъ, на правахъ начальника дивизіи. Армейскіе же пѣхотные баталіоны (а также Кавказскіе, гренадерскіе и стрѣлковый) состояли въ вѣдѣніи тѣхъ губернскихъ воинскихъ начальниковъ, въ раіонахъ коихъ были сформированы и расположены.

Всего за время кампаніи было сформировано 152 запасныхъ баталіона.

б) Запасная кавалерія была организована въ 1875 году и состояла изъ запасныхъ эскадроновъ по одному на каждый полкъ, всего изъ 56 эскадроновъ, причемъ въ мирное время каждый эскадронъ выѣзжалъ ремонтныхъ лошадей и отчасти обучалъ новобранцевъ для своихъ полковъ, а въ военное—долженъ былъ высылать ему маршевыя кавалерійскія части для пополненія убыли.

Гвардейскіе запасные эскадроны [2]) входили въ составъ своихъ полковъ, а армейскіе были отъ нихъ отдѣлены и сводились по 6 въ запасныя кавалерійскія бригады, коихъ

---

[1]) Чины перемѣннаго состава назначались въ баталіоны росписаніями Главнаго Штаба.

[2]) Исключая запасныхъ эскадроновъ л.-гв. Уланскаго Его Величества и л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полковъ.

было всего 7, т. е. по одной на каждыя двѣ кавалерійскія армейскія дивизіи [1]).

Въ мирное время каждый запасный эскадронъ имѣлъ двоякій составъ: постоянный—для выѣздки лошадей и перемѣнный—для отвода ихъ въ полки. Съ объявленіемъ мобилизаціи гвардейскіе и Кавказскіе запасные эскадроны должны были также отдѣляться отъ своихъ полковъ и сводиться въ бригады: гвардейскую — изъ 10 и Кавказскую — изъ 4 эскадроновъ.

Всѣ вообще запасные эскадроны должны были пополнять убыль офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей въ своихъ полкахъ; для чего при каждомъ запасномъ эскадронѣ собирались изъ общаго запаса кавалеріи офицеры и нижніе чины въ числѣ достаточномъ для образованія двухъ эскадроновъ 20-ряднаго состава во взводахъ. Для одного изъ этихъ эскадроновъ имѣлось въ виду поставлять по военно-конской повинности лошадей верхового сорта.

Такимъ образомъ, для каждаго полка могли выставляться двѣ очереди пополненія: 1-я—конная и 2-я—пѣшая [2]).

Запасные эскадроны высылали на пополненіе своихъ полковъ или цѣлые маршевые эскадроны, или маршевыя команды, смотря по распоряженію.

в) Запасная артиллерія была организована: конная въ 1875 году, а пѣшая въ 1876 году,—слѣдующимъ образомъ:

Пѣшая запасная артиллерія назначалась для пополненія людьми въ военное время полевой артиллеріи и выдѣленія, какъ сказано выше, кадровъ для 48 батарей резервной артиллеріи. Для этого въ мирное время полагалось содержать 24 запасныя батареи [3]). Эти батареи

[1]) Эскадроны Кавказскихъ драгунскихъ полковъ бригады не составляли, а подчинялись начальнику Кавказской кавалерійской дивизіи.

[2]) Пѣшая, по израсходованіи конной, обращалась въ конную, затѣмъ собиралась вторая очередь пѣшая, и т. д.

[3]) Въ томъ числѣ учебная пѣшая, коей придано было значеніе запасной батареи. Кромѣ этой батареи, остальныя 23 запасныя батареи должны были составить четыре запасныхъ бригады.

въ военное время должны были дать: 48 резервныхъ батарей (о составѣ и вооруженіи коихъ было сказано выше) и 48 же запасныхъ (4-фунтовыхъ) батарей. На самомъ дѣлѣ, кромѣ учебной пѣшей батареи, запасной пѣшей артиллеріи въ мирное время не было и лишь ко времени мобилизаціи началось формированіе 11 запасныхъ пѣшихъ батарей.

Конная запасная артиллерія, по положенію 1875 года, назначалась для пополненія убыли въ людяхъ полевой конной артиллеріи въ военное время, всего изъ 3 отдѣльныхъ батарей 6-орудійнаго состава.

Изъ нихъ двѣ были тогда же сформированы, а на образованіе третьей положено было обратить, при мобилизаціи, учебную конную батарею [1]).

Пѣшія и конныя запасныя батареи имѣли два состава: постоянный и перемѣнный. Въ постоянномъ составѣ полагалось по военному времени 9 офицеровъ и 226 нижнихъ чиновъ и въ перемѣнномъ—10 офицеровъ и 570 нижнихъ чиновъ.

Всего за время кампаніи было сформировано 25 батарей пѣшихъ и 3 конныхъ.

Для безостановочнаго пополненія артиллеріи дѣйствующей арміи людьми, а также лошадьми и снабженія предметами матеріальной части взамѣнъ израсходованныхъ или поступившихъ въ негодность были сформированы слѣдующія артиллерійскія части и учрежденія.

1) Передовой артиллерійскій запасъ, перемѣнный составъ котораго назначенъ былъ въ размѣрѣ 10% людей и 5% лошадей всѣхъ артиллерійскихъ частей арміи. Въ артиллерійскомъ отдѣлѣ опредѣлено было содержать 10% орудій, 5% зарядныхъ ящиковъ и 5% холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, имѣвшихся въ арміи.

[1]) Только одна запасная конная батарея (1-я) была мобилизована въ 1876 году вмѣстѣ съ полевыми войсками.

Артиллерійской бригады.

2) Складъ огнестрѣльныхъ припасовъ, въ составъ котораго вошли первоначально восемь мѣстныхъ парковъ, а впослѣдствіи еще шесть.

3) Подвижная артиллерійская мастерская.

4) Подвижная лабораторная мастерская.

з) Запасныя инженерныя войска. Согласно положенію о составѣ и устройствѣ инженерныхъ войскъ, объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству 1877 года за № 30, полевые саперные баталіоны 1-й, 2-й, 4-й, 7-й и 3-й Кавказскій должны были формировать 5 запасныхъ баталіоновъ, по одному при каждой бригадѣ, выдѣляя для этого свои пятыя роты. Въ дѣйствительности полевые саперные баталіоны, оставшіеся въ старомъ четырехъ-ротномъ составѣ, сформировали въ разное время $4^1/_2$ запасныхъ баталіона путемъ выдѣленія кадровъ изъ всѣхъ ротъ всѣхъ баталіоновъ.

IV. *Войска вспомогательнаго назначенія.* Къ нимъ относились всѣ части войскъ и команды, не имѣвшія боевого назначенія, а именно: учебныя войска, корпусъ жандармовъ, часть котораго исполняла полицейскую службу при войскахъ [1]), военно-исправительныя роты и разнаго рода команды при военныхъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ (артиллерійскихъ, инженерныхъ и военно-врачебныхъ).

Военно-врачебныя учрежденія русской арміи по мирному положенію состояли въ 1871 году изъ 83 госпиталей разныхъ классовъ и 592 лазаретовъ, съ общимъ числомъ: госпитальныхъ мѣстъ 30.639 и лазаретныхъ 25.382, а всего 56.021 мѣстъ. До открытія кампаніи число всѣхъ этихъ заведеній измѣнилось несущественно и развитіе ихъ въ періодъ 1876—1878 годовъ произошло исключительно для удовлетворенія потребностей военнаго времени.

Мѣры для удовлетворенія названной потребности сводились къ развитію существовавшихъ въ мирное время

[1]) Въ 1876 году положено было въ мирное время для несенія военно-полицейской службы содержать 6 жандармскихъ командъ (гвардейскую и 5 армейскихъ), при мобилизаціи обращаемыхъ въ эскадроны.

учрежденій, къ созданію новыхъ учрежденій [1]) и къ мобилизаціи врачебныхъ учрежденій военнаго времени. Послѣднія должны были при полной мобилизаціи состоять изъ 84 военно-временныхъ госпиталей и 48 подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ. Изъ названнаго числа 48 военно-временныхъ госпиталей и 27 подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ должны были имѣть обозъ, который, однако, предстояло еще заготовить, равно какъ и полковой лазаретный обозъ. Въ дѣйствительности, къ началу войны было приготовлено 30 военно-временныхъ госпиталей, на 630 кроватей каждый, для дѣйствующей арміи и для Кавказскаго корпуса—28 военно-временныхъ госпиталей, на 210 мѣстъ каждый. Для снабженія арміи медикаментами была открыта подвижная аптека.

Всего въ теченіе войны было открыто для Дунайской арміи 64 военно-временныхъ госпиталя на 40.820 мѣстъ и для Кавказскаго корпуса 78 военно-временныхъ госпиталей на 16.380 мѣстъ. Въ Одессѣ и Севастополѣ были устроены мѣстные лазареты всего на 4.300 больныхъ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Черноморскаго побережья и на Кавказѣ были учреждены санитарные лагери на 11.200 мѣстъ. Всего армія располагала къ концу войны до 130/т. мѣстъ для больныхъ, раненыхъ и слабосильныхъ.

Дивизіонными лазаретами удалось снабдить дѣйствующую армію по разсчету одного подвижного дивизіоннаго лазарета на дивизію. Всего къ концу войны считалось въ арміи 25 подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ [2]).

Кромѣ указанныхъ выше учрежденій и заведеній, въ распоряженіи обѣихъ русскихъ армій находились врачебныя учрежденія, устроенныя Обществомъ Краснаго Креста и дру-

[1]) Обѣ указанныя здѣсь мѣры увеличили число мѣстъ на 4.463 мѣста.

[2]) Лазареты эти были сформированы по временному штату въ составѣ одного только отдѣленія, вмѣсто двухъ, каждый на 80 солдатскихъ и 3 офицерскихъ мѣста. Каждому дивизіонному лазарету была придана рота носильщиковъ (9 унтеръ-офицеровъ и 200 рядовыхъ) изъ состава полковъ соотвѣтствующей дивизіи.

гими частными обществами и лицами, оказавшія арміи существенную помощь. Не смотря на это, въ теченіе кампаніи были случаи, когда мѣстъ для больныхъ оказывалось недостаточно.

Б. **Иррегулярныя войска.** Издавна входя въ составъ нашихъ вооруженныхъ силъ, эти войска набирались изъ населенія казачьихъ областей и, частію, изъ инородцевъ.

I. *Казачьи* войска. Къ составу ихъ, въ 1876 году, принадлежали, въ порядкѣ численности, войска: Донское, Кубанское, Оренбургское, Терское, Забайкальское, Уральское, Сибирское, Амурское, Астраханское и Семирѣченское. Сверхъ того: Иркутская и Красноярская отдѣльныя сотни, Якутскій городовой пѣшій полкъ, а равно команды: Камчатская, Березовская, Сургутская и Нарымская.

Общія отличительныя особенности устройства казачьихъ войскъ, по сравненію съ регулярными, заключались въ томъ, что въ мирное время изъ нихъ только $^1/_3$ состояла на службѣ, а остальныя $^2/_3$ находились на льготѣ.

Казачьи войска преимущественно состояли изъ конныхъ частей; пѣхоту же и артиллерію выставляли только нѣкоторыя области.

При мобилизаціи казачьихъ войскъ увеличивалось число частей, а не числительный ихъ составъ, одинаковый въ мирное и военное время.

Строевыя части состояли: изъ конныхъ полковъ (отъ четырехъ до шести сотенъ въ каждомъ), отдѣльныхъ конныхъ сотенъ (до 150 коней), пѣшихъ баталіоновъ (въ четыре или пять ротъ или въ пять сотенъ) и конныхъ батарей шести или восьми-орудійнаго состава въ военное время.

Соединеніе конныхъ полковъ въ бригады и дивизіи существовало только въ Донскомъ войскѣ и дѣлалось каждый разъ по особымъ повелѣніямъ [1]).

[1]) Въ прочихъ казачьихъ войскахъ соединеніе въ бригады и дивизіи могло происходить въ военное время, по усмотрѣнію Главнокомандующаго.

Отбываніе казаками воинской повинности производилось по такъ называемой „очередной“ системѣ, установленной еще въ царствованіе императрицы Екатерины II, до конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, когда порядокъ этотъ подвергся существеннымъ измѣненіямъ.

Съ цѣлью развитія „гражданственности“ въ населеніи казачьихъ земель было рѣшено комплектовать казачьи войска въ размѣрѣ трехъ смѣнъ или очередей опредѣленнаго состава, путемъ зачисленія всѣхъ желающихъ служить въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ; лишь при недостаткѣ таковыхъ предположено приступать къ зачисленію по жребію молодыхъ казаковъ, достигшихъ 19 лѣтъ, производившемуся разъ въ жизни. Всѣ незачисленные по жребію освобождались затѣмъ по смерть отъ обязательной службы и зачислялись въ разрядъ „войсковыхъ гражданъ“. За пользованіе угодьями эти лица обязаны были вносить въ войсковыя суммы опредѣленный, незначительный по размѣру, ежегодный сборъ.

Положеніями, объявленными въ 1871 году—для Оренбургскаго, Кубанскаго, Терскаго и Сибирскаго войскъ, въ 1873 году—для Астраханскаго и Забайкальскаго, начала эти были проведены въ жизнь. Общій срокъ службы для всѣхъ этихъ войскъ, согласно этимъ положеніямъ, опредѣлялся въ 22 года, изъ коихъ 15 лѣтъ полевой службы и 7 лѣтъ въ разрядѣ внутренней службы.

Положенія эти, однако, не получили дальнѣйшаго развитія, такъ какъ со введеніемъ обще-обязательной воинской повинности для всего населенія Имперіи льгота „войсковыхъ гражданъ“ находилась въ явномъ противорѣчіи съ основнымъ принципомъ новаго положенія обще-обязательной военной службы, вслѣдствіе чего явилась необходимость согласовать положеніе о воинской службѣ казаковъ съ общимъ положеніемъ о воинской повинности 1874 года.

Съ этою цѣлью, въ томъ же году, было обнародовано положеніе о военной службѣ Донского казачьяго войска,

а въ 1875 году—уставъ о воинской повинности для этого войска, который въ слѣдующемъ году рѣшено было примѣнить ко всѣмъ казачьимъ войскамъ [1]).

Важнѣйшія основанія воинской повинности казаковъ, согласно новому уставу, были слѣдующія:

Все населеніе казачьихъ земель подлежитъ воинской повинности. Денежный выкупъ и замѣна охотниками не допускаются. Казачьи войска образуютъ служилый составъ и войсковое ополченіе. Общій срокъ службы казаковъ въ служиломъ составѣ установленъ въ 20 лѣтъ, въ томъ числѣ 3 года въ приготовительномъ разрядѣ, 12 лѣтъ въ строевомъ и 5 лѣтъ въ запасномъ разрядахъ. Изъ числа 12 лѣтъ службы въ строевомъ разрядѣ первые четыре года казаки проводили на дѣйствительной службѣ, образуя первую очередь казачьихъ войскъ, послѣ чего зачислялись на льготу и въ военное время образовывали вторую и третью очереди. Молодые казаки зачислялись на службу восемнадцати лѣтъ въ приготовительный разрядъ и оставались на мѣстѣ жительства, собираясь по станицамъ для первоначальнаго обученія, кромѣ перваго года, а на третій годъ пребыванія въ этомъ разрядѣ собирались, кромѣ того, въ учебный сборъ на четыре недѣли. За время состоянія на льготѣ во 2-й очереди казаки призывались три раза въ сборъ на трехъ-недѣльный срокъ. Казаки 3-й очереди отбывали такой сборъ одинъ разъ, а запасный разрядъ и зачисленные въ ополченіе учебнымъ сборамъ не подвергались вовсе. Казаки, зачисленные въ артиллерію не раздѣлялись на очереди. Льготные казаки-артиллеристы собирались въ учебные сборы, срокомъ около пяти недѣль, нѣсколько разъ за время состоянія на льготѣ, а именно черезъ годъ.

Изъятія въ отбываніи воинской повинности въ казачьихъ войскахъ были, въ общемъ, одинаковы съ изъятіями по общимъ уставамъ о воинской повинности.

[1]) Въ войскахъ Забайкальскомъ и Амурскомъ уставъ этотъ введенъ былъ уже послѣ кампаніи, въ 1878 и 1879 гг.

Что касается Уральскаго войска, то важнѣйшею особенностью воинской повинности его населенія было комплектованіе частей вызовомъ охотниковъ, съ уплатой таковымъ особаго вознагражденія, такъ называемой „подмоги“ со стороны лицъ, не пожелавшихъ поступить на дѣйствительную службу, и лишь въ случаѣ недостатка охотниковъ вызывались остальныя лица, подлежащія призыву по жребію. Призывной возрастъ былъ опредѣленъ въ 19 лѣтъ, причемъ призванный поступалъ на 2 года въ разрядъ внутренней службы, далѣе на 15 лѣтъ въ полевой разрядъ и на 5 лѣтъ опять переводился въ разрядъ внутренней службы. Для подготовки всѣхъ казаковъ, не пожелавшихъ зачислиться въ служилый составъ, былъ установленъ призывъ на одинъ годъ дѣйствительной службы, во время первыхъ трехъ лѣтъ состоянія въ полевомъ разрядѣ. Сверхъ того, всѣ казаки Уральскаго войска призывались ежегодно на учебные сборы, до седьмого года состоянія въ полевомъ разрядѣ.

Комплектованіе казачьихъ войскъ унтеръ-офицерами (урядниками) происходило на общихъ основаніяхъ путемъ прохожденія предназначенныхъ для того казаковъ чрезъ полковыя учебныя команды, за исключеніемъ Уральскаго войска, гдѣ урядники для строевыхъ частей подготовлялись въ Уральской учебной сотнѣ.

Источниками комплектованія казачьихъ войскъ офицерами служили: 1) выпускъ урядниковъ изъ юнкерскихъ и военныхъ училищъ, 2) переводы изъ регулярныхъ частей и 3) опредѣленіе вновь на службу изъ отставки.

Важнѣйшимъ источникомъ комплектованія по количеству доставляемыхъ офицеровъ былъ выпускъ изъ спеціальныхъ казачьихъ урядничьихъ училищъ: Новочеркасскаго, Ставропольскаго и Оренбургскаго и нѣкоторыхъ другихъ юнкерскихъ училищъ, имѣвшихъ соотвѣтствующія отдѣленія для прохожденія курса казачьими урядниками.

Главная же масса офицеровъ, произведенныхъ до образованія юнкерскихъ училищъ, была произведена за выслугу лѣтъ изъ войсковыхъ урядниковъ, причемъ отъ послѣднихъ требовалось лишь умѣнье читать и писать.

Списочный составъ офицеровъ въ 1876 году лишь немного уступалъ штатному и доходилъ до 3.032 чел., что̀ составляло 82% потребнаго по военному составу числа офицеровъ.

Казачьи войска, въ случаѣ военнаго времени, давали слѣдующее число частей:

1) Донское войско, наиболѣе сильное по составу (69/т. н. ч.), выставляло свыше 40% конныхъ частей всѣхъ казачьихъ войскъ, а именно: 374 эскадрона и сотни и 23 конныхъ батареи (въ томъ числѣ одну запасную въ четыре орудія) съ 136 орудіями, т. е. около 60% всей казачьей артиллеріи.

2) Кубанское войско выставляло 6 пластунскихъ баталіоновъ, 30 конныхъ шести-сотенныхъ полковъ, два эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, Варшавскій Кубанскій дивизіонъ (2 сотни) и конно-артиллерійскую бригаду въ 5 батарей, по 8 орудій каждая. Сверхъ того, это войско формировало учебный казачій конно-артиллерійскій взводъ вмѣстѣ съ Терскимъ и Оренбургскимъ войсками. Всего войско давало 6 баталіоновъ, 184 эскадрона и сотни и 40 орудій. Для укомплектованія всѣхъ этихъ частей войско обязано было имѣть въ полномъ комплектѣ 36/т. нижнихъ чиновъ.

3) Оренбургское войско, имѣвшее комплектъ въ 25/т. человѣкъ. Съ февраля 1877 года войско это должно было выставлять 17 конныхъ полковъ шести-сотеннаго состава, конно-артиллерійскую бригаду въ восемь шести-орудійныхъ батарей и одну запасную конно-артиллерійскую батарею четырехъ-орудійнаго состава, а всего 102 сотни и 52 орудія.

4) и 5) Терское и Забайкальское казачьи войска, обязанныя содержать комплектъ по 11/т. нижнихъ чиновъ. Первое изъ названныхъ войскъ выставляло одинъ эскад-

ронъ Собственнаго Его Величества конвоя, 15 конныхъ полковъ четырехъ-сотеннаго состава и 2 конныя батареи 8-орудійнаго состава, а всего 60 сотенъ, 1 эскадронъ и 16 орудій. Второе выставляло 6 конныхъ полковъ четырехъ-сотеннаго состава, 9 пѣшихъ баталіоновъ пяти-сотеннаго состава, конно-артиллерійскую бригаду изъ двухъ восьми-орудійныхъ батарей, всего 9 баталіоновъ, 24 сотни и 16 орудій.

6) Уральское войско выставляло лейбъ-гвардіи Уральскій казачій эскадронъ, 9 конныхъ полковъ шести-сотеннаго состава и учебную сотню, всего 56 эскадроновъ и сотенъ (комплектъ 9/т. нижнихъ чиновъ).

7) Сибирское войско выставляло 9 конныхъ шести-сотенныхъ полковъ, всего 54 сотни (комплектъ 9/т. н. ч.).

8) Амурское войско давало 2 дѣйствующихъ, 2 резервныхъ баталіона четырехъ-ротнаго состава и конную бригаду въ составѣ двухъ четырехъ-сотенныхъ полковъ, всего 4 баталіона и 8 сотенъ (комплектъ около 5.000 человѣкъ).

9) Астраханское войско, имѣвшее комплектъ въ 1.900 человѣкъ, выставляло 3 конныхъ полка четырехъ-сотеннаго состава, всего 12 сотенъ.

10) Семирѣченское войско давало 2 шести-сотенныхъ полка, всего 12 сотенъ.

Кромѣ того, въ составъ казачьихъ войскъ входили Иркутская, Красноярская и Уссурійская отдѣльныя сотни, Якутскій городовой пѣшій полкъ и команды: Камчатская, Березовская, Сургутская и Нарымская.

Общее число населенія всѣхъ казачьихъ земель доходило до 1.900.000 человѣкъ. Всѣ казачьи войска выставляли 887 эскадроновъ и сотенъ, 264 конныхъ орудія, 19 пѣшихъ баталіоновъ, мѣстный полкъ и 4 команды. Штатное число казаковъ доходило въ 1876 году до 3.684 офицеровъ и 157.609 нижнихъ чиновъ, а по списку состояло 3.298 офицеровъ и 250.632 нижнихъ чиновъ.

II. Войска изъ *инородцевъ*. Къ составу этихъ войскъ принадлежали части, выставлявшіяся населеніемъ Кавказа. Крымскіе татары и башкиры, какъ выше сказано, давали небольшія части, входившія въ составъ регулярной кавалеріи.

Въ мирное время эти войска состояли изъ:

1) Лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя.

2) Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка шести-сотеннаго состава.

3) Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка пяти-сотеннаго состава.

4) Кубанской постоянной милиціи (конной) въ составѣ одной сотни.

5) Дагестанской (конной) милиціи въ составѣ 11 сотенъ.

6) Терской постоянной (конной) милиціи въ составѣ 12 сотенъ.

Изъ пѣшихъ частей содержались:

1) Грузинская дружина четырехъ-сотеннаго состава.

2) Гурійская сотня.

Всего въ мирное время инородческія части состояли изъ $1^1/_4$ баталіона, одного эскадрона и 35 сотенъ, число же таковыхъ по военному времени не было опредѣлено.

Число инородческихъ частей, выставленныхъ за войну 1877—1878 годовъ, достигало 18 конныхъ полковъ, одного конно-иррегулярнаго дивизіона и одной сотни, $27^1/_2$ сотенъ милиціи, всего 130 конныхъ сотенъ и $12^1/_4$ пѣшихъ дружинъ, общею числительностью въ 23.500 человѣкъ.

В. **Государственное ополченіе.** Согласно уставу о воинской повинности, въ ополченіи числились всѣ способные носить оружіе и не числящіеся въ войскахъ въ возрастѣ отъ 21 года до 40 лѣтъ. Ратники ополченія дѣлились на два разряда: къ первому принадлежали младшіе четыре возраста (21—25 лѣтъ), ко второму—всѣ остальные. Ратники перваго разряда, въ виду недостатка запаса (предусмотрѣннаго

уставомъ), могли призываться на укомплектованіе (при мобилизаціи) и пополненіе (во время войны) полевыхъ и резервныхъ войскъ.

Собственно же ополченіе призывалось только Высочайшимъ манифестомъ. Изъ ополченцевъ могли формироваться: пѣшія, 4-ротныя, дружины (665—1.017 ратниковъ), конныя сотни (147 ратниковъ) и морскія команды. Число всѣхъ этихъ частей въ каждой губерніи опредѣлялось манифестомъ о призывѣ. Никакой воинской подготовки ополченцы не получали, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые перечислены были въ ополченіе изъ запаса по окончаніи срока состоянія въ таковомъ и получили подготовку за время службы въ войскахъ. Всѣ ополченскія части предполагалось раздѣлить на три очереди, по 200/т. чел. каждая. Всего ополченіе должно было дать до 600/т. чел.

Дружины и сотни каждой губерніи должны были состоять въ вѣдѣніи особаго начальника губернскаго ополченія.

Запасовъ вооруженія и снаряженія для ополченскихъ частей заготовлено не было.

Штаты ополченія были объявлены только въ 1876 году. Къ формированію ополченія за время войны 1877—78 годовъ прибѣгать не приходилось, зато ополченцами широко воспользовались для комплектованія резервныхъ, мѣстныхъ, крѣпостныхъ и запасныхъ войскъ. Всего въ теченіе кампаніи было призвано до 170 тыс. ратниковъ.

Вооруженіе. Русская армія была вооружена въ большей своей части огнестрѣльнымъ оружіемъ, по типу своему относившемуся къ первымъ образцамъ нарѣзного оружія, сообщавшимъ своимъ снарядамъ начальную скорость около 1.000 футъ въ секунду.

Перевооруженіе арміи новыми образцами огнестрѣльнаго оружія, способными придавать своимъ снарядамъ начальную скорость до 1.200—1.500 футъ въ секунду, было рѣшено

ко времени мобилизаціи для артиллеріи въ принципѣ, а въ пѣхотѣ, кавалеріи и инженерныхъ войскахъ таковое уже началось съ 1872 г. и продолжалось, главнымъ образомъ для войскъ, въ войнѣ не участвовавшихъ, въ теченіе самой войны.

Перевооруженіе войскъ, начавшееся съ западныхъ и сѣверо-западныхъ округовъ, почти не коснулось южныхъ округовъ [1]), войска которыхъ первыя открыли военныя дѣйствія, вслѣдствіе чего первое время кампаніи вооруженіе дѣйствующей арміи уступало вооруженію турецкой арміи, въ значительной части обладавшей огнестрѣльнымъ оружіемъ (преимущественно ручнымъ) новѣйшаго типа.

Вооруженіе нижнихъ чиновъ пѣхоты должно было состоять изъ скорострѣльныхъ четырехъ-линейныхъ винтовокъ Бердана № 2 [2]).

На самомъ дѣлѣ это нормальное вооруженіе имѣли только 16 пѣхотныхъ дивизій изъ числа 48, а именно: три гвардейскія, четыре гренадерскія и девять пѣхотныхъ армейскихъ (4-я, 6-я, 7-я, 8-я, 10-я, 22-я, 24-я, 37-я и 39-я), 27 дивизій и крѣпостные баталіоны были вооружены 6-линейною винтовкою Крнка, а дивизіи, расположенныя на Кавказѣ (19-я, 20-я, 21-я, 38-я и 41-я) и линейные баталіоны—игольчатою винтовкою системы Карле.

Губернскіе и мѣстные баталіоны и команды были вооружены ружьями двухъ послѣднихъ системъ.

Стрѣлковые баталіоны имѣли малокалиберныя четырехълинейныя винтовки Бердана, образца № 1, принятаго первоначально еще въ 1868 году. Изъ нихъ во время кампаніи были вооружены ружьями Бердана № 2 гвардейская, 1-я, 2-я, 4-я и 5-я стрѣлковыя бригады.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что изъ пѣхотныхъ дивизій, начавшихъ кампанію на Европейскомъ театрѣ войны, ни

[1]) Въ этихъ округахъ новое оружіе получили лишь стрѣлковые баталіоны и казаки.

[2]) Офицеры, фельдфебеля, портупей-юнкера, музыканты, барабанщики и горнисты были вооружены револьверами Смита и Вессона.

одна не была вооружена малокалибернымъ скорострѣльнымъ оружіемъ, въ то время, какъ оставшіяся въ Имперіи войска частію уже были перевооружены, частію же перевооружались новыми ружьями. Лишь при дальнѣйшемъ развитіи кампаніи въ составъ дѣйствующей арміи поступили три гвардейскихъ, двѣ гренадерскихъ и двѣ армейскихъ дивизіи (24-я и 26-я), вооруженныя малокалиберными винтовками.

Всего къ 1 января 1877 года на вооруженіи войскъ находилось: малокалиберныхъ пѣхотныхъ винтовокъ—247.130, винтовокъ Крнка—383.382, игольчатыхъ—113.317.

Не смотря на то, что въ войсковыхъ складахъ и на заводахъ имѣлся значительный запасъ Берданокъ (до 230.000 штукъ), не считали удобнымъ давать войскамъ хотя лучшее, но незнакомое оружіе [1]). Для признанія громаднаго перевѣса ружья Бердана надъ шести-линейными ружьями потребовался боевой и кровавый опытъ.

Вообще, господствовавшія въ войсковыхъ сферахъ и русской военной литературѣ идеи не были благопріятны использованію отличительныхъ качествъ новаго оружія: дальнобойности и скорострѣльности. И то, и другое признавалось опаснымъ. Боязнь дальнобойности сказалась уже при проектированіи шести-линейныхъ винтовокъ, заряжаемыхъ съ казны. Ружья эти, способныя поражать до 2.000 шаговъ, получили прицѣлъ всего на 1.200 шаговъ и то лишь для стрѣлковыхъ ротъ и унтеръ-офицеровъ; вся же линейная пѣхота получила тѣ же самыя ружья съ прицѣломъ только до 600 шаговъ. Ружье Бердана, получившее послѣ войны прицѣлъ до 2.200 шаговъ, во время кампаніи имѣло прицѣлъ лишь до 1.500 шаговъ. Такимъ образомъ, русская армія добровольно лишала себя преимуществъ дальнобойности новаго оружія.

[1]) Предложеніе о перевооруженіи было отклонено многими войсковыми начальниками.

Широко распространенное мнѣніе о томъ, что русскія ружья въ баллистическомъ отношеніи уступали турецкимъ—не вѣрно. Турецкая пѣхота, какъ о томъ сказано уже въ третьей главѣ, была вооружена ружьями двухъ типовъ: Генри-(Пибоди) Мартини и Снайдера, изъ которыхъ по свойствамъ первое соотвѣтствовало ружью Бердана, тогда какъ второе—ружьямъ Крнка и Карле. Пресловутыя дальнобойность и скорострѣльность турецкихъ ружей объясняются лишь тѣмъ, что турки вполнѣ использовали въ этихъ отношеніяхъ свое оружіе, въ то время, какъ въ русской арміи къ этимъ качествамъ относились отрицательно.

Возникновенію такого мнѣнія способствовало то обстоятельство, что, какъ выше сказано, кампанію начали съ русской стороны войска южныхъ округовъ, вооруженныя, за малымъ исключеніемъ, шести-линейными винтовками, тогда какъ встрѣтившія ихъ войска противника имѣли уже въ большинствѣ малокалиберныя винтовки.

Особенности ружей русской пѣхоты были слѣдующія:

1) Малокалиберныя скорострѣльныя винтовки Бердана № 2 имѣли калибръ 4,2 линіи. Вѣсъ ружья съ четырехъграннымъ штыкомъ $11^1/_2$ фун. Вѣсъ патрона 9 золотниковъ 60 долей. Вѣсъ пули 5 золотниковъ 48 долей. Вѣсъ заряда $1^3/_{16}$ золотника. Затворъ скользящій. Прицѣлъ до 1.500 шаговъ, начальная скорость—1.450 футъ. Дальность прямого выстрѣла 450 шаговъ. Скорость стрѣльбы при полномъ напряженіи могла доходить до 20 выстрѣловъ въ минуту.

Ружье это, равно какъ и винтовка Бердана № 1, отличавшаяся отъ описанной лишь устройствомъ затвора (откидной затворъ), способомъ прикрѣпленія штыка (снизу) и меньшею скоростью заряжанія, заслужило полное одобреніе войскъ и было прекраснымъ оружіемъ во всѣхъ отношеніяхъ.

2) Шести-линейная винтовка Крнка, калибръ 6 линій. Вѣсъ ружья съ примкнутымъ трехъ-граннымъ штыкомъ

12 фунтовъ. Вѣсъ патрона 12 золотниковъ 73 доли. Вѣсъ пули 8 золотниковъ 32 доли. Вѣсъ заряда $1^{3}/_{16}$ золотника. Затворъ откидной. Прицѣлъ до 1.200 шаговъ въ стрѣлковыхъ ротахъ и на ружьяхъ унтеръ-офицеровъ и до 600 шаговъ на ружьяхъ нижнихъ чиновъ линейной пѣхоты. Начальная скорость 1.000 футъ. Дальность прямого выстрѣла 350 шаговъ. Скорость стрѣльбы даже при удачной экстракціи не могла превышать 12 выстрѣловъ въ минуту.

Ружье это, главнымъ образомъ по причинѣ плохой экстракціи гильзъ, не пользовалось въ войскахъ хорошей репутаціей. Въ теченіе кампаніи нерѣдко случалось, что люди подбирали турецкія ружья, предпочитая ихъ своимъ Крынкамъ. Послѣ перехода черезъ Балканы одинъ изъ полковъ 16-й пѣхотной дивизіи (Углицкій) въ полномъ составѣ былъ перевооруженъ ружьями Генри-Мартини.

Ружье Карле было, по баллистическимъ качествамъ, нѣсколько выше ружей Крнка (прямой выстрѣлъ 360 шаговъ). Важнѣйшими его особенностями былъ игольчатый затворъ и бумажный патронъ.

На Европейскомъ театрѣ войны не было частей, вооруженныхъ этой винтовкой. На Азіатскомъ же театрѣ войны войска были недовольны бумажнымъ патрономъ, размокавшимъ въ дождливое время.

Патроновъ полагалось на ружье, независимо отъ системы: на людяхъ по 60, изъ нихъ 48 въ сумкахъ и 12 въ ранцѣ; въ полковыхъ патронныхъ ящикахъ—60; въ паркахъ: летучихъ—52 и подвижныхъ—10; а всего на ружье имѣлось 182 патрона. Стрѣлковые баталіоны располагали 184 патронами на человѣка.

Вооруженіе кавалеріи было различно.

Драгуны должны были имѣть малокалиберныя винтовки Бердана образца 1870 года, отличавшіяся отъ пѣхотныхъ меньшею длиною, вѣсомъ и нѣсколько меньшимъ зарядомъ. На самомъ дѣлѣ, передъ войною лишь гвардейскіе драгун-

скіе полки успѣли получить эти винтовки [1]). Всѣ прочіе драгунскіе полки были еще вооружены шести-линейными драгунскими винтовками Крнка, отличавшимися отъ пѣхотныхъ винтовокъ, той же системы, также лишь меньшею длиною и вѣсомъ. Кромѣ винтовокъ со штыками, драгуны имѣли шашки.

Гусары и уланы были вооружены кавалерійскими саблями въ желѣзныхъ ножнахъ и, сверхъ того, всадники второй шеренги — малокалиберными 4,2-линейными карабинами, а первая шеренга—пиками.

Кирасиры имѣли пики и револьверы. По 16 человѣкъ въ эскадронѣ имѣли карабины Бердана. Всѣ вообще вахмистры, унтеръ-офицеры и трубачи регулярной кавалеріи, а равно всѣ рядовые, не имѣвшіе винтовокъ или карабиновъ, кромѣ холоднаго оружія, имѣли револьверы системы Смита и Вессона.

Казаки только въ 1876 году получили малокалиберныя 4,2-линейныя винтовки вмѣсто шести-линейныхъ винтовокъ Крнка. Казачьи винтовки Бердана отличались отъ драгунскихъ лишь отсутствіемъ штыка и спусковой скобы. Холодное оружіе ихъ состояло изъ пики и шашки. Третья очередь войска Донского имѣла шести-линейныя винтовки, заряжающіяся съ дула; часть второ-очередныхъ полковъ Кубанскаго войска была вооружена также шести-линейными винтовками Таннера, заряжающимися съ дула. Пластунскіе баталіоны имѣли частію малокалиберныя винтовки Бердана, частію винтовки Карле, частію шести-линейныя винтовки, заряжающіяся съ дула. Прочія казачьи войска были вооружены крайне разнообразно—отъ винтовокъ Бердана до четырехъ-линейныхъ винтовокъ, заряжающихся съ дула, а

[1]) Въ теченіе войны на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій была перевооружена драгунскими винтовками Бердана 8-я кавалерійская дивизія. Этими же винтовками были вооружены драгунскіе полки всѣхъ кавалерійскихъ дивизій, прибывшихъ въ армію по дополнительнымъ мобилизаціямъ.

въ Амурскомъ казачьемъ войскѣ имѣлись въ резервныхъ пѣшихъ баталіонахъ даже гладкоствольныя кремневыя ружья.

Милиціи Кавказскаго края имѣли собственное оружіе азіатскаго образца, за исключеніемъ Терско-Горскаго конно-иррегулярнаго полка, вооруженнаго казачьими малокалиберными винтовками Бердана, и Грузинской пѣшей дружины, имѣвшей нарѣзныя ружья, заряжавшіяся съ дула.

Инженерныя войска были вооружены винтовками Крнка драгунскаго образца.

Фельдфебеля, хорные музыканты, барабанщики и горнисты въ пѣхотныхъ полкахъ, саперныхъ, стрѣлковыхъ, линейныхъ баталіонахъ и понтонныхъ полубаталіонахъ въ округахъ: Петербургскомъ, Варшавскомъ, Виленскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Московскомъ и Кавказскомъ были вооружены револьверами Смита и Вессона. Эти же чины всѣхъ прочихъ частей вооружены гладкоствольными пистолетами.

На вооруженіи русской полевой артиллеріи, какъ выше указано, состояли мѣдныя, съ казны заряжающіяся орудія съ клиновымъ затворомъ [1]), а именно—девяти-фунтовыя, четырехъ-фунтовыя полевыя и трехъ-фунтовыя горныя пушки.

Всѣ эти орудія обладали начальною скоростью, не превышавшею 1.050 футъ въ секунду, и стрѣляли небольшимъ относительнымъ зарядомъ. Къ 1877 году были уже выработаны образцы пушекъ, скрѣпленныхъ кольцами, стрѣлявшихъ большими зарядами, но таковыя орудія батареи получили уже послѣ войны.

Главнѣйшія данныя этихъ пушекъ были слѣдующія.

9-фунтовая пушка имѣла калибръ 4,2 дюйма. Вѣсъ орудія $38^1/_4$ (съ замкомъ 40) пудовъ, желѣзнаго лафета $28^1/_4$ п.; на лафетѣ имѣлись гнѣзда для помѣщенія двухъ картечей; съ послѣдними вѣсъ лафета доходилъ до $29^1/_2$ пудовъ. Вѣсъ передка $22^1/_2$ пуда. Число снарядовъ, возимыхъ въ передкѣ,

[1]) Ко времени кампаніи имѣлось стальныхъ 4-фунтовыхъ пушекъ 390 и 9-фунтовыхъ 212. Устройство и баллистическія свойства этихъ пушекъ были одинаковы съ мѣдными.

было различно, въ зависимости отъ того — двухъ-колесные или четырехъ-колесные ящики имѣлись въ батареѣ. Въ первомъ случаѣ въ орудійномъ передкѣ возилось 12 снарядовъ, а именно: 6 обыкновенныхъ гранатъ или шарохъ, 3 картечныхъ гранаты или шрапнели и 3 картечи; во второмъ случаѣ въ передкѣ помѣщалось по 8 гранатъ (шарохъ) и 8 картечныхъ гранатъ (шрапнелей) и по 2 картечи. Вѣсъ всей системы съ полною укладкою безъ посаженной прислуги въ зависимости отъ изложеннаго былъ отъ 103 до 107¼ п., что̀ составляло свыше 17 пудовъ на лошадь.

Боевой зарядъ вѣсилъ 3 фунта. Начальная скорость при стрѣльбѣ гранатою достигала 1.050 и при стрѣльбѣ картечною гранатою 979 футъ. Табличная дальность 1.500 саженъ.

4-фунтовая пушка имѣла калибръ 3,42 дюйма. Вѣсъ орудія 21¼ (съ замкомъ около 23) пудовъ; желѣзнаго лафета съ 2 картечями въ гнѣздахъ [1]) 26 пудовъ. Вѣсъ передка 22½. Число снарядовъ, возимыхъ въ передкѣ, было различно и доходило до 18: 8 гранатъ (шарохъ), 8 шрапнелей (картечныхъ гранатъ) и 2 картечи, если батарея имѣла двухъ-колесные ящики, и до 32 (15 гранатъ, 15 картечныхъ гранатъ, 2 картечи) при четырехъ-колесныхъ ящикахъ. Вѣсъ системы съ полною укладкою былъ отъ 78¼ до 85 пудовъ, что̀ составляло отъ 13 до 14 пудовъ на лошадь.

Боевой зарядъ вѣсилъ 1½ фунта. Начальная скорость при стрѣльбѣ гранатою была 1.004 фута и картечною гранатою 945 футъ. Табличная дальность пушки была 1.200 саженъ.

3-фунтовая горная пушка имѣла калибръ 3 дюйма. Орудіе вѣсило 6 пудовъ, желѣзный лафетъ 5½ пудовъ и колеса 3 п. 13 фунтовъ [2]).

---

[1]) Въ 4-фунтовыхъ пушкахъ конныхъ батарей на лафетѣ возилось по 4 картечи. Лафеты конныхъ пушекъ не имѣли сидѣній для прислуги.

[2]) Орудіе, разобранное по частямъ, и боевой комплектъ снарядовъ (14 ящиковъ по 7 снарядовъ въ каждомъ) возились на вьючныхъ лошадяхъ.

Боевой зарядъ вѣсилъ 80 золотниковъ и сообщалъ снаряду начальную скорость 698 футъ въ секунду. Табличная дальность пушки была 700 саженъ.

Что касается снарядовъ русской артиллеріи, то таковые были весьма разнообразны. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ 9 и 4-фунтовыя пушки имѣли слѣдующіе снаряды: 1) граната обыкновенная, 2) зажигательная, 3) картечная и 4) картечь.

Первые три снаряда были цилиндро-конической формы, съ поясками и свинцовою обливкою, одностѣнные, не имѣвшіе правильнаго дробленія при разрывѣ, всѣ съ ударною трубкою. Картечныя гранаты снаряжались шести-линейными пулями.

Въ 1870 году введенъ былъ новый снарядъ—шароха, вмѣщавшій въ головной части сферическое ядро. Ядро это при разрывѣ снаряда освобождалось и продолжало летѣть. Цѣль, которую стремились достигнуть при введеніи этого снаряда, заключалась въ возстановленіи рикошетнаго выстрѣла, бывшаго могущественнымъ средствомъ гладкостѣнной артиллеріи и утраченнаго съ принятіемъ нарѣзной артиллеріи. Цѣль эта, однако, достигнута не была: шарохи при паденіи или зарывались въ землю, или отражались подъ большимъ угломъ и посылали свое ядро круто вверхъ, нанося противнику лишь случайныя пораженія. Недостатки этого снаряда были сознаны еще передъ кампаніей и въ 1876 году положено шарохъ болѣе не заготовлять, имѣвшіяся разрядить и употреблять вмѣсто обыкновенныхъ гранатъ. Въ 1870 году была введена $7^{7}/_{8}$-секундная дистанціонная трубка и боевыя средства артиллеріи стали еще болѣе разнообразными. Полевыя пушки получили семь родовъ снарядовъ: гранаты обыкновенныя, зажигательныя, картечныя и шарохи,—всѣ съ ударными трубками, картечныя гранаты и шарохи съ дистанціонными трубками и, наконецъ, картечь.

На неудобство, вызываемое такимъ положеніемъ дѣла, было, однако, обращено вниманіе и въ 1875 году отмѣняются зажигательная граната и картечная граната съ ударною трубкою и, какъ выше указано, разряжаются шарохи. Такимъ образомъ, съ 1876 года артиллерія должна была имѣть впредь только три снаряда: 1) обыкновенную гранату съ ударною трубкою, 2) шрапнель съ перегородкою и дистанціонною трубкою, которою положено было замѣнить картечную гранату съ дистанціонною трубкою, и 3) картечь. На самомъ дѣлѣ, однако, за неизрасходованіемъ артиллерійскихъ запасовъ часть батарей вмѣсто обыкновенныхъ гранатъ имѣла шарохи, и большая часть—вмѣсто шрапнелей имѣла картечныя гранаты съ дистанціонною трубкою. Иногда встрѣчались и картечныя гранаты съ ударною трубкою. Картечныя гранаты съ 1875 года, а шрапнель съ самаго появленія снабжались пяти-линейными свинцовыми пулями. Въ нѣкоторыхъ, однако, батареяхъ картечныя гранаты были снаряжены еще шести-линейными пулями.

Кромѣ $7^{7}/_{8}$-секундныхъ дистанціонныхъ трубокъ, съ которыми русская артиллерія начала кампанію, нѣкоторыя артиллерійскія части получили уже во время кампаніи двухъярусныя 15-секундныя трубки. Къ 1 ноября 1877 года было принято отъ осадной артиллеріи 6.080 трубокъ и къ 3 ноября того же года прислано изъ Петербурга въ дѣйствующую армію еще 30.000 такихъ трубокъ.

Кромѣ указанныхъ образцовъ трубокъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ артиллеріи, преимущественно въ гвардейской, имѣлись 10-секундныя трубки, одинаковыя съ $7^{7}/_{8}$-секундными трубками, но имѣвшія уплотненный, медленно горящій составъ.

Изъ приведеннаго бѣглаго очерка видно, съ какою сложною матеріальною частью приходилось имѣть дѣло строевому составу русской артиллеріи.

Въ частности, боевыя свойства указанныхъ выше снарядовъ были слѣдующія:

Обыкновенная граната, 9-фунтовая, вѣсомъ въ 27 фунтовъ, и 4-фунтовая, вѣсомъ въ 14 фунтовъ, составляла половину боевого комплекта артиллеріи. Граната эта назначалась: 1) для разрушенія каменныхъ и деревянныхъ строеній, заборовъ и пр., что̀ она и выполняла удовлетворительно, 2) для борьбы съ земляными насыпями, въ чемъ она оказалась благодаря слабому фугасному дѣйствію (1 ф. разрывного заряда въ 9-фунтовой гранатѣ и $^1/_2$ фунта въ 4-фунтовой гранатѣ) совершенно несостоятельной, и 3) для дѣйствія по войскамъ. Послѣднее назначеніе она выполняла въ общемъ также неудовлетворительно. На близкихъ и среднихъ дистанціяхъ до 700 (4-фунтовая) и 900 саженъ (9-фунтовая) при стрѣльбѣ по открыто стоящимъ цѣлямъ дѣйствіе ея было хорошее, но по лежащимъ, особенно прикрытымъ складками мѣстности, стрѣлковымъ цѣпямъ, а равно по всякимъ цѣлямъ на дальнѣйшія дистанціи было неудовлетворительно. Дѣйствіе снарядовъ было крайне капризно: снарядъ или зарывался въ грунтъ, или разрывался на высотѣ отъ половины до одного аршина отъ поверхности земли, на восходящей вѣтви траекторіи и давалъ полый пучокъ осколковъ съ растворѐніемъ до 60°.

Глубина пораженія была весьма не велика: отъ двухъ до десяти саженъ, вслѣдствіе чего малѣйшая ошибка въ пристрѣлкѣ дѣлала стрѣльбу недѣйствительною. Дѣйствіе ея по противнику закрытому насыпями было ничтожно. Число разрывныхъ частицъ не превышало въ 4-фунтовой гранатѣ 20 и въ 9-фунтовой—30.

Боевыя свойства шарохи, о которыхъ уже было упомянуто, были еще ниже.

Несравненно сильнѣйшимъ снарядомъ была картечная граната съ дистанціонною трубкою, улучшенная впослѣдствіи принятіемъ діафрагмы (поперечной перегородки), от-

дѣлявшей разрывной зарядъ, помѣщенный въ задней части снаряда, отъ пуль, залитыхъ сѣрою, и получившая названіе шрапнели. Снарядъ этотъ вѣсилъ: 9-фунтовый до 32 фунтовъ и 4-фунтовый до 16¾ фунтовъ. Число пуль доходило въ первомъ до 220, а во второмъ до 118, кромѣ осколковъ корпуса. Снопъ пуль имѣлъ растворѐніе отъ 8 до 18 градусовъ. Глубина пораженія (длина снопа пуль) на среднихъ дистанціяхъ, при нормальныхъ разрывахъ, доходила до 80 саженъ, что̀ сглаживало въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибки въ пристрѣлкѣ.

По войскамъ лежащимъ открыто или прикрытымъ складками мѣстности шрапнель дѣйствовала очень хорошо. Дѣйствіе по стрѣлкамъ, стрѣляющимъ съ банкетовъ, было удовлетворительно. При фланговомъ положеніи относительно цѣли и при отсутствіи блиндажей у противника являлась уже возможность наносить вредъ войскамъ даже въ окопахъ. Къ сожалѣнію, отличныя боевыя свойства шрапнели могли быть использованы лишь въ слабой степени, по причинѣ малой дальности 7⅞-секундныхъ трубокъ—не свыше 800—900 саж.

Хотя, какъ сказано выше, въ кампаніи примѣнялись также 10-секундныя трубки (дальность до 1.100 саженъ и 15-секундная трубка—дальность 1.400 саженъ), но ихъ было мало, получены онѣ были поздно, дѣйствіе ихъ на дистанціяхъ свыше 1.000 саженъ было неудовлетворительно и строевой командный составъ не былъ подготовленъ въ мирное время къ ихъ употребленію. Наконецъ, малая окончательная скорость снарядовъ, особенно 4-фунтовыхъ, обусловливала при стрѣльбѣ на дистанціи свыше двухъ верстъ слабость ударовъ шрапнельныхъ пуль.

Что касается картечи, то дѣйствіе этого снаряда по причинѣ небольшой начальной скорости 9-ти фунтовыхъ и особенно 4-хъ фунтовыхъ орудій было слабо. Предѣльной дистанціей стрѣльбы картечью считалось 200 саженъ. Картечь 9-фунтоваго орудія вѣсила 25½ фунтовъ и несла

108 пуль. Картечь 4-фунтоваго орудія вѣсила 11¾ фунта и заключала въ себѣ 48 пуль.

3-фунтовыя горныя пушки имѣли 3 снаряда: гранату, шрапнель (картечную гранату) и картечь. Первая вѣсила 9¾ фунтовъ, имѣла разрывной зарядъ въ 36 золотниковъ и при разрывѣ давала 10—15 осколковъ. Вторая вѣсила 11¾ фунтовъ и несла до 70 пяти-линейныхъ пуль. Картечь вѣсила 9 фунтовъ и заключала въ себѣ около 50 пуль. Дѣйствіе снарядовъ горной пушки было вообще не велико.

Боевой комплектъ батарей былъ въ общемъ весьма значителенъ. Кромѣ снарядовъ, возимыхъ въ орудійныхъ передкахъ и на орудійныхъ лафетахъ, таковые возились въ двухъ-колесныхъ или четырехъ-колесныхъ зарядныхъ ящикахъ. Первыхъ полагалось на 9-фунтовую батарею 24 и въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по 36 снарядовъ (17 гранатъ, 18 шрапнелей и 1 картечь). Всего на батарею имѣлось такимъ образомъ, считая съ имѣвшимися на лафетахъ, въ орудійныхъ передкахъ и на запасныхъ лафетахъ, 1.004 снаряда (468 гранатъ, 462 шрапнели и 74 картечи) и на орудіе 125½ снарядовъ. На 4-фунтовую батарею полагалось 16 такихъ ящиковъ и въ каждомъ изъ нихъ возилось по 56 снарядовъ (27 гранатъ, 27 шрапнелей и 2 картечи). На батарею приходилось въ этомъ случаѣ 1.096 снарядовъ (512 гранатъ, 512 шрапнелей и 72 картечи), считая имѣвшіеся на лафетахъ и орудійныхъ передкахъ, а на орудіе по 137 снарядовъ. Четырехъ-колесныхъ ящиковъ, состоявшихъ изъ двухъ ходовъ—задняго и передняго, полагалось на 9-фунтовую батарею 12, съ 71 снарядомъ въ каждомъ (8 гранатъ, 7 шрапнелей, 2 картечи въ переднемъ ходѣ и по 27 гранатъ и шрапнелей—въ заднемъ); всего 9-фунтовая батарея располагала 1.042 снарядами (500 гранатъ, 478 шрапнелей и 64 картечи). На 4-фунтовую пѣшую батарею полагалось по 8 такихъ ящиковъ съ 116 снарядами въ каждомъ (по 15 гранатъ и шрапнелей и

2 картечи въ переднемъ ходѣ и по 42 гранаты и шрапнели въ заднемъ). Всего на 4-фунтовую батарею возилось 1.268 снарядовъ (606 гранатъ, 606 шрапнелей и 56 картечей).

На орудіе въ этомъ случаѣ приходилось: на 9-фунтовое $130^1/_4$ и на 4-фунтовое по $158^1/_2$ снарядовъ.

Конныя восьми-орудійныя батареи имѣли комплектъ одинаковый съ пѣшими 4-фунтовыми батареями, шести-орудійныя же батареи имѣли по 6 четырехъ-колесныхъ ящиковъ съ 948 снарядами (440 гранатъ, 440 шрапнелей и 68 картечей, считая въ томъ числѣ снаряды, возимые въ орудійныхъ передкахъ, лафетахъ и запасномъ лафетѣ). Разница въ составѣ комплекта конныхъ батарей сравнительно съ пѣшими была лишь въ томъ, что число картечей было болѣе, чѣмъ въ пѣшихъ батареяхъ, число же прочихъ снарядовъ—соотвѣтственно менѣе.

3-фунтовыя горныя батареи имѣли боевой комплектъ по разсчету 98 снарядовъ на каждое орудіе, а именно: гранатъ и шрапнелей по 42 и по 14 картечей. Комплектъ возился въ 14 вьючныхъ ящикахъ, по 7 снарядовъ въ каждомъ. Два вьючныхъ ящика вьючились на одну лошадь.

Вооруженіе строевыхъ нижнихъ чиновъ пѣшей артиллеріи состояло изъ укороченныхъ драгунскихъ шашекъ особаго образца, а конной артиллеріи—изъ сабель. Кромѣ того, какъ тѣмъ, такъ и другимъ полагался револьверъ [1]).

Снаряженіе. Снаряженіе нижнихъ чиновъ войскъ различныхъ родовъ оружія было слѣдующее:

а) *Въ пѣхотѣ.* Снаряженіе пѣхоты состояло изъ ранца, двухъ поясныхъ патронныхъ сумокъ и части походной палатки.

Походная ноша пѣхотинца вѣсила до двухъ пудовъ, въ томъ числѣ: трехъ-дневный запасъ сухарей, соль и патроны.

---

[1]) Въ 1876 году револьверы имѣлись лишь въ 19 артиллерійскихъ бригадахъ и въ 11 конныхъ батареяхъ; во всѣхъ остальныхъ частяхъ артиллеріи были еще гладкіе пистолеты.

Этихъ послѣднихъ полагалось имѣть по 60 на человѣка, одинаково при винтовкахъ Бердана и Крнка (12 въ ранцѣ и 48 въ сумкахъ); разница была только въ способѣ ихъ укладки.

Шанцеваго инструмента на людяхъ вовсе не полагалось; онъ возился въ войсковомъ обозѣ и выдавался на руки по мѣрѣ надобности. Всего для каждой роты было назначено: 10 лопатъ, 24 топора, 3 мотыги, 3 кирки и 1 ломъ.

б) *Въ кавалеріи.* Снаряженіе различныхъ родовъ конницы было не одинаково.

Регулярная конница имѣла сѣдло и вьюкъ, въ которомъ помѣщались: трехъ-дневный запасъ сухарей, двухъ-дневный—крупы, соли и овса и одно-дневный сѣна.

Весь походный кавалерійскій вьюкъ вѣсилъ слишкомъ три съ половиною пуда; принимая вѣсъ одѣтаго и вооруженнаго всадника въ пять съ половиною пудовъ, надо считать на строевую лошадь около девяти пудовъ груза.

Казаки имѣли сѣдла и вьюки особаго устройства. Въ Кубанскомъ и Терскомъ войскахъ сѣдла были азіатскаго (Кавказскаго) образца.

Вѣсъ казачьяго вьюка не былъ точно опредѣленъ и въ среднемъ вѣсилъ также около трехъ съ половиною пудовъ.

Пригонка вооруженія въ конныхъ частяхъ была слѣдующая:

Люди, вооруженные винтовками и карабинами, носили ихъ въ чехлахъ, на ремнѣ черезъ плечо, а револьверы въ кожаномъ футлярѣ на поясномъ ремнѣ; патроны, какъ сказано выше, помѣщались въ патронныхъ сумкахъ и патронташахъ; Кубанскіе и Терскіе казаки носили патроны на груди, въ такъ называемыхъ газыряхъ. Холодное оружіе носилось у драгунъ и Кавказскихъ казаковъ на плечевыхъ, а во всей остальной конницѣ—на поясныхъ портупеяхъ.

Шанцеваго инструмента полагалось въ регулярной кавалеріи по восьми топоровъ и по восьми лопатъ на каждый

эскадронъ (топоры—при вьюкѣ, лопаты—при патронныхъ ящикахъ). Казачьи полки вовсе его не имѣли и только въ январѣ 1877 года приказано было снабдить имъ Донскіе полки по тому же разсчету, какъ и регулярные.

Снаряженіе нижнихъ чиновъ пѣшей артиллеріи было одинаково съ пѣхотою, а въ конной артиллеріи—съ регулярною кавалеріею.

Нижніе чины инженерныхъ войскъ имѣли снаряженіе пѣхотнаго образца [1]), но носили на себѣ часть шанцеваго инструмента.

Снабженіе войскъ обозомъ. До мобилизаціи нашъ войсковой обозъ находился въ переходномъ состояніи.

Войсковой обозъ стараго образца, не считая спеціальнаго артиллерійскаго и инженернаго обозовъ, состоялъ изъ четверочныхъ повозокъ (патронные ящики, провіантскія телѣги, линейки для больныхъ, аптечныя платформы), аптечныхъ двуколокъ и изъ артельныхъ телѣгъ, составлявшихъ собственность ротъ, эскадроновъ и батарей. Офицерскаго обоза не полагалось по штату, а количество этого рода повозокъ въ военное время предоставлялось опредѣлять главнокомандующему.

Въ 1874 году достройка обоза стараго образца была отложена въ виду того, что было поручено особой коммисіи выработать новую организацію обоза и болѣе подвижной типъ повозокъ. Коммисія эта окончила свои занятія въ январѣ 1876 года, и тогда же были утверждены представленныя ею главныя основанія для переустройства нашего обоза. Сущность этихъ основаній, главнымъ образомъ, сводилась къ тому, чтобы уменьшить число непосредственно слѣдующаго при войскахъ обоза, замѣнить грузныя четверочныя повозки облегченными парными новаго образца и

[1]) Тесакъ сапернаго образца отличался отъ пѣхотнаго (гвардейскихъ, гренадерскихъ полковъ и армейскихъ унтеръ-офицеровъ) тѣмъ, что на одной сторонѣ клинка имѣлись зазубрины въ видѣ пилы.

допустить казенныя офицерскія повозки, ограничивъ при этомъ вѣсъ и размѣры офицерскаго имущества [1]).

Переустройство обоза на этихъ основаніяхъ предполагалось окончить къ 1881 году. Но уже лѣтомъ 1876 года, въ предвидѣніи мобилизаціи войскъ, постройка обоза новаго образца была пріостановлена и все вниманіе было обращено на то, чтобы привести въ порядокъ обозъ стараго образца. Этотъ обозъ, какъ выше замѣчено, также не былъ достроенъ, и ко времени мобилизаціи въ войскахъ не доставало многихъ повозокъ, въ особенности лазаретныхъ [2]).

Какія были приняты мѣры для пополненія этого недостатка—будетъ сказано ниже, тутъ же вообще замѣтимъ, что къ началу похода въ Турцію только спеціальный обозъ артиллеріи и инженерныхъ войскъ былъ весь на лицо, какъ полагалось по штатамъ.

Собственно же войсковой обозъ, какъ оказалось на дѣлѣ, пришлось собирать изъ разнокалиберныхъ повозокъ, частію стараго, частію новаго образца и прочихъ.

Такое разнообразіе само по себѣ не представляло бы особыхъ неудобствъ, если бы входившія въ составъ войскового обоза казенныя повозки стараго образца не были

---

[1]) Повозки новаго образца (парныя) начали отпускать въ 1877 году, уже во время войны, тѣмъ войскамъ, кои были мобилизованы дополнительно.

[2]) Наканунѣ мобилизаціи въ нашихъ войскахъ не доставало: а) во всѣхъ частяхъ—офицерскаго обоза; б) въ армейскихъ казачьихъ полкахъ—всего обоза; в) въ 27 пѣхотныхъ дивизіяхъ—всего обоза дивизіонныхъ подвижныхъ лазаретовъ; г) въ 128 частяхъ войскъ—всего полкового лазаретнаго обоза, и д) въ 50 батареяхъ и 7 дивизіонныхъ штабахъ—всего хозяйственнаго обоза.

Въ повозкахъ нашего войскового обоза полагалось перевозить: а) продовольствіе: сухарей на пять дней, крупы, соли и сала—на восемь дней, а также запасъ овса (на 4 дня) и сѣна (на 2 дня) для подъемныхъ лошадей; б) котлы для варки пищи; в) шанцевый и мастерской инструментъ; г) походную аптеку, носилки, перевязочныя и лазаретныя вещи; д) казенныя суммы, дѣла канцеляріи; е) запасъ одежды и обуви; ж) матеріалъ для ковки лошадей и починки обоза; з) количество патроновъ, указанное выше.

Офицерское имущество, на основаніи организаціи обоза 1876 года, должно было возиться въ форменныхъ чемоданахъ (оберъ-офицера—2 п. 9 ф.; штабъ-офицера—$4^1/_2$ п.). Полковой командиръ могъ имѣть парную повозку.

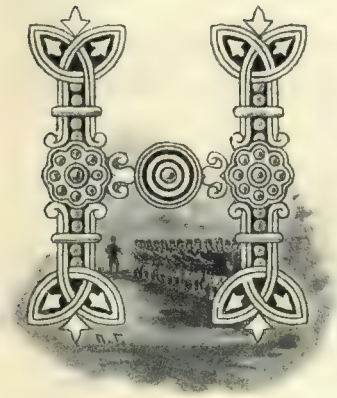
такъ тяжелы и неповоротливы. Этотъ ихъ недостатокъ рѣзко сказался во время войны.

По своей конструкціи обозъ былъ громоздокъ, тяжелъ и неповоротливъ, что́ подтверждается заключеніемъ особой коммисіи, собранной при гвардейскомъ корпусѣ въ началѣ февраля 1878 года. Чрезмѣрная его тяжесть никогда не позволяла ему слѣдовать за своими частями; обыкновенно онъ отставалъ на нѣсколько переходовъ, а иногда и на сотни верстъ. Часть повозокъ была оставлена еще при движеніи черезъ Румынію. Патронные ящики были также очень тяжелы и потому не удовлетворяли своему назначенію. Нерѣдко случалось, что летучіе парки приходили ранѣе обоза и войска брали патроны прямо изъ парковъ. Большія лазаретныя линейки были чрезмѣрно тяжелы и неудобоподвижны, облегченныя же оказались вполнѣ удовлетворительными.

Къ дивизіонному обозу причислялись, кромѣ летучихъ парковъ, о которыхъ сказано выше, еще подвижные лазареты и всѣ провіантскія и штабныя повозки.

Корпуснаго обоза, кромѣ штабныхъ повозокъ, въ отдѣльности для войскъ не полагалось.

Вообще же, при слабомъ составѣ дивизіоннаго и полномъ отсутствіи корпуснаго, обще-армейскій обозъ былъ весьма значителенъ и разнообразенъ.



ГЛАВА V.

Тактическая подготовка русской арміи.

Вліяніе Крымской и послѣдующихъ войнъ.—Корпусъ офицеровъ.—Нижніе чины. — Пѣхота. — Кавалерія. — Артиллерія. — Войска инженерныя. — Штабы. — Общія занятія разныхъ родовъ оружія. — Заключеніе.

А боевую подготовку русской арміи въ двадцатилѣтній періодъ, предшествовавшій Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 годовъ, вліяли тѣ же самыя причины, которыя вызвали въ то время развитіе всей русской военной системы какъ вообще, такъ и въ частностяхъ.

Причины эти были, во-первыхъ, отрицательный опытъ предыдущей Восточной войны 1854—56 годовъ и во-вторыхъ, разныя новыя техническія усовершенствованія оружія, повліявшія на веденіе боя, испытанныя въ послѣдующихъ европейскихъ войнахъ, начиная съ Италіянской кампаніи 1859 года до Франко-Германской войны 1870—71 годовъ включительно, а также и опытъ Сѣверо-Американской 1863—66 годовъ; наконецъ, вліяли и прочіе разносторонніе изъ этихъ войнъ выводы.

Къ этимъ побужденіямъ, двигавшимъ впередъ дѣло совершенствованія русской арміи, присоединились еще послѣдствія великихъ, коренныхъ реформъ Императора Александра II. Освобожденіе десятковъ милліоновъ народа отъ

крѣпостной зависимости открыло имъ широкій путь къ нравственному и умственному развитію. Къ этому же стремились и остальныя реформы: учебныя, судебныя и другія; наконецъ—и всеобщая воинская повинность, сравнявшая права и обязанности всѣхъ подданныхъ Русскаго Царя. Такимъ образомъ, одно дополнялось другимъ, а засимъ, оказалась возможность значительно усилить требованія отъ простого солдата, а тѣмъ болѣе—отъ офицера въ уровень съ новыми условіями войны и боя.

Въ пѣхотѣ, вмѣсто строя баталіоновъ, появился тогда строй по-ротно, съ широкимъ примѣненіемъ боевыхъ стрѣлковыхъ цѣпей. Кавалеріи предстояли новыя обширныя задачи и внѣ полей сраженій; требовались многочисленныя толковыя развѣдки какъ крупными частями, такъ, въ особенности, и мелкими разъѣздами. Наконецъ, самая дальность полета ружейной пули и пушечнаго снаряда расширяла обязательный боевой кругозоръ ближайшихъ дѣятелей. Къ этому въ артиллеріи присоединилась еще необходимость основательнаго знакомства съ только еще устанавливавшейся теоріею стрѣльбы нарѣзной артиллеріи. Наконецъ, съ теченіемъ времени мѣнялись не только снаряды, но и орудія, и ручное оружіе, требовавшія бо̀льшаго знанія, бо̀льшаго умѣнія и лучшаго ухода.

Новое направленіе выражалось одинаково какъ въ духѣ, такъ и во внѣшнихъ формахъ, которыя, въ свою очередь, явились совершенною противоположностью прежней массовой тактикѣ и прежнему только механическому обученію. Новыя условія и требованія вызывали значительное число чиновъ къ сознательной, болѣе или менѣе самостоятельной дѣятельности; требовалось разумное отношеніе къ дѣлу не только со стороны распоряжающихся, но и отъ исполнителей.

Понятно, что все это должно было отозваться на требованіяхъ отъ офицеровъ, равно какъ и отъ нижнихъ чи-

новъ. Прежняя массовая тактика нуждалась только въ послушныхъ въ массѣ исполнителяхъ. Одиночное обученіе и прежде велось очень тщательно, но оно ограничивалось только механическимъ совершенствомъ въ маршировкѣ, ружейныхъ пріемахъ и т. п. Все, въ сущности, сводилось къ подготовкѣ къ требованіямъ массовой стройности, однообразія и особой фронтовой красоты. Теперь, напротивъ того, самыя насущныя боевыя требованія поставили на первый планъ одиночное обученіе, образованіе и совершенствованіе. Стремленіе это, поддерживаемое и подталкиваемое духомъ времени, не разъ выходило даже за предѣлы необходимаго, возможнаго и даже — просто полезнаго; точно также, какъ въ свое время и массовое увлеченіе.

Дѣло двигалось въ новомъ направленіи, конечно, прежде всего центральными управленіями, но многое, какъ и всегда, зависѣло отъ исполнителей, въ особенности первостепенныхъ, т. е. первоначально корпусныхъ командировъ. Послѣдніе не разъ брали на себя починъ въ разныхъ частностяхъ въ томъ же общемъ направленіи.

Съ постепеннымъ упраздненіемъ корпусныхъ управленій, начиная съ 1862 года, вслѣдствіе введенія военно-окружной системы, разорвана была прежняя связь между различными родами оружія; болѣе крупныя единицы, какъ: пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи, артиллерійскія бригады и т. д., очутились въ непосредственномъ подчиненіи окружныхъ начальствъ. На послѣднія легла теперь обязанность объединять разные роды оружія и ближайше пещись о частной и общей боевой ихъ подготовкѣ.

Впрочемъ, подготовка разныхъ родовъ оружія въ мирное время зависѣла, съ одной стороны, отъ предъявленныхъ требованій высшей власти, съ другой стороны—отъ духа исполненія и частнаго почина ближайшихъ войсковыхъ начальниковъ. Сопоставляя разныя обязательныя положенія со смотровыми требованіями того времени, обнаруживающимися,

въ особенности, въ донесеніяхъ лицъ, командированныхъ по Высочайшему повелѣнію для инспектированія войскъ, нельзя не замѣтить, въ общемъ, что уроки минувшей Крымской войны, дополняемые выводами изъ послѣднихъ войнъ, не прошли даромъ, а, напротивъ того, вызвали стремленіе къ соотвѣтственнымъ улучшеніямъ и совершенствованіямъ; казалось, что ничто существенное упущено не было. Тѣмъ не менѣе, война 1877—78 годовъ представляетъ примѣры неоднократныхъ запинокъ и даже серьезныхъ неудачъ русскихъ войскъ въ столкновеніяхъ съ турецкой арміей, числомъ болѣе слабой и надъ которой въ мирное время трудились несравненно меньше. А между тѣмъ, русскія войска, сами по себѣ, въ неудачахъ этихъ отнюдь не повинны; если они иной разъ и вліяли на увеличеніе размѣра неудачи, то развѣ только своей упорной храбростью, влекшей за собой болѣе тяжелыя потери.

Причинами неудачъ были, отчасти, конечно, неблагопріятныя болѣе общія условія, отъ войскъ вовсе независимыя; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что на дѣлѣ проявилась неполная боевая ихъ подготовка, способы дѣйствія, не подходившіе ко всѣмъ современнымъ требованіямъ; а съ другой—несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ начальниковъ. Какъ то, такъ и другое весьма вѣско заявляло о себѣ, въ частности, независимо причинъ общихъ.

Однако, настоящія, коренныя, причины указанныхъ отрицательныхъ явленій были слѣдующія: во-первыхъ, неполные и недостаточные еще выводы изъ опыта ближайшихъ европейскихъ войнъ, и во-вторыхъ, совершенно естественное сопротивленіе, которое всякій живой прочный организмъ противупоставитъ усиліямъ влить въ него что либо новое, нарушающее теченіе его прежней жизни. А нарушеніе это для русской арміи было не маловажное, не частное только, а коренное.

Послѣ Крымской войны измѣнилось все, начиная съ массовыхъ построеній и массовой тактики до значенія личности каждой единицы и предъявляемыхъ къ ней требованій. Новыя требованія относительно лицъ и цѣлыхъ частей были большія и не легко исполнимыя; почему, волей-не-волей, пришлось отказаться отъ своего рода артистическаго искусства въ однообразіи движенія большихъ массъ, такого же исполненія эволюцій и построеній; пришлось отказаться и отъ особеннаго высокаго щегольства въ маршировкѣ, ружейныхъ пріемахъ и т. д. [1]).

Однако, нельзя не признать, что отжившія свое время стремленія къ своеобразному строевому изяществу, все-таки, и впредь нашли себѣ убѣжище не только въ видѣ большого значенія, придаваемаго церемоніальному маршу, но даже въ картинности маневровъ, долженствовавшихъ, однако, представлять поучительное изображеніе военной дѣйствительности. Наконецъ, нельзя отрицать, что бо́льшій или меньшій успѣхъ въ этомъ отношеніи не мало значилъ при оцѣнкѣ какъ частей войскъ, такъ и ихъ начальниковъ [2]). Борьба указанныхъ двухъ теченій, направленныхъ въ раз-

[1]) Искусство это и щегольство были, конечно, продуктами продолжительнаго мирнаго времени, когда для долго служащаго солдата не нашли другихъ болѣе полезныхъ упражненій, которымъ, впрочемъ, мѣшало продолжительное, зимнее, разбросанное расквартированіе по деревнямъ на хозяйскомъ довольствіи. Но и при этихъ условіяхъ старослужилые унтеръ-офицеры успѣвали «доводить» довѣренныхъ имъ людей до требуемаго совершенства въ незамысловатомъ искусствѣ маршировки, ружейныхъ пріемовъ и т. п.

[2]) Большое значеніе этому придаваемое явственно выразилось въ обязательныхъ положеніяхъ. Такъ, независимо правилъ о смотрахъ и парадахъ, помѣщаемыхъ въ каждомъ строевомъ уставѣ, изданъ былъ въ 1872 году еще особый «Сводъ правилъ о смотрахъ и парадахъ большихъ отрядовъ войскъ»; между тѣмъ, какъ послѣднія до войны правила ученія пѣхоты съ артиллеріей изданы были въ 1857 году, то-есть до введенія нарѣзныхъ орудій; далѣе, войска пошли на новую войну 1877 — 78 годовъ съ «Полевымъ уставомъ», изданнымъ еще до Крымской войны, а также безъ общеобязательной боевой инструкціи. Между тѣмъ «Сводъ правилъ о смотрахъ и парадахъ» дополняемъ былъ впослѣдствіи еще нѣсколькими приказами по военному вѣдомству (1872 г. № 334; 1873 г. № 229; 1875 г. №№ 114, 286 и 291, и 1876 г. № 83). Противъ такого направленія и не безъ успѣха горячо ратовалъ М. И. Драгомировъ, проводившій во многихъ своихъ военно-литературныхъ трудахъ мысль, что «въ мирное время надо учить только тому, что̀ будетъ нужно на войнѣ». Онъ же указывалъ къ тому средства въ своей «Подготовкѣ частей къ бою» и другихъ военно-литературныхъ трудахъ.

ныя стороны, не могла не отразиться на окончательной боевой подготовкѣ арміи и на составѣ ея начальниковъ; отразилась же она неблагопріятно.

Офицеры русской арміи передъ войной 1877—78 годовъ, какъ изложено въ четвертой главѣ, раздѣлялись по степени своей научной общей и военной подготовки на слѣдующіе разряды:

а) окончившіе полный курсъ военно-учебныхъ заведеній, которые при средней обще-научной подготовкѣ обладали и довольно основательной научно-военной;

б) окончившіе курсъ юнкерскихъ училищъ или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, обладавшіе, при невысокомъ, въ огромномъ большинствѣ, общемъ образованіи, достаточной научно-военной подготовкой для удовлетворенія требованіямъ отъ строевого офицера; далѣе

в) не прошедшіе курса юнкерскихъ училищъ, произведенные изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся на прежнихъ основаніяхъ, которые, при разной степени обще-научнаго (въ огромномъ большинствѣ—слабаго) образованія, не получили и научно-военнаго [1]), и, наконецъ,

г) произведенные за выслугу лѣтъ изъ унтеръ-офицеровъ, поступившихъ на службу по набору, которые вовсе не обладали ни общимъ, ни военно-научнымъ образованіемъ.

Офицеры, получившіе высшее военное образованіе въ академіяхъ: Николаевской генеральнаго штаба, Николаевской инженерной и Михайловской артиллерійской, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Вышедшіе изъ академіи генеральнаго штаба, прежде всего, заполняли вакансіи генеральнаго штаба, нѣкоторая же часть изъ нихъ возвращалась въ строй; но уже съ шестидесятыхъ годовъ значительное число офицеровъ первой ка-

[1]) Относится это, конечно, къ общей массѣ; въ частности, поступали въ войска юнкерами и вольноопредѣляющимися, иногда, получившіе весьма солидное начальное общее и даже университетское образованіе.

тегоріи проходило черезъ командованіе отдѣльными частями войскъ. Вообще, къ началу войны въ числѣ старшихъ начальниковъ и командировъ полковъ оказалось довольно много съ академическимъ образованіемъ, дѣятельность коихъ не прошла безслѣдно и для мирной подготовки войскъ.

Кончившіе инженерную академію занимали вакансіи инженернаго корпуса и служили въ гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ, въ армейскихъ же инженерныхъ войскахъ—преимущественно въ старшихъ должностяхъ, послѣ чего нѣкоторые попадали и въ полевыя войска командирами полковъ и высшими начальниками.

Что касается офицеровъ, кончившихъ курсъ въ артиллерійской академіи, то они, прежде всего, занимали соотвѣтственныя должности въ разныхъ артиллерійскихъ техническихъ заведеніяхъ и поступали въ гвардейскую артиллерію, откуда попадали въ армейскую обыкновенно уже на старшія должности—батарейныхъ и бригадныхъ командировъ.

Офицеры, получившіе полное образованіе въ остальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, служили, какъ уже сказано въ четвертой главѣ, преимущественно въ гвардіи и спеціальныхъ войскахъ; изъ нихъ же состоялъ почти весь составъ старшихъ начальниковъ. Число офицеровъ этой категоріи въ армейской пѣхотѣ и кавалеріи было незначительно. Такимъ образомъ, высшее образованіе массы строевыхъ офицеровъ ограничивалось курсомъ юнкерскихъ училищъ.

Впрочемъ, какъ уже изложено въ главѣ четвертой, въ числѣ наличныхъ въ арміи офицеровъ до начала войны, при мирномъ штатѣ свыше двадцати пяти тысячъ, состояло прошедшихъ юнкерскія училища немногимъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, въ рядахъ армейскихъ войскъ все еще находилось весьма значительное число произведенныхъ на основаніи прежнихъ правилъ, вовсе

не получившихъ начальной научно-военной подготовки, въ особенности—въ старшихъ чинахъ: командировъ баталіоновъ, ротъ и эскадроновъ.

Къ этому приходится еще добавить, что на личный составъ старшихъ строевыхъ офицеровъ въ немалой степени вліяло неблагопріятно еще и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ, обыкновенно изъ болѣе способныхъ и лучше подготовленныхъ, еще въ младшихъ чинахъ оставляли строевую службу, переходя на болѣе выгодныя должности по военной же или по гражданской части. Послѣднему способствовала громадная потребность въ интеллигентныхъ дѣятеляхъ, вызванная всесторонними государственными реформами, развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, наконецъ частной промышленностью.

Впрочемъ, окончательная военная и боевая подготовка корпуса офицеровъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частности, является, конечно, послѣдствіемъ не только первоначальнаго научнаго общаго и военнаго образованія, но еще въ одинаковой или даже большей степени продуктомъ дальнѣйшаго воспитанія и совершенствованія на службѣ. Совершенствованіе это достигается увеличеніемъ или привитіемъ научныхъ военныхъ познаній, какъ равно и путемъ опыта, пріобрѣтаемаго практическими войсковыми упражненіями.

Научное совершенствованіе зависѣло, въ свою очередь, съ одной стороны отъ личнаго желанія единицъ и отъ данныхъ средствъ для самообразованія, а съ другой—отъ соотвѣтственныхъ правильныхъ занятій, кабинетныхъ и полевыхъ, основанныхъ на требованіяхъ и распоряженіяхъ начальства.

Самообразованіе офицеровъ опиралось главнымъ образомъ на офицерскія библіотеки, имѣвшіяся почти при всѣхъ частяхъ войскъ. Однако, библіотеки эти, удовлетворяя зачастую требованіямъ общаго образованія, далеко не всегда были достаточно снабжены сочиненіями собственно

военнаго содержанія. Дѣло офицерскихъ библіотекъ (въ смыслѣ подспорья для военнаго образованія) стало на болѣе твердую почву уже послѣ 1870 года, когда на нихъ оказалось возможнымъ обратить часть денегъ, отпускаемыхъ въ войска на улучшеніе быта офицеровъ [1]).

Начало обязательнымъ во всѣхъ частяхъ войскъ тактическимъ занятіямъ положилъ приказъ по военному вѣдомству 1865 года № 379, въ коемъ, между прочимъ, сказано было [2]):

„Вмѣстѣ съ служебнымъ подготовленіемъ молодыхъ офицеровъ, обратить вниманіе и на продолженіе военнаго ихъ образованія, преимущественно съ практической стороны. Съ этою цѣлью, въ продолженіе лѣтнихъ сборовъ, при упражненіяхъ войскъ малыми маневрами, заставлять этихъ офицеровъ дѣлать краткія описанія произведеннымъ маневрамъ, съ приложеніемъ небольшихъ кроки мѣстности, на которой они происходили, причемъ не требовать отъ этихъ чертежей (которые должны быть представляемы непремѣнно

[1]) На трехъ-баталіонный пѣхотный полкъ отпускалось по 1.200 руб. въ годъ; въ прочія части—пропорціонально этому.

[2]) Означенный приказъ касался только молодыхъ офицеровъ, вышедшихъ въ войска прямо изъ военно-учебныхъ заведеній и юнкерскихъ училищъ. Онъ имѣлъ въ виду «предоставить всевозможныя средства молодымъ офицерамъ, по окончаніи научнаго ихъ образованія, примѣнить пріобрѣтенныя ими познанія и изучить службу съ практической стороны». Для чего вмѣнялось въ обязанность командирамъ отдѣльныхъ частей обратить особое вниманіе на занятія этихъ молодыхъ офицеровъ, «дабы правильнымъ направленіемъ сихъ занятій ознакомить ихъ не только со всѣми обязанностями субалтернъ-офицера, но и подготовить изъ нихъ хорошихъ ротныхъ командировъ и должностныхъ лицъ». Сказаннаго предполагалось достигнуть прикомандированіемъ ихъ по окончаніи лѣтняго сбора войскъ къ полковымъ штабамъ «для постоянныхъ занятій въ полковыхъ канцеляріяхъ», причемъ полагалось давать и легкія хозяйственныя порученія. На второй годъ службы указывалось «назначать молодыхъ офицеровъ послѣ лагеря въ роты поближе къ штабамъ», причемъ имъ полагалось «изучать ротное хозяйство во всей подробности, составлять раскладки на пищу, продовольствіе изъ котла, различныя вѣдомости по строевому составу роты и по содержанію нижнихъ чиновъ и отпускомъ денежному и вещевому». Наконецъ, «на третій годъ назначать молодыхъ офицеровъ безразлично во всѣ роты».

Впрочемъ, недостатокъ наличныхъ офицеровъ въ ротахъ при возрастающей необходимости непосредственнаго ихъ участія въ обученіи нижнихъ чиновъ, вслѣдствіе все возрастающихъ требованій и постепенной убыли старослуживыхъ унтеръ-офицеровъ, во многомъ препятствовала исполненію указаннаго во всемъ объемѣ и, напротивъ того, вынуждала къ скорѣйшему практическому ознакомленію молодыхъ офицеровъ со строевой службой и къ личному ихъ участію при обученіи нижнихъ чиновъ. Наконецъ, приказъ этотъ въ сущности былъ отмѣненъ приказомъ 1875 года № 28.

въ карандашѣ) никакого щегольства въ отдѣлкѣ, лишь бы они были исполнены самими офицерами въ полѣ. Независимо отъ этого, упражнять молодыхъ офицеровъ какъ въ разбивкѣ небольшихъ полевыхъ укрѣпленій, такъ и въ устройствѣ ложементовъ, занимаясь подобными работами, по возможности, во время самыхъ маневровъ, съ тѣмъ, чтобы офицеры могли наглядно изучать, въ какихъ случаяхъ полезно усиливать искусственно мѣстные предметы, въ зависимости отъ свойствъ мѣстности и хода дѣйствій.

„Для руководства въ этихъ занятіяхъ, начальникамъ дивизіонныхъ штабовъ вмѣняется въ обязанность, во время лѣтнихъ сборовъ, назначать, по сношенію съ окружными штабами, свободныхъ офицеровъ генеральнаго штаба или причисленныхъ къ оному, а за недостаткомъ таковыхъ—офицеровъ академическаго образованія, находящихся при войскахъ, по очередно въ полки, съ тѣмъ, чтобы всѣ вышеизложенныя упражненія производились подъ ближайшимъ ихъ наблюденіемъ“.

Болѣе широкое распространеніе особыхъ обязательныхъ тактическихъ занятій на массу офицеровъ въ строю послѣдовало значительно позже, а именно въ 1875 году, когда особымъ приказомъ по военному вѣдомству установлены были въ частяхъ войскъ:

„1. Систематическія упражненія офицеровъ въ рѣшеніи письменныхъ и устныхъ тактическихъ задачъ на планахъ и

„2. Практическія упражненія офицеровъ въ полѣ“.

„Первый отдѣлъ занятій—сказано было—слѣдуетъ по возможности соединять съ соотвѣтственными дѣлу бесѣдами, а гдѣ позволитъ время и благопріятныя условія помѣщенія—и съ военною игрою“.

Далѣе даны подробныя указанія и, между прочимъ, выражено, что „весьма желательно, чтобы ближайшими руководителями молодыхъ офицеровъ при рѣшеніи письменныхъ задачъ могли быть ротные и эскадронные командиры“.

Такимъ образомъ, указанный приказъ, поставивъ дѣло теоретическаго обученія офицеровъ въ войскахъ шире и указавъ опредѣленныя требованія, все-таки ограничилъ ихъ до младшихъ офицеровъ. Впрочемъ, въ самомъ приказѣ значилось, что:

„Исчисленный рядъ занятій долженъ указать, въ чемъ должны состоять работы офицеровъ въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полкахъ въ лагерное время и какія цѣли должны имѣть въ виду ближайшіе начальники войскъ, руководя офицерами въ ихъ занятіяхъ; но указанія эти, служа для общаго соображенія начальниковъ, отнюдь не должны стѣснять ихъ распоряженій, зависящихъ отъ мѣстныхъ и частныхъ условій“ [1]).

Означенное распоряженіе 1875 года не могло уже оказать значительнаго вліянія на подготовку офицеровъ въ короткое время до начала войны 1877 года. Но оно въ извѣстной мѣрѣ замѣнено было предыдущей распорядительностью и дѣятельностью войсковыхъ начальниковъ, изъ коихъ распоряженія командующихъ войсками въ округахъ находили противъ остальныхъ примѣненіе болѣе обширное. Самъ помянутый приказъ 1875 года подтверждаетъ это, указывая, что „систематичныя подходящія занятія съ офицерами, въ виду настоятельныхъ потребностей боевой практики, начали уже водворяться въ нѣкоторыхъ частяхъ по непосредственному почину начальниковъ этихъ частей“.

Въ настоящее время за давностью и по причинѣ уничтоженія многихъ дѣлъ невозможно возстановить всю дѣятельность войсковыхъ начальниковъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Однако, изъ имѣющагося въ распоряженіи матеріала можно заключить, что соотвѣтственныя занятія производились и значительно ранѣе 1875 года и, обнимая цѣлые военные округа, не могли не остаться безъ благо-

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1875 года № 28.

творнаго вліянія на поднятіе уровня военной подготовки строевыхъ офицеровъ [1]).

Впрочемъ, собственно кабинетныя занятія встрѣчали мѣстами затрудненія за отсутствіемъ необходимыхъ соотвѣтствующихъ помѣщеній. Хотя въ войскахъ было стремленіе завести полковыя офицерскія собранія, но свободно осуществить это возможно было въ частяхъ, пользовавшихся достаточно обширными казарменными помѣщеніями; да и въ нихъ офицерскія собранія содержались исключительно на собственныя средства. Положеніе этого дѣла улучшилось нѣсколько послѣ назначенія особаго, помянутаго уже, отпуска „на улучшеніе быта офицеровъ". Однако, офицерскія собранія, столь полезныя не только въ быто-

[1]) Изъ сравнительно немногаго сохранившагося въ видѣ приказовъ, инструкцій и т. п. видно между прочимъ:

По Варшавскому военному округу.

Приказомъ 1870 года № 181 установлено въ числѣ прочихъ зимнихъ занятій въ войскахъ, чтобы всѣ офицеры до ротныхъ (эскадронныхъ) командировъ включительно занимались рѣшеніемъ тактическихъ задачъ съ тѣмъ, чтобы каждымъ рѣшено было не менѣе двухъ задачъ. Приказомъ 1873 года № 184 требовалось, чтобы во время вольныхъ работъ командирами баталіоновъ рѣшались особыя тактическія задачи на мѣстности, совмѣстно со всѣми наличными офицерами, коимъ при этомъ поручались части общей задачи на мѣстности же. Кромѣ того, попрежнему требовалось кабинетное рѣшеніе задачъ отъ каждаго офицера.

Изъ лучшихъ задачъ, рѣшенныхъ штабъ-офицерами совмѣстно съ офицерами на мѣстѣ, приказано было представить въ штабъ округа по четыре отъ каждой дивизіи и стрѣлковой бригады и по двѣ отъ каждаго полка гвардейской кавалерійской бригады.

Въ приказѣ слѣдующаго 1874 года № 175 подробно разобраны задачи, исполненныя въ частяхъ войскъ и представленныя въ штабъ округа на основаніи приказа № 184, и поименно указаны штабъ-офицеры, особенно хорошо рѣшившіе свои задачи.

Въ Виленскомъ военномъ округѣ. Между прочимъ, изъ нѣсколькихъ приказовъ 1876 года видно, что командующій войсками округа лично провѣрялъ тактическія задачи штабъ и оберъ-офицеровъ. Видно, что дѣло тогда уже вполнѣ установилось.

Въ Одесскомъ военномъ округѣ. Приказомъ по округу 1871 года № 162 установлены тактическія занятія офицеровъ «въ особенности ротныхъ командировъ», преимущественно на самой мѣстности.

Приказъ по округу 1872 года № 146 заключаетъ замѣчанія на офицерскія тактическія задачи, представленныя въ штабъ округа. Изъ приказа можно заключить, что дѣло это получило значительное развитіе до военной игры включительно. Рекомендуется устраивать бесѣды, «на которыхъ приглашаемые начальникомъ части офицеры обязываются излагать пріобрѣтенныя ими свѣдѣнія по избранному ими отдѣлу тактики, фортификаціи, военной исторіи и проч., а по окончаніи изложенія вызвать замѣчанія и поясненія на разсказъ».

Харьковскій военный округъ. Приказъ 1874 года № 95 заключаетъ въ себѣ разборъ офицерскихъ тактическихъ задачъ, уже введенныхъ въ войскахъ округа.

вомъ, но и въ военно-образовательномъ отношеніи, получили окончательную организацію и средства уже послѣ войны 1877—78 годовъ. До того же времени благотворное вліяніе военныхъ собраній съ ихъ библіотеками могло распространиться только на нѣкоторую часть всей массы офицеровъ русской арміи.

Однако, указанныя препятствія, затрудняя дѣло теоретическихъ занятій офицеровъ, отнюдь не остановили его развитія, такъ что за нѣсколько лѣтъ до войны ощущалась уже настоятельная потребность въ особыхъ соотвѣтственныхъ пособіяхъ и руководствахъ для военной игры, которыя тогда же и появились по частному почину, преимущественно, офицеровъ генеральнаго штаба.

Сводя вышеприведенныя данныя, приходится вывести заключеніе, что если далеко не всѣ офицеры русской арміи того времени получили удовлетворительное начальное теоретическое военное образованіе, то въ послѣдніе годы до войны дѣлались войсковыми начальниками усилія поднять этотъ уровень соотвѣтственными обязательными занятіями въ частяхъ войскъ. Исполненіе всего предписаннаго должно было по настоящему не только освѣжить и поднять свѣдѣнія, пріобрѣтенныя одними на школьной скамьѣ, но и привить ихъ остальнымъ (не получившимъ никакого спеціально военнаго образованія) въ мѣрѣ, вполнѣ достаточной для несложной практической дѣятельности строевого всякой степени офицера въ полѣ, на войнѣ.

Таковы были требованія и плоды общаго въ русской арміи послѣ Крымской войны положительнаго теченія, т. е. стремленія приготовить для будущей военной дѣятельности не только цѣлыя части войскъ, но и каждаго человѣка въ отдѣльности, въ особенности же офицеровъ, которымъ новыя условія боя ставили особыя отвѣтственныя задачи, часто требуя и отъ младшихъ сознательнаго, смѣлаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разумнаго почина.

Однако, способность къ болѣе или менѣе соотвѣтственной дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ частей войскъ въ полѣ, на войнѣ, зависѣла не столько отъ начальной подготовки единицъ, сколько, да притомъ въ гораздо высшей мѣрѣ, отъ общаго направленія обученія войскъ и предъявлявшихся къ нимъ требованій.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что требованія эти подъ вліяніемъ обратнаго рутиннаго теченія въ общемъ тормозили успѣхъ военной подготовки войскъ вообще, а корпуса офицеровъ—въ особенности. Къ этому присоединились еще и остальныя условія службы и быта офицеровъ собственно армейскихъ частей.

„Это—какъ высказалъ генералъ Скобелевъ—должно было отразиться на многихъ на войнѣ, гдѣ главнымъ образомъ требуется способность самостоятельно рѣшаться и командовать“ [1]).

Впрочемъ, нельзя не признать, что если, по разнымъ независимымъ причинамъ, и не всѣ офицеры тогдашней русской арміи доросли до современныхъ, далеко не легко исполнимыхъ, требованій, то все-таки общій составъ ихъ, въ смыслѣ научной и практической въ мирное время подготовки, стоялъ значительно выше прежняго—того корпуса офицеровъ, который, однако, въ свое время, съ честью и славой выдержалъ тяжелый Севастопольскій искусъ.

Послѣдующія событія войны 1877—78 годовъ доказали, что русскіе офицеры, опередивъ во многомъ своихъ Севастопольскихъ предшественниковъ, остались на одинаковомъ съ ними уровнѣ мужества и самоотверженія.

Составъ нижнихъ чиновъ русской арміи къ началу войны 1877—78 годовъ измѣнился противъ прежняго во многихъ отношеніяхъ въ значительной степени. Во-первыхъ: великія реформы Императора Александра II, освобожденіе кресть-

[1]) Значится это, между прочимъ, въ «заключеніяхъ» генерала Скобелева (по поводу дѣйствій его отряда подъ Плевной съ 28 октября по 1 ноября 1877 года), помѣщенныхъ въ «журналѣ» 16-й пѣхотной дивизіи.

янъ отъ крѣпостной зависимости измѣнили къ лучшему отношенія и бытъ самаго источника рекрутскихъ наборовъ, т. е. податныхъ сословій; вѣнцомъ этихъ реформъ въ военномъ отношеніи была всеобщая воинская повинность, введенная въ 1874 году. Послѣдняя къ началу войны могла, конечно, выказать только часть своего благотворнаго вліянія на нравственное и умственное состояніе поступающихъ по призывамъ въ ряды русской арміи. Тѣмъ не менѣе составъ этотъ улучшался и прежде прекращеніемъ пріема сдаваемыхъ за пороки, а также и наемщиковъ, поставляемыхъ самими лицами, подлежащими набору; вслѣдствіе чего, тогда же представились возможность и необходимость обезпечить достоинство личности солдата особымъ „Дисциплинарнымъ Уставомъ“.

Съ другой стороны, вновь поступающіе на болѣе короткіе сроки дѣйствительной службы въ строю не могли пріобрѣсть всего того, что̀ достигается болѣе продолжительной службой. Составъ людей былъ болѣе молодой, физически менѣе развитой; наконецъ, большій процентъ новобранцевъ, требуемыхъ отъ населенія, понудилъ понизить и физическія требованія, такъ что прежній минимальный ростъ въ 2 аршина 4 вершка былъ при первомъ послѣ Крымской войны наборѣ, т. е. въ 1863 году, пониженъ до 2 аршинъ 3 вершковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже до 2 вершковъ. Этотъ послѣдній предѣлъ принятъ потомъ положеніемъ о всеобщей воинской повинности для всѣхъ.

Меньшую служебную опытность и подготовку, пріобрѣтаемыя годами, приходилось замѣнить болѣе тщательнымъ обученіемъ и одиночнымъ развитіемъ. Это стремленіе къ одиночному развитію и упованіе на него проявлялись въ очень многомъ; начиная отъ самоуправленія нижнихъ чиновъ въ ротномъ артельномъ хозяйствѣ, оно, не говоря о другомъ, проявлялось въ системѣ управленія въ разсыпномъ строю въ стрѣлковыхъ звеньяхъ и въ обязанно-

стяхъ, возложенныхъ на орудійныхъ наводчиковъ; наконецъ, оно отразилось въ 1867 году въ попыткѣ ввести въ войскахъ обязательно обученіе всѣхъ нижнихъ чиновъ грамотѣ.

Однако, исполненіе этого послѣдняго требованія встрѣтило на дѣлѣ не малыя затрудненія, почему, на основаніи послѣдующихъ правилъ 1875 года, коими опредѣлены словесныя свѣдѣнія, обязательныя для каждаго рядового пѣхоты и кавалеріи, требовалось только подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, обучать грамотѣ новобранцевъ, поступившихъ въ роты и эскадроны. Срокъ обученія опредѣленъ отъ окончанія перваго для новобранцевъ лагернаго сбора и до начала слѣдующаго. Независимо того, тѣми же правилами учреждены ротныя и эскадронныя школы для подготовки рядовыхъ въ полковыя учебныя команды.

Но и тутъ трудность дѣйствительно обучить грамотѣ за одну зиму подъ руководствомъ унтеръ-офицеровъ заставила со временемъ, уже послѣ войны, отказаться отъ требованія обучать грамотѣ „всѣхъ“ вновь поступившихъ.

Гораздо лучше привилось и осталось въ войскахъ всѣхъ родовъ оружія все то, дѣйствительно практичное, что̀ служило къ физическому развитію, а именно: гимнастика, вольтижировка, переходящая въ такъ называемую джигитовку, и фехтованіе. Нѣкоторыя увлеченія въ этомъ отношеніи, касаясь собственно высоты требованій, понемногу уступали мѣсто дѣйствительно полезному и возможному; затрата же труда и времени не была столь непроизводительна. Подготовка къ стрѣльбѣ занимала, конечно, въ одиночномъ обученіи нижнихъ чиновъ пѣхоты первенствующее мѣсто. Требовалась она и въ кавалеріи, въ особености въ драгунскихъ частяхъ. О ней будетъ сказано дальше, по невозможности отдѣлить систему и цѣли, поставленныя одиночной подготовкѣ, отъ самой стрѣльбы и тактическаго примѣненія послѣдней.

Съ сокращеніемъ сроковъ службы въ рядахъ войскъ и постепеннымъ выбытіемъ старослуживыхъ унтеръ-офицеровъ

приходилось служебный опытъ замѣнять, по возможности, спеціальной подготовкой рядовыхъ передъ производствомъ, а именно, какъ изложено въ предыдущей четвертой главѣ,— въ особыхъ учебныхъ командахъ въ частяхъ войскъ.

Однако, обыкновенно не хватало времени какъ для подготовки въ указанныя команды (для поступленія въ кои требовалось и знаніе грамоты), такъ равно и для достаточнаго предварительнаго ознакомленія начальниковъ съ предназначенными въ команды рядовыми; поэтому въ команды и въ унтеръ-офицеры не всегда попадали люди самые надежные и соотвѣтствующіе требованіямъ службы, а зачастую— просто случайно изъ дому грамотные.

А такъ какъ и въ самыхъ командахъ обученіе по большей части принимало излишне школьно-словесный характеръ, то многіе новые унтеръ-офицеры далеко не доросли до прежнихъ, образованныхъ только опытомъ продолжительной суровой службы. Впрочемъ, значительное число унтеръ-офицеровъ, прибывшихъ въ части при ихъ мобилизаціи, далеко превосходившее штатную потребность, давало возможность выбора на должности болѣе достойныхъ и подходящихъ.

Степень успѣха обученія, въ особенности одиночнаго, производимаго главнымъ образомъ зимой, всецѣло зависѣла отъ условій расквартированія данной части войскъ. Вообще, положеніе русской арміи въ этомъ отношеніи было далеко не вполнѣ удовлетворительно. Это оказывало вредное вліяніе въ особенности въ виду все уменьшающихся сроковъ дѣйствительной службы нижнихъ чиновъ въ рядахъ войскъ.

Несмотря на всѣ старанія удалось къ началу 1868 года расположить въ казармахъ и казарменнымъ порядкомъ не болѣе 42% полевыхъ войскъ [1]). Люди ротъ и эскадроновъ

[1]) При расположеніи такъ называемымъ *«казарменнымъ порядкомъ у обывателей»* люди (роты, эскадрона, батареи) размѣщались въ частныхъ же домахъ, занимая или весь домъ, или отдѣльныя отъ хозяевъ комнаты, причемъ, конечно, люди той же роты—въ томъ же городѣ или пунктѣ. Но полкъ при этомъ все-таки бывалъ разбросанъ часто по нѣсколькимъ неблизкимъ пунктамъ.

остальныхъ частей были разбросаны большей частью по деревнямъ постоемъ у обывателей. Положеніе это довольно замѣтно улучшилось уже къ 1871 году, когда процентъ полевыхъ войскъ, расположенныхъ въ казармахъ и казарменнымъ способомъ, возросъ до 58%. Въ среднемъ же процентъ этотъ по военнымъ округамъ былъ далеко не одинаковъ.

Всѣ войска расположены были этими способами въ округахъ: Финляндскомъ, Туркестанскомъ и Сибирскомъ; затѣмъ болѣе другихъ въ Варшавскомъ и Петербургскомъ—92% и 91%; въ Кавказскомъ—65%; въ Московскомъ—50%; въ Одесскомъ—47%; въ Оренбургскомъ—43%; въ Виленскомъ и Казанскомъ—40%.

Въ 1876 году общее положеніе улучшилось настолько, что по всѣмъ округамъ вмѣстѣ расположено было въ казармахъ 50%, казарменнымъ порядкомъ—26% и только еще 24% по обывателямъ. Послѣдняя цифра сама по себѣ, конечно, все-таки весьма значительна. Между прочимъ, въ шести только крупныхъ округахъ (Виленскомъ, Варшавскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Харьковскомъ и Московскомъ) все еще оставалось по обывательскимъ квартирамъ сто тысячъ человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Наконецъ, не надо забывать, что всѣ указанныя улучшенія въ размѣщеніи войскъ, касаясь послѣднихъ лѣтъ до войны, не могли въ той же степени вліять на дѣйствительное повышеніе обученія войскъ, выступившихъ на войну, по той причинѣ, что люди изъ запаса, прибывшіе на пополненіе частей до штатовъ военнаго времени, обучались, конечно, при другой, менѣе благопріятной, обстановкѣ.

Къ этому нельзя еще не прибавить, что вслѣдствіе широко развитой хозяйственности въ частяхъ русской арміи многіе прибывающіе изъ запаса носили строевое званіе болѣе по имени, не будучи къ нему надлежаще подготовлены на дѣлѣ.

Обученіе пѣхоты подверглось послѣ Крымской войны перемѣнамъ самымъ рѣзкимъ и коренным. Относящееся до

обученія одиночныхъ людей указано уже выше, что же касается боевой подготовки пѣхотныхъ частей войскъ и способовъ ихъ дѣйствія, то они представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Прежде всего приходится замѣтить, что обязательные до 1877 года строевые Уставы, повліявшіе на тактическую подготовку пѣхоты, носили на себѣ, вообще, отпечатокъ чего-то самого въ себѣ замкнутаго, хотя и предназначеннаго для дальнѣйшаго употребленія въ бою, но съ послѣднимъ непосредственно не связаннаго. Только самый послѣдній Уставъ ротнаго и баталіоннаго ученія до войны (1874 и 1875 годовъ) имѣетъ въ виду бой и говоритъ объ „атакѣ“, чего въ предыдущихъ не было. А такъ какъ другихъ указаній, связывающихъ уставныя упражненія войскъ съ примѣненіемъ ихъ къ бою или на маневрахъ, не имѣлось, то чисто уставныя и тактическія упражненія войскъ, вмѣсто того, чтобы дополняться взаимно, въ сущности совершенно разошлись. Этимъ и объясняется поводъ частыхъ напоминаній войскамъ о необходимости соблюдать на маневрахъ такую же стройность и отчетливость, какъ и на ученьяхъ. Однако, напоминанія эти со стороны самихъ старшихъ начальниковъ, падая нерѣдко на почву подготовленную прежними взглядами и рутинными наклонностями, вызывали не разъ со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ-исполнителей и для маневровъ такія требованія стройности и однообразія, кои исключали всякую возможность надлежащаго примѣненія къ условіямъ мѣстности и хода маневра.

Такому неблагопріятному положенію дѣла старался пособить появившійся въ 1871 г. „Проектъ инструкціи для полевыхъ занятій войскъ“, ставившій уставныя ученія въ должное соотношеніе съ примѣненіемъ уставныхъ формъ на тактическихъ ученіяхъ и маневрахъ [1]). Однако, нельзя не признать,

[1]) Въ «Проектѣ» значилось между прочимъ:

«Всѣ полевыя занятія должны быть проникнуты одной общей цѣлью — подготовить войска къ успѣшному дѣйствію противъ непріятеля, а потому все, что не можетъ быть

что какъ это, такъ и другія благія стремленія „Проекта“, выраженныя болѣе въ формѣ общихъ указаній-пожеланій, нежели точныхъ, привычныхъ войскамъ требованій, съ подробнымъ указаніемъ способовъ удовлетворенія имъ, не вездѣ принесли достаточную пользу. Онѣ не устояли противъ теченій, противныхъ раціональному обученію войскъ, тамъ, гдѣ теченія эти преобладали; тѣмъ болѣе, что указанія „Проекта“ отчасти противорѣчили другимъ обязательнымъ положеніямъ [1]). Впрочемъ, „Проектъ“ принесъ значительную пользу въ томъ отношеніи, что послужилъ желанной точкой опоры для самостоятельной распорядительности всѣхъ тѣхъ начальниковъ, которые стремились къ такимъ же цѣлямъ. Наконецъ, самый „Проектъ“ не былъ видимо, признанъ, окончательно установившимся и во всемъ обязательнымъ, коль скоро въ 1876 году 22 апрѣля Главный Комитетъ по устройству и образованію войскъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича одобрилъ въ общемъ для испытанія въ Виленскихъ войскахъ новый „Проектъ положенія для полевыхъ занятій войскъ въ частныхъ сборахъ“ а равно „Основныя положенія общихъ сборовъ войскъ“, предложенные командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа.

Тактической единицей въ пѣхотѣ былъ баталіонъ. Баталіоны всѣхъ полковъ, дѣйствовавшихъ на Балканскомъ

полевнымъ и примѣнимымъ для дѣйствія, должно быть исключено изъ полевыхъ занятій». Относительно же строевыхъ ученій сказано:

«Изученіе всѣхъ уставныхъ правилъ и точное отчетливое ихъ исполненіе служитъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ занятій, такъ какъ управлять въ бою войсками, не выученными въ порядкѣ съ извѣстною быстротою производить движенія и построенія, невозможно. Но, съ другой стороны, это составляетъ только азбуку дѣла, а потому останавливаться на этого рода занятіяхъ и придавать имъ значеніе слѣдуетъ только настолько, насколько слѣдуетъ останавливаться и придавать значеніе всякаго рода элементарнымъ занятіямъ».

[1]) Такъ, проектъ, напримѣръ, полагалъ, что «чисто строевыя ученія пѣхоты должны ограничиваться баталіонными ученіями; обученія же двухъ или нѣсколькихъ баталіоновъ должны состоять въ маневрированіи съ опредѣленною тактическою цѣлью и примѣняясь къ условіямъ мѣстности».

Между тѣмъ, въ то же время, обязателенъ былъ уставъ, допускавшій стройныя передвиженія резервнаго порядка дивизіи, а въ слѣдующемъ 1872 году изданъ «Военный уставъ о строевой пѣхотной службѣ, ч. IV, раздѣлъ I: «Ученіе нѣсколькихъ баталіоновъ безъ артиллеріи», взявшій за основаніе ученіе пѣхотной бригады.

полуостровѣ, состояли каждый изъ пяти ротъ, изъ коихъ одна стрѣлковая, а гвардейскіе полки и стрѣлковые баталіоны имѣли по четыре роты [1]). Рота дѣлилась на четыре взвода, а взводъ военнаго состава на четыре отдѣленія.

Обыкновенный боевой порядокъ пѣхоты долженъ былъ состоять изъ двухъ линій баталіоновъ и резерва, причемъ баталіоны первой линіи строились, обыкновенно, въ двѣ линіи ротъ, со стрѣлковой цѣпью впереди. Въ цѣпь преимущественно назначалась стрѣлковая рота.

Для предохраненія отъ огня, независимо примѣненія къ мѣстности, роты размыкали ряды или ложились.

Единицей въ разсыпномъ строѣ было стрѣлковое звено изъ четырехъ человѣкъ, за коимъ признавалась большая, сравнительно, самостоятельность (выборъ цѣли, число выстрѣловъ, примѣненіе къ мѣстности и передвиженія), особо подчеркнутая строевыми уставами [2]).

Эту самостоятельность стрѣлковыхъ звеньевъ приходилось потомъ ограничивать. По Уставу о ротномъ ученіи 1874 года, приказаніе открывать и прекращать огонь въ цѣпи исходило отъ взводнаго командира.

Однако, за всѣмъ тѣмъ, за стрѣлками въ звеньяхъ оставался какъ выборъ цѣли, такъ и (какъ предполагалъ Уставъ) въ извѣстной мѣрѣ частныя передвиженія цѣпи, потому что Уставъ зналъ только общія передвиженія всею цѣпью или же звеньями, по ихъ собственному почину. Итакъ, наступленіе производилось или всею цѣпью, по общему приказанію, или же указывалось Уставомъ постепенное наступ-

---

[1]) Незадолго до войны рѣшено было переформировать трехъ-баталіонные полки съ пятиротными баталіонами въ четырехъ-баталіонные, въ четыре роты каждый; но изъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, переформированы были только полки гвардіи.

[2]) Въ «Воинскомъ Уставѣ о строевой пѣхотной службѣ», ч. I, изд. 1862 года значилось, между прочимъ, что люди въ разсыпномъ строю въ «дѣйствіяхъ предоставляются каждый преимущественно личной смѣтливости». Далѣе значилось въ томъ же изданіи и повторено въ изданіи 1870 года, что при наступленіи стрѣлки перебѣгаютъ отъ закрытія къ закрытію сами поодиночно. А если стрѣлки еще не опытны, то старшіе въ звеньяхъ могутъ назначать куда кому перебѣжать выгоднѣе и т. п.

леніе одиночныхъ людей въ звеньяхъ. Предполагалось, что при наступленіи съ пальбой стрѣлки поодиночкѣ перебѣгаютъ отъ закрытія къ закрытію, причемъ перебѣжавшій впередъ шаговъ 25—50 выжидаетъ остальныхъ. Понятно, что подобное наступленіе было возможно только тогда, когда полоса наступленія каждаго звена была очень широка, т. е. когда цѣпь была очень рѣдка. Такимъ образомъ, способъ этотъ вовсе не былъ примѣнимъ къ цѣпямъ боевымъ, подбирающимся къ позиціи непріятеля. А коль скоро Уставъ нигдѣ не указывалъ наступленія цѣпи баталіона ея частями, то, въ сущности, оставался одинъ лишь способъ общаго ея наступленія или перебѣжки съ прекращеніемъ огня по всей линіи [1]).

Развитіе дѣла стрѣльбы въ русской арміи было прямымъ послѣдствіемъ отрицательнаго опыта Крымской войны, многія неудачи въ коей приписывались, главнымъ образомъ, старому гладкоствольному оружію пѣхоты и пренебреженію въ ней стрѣльбы вообще.

Новое направленіе послѣ войны выразилось какъ въ постепенномъ перевооруженіи всей пѣхоты нарѣзнымъ оружіемъ, такъ и формированіемъ новыхъ спеціально стрѣлковыхъ частей и, наконецъ въ томъ, что, къ каждому баталіону гвардейской и армейской пѣхоты прибавлена пятая спеціально стрѣлковая рота.

Для подготовки инструкторовъ стрѣльбы какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ особенности же для образованія хорошихъ командировъ стрѣлковыхъ ротъ и завѣдующихъ въ частяхъ оружіемъ, учреждены были съ 1857 по 1859 годъ три стрѣлковыя школы, а именно: Царскосельская, Кавказская и Финляндская. Далѣе, для поднятія

[1]) М. И. Драгомировъ въ своемъ трудѣ «Опытъ руководства для подготовки частей къ бою», ч. I, подготовка роты, изд. 1873 года, однако, говоритъ: «Цѣпь наступаетъ не вдругъ, а участками, переходя отъ позиціи къ позиціи, и останавливается на каждой изъ нихъ для стрѣльбы». То же самое подробно указывалось въ приказахъ по Варшавскому военному округу 1873 года № 225 и 1874 года № 69.

стрѣлковой практики между офицерами установлены были съ 1858 года особыя состязанія на призы. Наконецъ, независимо способовъ и правилъ обученія стрѣльбѣ, приносимыхъ инструкторами изъ названныхъ школъ, издано было особое „Наставленіе для обученія стрѣльбѣ пѣхоты и драгунъ“, 1864 года, дополнявшееся и обновлявшееся вслѣдствіе принятія новыхъ системъ ружей и новыхъ взглядовъ на дѣло.

Общему поднятію дѣла стрѣльбы во всей арміи, весьма много способствовала передача наблюденія надъ нею Инспектору стрѣлковыхъ баталіоновъ. Наблюденіе это выражалось смотрами стрѣльбы особо командированными чинами, которые не только удостовѣряли положеніе дѣла, но и, по мѣрѣ надобности, давали полезныя указанія. Такіе смотры начались съ 1871 года провѣркою 64 пѣхотныхъ частей.

Строго и однообразно соблюдаемый способъ и порядокъ производства смотровъ гарантировали какъ самую достовѣрность добываемыхъ результатовъ, такъ и одинаковый масштабъ при оцѣнкѣ состоянія дѣла стрѣльбы въ различныхъ частяхъ арміи.

Дѣло стрѣльбы, при указанныхъ благопріятныхъ условіяхъ, подвигалось довольно успѣшно и доведено было, въ общемъ, до желаннаго смотрового состоянія, сообразно предъявляемымъ требованіямъ.

Изъ 110 пѣхотныхъ полковъ, провѣренныхъ въ 1876 году по стрѣльбѣ, въ 17 стрѣльба признана была отличной, въ 55 — очень хорошей, въ 33—хорошей, и только въ трехъ—посредственной, а въ двухъ—слабой [1]).

Во всѣхъ почти изъ осмотрѣнныхъ 24 стрѣлковыхъ баталіоновъ стрѣльба оказалась выше „отличной“ и только въ немногихъ ниже „отличной“.

Нельзя, однако, не замѣтить, что указанные результаты получены были при среднемъ расходѣ людей въ дни смо-

[1]) Приказъ по военному вѣдомству 1877 года № 84.

тровъ въ 21% списочнаго состава провѣряемыхъ полковъ и 22% въ стрѣлковыхъ баталіонахъ.

Такимъ образомъ, нѣсколько болѣе пятой части всѣхъ строевыхъ нижнихъ чиновъ на смотрахъ не участвовало, и дѣйствительное состояніе ихъ стрѣльбы осталось не провѣреннымъ. Если же еще припомнить, что крайне развитая хозяйственная часть въ войскахъ, вообще, отвлекала нижнихъ чиновъ отъ строевыхъ занятій, то слѣдуетъ предположить, что отмѣченные результаты стрѣлковаго обученія были выше дѣйствительныхъ.

По тѣмъ же причинамъ и въ число запасныхъ, пополнявшихъ части пѣхоты до военнаго состава, должно было попасть довольно значительное число подготовленныхъ въ свое время слабо. Какъ то, такъ и другое обстоятельство должно было, въ общемъ, понизить, собственно, мирно практическую стрѣльбу въ частяхъ войскъ противъ показаній, получаемыхъ на смотрахъ.

За то, съ другой стороны, не могло оказать никакого неблагопріятнаго вліянія то обстоятельство, что многимъ запаснымъ пришлось впервые познакомиться съ новыми образцами ружей, потому что, во-первыхъ: передѣланныя 6-линейныя игольчатыя ружья Карле и Крнка, по бою своему, не отличались отъ прежнихъ, съ дула заряжаемыхъ, изъ коихъ были передѣланы; а во-вторыхъ, настильность и точность новой винтовки „Берданки“ настолько превосходили ружье шести-линейное, что пріученный къ послѣднему могъ, пріобрѣвъ нѣкоторый навыкъ въ обращеніи съ новой винтовкой, стрѣлять изъ нея развѣ только лучше, нежели изъ прежняго оружія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ приходилось познакомиться только съ новымъ, болѣе легкимъ способомъ заряжанія, а для Берданки—еще и съ прицѣломъ.

Что касается конечной цѣли всего обученія стрѣльбѣ, то она опредѣлялась „Наставленіемъ“ требованіемъ: „чтобы

каждый обучающійся достигъ умѣнія производить „мѣткій боевой выстрѣлъ“, для чего стрѣлокъ долженъ былъ при выстрѣлѣ принимать во вниманіе „состояніе воздуха, освѣщеніе, условія мѣстности и деривацію“ [1]). Основанное на данныхъ указаніяхъ обученіе стремилось, такимъ образомъ, къ стрѣльбѣ „тонкой“, не допуская замѣны единичной мѣткости каждаго отдѣльнаго выстрѣла количествомъ выпускаемыхъ пуль.

На скорость стрѣльбы, т. е. пріученіе скорой прикладкѣ и прицѣлкѣ не обращалось вообще особаго вниманія [2]). Такъ называемая „скорая стрѣльба“ (выстрѣлъ при заранѣе заряженномъ ружьѣ обязательно въ промежутокъ пяти секундъ) требовалась только отъ стрѣлковыхъ частей. Для линейныхъ же частей, наравнѣ съ стрѣлковыми, обязательно было упражненіе въ стрѣльбѣ „одиночной учащенной“ по командѣ и затѣмъ такая же стрѣльба и для цѣлыхъ ротъ залпами въ промежутокъ одной минуты. Требуемый или хотя желанный успѣхъ въ этомъ отношеніи, т. е. число залповъ въ минуту, опредѣленъ не былъ [3]). При всѣхъ смотрахъ стрѣльбы, произведенныхъ въ 1876 году, по Высочайшему повелѣнію особо командированными инспекторами, стрѣльба учащенными залпами вовсе не провѣрялась [4]).

Вообще, нельзя не замѣтить, что все обученіе стрѣльбѣ клонилось скорѣе къ возможному ея совершенству на стрѣльбищѣ, нежели къ боевому ея примѣненію. Даже

[1]) Изданіе 1870 года. Требованія прежнихъ были вообще такія же.

[2]) Впрочемъ, въ Варшавскомъ военномъ округѣ въ 1874 году былъ отданъ приказъ № 290, указывавшій «практическіе пріемы при обученіи стрѣльбѣ», коимъ между прочимъ требовалось, чтобы выстрѣлъ при заряженномъ ружьѣ былъ произведенъ на пятомъ счету подъ тактъ «скораго шага», т. е. на третьей секундѣ.

[3]) По опыту дознано было, что, при заряженныхъ заранѣе ружьяхъ, смотря по обученію, возможно было давать изъ ружей Крнка по 5—7 залповъ въ минуту, правильности коихъ, однако, мѣшала неудачная часто по первому разу экстракція выстрѣленныхъ гильзъ. Неуспѣвшій сразу выбросить гильзу не только самъ не стрѣлялъ, но и мѣшалъ другимъ.

[4]) Не могла быть взамѣнъ провѣрена, вновь только „Наставленіемъ“ 1876 года введенная, стрѣльба неопредѣленнымъ числомъ патроновъ въ теченіе полъ-минуты.

самое „Наставленіе“ изданія 1870 года въ заглавіи своемъ какъ будто ставило себѣ окончательную задачу въ видѣ *стрѣльбы въ цѣль* („Наставленіе для обученія стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и драгунъ“). Впрочемъ, то же именно„ Наставленіе“ 1870 года вводило для всей пѣхоты новыя упражненія, а именно: „ученія съ боевыми патронами“, долженствовавшія приблизить учебную стрѣльбу къ ея примѣненію на дѣлѣ. Однако, и эти упражненія не провѣрялись во время помянутыхъ смотровъ 1876 года.

Вообще „Наставленіемъ“ въ основаніе всего стрѣлковаго дѣла влагалось стремленіе стрѣлять тогда только, когда имѣется не одна лишь „вѣроятность“, но, напротивъ того,—„полная возможность“ произвести выстрѣлъ непремѣнно мѣткій. А такъ какъ, съ другой стороны, далеко не всѣхъ людей можно было довести до желаннаго полнаго совершенства въ мѣткой стрѣльбѣ, то при данномъ взглядѣ на дѣло являлся совершенно естественный выводъ—по возможности ограничить стрѣльбу такихъ людей какъ числомъ выстрѣловъ, такъ и разстояніемъ.

На этомъ основаніи при вооруженіи всей пѣхоты шестилинейными нарѣзными ружьями стрѣлковыя части имѣли на нихъ прицѣлы и обучались стрѣльбѣ на 1.200 шаговъ, а прицѣлъ на ружьяхъ линейныхъ ротъ и курсъ ими проходимый ограничивали ихъ стрѣльбу до 600 шаговъ. Таковы были предѣльныя дальности для разсыпного строя.

Что касается стрѣльбы изъ строя сомкнутаго, то „Наставленіе“ признавало одинъ только его видъ, а именно—по командѣ залпами, ограничивая ихъ дальность предѣлами прямого выстрѣла, который для шести-линейной винтовки полагался въ 300 шаговъ, а для малокалиберныхъ Берданокъ въ 400 [1]).

[1]) Въ 1871 году въ войскахъ производились опыты залповой стрѣльбы линейныхъ ротъ до 600 шаговъ изъ ружей Крнка, которые дали, конечно, результаты различные, смотря по состоянію стрѣльбы въ каждой части.

Между тѣмъ, опытъ Франко-Германской войны 1870—71 годовъ наводилъ на другіе взгляды въ дѣлѣ стрѣльбы и примѣненія ея въ бою. Возбужденные вновь вопросы какъ по стрѣльбѣ, такъ и другіе обсуждались разновременно въ Главномъ Комитетѣ по устройству и образованію войскъ[1]).

Однако, предложенія болѣе полнаго использованія дальности и скорозарядности оружія, разбиравшіяся въ 1875 г., не были одобрены комиссіей Главнаго Комитета, которая отвергла предложеніе ввести стрѣльбу залпами далѣе прямого выстрѣла.

Что же касается сдѣланнаго тогда предложенія, коимъ проектировалось „удлинить, вообще, огонь нашей пѣхоты, которая“, какъ сказано было, „имѣя въ рукахъ ружье дѣйствительное на 1.200 шаговъ, можетъ поражать непріятеля лишь на разстояніяхъ, доходящихъ до половины этого предѣла“, то Комитетъ полагалъ ограничиться примѣненіемъ соотвѣтственнаго обученія, съ отпускомъ нужныхъ патроновъ, для лучшихъ стрѣлковъ, т. е. одной трети состава каждой линейной роты.

Заключеніе это было Высочайше одобрено съ тѣмъ, чтобы и „вопросъ, связанный съ увеличеніемъ расходовъ, былъ предварительно подвергнутъ подробному обсужденію Главнаго Артиллерійскаго Управленія“.

Комитетъ отвергъ тоже предложеніе ввести стрѣльбу бѣглымъ огнемъ изъ строя, полагая ее въ виду принятой стрѣльбы залпами „по меньшей мѣрѣ излишней“.

Наконецъ, рѣшенъ былъ отрицательно вопросъ: „слѣдуетъ ли ввести въ какой либо видъ боевого огня учащенную пальбу, съ цѣлью въ короткое время выпустить возможно большее число пуль, разсчитывая, главнымъ образомъ, на количество пуль, для того, чтобы осыпать ими приближающагося противника“?

[1]) Все приведенное ниже, касающееся дѣйствій и заключеній Главнаго Комитета, значится въ изданіи послѣдняго, подъ заглавіемъ: Отчетъ Главнаго Комитета по устройству и образованію войскъ съ октября 1874 по октябрь 1884 года.

Вообще, особая комиссія Комитета, имѣя въ виду, „что дѣйствительность огня увеличивается съ уменьшеніемъ разстояній, признала, что огню на близкомъ разстояніи должно быть отдано полное предпочтеніе предъ дальнимъ. Должно стрѣлять, заботясь, главнымъ образомъ, о мѣткости, на большихъ дистанціяхъ рѣдко и лишь по непосредственному приказанію ближайшихъ начальниковъ; затѣмъ, учащать огонь по мѣрѣ сокращенія дистанцій, по приближеніи же къ противнику стрѣлять неумолкаемо, учащая пальбу на близкомъ разстояніи до возможнаго предѣла, въ виду рѣшительнаго дѣйствія“.

Руководствуясь такими взглядами на дѣло, Комитетъ въ томъ же 1875 году отвергъ предложеніе Инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ, который предлагалъ въ линейныхъ частяхъ пѣхоты, вооруженныхъ малокалиберными ружьями (Берданками), „довести практическую стрѣльбу до 1.000 шаговъ“; Комитетъ нашелъ достаточнымъ „довести стрѣльбу линейныхъ ротъ на первое время до 800 шаговъ“ [1]).

Нельзя не замѣтить, что боевой опытъ войны 1877—78 годовъ не оправдалъ цѣлесообразности различныхъ прицѣловъ для одного и того же образца оружія; напротивъ того, линейныя части, вооруженныя шести-линейными винтовками Крнка, лишенныя всякой возможности правильной стрѣльбы на разстоянія свыше 600 шаговъ, движимыя въ бою весьма естественнымъ чувствомъ отместки или выручки своихъ, рядомъ сражающихся, прибѣгали часто къ стрѣльбѣ болѣе

[1]) Помянутый выше «Отчетъ Главнаго Комитета и проч.» излагаетъ мотивы къ такому рѣшенію въ слѣдующемъ видѣ:

«Выдача малокалиберныхъ винтовокъ не составляетъ еще довода въ пользу немедленнаго доведенія стрѣльбы всей нашей пѣхоты до крайнихъ дистанцій, допускаемыхъ досягаемостью новаго оружія; поэтому, хотя Комитетъ и призналъ въ принципѣ необходимымъ увеличить предѣльныя дистанціи учебной стрѣльбы, но въ то же время, принимая во вниманіе другія требованія боевой подготовки войскъ, условія новѣйшей тактики пѣхоты, современное осложненіе стрѣлковаго дѣла въ нашихъ войскахъ и степень возможности выполненія, возлагаемыхъ на нихъ требованій по стрѣлковому образованію, каковы: мѣстныя условія, время и средства,—Комитетъ полагалъ возможнымъ довести стрѣльбу линейныхъ ротъ, на первое время, до 800 шаговъ».

дальней, зная, что дѣйствительность ихъ оружія превосходитъ предѣлъ прицѣла. Но за отсутствіемъ, именно, должнаго прицѣла и не имѣя никакого навыка въ оцѣнкѣ дѣйствительныхъ разстояній, соотвѣтствующихъ свойствамъ ружья, войска могли только производить стрѣльбу безпорядочную, наудачу, коль скоро надлежащая дисциплинировка огня не была достаточно развита [1]).

Основаніе окопному дѣлу въ полевыхъ войскахъ положено было особымъ „Наставленіемъ“ [2]), объявленнымъ въ 1871 году, въ коемъ сказано было:

„Всѣ части пѣхоты и пѣшей артиллеріи въ полномъ ихъ составѣ, во время лѣтнихъ сборовъ, должны упражняться въ земляныхъ работахъ, имѣющихъ цѣлью устройство закрытій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

„Сверхъ того, особыя, временно формируемыя, команды отъ пѣхоты и артиллеріи обучаются нѣкоторымъ простѣйшимъ саперным работамъ“.

Помянутыя временныя, ежегодно собираемыя, команды, изъ нижнихъ чиновъ при офицерахъ, занимались при сапер-

---

[1]) Въ видѣ примѣра можно указать на замѣченное во время сраженій подъ Ловчей и подъ Плевной.

«Непріятельскій огонь уже на 2.000 шаговъ наноситъ значительное пораженіе, благодаря массѣ выпускаемыхъ патроновъ. Наши солдаты и офицеры часто забываютъ, что ихъ учили стрѣлять только на 600 шаговъ, и отвѣчаютъ непріятелю и съ 2.000. Такъ было и подъ Ловчей».

«31 августа наши линейныя роты на третьемъ гребнѣ Зеленыхъ горъ стрѣляли во флангъ туркамъ, наступавшимъ со стороны Кришинскаго редута на занятый нами редутъ № 1. Онѣ стрѣляли на разстояніи до 1.200—1.400 шаговъ и не безъ успѣха, особенно по турецкимъ колоннамъ. Обучали же ихъ стрѣлять только на 600 шаговъ».

«Во время боя въ виноградникахъ 28-го при отбитіи турецкихъ атакъ и 30-го при занятіи нами третьяго гребня, турки ложились густыми цѣпями и стрѣляли, не видя нашихъ солдатъ, тоже лежавшихъ (28 августа) въ ложементахъ. Наступая, турки тоже не могли видѣть нашихъ; въ обоихъ случаяхъ турки стрѣляли не видя противника, а стрѣляя лежа, они имѣли ружья положенными на землю и направленными перпендикулярно къ фронту. Къ сожалѣнію, наши, осыпаемые градомъ пуль, сами открыли стрѣльбу по невидимому непріятелю, причемъ о прицѣливаніи и объ установкѣ прицѣловъ не могло быть и рѣчи».

(«Дневникъ и замѣтки» А. Н. Куропаткина).

[2]) «Наставленіе для обученія полевыхъ войскъ саперному дѣлу» (приказъ по военному вѣдомству 1871 года № 123). Впрочемъ, занятія по окопному дѣлу производились отчасти и ранѣе въ видѣ опыта или по почину частныхъ начальниковъ.

ныхъ войскахъ во время общихъ сборовъ отъ полутора до двухъ мѣсяцевъ.

Упражненія въ полномъ составѣ частей предполагалось „соединять по возможности съ маневрированіемъ“. Сверхъ того, офицеровъ пѣхоты и пѣшей артиллеріи указано „упражнять во время лагерныхъ сборовъ въ видахъ приготовленія опытныхъ распорядителей и руководителей въ дѣлѣ производства саперныхъ работъ“.

Всѣ указанныя занятія въ войскахъ какъ цѣлыхъ частей, такъ и офицеровъ должны были производиться „подъ руководствомъ и ближайшимъ наблюденіемъ начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ и состоящихъ при войскахъ офицеровъ генеральнаго штаба“.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ указаннаго распоряженія было весьма основательное подготовленіе при саперныхъ войскахъ извѣстнаго числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которые могли служить въ своихъ частяхъ инструкторами по окопному дѣлу.

Нельзя не признать однако, что самое „Наставленіе“ при весьма обширныхъ, въ сущности, требованіяхъ поставило прямыхъ начальниковъ войскъ въ какое-то неопредѣленное къ нимъ отношеніе, возложивъ наблюденіе и руководство занятіями войскъ на чиновъ, не имѣющихъ къ нимъ никакого командnаго отношенія.

Дальнѣйшее развитіе въ арміи столь важнаго дѣла было по разнымъ причинамъ далеко неравномѣрное и, въ общемъ, неудовлетворительное. Указанныя обстоятельства побудили командующаго войсками Виленскаго округа представить свой проектъ „Краткаго Наставленія“ по этому же предмету. Разбирая эти предположенія въ 1876 году, Главный Комитетъ по устройству и образованію войскъ нашелъ, что:

„Шестилѣтній опытъ обученія полевыхъ войскъ саперному дѣлу, на основаніи дѣйствующаго „Настав-

ленія“, показалъ, что изложенныя въ немъ требованія не вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Занятія саперными работами, говоря вообще, не привились въ нашихъ полевыхъ войскахъ и во многихъ частяхъ считаются еще дѣломъ побочнымъ, не имѣющимъ прямой связи съ боевой подготовкой войскъ“.

Причины Комитетъ видѣлъ „въ сложности требованій какъ отъ частей войскъ, такъ и отъ офицеровъ и въ неправильной постановкѣ „Наставленіемъ“ отношеній къ этому дѣлу прямыхъ войсковыхъ начальниковъ“ [1]), далѣе—въ отсутствіи „вполнѣ практическаго и краткаго руководства для обученія войскъ саперному дѣлу“ и, наконецъ, „совершенно несоразмѣрнаго съ современными боевыми цѣлями количества шанцевыхъ лопатъ въ войскахъ“.

Поэтому Комитетъ, ссылаясь на „примѣръ германской, французской и австрійской армій, принявшихъ на основаніи своихъ послѣднихъ войнъ легкую шанцевую лопату въ число боевого снаряженія пѣхоты“, пришелъ къ заключенію, что, „несмотря на весьма серьезные расходы, неизбѣжно сопряженные, вопросъ этотъ долженъ подвергнуться безотлагательному рѣшенію“.

„Составленная, въ 1877 году, при Главномъ Комитетѣ особая комиссія хотя и приступила, въ то время, къ занятіямъ и выработала главныя основанія для разрѣшенія

[1]) «Во-первыхъ, — говорится въ отчетѣ Комитета, — прямые начальники какъ будто отстранены отъ непосредственнаго обученія саперному дѣлу, а потому могутъ не считать себя прямыми отвѣтчиками за успѣхъ этихъ занятій въ своихъ частяхъ. Возложеніе же, по нынѣ существующему Наставленію, руководства этимъ дѣломъ на начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ и состоящихъ при войскахъ офицеровъ генеральнаго штаба нельзя признать правильнымъ.

«На прямыхъ начальникахъ не лежитъ даже обязанность повѣрки знаній, пріобрѣтаемыхъ подвѣдомственными имъ чинами особыхъ командъ, собираемыхъ для спеціальнаго обученія саперному дѣлу, за исключеніемъ начальниковъ дивизій, да и то только въ пунктахъ, удаленныхъ отъ мѣста расположенія инженерныхъ частей. Между тѣмъ ближайшія отношенія прямыхъ начальниковъ къ занятіямъ войскъ саперными дѣломъ тѣмъ болѣе необходимы, что имъ же самимъ придется примѣнять это боевое средство во время военныхъ дѣйствій. Оставаясь въ сторонѣ отъ этого дѣла въ мирное время, они будутъ чужды ему и на поляхъ сраженій».

вопросовъ по обученію войскъ саперному дѣлу, должна была, однако, вскорѣ прекратить занятія, такъ какъ всѣ члены отправились со своими частями въ составъ дѣйствующей арміи“ [1]).

Нельзя не замѣтить, что собственно прекращеніе, передъ самой войной, занятій комиссіи, долженствовавшей составить проектъ новаго „Положенія“, не могло имѣть значенія для войскъ, готовящихся уже къ войнѣ. Въ каждой части имѣлось уже по нѣсколько офицеровъ и нѣкоторое количество нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ упражненіяхъ при саперныхъ войскахъ. Войска нуждались, главнымъ образомъ, только въ достаточномъ количествѣ соотвѣтственнаго шанцеваго инструмента.

Необходимость увеличенія числа шанцеваго инструмента въ войскахъ сознавалась, впрочемъ, еще ранѣе и вопросъ этотъ въ основаніи рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но такъ какъ не хотѣли возложить носку его на людей, то дѣло остановилось на вопросѣ объ установленіи способа его перевозки, рѣшеніе коего поручено Военнымъ Министромъ Главному Комитету въ 1874 году.

Извѣстно, что дѣло это получило окончательное рѣшеніе уже послѣ войны, принятіемъ образца облегченнаго шанцеваго инструмента, носимаго на людяхъ [2]). Пока же войска пошли на войну съ весьма ограниченнымъ количествомъ шанцеваго инструмента [3]).

---

[1]) «Отчетъ Главнаго Комитета и проч.».

[2]) Приказъ по военному вѣдомству 1878 года № 297.

[3]) Вотъ что гласитъ по этому поводу «Дневникъ и замѣтки» А. Н. Куропаткина: „Шанцевый инструментъ, содержимый при частяхъ, составилъ на роту въ 200 человѣкъ— 10 лопатъ, 24 топора, 3 кирки и 3 мотыги. Количество лопатъ очевидно недостаточно; топоровъ довольно. Для ускоренія работъ по укрѣпленію позиціи приходится собирать инструменты цѣлаго полка въ одну роту или даже давать ротамъ одного полка инструментъ изъ другого. Посмотримъ, какія практика представляетъ неудобства подобныхъ порядковъ.

«Подъ Ловчею баталіонъ Казанскаго полка, занявъ высоту передъ непріятельскими позиціями, долженъ былъ укрѣпиться на ней. Для скорѣйшаго укрѣпленія, въ этотъ баталіонъ былъ собранъ инструментъ со всего полка и, кромѣ того, къ нему же поступилъ шанцевый инструментъ баталіона Шуйскаго полка. Для устройства помѣщенія для 24 ору-

Что же касается состоянія окопнаго дѣла собственно въ войскахъ, то „Наставленіе“, какъ уже сказано, дало имъ извѣстное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ, весьма удовлетворительно подготовленныхъ. Однако, надлежащему привитію окопнаго дѣла до войны 1877—78 годовъ помѣшала не столько новизна его, сколько неопредѣленное отношеніе, въ которое „Наставленіе“ поставило прямыхъ начальниковъ войскъ.

Съ другой стороны, нельзя не признать, что „Наставленіе“ сразу дало простому окопному дѣлу названіе и видъ какой-то особой „саперной спеціальности“, которую войска въ общемъ составѣ не могли считать „своею“ и съ нею дѣйствительно не сроднились.

Наконецъ, далеко не всѣ начальники убѣждены были въ пользѣ и необходимости окопнаго дѣла въ бою; а нѣко-

---

дій на батареи были назначены двѣ роты Ревельскаго полка, въ которыя былъ собранъ инструментъ со всего полка. На другой день, въ день штурма Ловчи, два баталіона Казанскаго полка, баталіонъ Шуйскаго полка и Ревельскій полкъ шли въ бой безъ шанцеваго инструмента, ссылаясь, что онъ у нихъ отобранъ.

«Бой кончился удачно, войскамъ не пришлось окапываться и инструментъ, хотя съ трудомъ, былъ отысканъ на нашей первой позиціи и снова розданъ на руки. Часть его уже послѣ этой первой работы оказалась изломанной и утерянной.

«27 августа подъ Плевною для устройства ровиковъ для прислуги 3 батарей была составлена рота Владимірскаго полка, въ которую былъ собранъ инструментъ всего полка.

«Вечеромъ 27 двумъ баталіонамъ Эстляндцевъ пришлось занять позицію на нашемъ правомъ флангѣ въ виноградникахъ. Надо было укрѣпиться, а инструментъ находился въ д. Брестовецъ. Его собрали и доставили на позицію только за два часа до разсвѣта. Къ счастью, на позиціи Эстляндцевъ уже были почти готовыя траншеи—широкія ирригаціонныя канавы.

«29 августа Владимірскому полку пришлось занять позицію вмѣстѣ съ полкомъ Эстляндскимъ на второмъ гребнѣ Зеленыхъ горъ.

«Надо было тотчасъ же приступить къ устройству ложементовъ и тутъ оказалось, что полкъ пришелъ на позицію безъ шанцеваго инструмента.

«Кромѣ того, количество инструментовъ въ обоихъ полкахъ было такъ недостаточно, что пришлось собрать инструментъ для укрѣпленія занятой позиціи и съ полковъ Ревельскаго и Суздальскаго. На этотъ разъ по опыту подъ Ловчею уже не передали просто инструментовъ этихъ полковъ въ руки Эстляндцевъ и Владимірцевъ, а назначили отъ Ревельскаго и Суздальскаго полковъ особыя команды, которыя должны были, окончивъ работу, возвратить инструментъ въ свои части» и т. д.

«Результатомъ такого положенія дѣлъ было, между прочимъ, что 30 августа «резервы Владимірцевъ и Суздальцевъ имѣли при себѣ только жалкіе остатки инструментовъ. Чтóбы приготовить кой-какіе ложементы, солдаты рыли тесаками, крышками отъ манерокъ, выгребали землю руками».

торые просто въ этомъ сомнѣвались, въ чемъ, надо признать, поддерживали ихъ голоса даже въ современной военной литературѣ.

Что касается *дѣйствій пѣхоты въ бою*, то и Уставъ, изданный передъ войной, въ 1875 году, допускалъ еще стрѣльбу залпами цѣлымъ развернутымъ баталіономъ. Вообще, придавалось большое, рѣшающее, значеніе стрѣльбѣ залпами изъ фронта. Она допускалась и при атакѣ двоякимъ способомъ: или роты 1-й линіи стрѣляли залпами, а 2-я подходила для атаки, или же одна часть, т. е. рота или двѣ 1-й линіи шли въ атаку, между тѣмъ какъ остальныя обстрѣливали противника залпами.

При исполненіи этого роты должны были, стоя въ сомкнутомъ строю, подвергаться огню противника съ разстояній не превышающихъ 300—400 шаговъ [1]). Впрочемъ, тотъ же Уставъ опредѣлялъ, что „атака сомкнутыми частями должна быть сколь возможно подготовлена огнемъ цѣпи; поэтому передъ началомъ атаки цѣпь должна быть не только выслана, но и возможно усилена; огонь ея долженъ быть самый учащенный“.

Однако, это общее указаніе само по себѣ не могло устранить неудобствъ, проистекающихъ отъ пріученія войскъ къ уставнымъ формамъ и требованіямъ, несогласнымъ со свойствами и условіями тогдашняго боя. Неудобства эти сдѣлались предметомъ весьма тщательнаго обсужденія въ Комитетѣ по устройству и образованію войскъ, который поручилъ это дѣло особой комиссіи [2]).

Означенная комиссія, выполнившая свою задачу къ концу 1875 года, принявъ во вниманіе опытъ войны 1870—71 годовъ

[1]) Предѣльная дальность залповъ, допускавшаяся: первая—изъ ружей 6-линейныхъ, другая—изъ Берданокъ, о чемъ сказано выше.

[2]) Матеріаломъ для обсужденія послужили письменные труды Свиты Его Величества генералъ-маіора барона Зедделера, лично присутствовавшаго при военныхъ дѣйствіяхъ во Франціи въ 1870—71 годахъ въ качествѣ военнаго агента при германской главной квартирѣ. Барономъ Зедделеромъ представлены были двѣ записки: а) «о вліяніи скорозарядныго оружья на огонь» и б) «бой пѣхоты и основанныя на выводахъ новѣйшей боевой практики общія черты правилъ».

и условія современнаго боя, „нашла болѣе правильнымъ *отдать полное предпочтеніе стрѣльбѣ изъ разсыпного строя*, употребляя стрѣльбу изъ сомкнутаго строя только *для частей, не превышающихъ роту*“.

Далѣе комиссія признала, что „главное указаніе, добытое боевымъ опытомъ, состоитъ въ томъ, что стрѣлковая цѣпь не только перестала быть *придаточною частью* сомкнутаго порядка, но пріобрѣла въ пѣхотномъ боевомъ строѣ *первенствующее значеніе*“.

Наконецъ, комиссія „полагала дробленіе цѣпи на звенья отмѣнить, принявъ за крайнюю степень дѣленія роты въ цѣпи наименьшую административную часть ея по внутреннему управленію — отдѣленіе“ [1]), т. е. четвертую часть взвода, что̀ тогда же объявлено было къ руководству особымъ приказомъ по военному вѣдомству.

Однако, измѣненія, предлагавшіяся комиссіей, принятыя Комитетомъ и частію уже одобренныя Императоромъ Александромъ II, не попали въ послѣднее передъ войной изданіе Устава 1875 г. (баталіонное ученіе). Въ виду же крайней необходимости дополнить строевые уставы и дать войскамъ необходимыя указанія соотвѣтственно требованіямъ современной тогда тактики, Комитетъ приступилъ весною 1877 г. къ составленію „Инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою“. Отъѣздъ въ дѣйствующую армію лицъ, участвовавшихъ въ составленіи „Инструкціи для совокупнаго дѣйствія войскъ трехъ родовъ оружія“, сперва замедлилъ, а потомъ совершенно прервалъ ходъ работъ [2]).

---

[1]) Мотивы были тѣ, что составъ звеньевъ бываетъ случайный, завися отъ ранжировки каждодневнаго разсчета роты и что такъ называемые старшіе въ звеньяхъ не находятся къ подчиненнымъ себѣ ни въ какихъ постоянныхъ командныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, звенья съ ихъ фиктивными старшими, сообщая отдѣленію въ цѣпи видъ какого-то командnаго дробленія, ослабляютъ командную силу прямыхъ начальниковъ, т. е. начальниковъ отдѣленій.

[2]) Помянутый «Отчетъ Главнаго Комитета». Въ немъ сказано по этому поводу, что

«Во время подготовленія къ печати послѣдней редакціи баталіоннаго ученія въ 1875 году уже вполнѣ выяснилась необходимость подвергнуть его болѣе существенному пересмотру, но изданіе было признано безотлагательнымъ, такъ какъ прежнее уже было совершенно исчер-

Сводя все приведенное о подготовкѣ пѣхоты, видно, что вообще боевыя стрѣлковыя цѣпи не считались серьезной боевой силой, а скорѣе—прибавкой къ сомкнутому фронту; разсчитывалось главнымъ образомъ на огонь залпами изъ сомкнутаго фронта и штыковой его ударъ. Цѣпи, въ свою очередь, были неповоротливы и неудобоуправляемы, какъ по отношенію огня, такъ и, въ особенности, передвиженія съ пользованіемъ мѣстностью въ видахъ уменьшенія потерь. Огонь линейныхъ частей пѣхоты принципіально укороченъ даже полнымъ отсутствіемъ соотвѣтственнаго прицѣла. Послѣдствіемъ всего этого, а равно и малаго, вообще, почина со стороны ближайшихъ начальниковъ бывали фронтальныя атаки, стоившія громадныхъ жертвъ и не всегда удачныя. Наконецъ, пѣхота, въ сущности, лишена была возможности пользоваться окопами въ мѣрѣ сколько нибудь подходящей къ дѣйствительной въ нихъ потребности, сообразно условіямъ современнаго боя.

Русская конница во время предыдущей Восточной войны 1854—56 годовъ не нашла себѣ особенно обширнаго поля дѣйствій ни на Дунаѣ, ни при оборонѣ Севастополя. Хотя Кавказская кавалерія, обновляя свою старинную славу, одерживала блестящіе успѣхи даже противъ пѣхоты, вооруженной новымъ дальнобойнымъ нарѣзнымъ оружіемъ, тѣмъ не менѣе, общій выводъ изъ опыта войны былъ для конницы, какъ рода оружія, вообще неблагопріятенъ.

Предполагалось, что кавалерія, вслѣдствіе дальности и мѣткости огня пѣхоты, потеряла уже свое значеніе рѣшающей боевой силы. Отчасти эти взгляды, а еще болѣе—

пано, до послѣдняго экземпляра, а между тѣмъ новый пересмотръ его не могъ быть предпринятъ ранѣе установленія «Высочайшаго одобренія тѣхъ главныхъ основаній пѣхотной тактики, къ обсужденію которыхъ Главный Комитетъ въ то время только что приступалъ. Комитету въ 1877 году предстояло приступить къ пересмотру всѣхъ строевыхъ пѣхотныхъ уставовъ».... «Принятіе предложеній барона Зедделера должно было, въ свою очередь, повлечь за собою измѣненія не только пѣхотнаго Устава, но и Наставленія обученія стрѣльбѣ, а засимъ и количество отпускаемыхъ въ войска учебныхъ боевыхъ припасовъ и другихъ».

финансовыя соображенія имѣли слѣдствіемъ значительное сокращеніе регулярной кавалеріи.

Нарушенное же боевое равновѣсіе предполагалось восполнить, по возможности, быстротою коня и усовершенствованіемъ бойца-всадника до возможнаго предѣла. Вообще, въ кавалеріи, какъ и въ прочихъ родахъ оружія, обращалось съ того времени большое вниманіе на одиночное образованіе и личныя свойства каждаго человѣка въ отдѣльности.

Въ этихъ именно видахъ, когда впослѣдствіи, при переформированіи кавалерійскихъ дивизій, часть Донскихъ казачьихъ полковъ попала въ ихъ составъ, то особымъ приказомъ весьма настоятельно и подробно было указано, что сближеніе ихъ съ регулярными полками отнюдь не должно повліять на умаленіе или извращеніе ихъ качествъ, основанныхъ на личномъ развитіи и природныхъ свойствахъ каждаго казака въ отдѣльности. Независимо того, и въ казачьихъ войскахъ приняты были особыя мѣры, чтобы прекратившійся уже военный опытъ замѣнить соотвѣтственной одиночной подготовкой, основанной на свойствахъ и преданіяхъ казачества [1]).

Настоящая военная подготовка всадника-кавалериста и его лошади была одной изъ самыхъ главныхъ заботъ Генералъ-Инспектора кавалеріи Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, вступившаго въ эту должность въ 1865 году. Требованія Его Высочества, въ то время, значительно разнились отъ прежнихъ привычекъ и укоренившихся взглядовъ. Оцѣнивать эти труды въ настоящее время нужно съ этой именно точки зрѣнія. То, что̀ теперь кажется обыденнымъ (потому именно, что привилось окончательно), было въ тѣ времена не только ново, но во многомъ шло въ разрѣзъ съ укоренившимися взглядами, своеобразными порядками, пріобрѣвшими за давностью чуть ли

[1]) Наконецъ, въ 1875 году изданъ «Воинскій Уставъ о строевой казачьей службѣ, ч. I. Одиночное и шереножное пѣшее, одиночное, шереножное и взводное конное ученіе».

не силу закона. Бороться пришлось не съ одной лишь косностью или отсталостью.

Кавалеріи напоминалось, что „сбереженная лошадь, хотя менѣе правильно выѣзженная, предпочитается лошади выученной всѣмъ правиламъ манежной ѣзды, но лошади разстроенной въ силахъ“, притомъ требовалось, „чтобы лошадь была непремѣнно ежедневно въ движеніи“ [1]).

Вольтижировка, фехтовка, нанесеніе ударовъ и уколовъ, прыжки на конѣ черезъ препятствія сдѣлались предметомъ обыденныхъ занятій и подготовки единичнаго всадника. Требовалось, чтобы офицеры не только были руководителями во всѣхъ этихъ упражненіяхъ, но и служили во всемъ примѣромъ. Для поощренія установлены въ 1867 году особыя, испытанія офицерскихъ лошадей въ манежной ѣздѣ и скачкѣ на призы [2]).

Послѣ зимней подготовки требовалось съ наступленіемъ весны производить въ эскадронахъ: „одинъ день конныя ученія, а другой, на коняхъ же,—фехтованіе, нанесеніе ударовъ и уколовъ въ цѣль, обязательный вольный бой, стрѣльба на всѣхъ аллюрахъ изъ штуцеровъ и пистолетовъ холостыми патронами и наѣздничество“. Далѣе—„черезъ рвы и барьеры прыгать не менѣе одного раза въ недѣлю“. „Всѣ построенія и перестроенія дѣлать преимущественно рысью и на всѣ ученія выводить непремѣнно всѣхъ лошадей“.

По окончаніи занятій по-эскадронно, „конныя полковыя ученія производить не менѣе четырехъ разъ въ недѣлю“.

„Сверхъ конныхъ ученій, заниматься наиболѣе службой передовыхъ постовъ и малыми маневрами“ [3]).

Наконецъ, обращено вниманіе на подготовку къ развѣдкѣ разъѣздами и даны на то указанія [4]).

---

[1]) Приказъ по кавалеріи 1866 года № 5.

[2]) Приказъ по военному вѣдомству 1867 года № 49.

[3]) Приказъ по кавалеріи 1868 года № 4.

[4]) Въ приказѣ по кавалеріи 1871 года № 7. Въ немъ напоминалось, что: «Твердое и сознательное знаніе, по возможности, каждымъ кавалеристомъ обязанностей полевой

Образцомъ требованій Генералъ-Инспектора кавалеріи, еще задолго до войны 1877—78 годовъ, можетъ послужить опытъ зимняго пробѣга въ 1868 году,

Его Высочество, „желая удостовѣриться, въ какой степени строевыя лошади гвардейской кавалеріи и гвардейской конной артиллеріи пріучены къ продолжительнымъ и ускореннымъ движеніямъ“, сдѣлалъ распоряженіе „о производствѣ походныхъ ускоренныхъ движеній въ теченіе трехъ дней сряду“....

„Пробѣги 93—94 версты исполнены при зимней обстановкѣ съ 28 февраля по 1 марта, причемъ единичные переходы бывали отъ 27 до 42 верстъ въ день. Переходы опредѣлено было сдѣлать по слѣдующему разсчету времени, съ однихъ сборныхъ пунктовъ до другихъ, не считая движеній на сборные пункты: 42 версты въ теченіе 6 часовъ 23 минутъ, въ томъ числѣ два привала по 15 минутъ; 38 вер.—5 час. 33 мин.; 29 вер.—4 час. 27 мин.; 24 вер.—3 час. 48 мин., считая въ томъ числѣ по 15 мин. на привалъ въ серединѣ каждаго перехода“.

„Движенія дѣлались перемѣнными аллюрами: шагомъ, рысью. Сначала верста шагомъ и двѣ рысью и т. д., и въ каждомъ переходѣ по два раза рысью по три версты, а въ переходахъ въ 42 версты—три раза рысью по три версты передъ приваломъ и передъ приходомъ на мѣсто“.

Войска были „въ походной формѣ съ полной аммуниціей, лошади осѣдланы безъ вальтраповъ и безъ полной укладки вещей, но съ чемоданами“.

службы, составляетъ не только насущную потребность и главное условіе кавалеріи, но служитъ и залогомъ успѣха въ военное время для всей Арміи». Далѣе еще сказано: «А такъ какъ существенную часть сторожевой службы кавалеріи составляетъ служба въ разъѣздѣ», то подробно указаны способы обученія какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Между прочимъ, требовалось: «Во время общихъ сборовъ, продолжая занятія полевой службой, при малыхъ маневрахъ двухсторонникъ, посылая разъѣзды для наблюденія за движеніями противника, пріучить старшихъ въ разъѣздахъ доставлять сжатыя, но ясныя записки о всемъ замѣченномъ».

„Лошади пришли свѣжими“ [1]).

Вообще, толчкомъ для развитія системы военной подготовки кавалеріи сообразно новымъ взглядамъ на роль, ей предназначаемую, былъ опытъ рейдовъ и набѣговъ во время Сѣверо-Американской 1863—65 годовъ войны и употребленіе германской конницы во Франко-Прусской войнѣ 1870—71 годовъ.

Проводилась мысль замѣнить потерянное конницей на тѣсныхъ поляхъ сраженій и вернуть ей прежнее значеніе обширной дѣятельностью на широкомъ просторѣ всего театра войны; короче, предполагавшіеся недосягаемыми рѣшительные тактическіе успѣхи — замѣнить стратегическими, въ видѣ дѣйствій впереди фронта армій и набѣговъ на сообщенія противника [2]).

Намѣченная такимъ образомъ роль конницы требовала, съ одной стороны, большой подвижности и выносливости для дальнихъ набѣговъ, а съ другой — извѣстной боевой самостоятельности для того, чтобы превозмочь сопротивленіе пѣхоты даже на мѣстности пересѣченной, неблагопріятной для дѣйствія на конѣ.

Итакъ, явились для подготовки конницы два новыхъ предмета, а именно: пріученіе всадника и коня къ дальнимъ пробѣгамъ и обученіе всей кавалеріи боевымъ дѣйствіямъ и въ пѣшемъ строю.

Обученіе дѣйствію въ пѣшемъ строю, касавшееся до того только драгунъ и казаковъ, распространено было и на другія части кавалеріи—уланъ и гусаръ, для чего вторыя шеренги эскадроновъ рѣшено было вооружить особыми малокалиберными кавалерійскими карабинами системы Бердана. Перевооруженіе состоялось окончательно передъ самой войной.

---

[1]) Приказъ по кавалеріи 1868 года № 5.

[2]) На это направленіе особое вліяніе оказало извѣстное сочиненіе Н. Н. Сухотина «Рейды и поиски кавалеріи во время Американской войны», изд. 1874 г. и другія его статьи.

Въ тѣхъ же видахъ, возможно полной подготовки конницы къ дѣйствіямъ самостоятельнымъ, въ Варшавскомъ военномъ округѣ выработаны были особыя программы подготовки „кавалерійскихъ піонерныхъ командъ“ и съ 1874 года такія команды отъ каждаго полка собирались подъ Варшавой при саперныхъ частяхъ.

Предметами обученія, кромѣ разныхъ хозяйственныхъ полевыхъ приспособленій, были: способы и средства для облегченія переправъ конницы, а главное—видимыя или скрытыя порчи желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ линій, а также ихъ разрушеніе, въ особенности мостовъ. Порча производилась и взрывомъ динамитныхъ патроновъ. Опредѣлены были назначенные для порчи инструменты и образецъ вьюка для ихъ возки, а равно и динамитныхъ патроновъ при частяхъ конницы.

Въ 1876 году обсуждался въ Главномъ Комитетѣ по устройству и образованію войскъ вопросъ о храненіи и „возкѣ конницей“ упомянутыхъ инструментовъ и патроновъ, равно употребленія послѣднихъ. Результаты трудовъ своихъ по указаннымъ вопросамъ Комитетъ представилъ Военному Министру 23 марта 1877 года.

Конныя части, выступившія въ Турецкую кампанію 1877 года, были снабжены на каждый эскадронъ 48 динамитными взрывчатыми патронами, вѣсомъ въ полъ-фунта каждый; патроны эти возились на людяхъ, по восьми штукъ на человѣка.

Что касается *стрѣльбы кавалеріи* изъ ружей и карабиновъ, то она, конечно, не могла быть приравнена къ пѣхотной; изъ помянутыхъ уже отчетовъ Инспектора стрѣлковой части въ войскахъ за 1876 годъ видно, что смотры стрѣльбы произведены были только въ двѣнадцати кавалерійскихъ полкахъ и притомъ только драгунскихъ, кои, при расходѣ людей въ 21 процентъ, дали въ трехъ полкахъ результаты „отличные“, въ трехъ—„хорошіе“, а въ остальныхъ шести—„посредственные“.

При требованіяхъ же отъ спѣшившихся частей не обошлось безъ увлеченій въ видѣ различныхъ тонкостей, доступныхъ только настоящей пѣхотѣ [1]).

Что касается собственно способности конницы къ дальнимъ пробѣгамъ, то къ ней, безъ того, должно было вести все воспитаніе, основанное на требованіяхъ Генералъ-Инспектора.

Однако, обратныя надлежащему совершенствованію теченія вліяли на конницу еще гораздо болѣе, нежели на пѣхоту, дѣйствуя одновременно какъ на всадника, такъ и на его лошадь. Требованія были тутъ совершенно противоположныя, взаимно исключавшіяся.

Плацпарадныя наклонности требовали болѣе умѣренныхъ аллюровъ; не довольствуясь „рабочими“, требовались округленныя тѣла. Достичь послѣднихъ безъ уменьшенія обычныхъ сбереженій отъ цѣнъ фуража возможно было единственно уменьшеніемъ работы лошади. Такъ зачастую и дѣлалось. Сбереженіе лошади посредствомъ покоя, ей предоставленнаго, стояло иногда на первомъ планѣ. Неизбѣжныя упражненія клонились, вообще, болѣе въ сторону удовлетворенія смотровымъ, т. е. парадным требованіямъ.

Такъ бывало вообще, хотя, конечно, часто встрѣчалось и положеніе дѣла вполнѣ удовлетворительное.

---

[1]) «Уставъ для спѣшенныхъ драгунскихъ полковъ» (изд. 1866 года) категорически подчеркивалъ, что: «существенное назначеніе драгунскихъ полковъ есть служба кавалерійская», и далѣе, что: «Во всѣхъ случаяхъ, когда драгуны находятся на мѣстности, допускающей употребленіе коннаго строя, ихъ должно употреблять какъ кавалерію, будетъ ли противъ нихъ пѣхота или кавалерія». Наконецъ, напоминалось, что «такъ какъ драгуны спѣшиваются только на мѣстности пересѣченной, требующей разсыпного дѣйствія пѣхоты, то главное назначеніе каждой спѣшившейся части есть дѣйствіе въ разсыпномъ строю; строй сомкнутый служитъ лишь резервнымъ порядкомъ и въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ можетъ употребляться для атаки».

Тѣмъ не менѣе, изъ приказовъ по кавалеріи видно, что требованія въ пѣшемъ строю достигали пѣхотныхъ тонкостей. Требовалась не только чистота ружейныхъ пріемовъ, обращалось вниманіе, что при остановкѣ ногу не приставляли коротко, требовалась чистая перемѣна фронта «баталіонной колонной», церемоніальный маршъ не только шагомъ, но и «бѣгомъ» (вовсе не предусмотрѣнный въ уставѣ), причемъ замѣчалось, что «бѣжали хотя ровно, но становились на ступню, а не на носки».

Къ этому еще присоединялись и другія неблагопріятныя обстоятельства: съ одной стороны, многія очень разнообразныя требованія, разъ по конному, то опять по пѣшему строю съ добавкой стрѣльбы, не всегда достаточно соизмѣренныя по своей относительной важности и настоящему достоинству; съ другой же стороны—часто ощущался недостатокъ средствъ къ исполненію, а именно: при суровыхъ условіяхъ климата далеко не вездѣ имѣлись соотвѣтственные манежи; наконецъ, квартиры многихъ кавалерійскихъ частей были очень разбросаны.

Всѣ неблагопріятныя причины и вліянія совмѣстно привели къ тому, что требованія и указанія Генералъ-Инспектора исполнялись на дѣлѣ далеко не вездѣ и не въ полной мѣрѣ.

Оказалось засимъ, въ общемъ, что малая работа лошади уменьшала и упражненіе всадника. Въ результатѣ получались лошади, хотя и не втянутыя, но все же хорошо сбереженныя, способныя къ разовому весьма большому усилію и рядомъ съ этимъ далеко не достаточно подготовленные къ большимъ пробѣгамъ кавалеристы, не исключая и офицеровъ.

Все это ярко выказалось осенью 1876 года во время большого кавалерійскаго маневра, съ Высочайшаго разрѣшенія произведеннаго Его Высочествомъ Генералъ-Инспекторомъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ.

По заданію этого маневра, Западной наступающей стороной, между прочимъ, произведенъ былъ набѣгъ отъ г. Петрокова за Вислу, съ цѣлью порчи желѣзной дороги Варшава—Брестъ-Литовскъ.

Предназначенный для исполненія набѣга отрядъ составленъ былъ изъ трехъ эскадроновъ (по одному изъ всѣхъ регулярныхъ полковъ одной изъ дивизій по назначенію свыше), съ добавкой Кубанской казачьей сотни. Имѣлось въ виду произвести опытъ—можетъ ли такой отрядъ проскользнуть и

въ странѣ непріятельской, а главное—испробовать пригодность конницы для форсированнаго пробѣга [1]).

Пробѣгъ отъ Петрокова до переправы на Вислѣ у г. Гуры-Кальваріи, всего около 160 верстъ, исполненъ былъ всѣмъ отрядомъ въ теченіе 44 часовъ, причемъ одинъ изъ эскадроновъ прошелъ до 175 верстъ, а нѣкоторые разъѣзды—отъ 190 до 200.

Командированный по Высочайшему повелѣнію для присутствія при маневрѣ участникъ и свидѣтель набѣга, въ отчетѣ своемъ Военному Министру, подчеркнувъ выносливость лошадей, которыя, по его мнѣнію, не оставляли желать лучшаго, продолжаетъ:

„Къ сожалѣнію, не такой оказалась выносливость людей, въ особенности офицеровъ. Ослабленіе нервовъ и, вообще, утомленіе проявлялись у послѣднихъ до того, что многіе изъ нихъ безсознательно подчинялись разнаго рода галлюцинаціямъ; другіе дошли до того, что не могли дѣлать какія бы то ни было обыденныя распоряженія; и безъ преувеличенія можно думать, что въ дѣйствительности летучій отрядъ въ 600 коней по окончаніи 120-верстнаго пробѣга былъ бы не въ состояніи оказать какое нибудь противодѣйствіе въ случаѣ нападенія даже слабаго противника, въ особенности невыносливыми оказались регулярные офицеры“.

Между тѣмъ, тотъ же свидѣтель набѣга и, вообще, всего большого маневра, сводя изъ него выводы, говоритъ о тѣхъ же офицерахъ:

„Субалтернъ-офицеры, въ предѣлахъ своихъ обязанностей, въ сферѣ той обстановки, въ коей обыкновенно доводится имъ дѣйствовать, проявили себя съ хорошей стороны; энергичные въ исполненіи порученій, ловкіе въ преодолѣніи затрудненій, смѣлые и лихіе ѣздоки, наши офи-

[1]) Гражданскимъ властямъ приказано было доносить «Восточной» сторонѣ о всемъ замѣченномъ по отношенію «Западной», считавшейся непріятельской.

церы доказали, что они, за рѣдкимъ исключеніемъ, освоены съ картами и планами, и что въ особенности замѣчательно,— они часто умѣли оріентироваться въ положеніи и принимать самостоятельныя рѣшенія въ духѣ требованій тактики и общихъ указаній начальствующихъ лицъ. Такое положеніе дѣла нельзя не приписать, между прочимъ, и занятіямъ, введеннымъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ, и особенно практическимъ и живымъ задачамъ, которыя давались штабомъ округа. Кромѣ того, въ теченіе 6—8 дней похода къ исходнымъ пунктамъ маневровъ офицеры практиковались въ рѣшеніи самыхъ разнообразныхъ задачъ на мѣстѣ, провѣренныхъ гг. посредниками“ [1]).

Другой свидѣтель набѣга говоритъ о положеніи отряда по прибытіи его на Вислу:

„Общій выводъ мой изъ рейда, бывшаго подъ Варшавой, тотъ, что наша кавалерія, того времени, хотя и обладала очень хорошо сохранившимися лошадьми, но безусловно не была втянута въ продолжительныя движенія на большія разстоянія.

„Послѣ переправы нашей у Гуры-Кальваріи на плотахъ (что̀ заняло цѣлый день времени), мы тутъ же, на правомъ берегу имѣли дневку, всѣ отдыхали, а потомъ, потихоньку, мирнымъ движеніемъ подошли къ Ново-Минску“ (станція Варшаво-Брестской желѣзной дороги) [2]).

---

[1]) Отчетъ командированнаго по Высочайшему повелѣнію для присутствія при Варшавскомъ маневрѣ профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба Н. Н. Сухотина, представленный Военному Министру въ 1876 году послѣ помянутаго большого кавалерійскаго маневра. Отчетъ этотъ былъ доложенъ Императору Александру II и по Высочайшему повелѣнію отправленъ на заключеніе Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора кавалеріи, тогда уже Главнокомандующаго дѣйствующей арміей. Замѣчанія свои Великій Князь изложилъ въ особой запискѣ, приложенной къ письму къ Военному Министру отъ 5 марта 1877 года.

[2]) Письмо отъ 26 августа 1900 года П. Д. Паренсова, бывшаго посредникомъ при помянутомъ отрядѣ.

Отозвалось ли форсированное передвиженіе впослѣдствіи на лошадяхъ и въ какой мѣрѣ—свѣдѣній не имѣется. *Ред.*

Таковъ былъ результатъ форсированнаго передвиженія, несоразмѣреннаго съ тогдашнею подготовкою конницы, которая тѣмъ не менѣе способна была къ болѣе умѣреннымъ пробѣгамъ.

Въ томъ же 1876 году командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа произведенъ былъ, между прочимъ, двухсторонній двухдневный маневръ, въ которомъ участвовали одна пѣхотная и двѣ кавалерійскія дивизіи съ ихъ артиллеріею и одна стрѣлковая бригада; причемъ „2-я кавалерійская дивизія, выступивъ утромъ 27 августа изъ Сувалокъ, на другой день въ 11 часовъ утра вступила въ бой подъ Гродной (пройдя 100 верстъ). Люди имѣли видъ бодрый, лошади были свѣжи, отсталыхъ и больныхъ не было“ [1]).

Точно также удачнымъ оказался другой пробный пробѣгъ, произведенный по приказанію Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, уже въ званіи Главнокомандующаго дѣйствующей арміей, въ концѣ января 1877 года. Въ немъ участвовали двѣнадцать эскадроновъ и сотенъ съ одной конной батареей.

Въ первый день пробѣга участвующими частями пройдено отъ 80 до 90 верстъ; остальное разстояніе, верстъ 90, пройдено было въ два перехода, въ зимнее время при самой дурной погодѣ.

„Вообще результатомъ этой поѣздки—доносилъ Главнокомандующій на Высочайшее имя—я остался вполнѣ доволенъ. Онъ показалъ, что кавалерія ввѣренной мнѣ арміи вполнѣ готова къ производству переходовъ, которые дадутъ ей возможность являться на такихъ мѣстахъ, гдѣ противникъ и ожидать ея не можетъ“ [2]).

[1]) Приказъ по войскамъ Виленскаго военнаго округа 1876 года № 185. Для маневра войска выступили на бивуаки 25 августа, 26 данъ имъ отдыхъ, 27 и 28 числа произведенъ маневръ и 29—парадъ.

[2]) Изъ рапорта Главнокомандующаго дѣйствующей арміей Государю Императору отъ 6 февраля 1877 года изъ Одессы. Вотъ что въ немъ говорится по этому предмету:

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что хотя лошади русской кавалеріи, будучи вообще очень хорошо сохранены, и способны были къ довольно значительнымъ усиліямъ, но „втянуты“ онѣ не были; недостаточный притомъ опытъ въ передвиженіяхъ и пробѣгахъ болѣе продолжительныхъ, обязательно съ полнымъ вьюкомъ, часто отражался во время войны весьма неблагопріятно, въ видѣ значительнаго числа набитыхъ лошадей.

По охранительно-развѣдывательной службѣ „кавалерія, какъ значится въ помянутомъ „Отчетѣ“, находилась далеко отъ желательной степени совершенства, не смотря на то, что теорія и литература даютъ весьма достаточно выработанныхъ основаній и матеріала“.

«Въ теченіе послѣдней недѣли произведена была большая строевая кавалерійская поѣздка.

«Признавая, что способность къ быстрымъ движеніямъ на большія разстоянія должна составлять неотъемлемое качество кавалеріи, и что при постоянныхъ поѣздкахъ и ученіяхъ, которыя должны были производиться, согласно постоянныхъ моихъ требованій, кавалерія арміи должна быть достаточно подготовленною къ производству усиленныхъ маршей,—начальникъ Штаба арміи рѣшилъ произвести нѣкоторымъ частямъ довольно серьезное испытаніе.

«Для этого начальникъ Штаба, съ частью Полевого Штаба арміи, лично выступилъ 30 января изъ Кишинева съ обоими эскадронами Собственнаго Вашего Величества конвоя съ тѣмъ, чтобы черезъ Бендеры и Тирасполь прибыть въ Одессу двумя переходами, пройдя при этомъ около 170 верстъ. По пути должна была присоединиться 2-я бригада 11-й кавалерійской дивизіи (11-й гусарскій Изюмскій и 11-й Донской казачій полки) съ казачьею батареею, выступивъ изъ окрестностей Григоріополя и направившись на Тирасполь.

«Первый переходъ, не смотря на крайне неблагопріятную погоду, при сильнѣйшей бурѣ съ градомъ и снѣгомъ и большой гололедицѣ, отрядъ прибылъ по назначенію, сдѣлавъ въ этотъ день: Собственный Вашего Величества конвой и Штабъ—около 80, а 2-я бригада съ батареею—около 90 верстъ. Ни въ той, ни въ другой части отряда не было ни отсталыхъ, ни больныхъ.

«Желая прибыть въ Одессу непремѣнно засвѣтло, чтобы прямо съ похода представить мнѣ отрядъ, а между тѣмъ видя, что неблагопріятная погода, продолжавшаяся и ночью, крайне затруднитъ и замедлитъ маршъ, начальникъ Штаба сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вторая половина марша была исполнена не въ одинъ, а въ два перехода; а потому отрядъ прибылъ въ Одессу въ 2 часа дня на третій день по выступленіи съ квартиръ и прямо съ похода представился мнѣ на смотръ. Я нашелъ всѣ части въ отличномъ порядкѣ, людей и лошадей вполнѣ бодрыми и свѣжими; только Донская казачья № 4 батарея оказалась слабѣе кавалерійскихъ частей.

«Оставивъ отрядъ на нѣсколько дней въ Одессѣ, я вчера, 5 февраля, снова смотрѣлъ отрядъ и снова нашелъ его въ отличномъ видѣ, не замѣтивъ даже и слѣдовъ какой либо усталости. 7 февраля означенный отрядъ и прибывшая часть Полевого Штаба направятся обратно на свои квартиры».

Впрочемъ, тамъ же добавлено, что „было бы несправедливо полагать, что наша кавалерія совершенно не умѣетъ вести развѣдывательную службу; небольшія партіи (офицерскіе и унтеръ-офицерскіе разъѣзды) показали себя не разъ лихими, смѣлыми, энергическими и расторопными развѣдчиками, но за отсутствіемъ правильной организаціи дѣла развѣдыванія доставлявшіяся ими свѣдѣнія были запоздалыми, несоотвѣтственно провѣренными и не надлежащаго достоинства“ [1]).

Съ своей стороны командующій войсками Виленскаго военнаго округа нашелъ во время помянутаго выше маневра 1876 года, что, „по развѣдкѣ о противникѣ всѣ требованія безупречно выполнены 4-мъ уланскимъ полкомъ; дѣятельность и предпріимчивость разъѣздовъ, быстрота ихъ движеній и точное исполненіе возлагаемыхъ порученій не оставляютъ желать ничего лучшаго“. Этимъ подтверждается, что въ то время замѣчалась не разъ разница въ подготовкѣ частей кавалеріи и во взглядахъ на ея главныя задачи.

Нормальный боевой порядокъ русской конницы вполнѣ соотвѣтствовалъ идеѣ предохраненія своихъ фланговъ, охвата фланговъ противника и возможности повторенія удара [2]). Примѣнить его на Балканскомъ театрѣ войны не пришлось, такъ какъ русская конница не нашла себѣ тамъ достойнаго соперника. Она, напротивъ того, защищая хри-

---

[1]) Н. Н. Сухотинъ, въ томъ же помянутомъ отчетѣ 1876 года. Впрочемъ, именно въ Варшавскомъ военномъ округѣ, на основаніи приказа 1873 года № 225, производились спеціальныя упражненія кавалеріи по развѣдкамъ, провѣряемыя распоряженіями штаба округа, какъ это видно изъ послѣдующихъ приказовъ по тому же округу.

[2]) Нормальный боевой порядокъ, въ сущности пріуготовительный, указанный уставомъ еще для дивизіи прежняго состава, изъ трехъ бригадъ (по два четырехъ-эскадронныхъ полка въ каждой), былъ слѣдующій:

Впереди 3-я бригада, имѣя четыре эскадрона (по два отъ полка) развернутыми и по дивизіону въ колоннѣ 300 шаговъ позади и по 100 шаговъ внѣ наружныхъ фланговъ развернутыхъ эскадроновъ. Во 2-й линіи 2-я бригада 400 шаговъ за помянутыми дивизіонами, по полкамъ въ полковыхъ колоннахъ, равнялись внутренними флангами съ наружными флангами развернутыхъ эскадроновъ. Въ резервѣ 1-я бригада.

стіанское населеніе, зачастую сама вынуждена была размѣнивать себя на мелкую монету въ погонѣ за разбойничьими шайками черкесовъ и башибузуковъ.

Атаку на пѣхоту предполагалось вести съ разстояній 1.000—1.200 шаговъ рысью, затѣмъ фронтовымъ галопомъ и, наконецъ, карьеромъ; повторяя ударъ, если потребуется—неоднократно все свѣжими частями. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что убѣжденіе въ общемъ было противъ атакъ на пѣхоту.

Сводя все высказанное о подготовкѣ русской конницы до войны 1877—78 годовъ къ практическому выводу, приходится признать, что она въ конномъ сомкнутомъ строю обучена была вполнѣ, имѣла хорошо сохранившихся лошадей, способна была къ пѣшему бою. Вообще, она, не смотря на нѣкоторые пробѣлы, представляла для войны съ даннымъ противникомъ матеріалъ, отвѣчающій требованіямъ. Нѣкоторые недочеты могли чувствоваться развѣ въ дѣлѣ развѣдокъ, да и то не столько въ исполненіи самихъ развѣдокъ, сколько въ общихъ указаніяхъ и пользованія ими.

Въ указанномъ именно отношеніи, равно и въ другихъ неблагопріятно отразилась и на дѣятельности конницы прежняя обособленность разныхъ родовъ оружія, сведенныхъ въ армейскіе корпуса только передъ войною 1877—78 годовъ. Ощущались послѣдствія отъ недостаточныхъ совмѣстныхъ мирныхъ упражненій и отъ малаго еще взаимнаго ознакомленія какъ частей войскъ, такъ и отчасти самихъ начальниковъ. Къ этому въ кавалеріи именно присоединилось еще и то, что зарождавшаяся дѣйствительная органическая связь была прерываема съ самаго начала войны разными организаціонными импровизаціями, нарушавшими отношенія корпусовъ къ своей конницѣ и разбивавшими даже самыя кавалерійскія дивизіи.

Вообще, подъ вліяніемъ указанныхъ, а также и другихъ причинъ и отношеній, кавалерія была направляема свыше

не всегда удачно, а начальники ея иногда не были достаточно освѣдомлены относительно того, что̀ собственно отъ нихъ требовалось.

Русская артиллерія вынесла изъ Крымской войны главнымъ образомъ опытъ тяжелой крѣпостной Севастопольской борьбы, полевыя же дѣйствія не представляли данныхъ для измѣненія вообще взглядовъ на ея употребленіе въ бою, а слѣдовательно и на мирную подготовку тогдашней гладкостѣнной артиллеріи [1]).

Усовершенствованному мѣткому, дальнобойному оружію пѣхоты артиллерія пока ничего новаго противоставить не могла. Она сама, напротивъ того, стала искать защиты своей пѣхоты, которая въ принятыхъ боевыхъ порядкахъ должна была прикрывать артиллерію далеко впередъ выдвинутыми боевыми цѣпями.

По этимъ причинамъ артиллерія вынуждена была, въ свою очередь, прибѣгнуть къ нарѣзамъ, и въ Италіянской кампаніи 1859 года съ французской стороны уже дѣйствуютъ нарѣзныя пушки. Орудіе это не только возвращало артиллеріи прежнее преимущество дальнобойности сравнительно съ пѣхотой, но обладало еще замѣчательною мѣткостью.

Однако, артиллерія выиграла перевооруженіемъ своимъ гораздо менѣе, нежели пѣхота замѣной гладкоствольныхъ ружей новыми, нарѣзными. Выигрышъ пѣхоты былъ прямой безусловный. Огонь ея сдѣлался болѣе дальнимъ, болѣе мѣткимъ и, наконецъ (съ принятіемъ впослѣдствіи скорозарядныхъ образцовъ), она пріобрѣла возможность выпускать въ данное время количество выстрѣловъ несравненно большее противъ прежняго. Все это не потребовало никакихъ жертвъ; за пѣхотой оставалась большая вездѣ подвижность и способность вполнѣ использовать условія мѣстности.

---

[1]) Перевооруженіе полевой артиллеріи нарѣзными, съ казны заряжающимися, пушками началось въ 1866 году и окончилось въ 1870. Нѣсколько ранѣе, съ 1861 года, были приняты для части батарей (по одной на бригаду) нарѣзныя, съ дула заряжаемыя, пушки.

Артиллерія, напротивъ того, выигрывала съ принятіемъ новаго орудія небезусловно. Новое ея оружіе не являлось прямымъ усовершенствованіемъ прежняго; оно получило, отчасти, свойства совершенно особыя. Артиллерія потеряла прежнее рикошетное дѣйствіе, скорость стрѣльбы значительно понизилась и дѣйствіе картечи много ослабѣло противъ прежняго. А между тѣмъ, не сразу нашелся эквивалентъ, способный восполнить, въ желательной степени положительныя основныя свойства новаго оружія: дальность и точность боя.

Вообще, принятіе нарѣзныхъ пушекъ заставило измѣнить въ корнѣ систему подготовки артиллеріи къ бою. Съ этого времени русская артиллерія, подъ руководствомъ своего Августѣйшаго Фельдцейхмейстера, неустанно работала надъ своимъ совершенствованіемъ какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по отношенію своей боевой подготовки. При оцѣнкѣ успѣшности этой работы надо, однако, принять во вниманіе цѣлый рядъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ прямымъ слѣдствіемъ непропорціональность конечныхъ результатовъ сравнительно съ затраченными усиліями. Обстоятельства эти были слѣдующія:

Въ короткій срокъ со времени окончательнаго принятія нарѣзныхъ пушекъ, т. е. коренной перемѣны системы, до разсматриваемой войны слѣдовали одно за другимъ крупныя измѣненія всей матеріальной части артиллеріи. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется одна изъ главнѣйшихъ причинъ, оказывавшихъ неблагопріятное вліяніе на подготовку русской полевой артиллеріи, не дозволяя личному составу достаточно ознакомиться со свойствами и особенностями своего оружія и освоиться съ его употребленіемъ.

Въ еще большей степени неблагопріятно вліяли затруднительныя финансовыя условія. Громадные расходы, требовавшіеся для перевооруженія артиллеріи, и увеличеніе числа артиллерійскихъ частей почти въ полтора раза были,

видимо, причиною крайней экономіи въ отпускѣ боевыхъ припасовъ на практическія стрѣльбы артиллеріи.

На батарею, содержимую въ четырехъ-орудійной запряжкѣ, отпускалось въ годъ по 200 снарядовъ, а на содержимую въ восьми-орудійной запряжкѣ—всего 128 снарядовъ [1]). Если указанное количество не могло считаться достаточнымъ, то несравненно важнѣйшимъ еще зломъ являлось то обстоятельство, что изъ числа этихъ снарядовъ боевыхъ было всего восемь. Всѣ остальные, за исключеніемъ восьми картечей, были, ради экономіи, безъ разрывного заряда и снабжены вмѣсто ударныхъ трубокъ особыми вышибными трубками, дававшими небольшое количество дыма и не вполнѣ точно воспроизводившими зрительный эффектъ боевого выстрѣла.

Картечныхъ гранатъ съ дистанціонною трубкою, а съ 1876 года—діафрагменныхъ шрапнелей отпускалось въ годъ на батарею всего четыре, что̀, понятно, не давало возможности ознакомиться съ дѣйствіемъ этого могущественнаго снаряда.

Малое количество гранатъ съ разрывомъ, выпускавшихся обыкновенно на показныхъ стрѣльбахъ на близкія разстоянія, не давало, въ свою очередь, командному составу артиллеріи возможности убѣдиться на опытѣ въ малой дѣйствительности этого снаряда по нѣкоторымъ цѣлямъ при трудныхъ условіяхъ стрѣльбы.

Независимо того, на успѣхъ подготовки артиллеріи къ бою неблагопріятно вліяли неразработанность только что устанавливавшейся теоріи стрѣльбы нарѣзной артиллеріи и рутина строевого командnаго состава, воспитаннаго на принципахъ употребленія гладкостѣнныхъ пушекъ и недовѣрчиво относившагося къ новымъ методамъ стрѣльбы.

Для правильной постановки теоріи стрѣльбы нарѣзной артиллеріи потребовалась многолѣтняя работа цѣлаго ряда

[1]) Приказъ по артиллеріи 1872 г. № 142.

ученыхъ артиллеристовъ и достаточный опытъ командnаго строевого состава, чтобы проникнуться довѣріемъ къ основнымъ началамъ этой теоріи.

Блестящая мѣткость нарѣзныхъ орудій породила вначалѣ, подобно тому какъ и въ пѣхотѣ, стремленіе доводить стрѣльбу до полной степени точности.

Въ артиллеріи стали добиваться корректированія стрѣльбы путемъ возможно точнаго глазомѣрнаго опредѣленія разстояній точекъ паденія снарядовъ отъ цѣли (интерваловъ).

Практика мирнаго времени преимущественно по щитамъ крупныхъ размѣровъ (6 футовъ высоты и 20 арш. длины) не давала возможности убѣдиться въ несостоятельности этого метода стрѣльбы по цѣлямъ настоящихъ размѣровъ при боевыхъ условіяхъ. Дробныя мишени малыхъ размѣровъ, все-таки значительно превышавшія истинные размѣры боевыхъ цѣлей, появились лишь въ 1872 году, и практика въ стрѣльбѣ по таковымъ, въ связи съ малымъ отпускомъ боевыхъ снарядовъ, была недостаточна.

Общепринятый нынѣ способъ пристрѣлки артиллеріи путемъ захвата цѣли „въ вилку“ (между перелетомъ и недолетомъ) и послѣдовательнымъ половиненіемъ таковой по наблюденіямъ плюсовъ и минусовъ паденій снарядовъ, безъ опредѣленія интерваловъ, былъ оффиціально признанъ въ 1873 году, хотя и въ значительно несовершенномъ видѣ, но окончательно привился въ русской артиллеріи уже послѣ войны.

Однако, съ появленіемъ въ періодъ 1873—76 годовъ „Руководства по стрѣльбѣ“ полковника Шкларевича и „Проекта инструкціи стрѣльбы изъ полевыхъ пушекъ“, составленнаго начальникомъ Виленскаго учебнаго полигона полковникомъ Моллеромъ, многіе изъ батарейныхъ командировъ успѣли хотя теоретически ознакомиться съ истинными принципами артиллерійской пристрѣлки.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ частяхъ артиллеріи, какъ напримѣръ въ 3-й гвардейской бригадѣ починомъ

ея командира генерала Зиновьева стрѣльба еще до этого была поставлена на раціональныхъ началахъ.

Подготовка нижнихъ чиновъ артиллеріи была, въ общемъ, весьма хороша, особенно это относится до ѣздовыхъ и лаборатористовъ. Что касается обученія прислуги дѣйствіямъ при орудіяхъ, то на ней отражалось еще неблагопріятно стремленіе къ показной красотѣ одновременнаго и въ тактъ исполненія пріемовъ чинами цѣлой батареи. Къ веденію быстрой стрѣльбы при боевыхъ условіяхъ прислуга не была вполнѣ подготовлена. Что касается обученія наводчиковъ, то это отвѣтственное дѣло было предметомъ серьезнаго вниманія, но велось оно нѣсколько односторонне: преобладало стремленіе къ идеальной точности наводки въ хорошо видимую цѣль. На обученіе наводкѣ при трудныхъ условіяхъ, встрѣчаемыхъ въ дѣйствительности, было обращено менѣе вниманія. Сильно отражалось также на обученіи наводчиковъ ихъ прямому дѣлу стремленіе къ передачѣ имъ чисто офицерскихъ обязанностей. Такъ, напримѣръ, наводчики упражнялись въ производствѣ математическихъ вычисленій, имѣвшихъ цѣлью корректированіе выстрѣловъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ рекомендовалось вести стрѣльбу такъ, чтобы наводчики имѣли практику въ подобныхъ упражненіяхъ. Поэтому практическая стрѣльба производилась чаще всего слѣдующимъ порядкомъ:

Батарейный командиръ назначалъ, обыкновенно, дистанцію лишь для перваго выстрѣла, послѣ чего наводчики вели пристрѣлку почти самостоятельно.

Наводчикъ выстрѣлившаго орудія наблюдалъ разстоянія паденія снаряда относительно цѣли, что̀ при стрѣльбѣ на полигонахъ на малыя дистанціи по большимъ щитамъ вообще удавалось, хотя и требовало большого навыка. Навыкъ этотъ не имѣлъ, однако, никакого боевого значенія, такъ какъ опредѣленіе на глазъ интерваловъ паденія снарядовъ

отъ цѣли на боевыхъ дистанціяхъ и по боевымъ цѣлямъ почти невозможно. Опредѣливъ интервалъ, наводчикъ соображалъ, переводя сажени глазомѣрно опредѣленнаго интервала въ линіи прицѣла, сколько именно линій или частей линіи прицѣла слѣдуетъ прибавить или убавить для того, чтобы слѣдующимъ выстрѣломъ попасть въ цѣль.

Вообще, въ то время въ артиллеріи проводился въ жизнь принципъ самостоятельности наводчиковъ.

Въ программѣ практической стрѣльбы 1872 года [1]) сказано было: „Цѣль практической стрѣльбы полевыхъ батарей должна состоять въ томъ, чтобы въ кратчайшее время и наименьшимъ числомъ выстрѣловъ научиться пріискивать наилучшую высоту прицѣла для дѣйствованія съ мѣткостью противъ предметовъ, разстояніе до которыхъ неизвѣстно, на всякой мѣстности, и въ образованіи самостоятельныхъ наводчиковъ, т. е. такихъ, которые безъ всякаго посторонняго вмѣшательства могли бы выполнить эту задачу“. Въ главѣ же „О родахъ практической стрѣльбы“ говорится, что „боевая практическая стрѣльба производится въ батареяхъ для образованія хорошихъ наводчиковъ, т. е. такихъ, которые навыкли бы сами, безъ всякаго посторонняго указанія, скоро и хорошо пристрѣливаться, т. е. находить наилучшую высоту прицѣла“.

Примѣненіе на практикѣ этого принципа обнаружило, однако, его слабыя стороны, и въ 1874 году появилась статья генерала Зиновьева, въ которой принципу самостоятельности наводчиковъ противополагался принципъ „единоличнаго управленія огнемъ батареи ея командиромъ“.

Съ этого года указанный принципъ былъ примѣняемъ на практической стрѣльбѣ батарей Одесскаго и Виленскаго округовъ и нашелъ выраженіе въ упомянутомъ выше

[1]) Приказъ по артиллеріи 1872 г. № 117.

„Проектѣ инструкціи стрѣльбы изъ полевыхъ пушекъ, изданіе 1876 года“ и служитъ руководящимъ началомъ веденія огня артиллеріи по настоящее время.

Изъ сказаннаго видно, что артиллерія, убѣдившись въ несостоятельности одного изъ важнѣйшихъ основаній своей боевой подготовки, не имѣла въ большинствѣ округовъ достаточно времени, чтобъ освоиться съ началами, прямо противоположными первымъ.

Подготовка строевыхъ артиллерійскихъ офицеровъ по ихъ спеціальному дѣлу была сильно затруднена недостаточнымъ отпускомъ снарядовъ и отсутствіемъ, выработанныхъ только впослѣдствіи, комнатныхъ упражненій (при помощи разныхъ приборовъ, записныхъ книжекъ и т. п.). Спеціальныя упражненія въ выборѣ позицій и маневрированія производились лишь мѣстами съ 1873 года въ Варшавскомъ округѣ. Упражненій въ тактикѣ огня, т. е. въ выборѣ цѣлей, распредѣленіи по нимъ огня батарей въ зависимости отъ ихъ тактическаго значенія, управленія огнемъ и пр. тогда не существовало. Знакомство офицеровъ артиллеріи съ прочими родами оружія и ихъ тактикой было, въ общемъ, не вполнѣ достаточное. Не малое вліяніе на успѣхъ боевой подготовки артиллеріи имѣло обремененіе батарейныхъ командировъ сложнымъ батарейнымъ хозяйствомъ.

Общимъ слѣдствіемъ изложеннаго выше были недостаточный навыкъ въ стрѣльбѣ при трудныхъ условіяхъ (дальнія дистанціи, плохая видимость цѣлей и проч.) и недостаточное знакомство съ дѣйствіемъ своихъ снарядовъ по боевымъ цѣлямъ.

Однако, не въ этихъ только, указанныхъ здѣсь, слабыхъ сторонахъ боевой подготовки артиллеріи слѣдуетъ искать причины неблагопріятныхъ отзывовъ, слышавшихся иногда послѣ войны 1877—78 годовъ относительно участія артиллеріи въ общей войсковой работѣ. Важнѣйшею причиною слѣдуетъ считать отсутствіе въ русской артиллеріи, какъ и въ

артиллеріи всего міра въ семидесятые годы, надежныхъ средствъ для борьбы съ противникомъ, прыкрытымъ земляными насыпями. Опытъ Крымской кампаніи, въ теченіе которой гладкостѣнная артиллерія играла такую видную роль въ Севастопольской борьбѣ, подавалъ надежду, что роль артиллеріи въ борьбѣ съ укрѣпленными позиціями при дальнѣйшемъ ея совершенствованіи еще болѣе повысилась, а между тѣмъ случилось какъ разъ обратное.

Принявъ нарѣзъ, а съ нимъ вмѣстѣ удлиненный снарядъ, разрывающійся въ точкѣ удара, артиллерія въ значительной степени усилила свое дѣйствіе по открытымъ войскамъ; пораженіе же закрытыхъ насыпями было ничтожно.

Поражать врага въ укрѣпленіяхъ и окопахъ гранатою можно было только съ фланговыхъ позицій, чѣмъ, однако, мало пользовались [1]).

Дѣйствіе шрапнели въ войнѣ 1877—78 годовъ было несравненно выше. По открытымъ цѣлямъ дѣйствіе ея было превосходно. При косвенномъ огнѣ можно было, хотя и слабо, поражать даже противника, прикрытаго насыпями. Къ сожалѣнію, небольшая полезная дальность $7^{7}/_{8}$-секундной дистанціонной трубки (800 саженъ) и, отчасти, новизна этого снаряда дѣлали употребленіе его крайне рѣдкимъ. Съ появленіемъ въ небольшомъ количествѣ двухъ-ярусныхъ 15-секундныхъ трубокъ, а также 10-секундныхъ (какъ сказано въ главѣ четвертой) къ шрапнели стали прибѣгать гораздо чаще. Во всякомъ случаѣ, и шрапнель не могла замѣнить отсутствія навѣснаго огня, для чего требовалась наличность спеціальнаго орудія—мортиры, которой русская полевая артиллерія не располагала. Попытки производства навѣснаго огня изъ полевыхъ орудій путемъ примѣненія уменьшенныхъ зарядовъ не увѣнчались успѣхомъ и въ

[1]) Свойства снарядовъ изложены подробно въ главѣ IV.

1874 году навѣсная стрѣльба была исключена изъ числа упражненій полевой артиллеріи.

Слабость дѣйствія нарѣзной артиллеріи противъ врага, прикрытаго насыпями, была замѣчена и раньше, въ особенности въ войнѣ 1870—71 годовъ, но не была достаточно оцѣнена, такъ какъ обороняющійся не часто прибѣгалъ къ земляннымъ закрытіямъ, довольствуясь, обыкновенно, приведеніемъ мѣстныхъ предметовъ въ оборонительное положеніе, главнымъ же образомъ потому, что превосходство силъ наступающаго, въ особенности въ артиллеріи, при способности его къ маневрированію дѣлало это неблагопріятное обстоятельство мало замѣтнымъ.

Зато въ войнѣ 1877—78 годовъ указанный коренной недостатокъ нарѣзной артиллеріи проявилъ себя въ полной силѣ, такъ какъ, при оборонительномъ способѣ веденія войны, турки мастерски и постоянно прибѣгали къ земляннымъ закрытіямъ. Съ другой же стороны, высшіе начальники въ русской арміи во многихъ случаяхъ прибѣгали просто къ открытымъ штурмамъ укрѣпленныхъ позицій.

Названный недостатокъ артиллеріи, какъ рода оружія, вообще въ данную эпоху необходимо постоянно имѣть въ виду при разборѣ сраженій войны 1877—78 годовъ.

Но едва ли не болѣе замѣтное вліяніе на неполный успѣхъ совмѣстной работы артиллеріи съ другими родами оружія оказало недостаточное знакомство высшихъ начальниковъ со свойствами нарѣзной артиллеріи. Послѣдніе, въ общемъ, значительно преувеличивали способность артиллеріи къ разрушенію земляныхъ насыпей и въ то же время не вѣрили, чтобы она могла бороться съ огнемъ пѣхоты и вообще дѣйствовать въ его сферѣ. Широко было распространено мнѣніе, что „артиллерія противъ стрѣлковъ безсильна“.

Въ такомъ духѣ велось и обученіе артиллеріи въ мирное время, о чемъ свидѣтельствуютъ замѣчанія артиллерійскимъ частямъ, сдѣланныя въ свое время старшими

начальниками, за выѣздъ артиллеріи въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня [1]).

Особенно часто повторяемыми въ эту войну ошибками были или совершенное отсутствіе артиллерійской подготовки, или, наоборотъ, заблаговременная исключительно артиллерійская подготовка, не сопровождаемая одновременными наступательными дѣйствіями пѣхоты. Слѣдствіемъ такого порядка было то, что закрытый противникъ, которому не представлялось неизбѣжной необходимости выходить на банкеты, не терпѣлъ никакихъ пораженій, оставаясь за закрытіями. Наоборотъ, съ началомъ наступленія пѣхоты, старшіе начальники, опасаясь пораженія своихъ, часто приказывали артиллеріи переносить огонь на другія цѣли или прекращать его вовсе. Вслѣдствіе этого противникъ получалъ возможность поражать наступающую пѣхоту безнаказанно. Польза, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямая необходимость въ предоставленіи артиллеріи фланговыхъ позицій съ цѣлью сопровожденія пѣхотной атаки артиллерійскимъ огнемъ до предѣловъ возможности недостаточно сознавалась. Наконецъ, со стороны старшихъ начальниковъ замѣчалась часто склонность къ открытію огня съ дальнихъ дистанцій, внѣ предѣла дѣйствительнаго огня артиллеріи, что̀ вело лишь къ безцѣльной тратѣ снарядовъ.

Не менѣе вредное вліяніе на дѣйствія артиллеріи оказывала разброска артиллеріи въ боевыхъ порядкахъ какъ по фронту, такъ и въ глубину. Если иногда и стремились къ сосредоточенію артиллерійскихъ массъ, то понимали таковое часто исключительно въ смыслѣ соединенія многихъ орудій на одной общей позиціи, а не въ смыслѣ сосредоточенія огня многихъ батарей на одномъ общемъ участкѣ непріятельскаго фронта.

[1]) «Дневникъ и замѣтки» А. Н. Куропаткина свидѣтельствуетъ, что послѣдствія такихъ взглядовъ неблагопріятно отозвались во время войны.

Инженерныя войска были любимымъ дѣтищемъ Императора Николая I, который много потрудился надъ ними еще будучи Великимъ Княземъ въ должности Генералъ-Инспектора по инженерной части. Блистательная служба инженеровъ и саперъ въ Крымскую войну доказала, что они стояли вполнѣ на высотѣ требованій. Поэтому послѣ окончанія войны не потребовалось коренныхъ перемѣнъ въ обученіи этихъ войскъ, развѣ только дальнѣйшее, постепенное совершенствованіе въ уровень съ новыми требованіями, въ число коихъ современемъ вошло дѣло телеграфное, а затѣмъ и желѣзнодорожное.

Для сближенія инженернаго корпуса съ войсками и строевою ихъ дѣятельностью установлено было въ 1863 году правило, чтобы офицеры, передъ поступленіемъ въ Николаевскую инженерную академію, служили предварительно въ войскахъ не менѣе двухъ лѣтъ.

По почину и по ближайшимъ указаніямъ генералъ-адъютанта Тотлебена, Товарища Генералъ-Инспектора по инженерной части, практическія занятія саперъ получили вполнѣ раціональное направленіе и производились въ размѣрахъ все болѣе и болѣе обширныхъ. Обращено было особое вниманіе на совокупныя занятія саперъ и артиллеріи съ цѣлью сближенія этихъ спеціальныхъ родовъ оружія и разъясненія нѣкоторыхъ общихъ для нихъ вопросовъ, въ особенности по атакѣ и оборонѣ крѣпостей. Начало этому положено въ 1865 году въ сборѣ подъ Варшавой.

Независимо другихъ совмѣстныхъ занятій, произведена была впослѣдствіи, въ 1868 году, артиллерійская опытная стрѣльба по упраздненной крѣпости Фридрихсгамъ и саперныя работы по возведенію батарей и предохраненію отъ выстрѣловъ.

Вообще, русскія инженерныя войска передъ войной 1877—78 годовъ стояли на высотѣ своего назначенія, и если ощущались какіе либо пробѣлы, то относились они только

къ общей организаціи, но отнюдь не касались самихъ частей и отдѣльныхъ чиновъ.

Однако, вслѣдствіе незаконченной еще организаціи инженерныхъ войскъ случалось, что ощущался недостатокъ ихъ даже тамъ, гдѣ они были крайне нужны [1]).

Штабы дивизій и корпусовъ (по возобновленіи послѣднихъ передъ самой войной) поручались исключительно офицерамъ генеральнаго штаба, прошедшимъ курсъ академіи. Изъ ихъ же состава избирались за малыми лишь исключеніями и начальники штабовъ военныхъ округовъ. Офицеры генеральнаго штаба занимали и другія штабныя должности.

Доступъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, въ видахъ удовлетворенія всѣмъ этимъ потребностямъ и вообще поднятія уровня военнаго образованія въ арміи, былъ значительно расширенъ послѣ войны 1854—56 годовъ.

Для предварительнаго ознакомленія съ войсками срокъ службы въ строю до поступленія въ академію увеличенъ впослѣдствіи до четырехъ лѣтъ.

Далѣе, съ шестидесятыхъ годовъ, принято было, чтобы офицеры генеральнаго штаба, по возможности, проходили чрезъ командованіе отдѣльными частями войскъ. Наконецъ, въ 1872 году было постановлено, чтобы они, до зачисленія въ кандидаты на должность командировъ полковъ, обязательно до того командовали ротами и баталіонами или эскадронами и дивизіонами кавалеріи.

---

[1]) При новыхъ условіяхъ боя, требующаго частаго примѣненія окопнаго дѣла даже при атакѣ, въ особенности ощутительно было для войскъ недостаточное число саперныхъ частей, тѣмъ болѣе, что сами войска, не имѣя необходимаго количества шанцеваго инструмента и при маломъ навыкѣ, были въ этомъ отношеніи почти безсильны.

Такъ, въ августѣ 1877 года въ отрядѣ князя Имеретинскаго (болѣе 20 баталіоновъ), въ коемъ находился генералъ Скобелевъ, была одна только команда саперъ изъ 40 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ, да и то случайно въ него попавшая. Между тѣмъ вполнѣ авторитетный личный свидѣтель и участникъ третьяго штурма Плевны положительно утверждаетъ, что при своевременномъ прибытіи нѣсколькихъ ротъ саперъ со всѣми необходимыми инструментами въ ночь съ 30 на 31 августа на позицію, отбитую Скобелевымъ предъ самымъ городомъ Плевной, «участь сраженія, вѣроятно, была бы иная». («Дневникъ и замѣтки» А. Н. Куропаткина).

Сближенію генеральнаго штаба съ войсками не мало способствовали какъ самая служба въ войсковыхъ штабахъ, связанная съ занятіями войскъ въ полѣ, такъ и участіе въ качествѣ руководителей при теоретическихъ занятіяхъ строевыхъ офицеровъ.

Для лучшей подготовки собственно къ службѣ генеральнаго штаба добавленъ въ академіи въ 1869 году особый „дополнительный курсъ“, а съ 1871 года начались, такъ называемыя, полевыя поѣздки офицеровъ генеральнаго штаба. Въ поѣздкахъ этихъ участвовали также и офицеры спеціальныхъ войскъ—артиллерійскихъ и инженерныхъ.

Поѣздки, соединенныя съ военной игрой на картахъ, а иногда и на мѣстности, преслѣдовали, сверхъ образовательныхъ цѣлей, еще цѣли прямо практическія по рѣшенію вопросовъ стратегическихъ и военно-топографическихъ.

Вообще, офицеры съ академическимъ образованіемъ представляли для штабной службы военнаго времени матеріалъ достаточно подготовленный, а отчасти и выдающійся. Ихъ служба не прошла безслѣдно также и въ дѣлѣ успѣховъ тактической подготовки, достигнутой русской арміей со времени Крымской войны.

Офицеры, съ академическимъ образованіемъ, служившіе въ то время въ штабахъ войскъ, оказали весьма значительное и благотворное вліяніе на неизбѣжный переходъ отъ стараго къ новому, въ обширномъ смыслѣ этого понятія. Они помогали своимъ начальникамъ двигать впередъ дѣло совершенствованія войскъ, зачастую же на нихъ падала немалая доля или даже вся тяжесть самаго почина дѣла. Вообще, слѣдуетъ признать, что рѣзкій переходъ отъ стараго къ новому послѣ Крымской войны, свершившійся безъ коренныхъ перемѣнъ въ составѣ начальствующихъ лицъ и безъ нарушенія самой системы ихъ выбора, возможенъ былъ только при повсемѣстномъ вліяніи однороднаго корпуса офицеровъ генеральнаго штаба.

На нихъ же преимущественно лежало дальнѣйшее совершенствованіе войскъ и проповѣдываніе раціональнаго взгляда на это дѣло въ печати. Изъ рядовъ же генеральнаго штаба, наперекоръ противнымъ, плацпарадным, теченіямъ, впервые за то время отозвался неумолкавшій съ того времени голосъ, напоминавшій забытую на время истину, что „въ мирное время надо учить тому только, что̀ нужно для войны“ [1]).

Распространеніе маневровъ и тактическихъ ученій было прямымъ послѣдствіемъ новаго теченія въ мирной подготовкѣ войскъ, порожденнаго Восточной войной 1854—56 годовъ. Соотвѣтственныя упражненія производились какъ въ сборахъ частныхъ, такъ и общихъ при участіи всѣхъ родовъ оружія.

Сборы эти прочно установились съ 1865 года, съ того времени, когда части войскъ, отвлеченныя польскимъ мятежомъ, заняли уже свое расположеніе и могли приступить къ нормальнымъ занятіямъ.

Сборы войскъ получили скоро такое развитіе, что почувствовалась необходимость въ новыхъ, обезпеченныхъ за войсками, лагерныхъ мѣстахъ; почему съ 1869 года разрабатывался проектъ устройства постоянныхъ лагерей. Съ этою цѣлью избрано было 27 пунктовъ для войскъ собственно Европейской Россіи (исключая Кавказа и Оренбургскаго края), для сбора 28 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій, 34 артиллерійскихъ и 2 саперныхъ бригадъ.

Число частей, участвовавшихъ въ сборахъ, постепенно увеличивалось. Въ сборахъ участвовало:

Въ 1871 году 393 бат., 286 эск. и сот. и 170 батар.
„ 1876 „ 460 „ 321 „ „ 253 „

Сборы, гдѣ было возможно, производились въ двѣ очереди.

Первое мѣсто въ числѣ сборовъ войскъ занималъ Красносельскій лагерь. Въ немъ и въ окрестностяхъ его

[1]) М. И. Драгомировъ.

собирались войска Петербургскаго военнаго округа. Многое испытываемое тамъ и болѣе или менѣе установившееся принималось затѣмъ и въ другихъ округахъ, по неимѣнію тогда по многимъ отдѣламъ подготовки войскъ новыхъ общеобязательныхъ положеній, согласованныхъ съ требованіями современнаго боя. Съ указанной цѣлью ознакомленія, съ 1865 года, командировались въ Красносельскій лагерь поочередно отъ другихъ округовъ начальствующія лица и офицеры генеральнаго штаба.

Въ 1870 году разосланъ былъ помянутый уже выше „Проектъ инструкціи для полевыхъ занятій войскъ“, для руководства войскамъ въ постепенномъ переходѣ отъ однихъ полевыхъ занятій къ другимъ.

Проектъ этотъ не только указывалъ виды занятій войскъ и постепенную ихъ послѣдовательность, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремился къ тому, чтобы каждый видъ занятій поставить на должное мѣсто, сообразно относительной его важности при примѣненіи на дѣлѣ во время военныхъ дѣйствій. Наконецъ, „Проектъ“ связывалъ ученія и маневры съ настоящимъ боемъ, предлагая „маневры съ боевыми патронами и зарядами“.

Въ своемъ мѣстѣ, по поводу подготовки пѣхоты, указаны уже причины неполнаго привитія указаній „Проекта“. Тѣ же причины повліяли и на то, что маневры съ боевыми патронами и зарядами вообще не вышли до войны изъ предѣловъ показныхъ упражненій, въ коихъ участвовала лишь самая незначительная часть войскъ. Причиною тому былъ, конечно, недостатокъ соотвѣтственныхъ пространствъ, но болѣе общею—это новизна дѣла, а главное—разныя другія требованія, не всегда несовмѣстимыя съ раціональной боевой подготовкой.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что въ сущности не было власти, способной настоятельно провести въ дѣло указанія свыше, въ особенности совершенно новыя и далеко

не вполнѣ согласованныя съ формой и духомъ другихъ привычныхъ войскамъ требованій.

Самое направленіе занятій въ каждомъ родѣ оружія въ отдѣльности, а равно также и общее руководство совмѣстными занятіями всѣхъ трехъ родовъ оружія всецѣло лежали на начальствѣ военныхъ округовъ. Нельзя не замѣтить, что начальство это по самому положенію дѣлъ не въ состояніи было замѣнить настоящихъ прямыхъ строевыхъ начальниковъ, которыхъ войска лишились съ упраздненіемъ корпусовъ.

На окружномъ начальствѣ и безъ того лежали другія весьма существенныя обязанности. Наконецъ, число единицъ, непосредственно подчиненныхъ командующему войсками округа, было несравненно больше бывшихъ въ подчиненіи корпуснаго командира [1]).

Окружное начальство, давая указанія, не въ состояніи было слѣдить постоянно за исполненіемъ и вообще за надлежащей подготовкой войскъ. Все это лежало на начальникахъ дивизій или отдѣльныхъ бригадъ, которые, въ свою очередь, имѣли въ постоянномъ подчиненіи единственно части одного рода оружія, встрѣчаясь съ другими только въ общихъ сборахъ.

Размѣры совмѣстныхъ упражненій разныхъ родовъ оружія, по числу участвовавшихъ частей, продолжительности и охватываемымъ пространствамъ, зависѣли отчасти отъ взглядовъ на дѣло, а главнымъ образомъ отъ наличности имѣвшихся въ распоряженіи средствъ.

Понятно, что на обыденныхъ учебныхъ мѣстахъ при лагеряхъ невозможно было разыграть маневровъ болѣе крупныхъ и продолжительныхъ. Но съ распространеніемъ ихъ внѣ учебныхъ полей связанъ былъ общій вопросъ о вознагражденіи

---

[1]) Напримѣръ: въ Варшавскомъ военномъ округѣ находились до войны восемь пѣхотныхъ дивизій, двѣ стрѣлковыя бригады, одна саперная, четыре кавалерійскихъ дивизіи и одна отдѣльная бригада, итого шестнадцать отдѣльныхъ, непосредственно подчиненныхъ частей, не считая четырехъ крѣпостныхъ и восьми пѣшихъ бригадъ артиллеріи.

за потопки и объ источникѣ соотвѣтственныхъ расходовъ, который въ то время въ законодательномъ порядкѣ разработанъ не былъ. Обстоятельство это ограничивало просторъ, а съ нимъ и прочіе размѣры маневровъ, въ особенности въ мѣстностяхъ съ болѣе развитой сельской и огородной культурой [1]).

Разница между округами была, въ этомъ отношеніи, громадна. Такъ, напримѣръ, въ Петербургскомъ округѣ, благодаря свойствамъ мѣстности и удѣляемымъ средствамъ, производились весьма крупные маневры, продолжавшіеся дней 8—12, между тѣмъ какъ войска, собиравшіяся подъ Варшавой, отъ всего округа въ двѣ очереди, несмотря на все желаніе, должны были ограничиваться маневромъ съ однимъ только ночлегомъ внѣ своихъ лагерей или стоянокъ, такъ какъ боевое столкновеніе обязательно приходилось пригонять къ своимъ военнымъ полямъ [2]).

Продолжительность и размѣры маневровъ въ другихъ округахъ зависѣли отъ обстановки. Выше упомянуто уже о болѣе крупномъ маневрѣ въ Виленскомъ округѣ въ 1876 году. Въ общемъ же нельзя считать, чтобы тогдашніе маневры (грѣшившіе притомъ нерѣдко стремленіемъ къ картинности) служили достаточнымъ упражненіемъ какъ для войскъ, такъ и для ихъ начальниковъ.

Къ этому присоединилось еще одно важное обстоятельство: войска того времени не совершали уже такихъ большихъ переходовъ, какъ бывало прежде, при систематической перемѣнѣ квартиръ въ извѣстные сроки. Передвиженія въ общіе сборы и обратно не бывали значительны и отчасти со-

[1]) Средства на вознагражденіе за потопки выдавались только за маневры въ Высочайшемъ присутствіи. На вознагражденіе за потопки во время большого кавалерійскаго маневра въ Варшавскомъ округѣ въ 1876 году потребовалось особое ходатайство, и деньги были выданы не скоро.

[2]) Вознаграждалось это отчасти „осенними малыми маневрами“, обыкновенно въ теченіе октября, въ окрестностяхъ расположенія частей; занятія эти получили полное развитіе во всѣхъ родахъ оружія съ 1873 года (приказъ по Варшавскому округу № 225).

вершались по желѣзнымъ дорогамъ. Съ другой стороны, въ то время не было введенныхъ впослѣдствіи „подвижныхъ сборовъ“.

Хотя помянутый „Проектъ“ 1871 года и указывалъ на „практическія походныя движенія“, но онъ ограничивалъ ихъ зимнимъ временемъ, по два раза въ мѣсяцъ, при размѣрѣ передвиженія для пѣхоты и артиллеріи въ 20 верстъ, а въ кавалеріи и конной артиллеріи—25—30 верстъ. Отъ послѣднихъ требовалось „сѣдлать съ вьюкомъ“. О ношѣ пѣхоты ничего не упомянуто, да и вообще не заботились о пріученіи къ ношѣ одиночнаго человѣка.

Такимъ образомъ, за отсутствіемъ должныхъ систематическихъ маршевыхъ упражненій, оказалось, что войска не были достаточно втянуты, не пріобрѣли практикой походныхъ сноровокъ какъ во время движенія, такъ и отдыха.

Относится это одинаково и ко многимъ начальникамъ, изъ коихъ, притомъ, не всѣ умѣли соразмѣрять маршевыя усилія своихъ войскъ съ соотвѣтственнымъ отдыхомъ и сразу найтись въ обстановкѣ далекой отъ привычной—мирной.

Послѣдствія того и другого не замедлили обнаружиться въ военной практикѣ, въ особенности вначалѣ.

Вотъ что̀ значится по этому поводу въ одномъ изъ отчетовъ:

„Желаніе отомстить врагу христіанства и поработать для дѣла освобожденія своихъ братій отъ ига турокъ было всеобщимъ и дивизія, несмотря на громадные труды, встрѣченные ею на первыхъ порахъ пути, бодро шла впередъ, горя желаніемъ скорѣе посчитаться съ врагомъ.

„Отсталыхъ было очень мало, но тяжелая ноша всетаки давала себя знать, въ особенности, когда наступили жаркіе дни при движеніи за Прутомъ. Многіе изъ болѣе слабохарактерныхъ не выдерживали и для облегченія себя выкидывали тѣ вещи, которыя были для нихъ тогда менѣе

нужны и въ которыхъ скорой надобности не предвидѣлось. Начали съ рукавицъ и наушниковъ, а потомъ побросали набрюшники и даже фуфайки и сапоги, которые были поплоше.

„Затѣмъ, когда уже нижніе чины освоились съ походными порядками, явилось много пристроившихся къ обозу, гдѣ можно было положить и ранецъ на повозку, а подчасъ присѣсть“ [1]).

Вотъ еще личныя наблюденія вполнѣ авторитетнаго участника войны:

„Многіе пѣхотные офицеры, двигаясь походнымъ порядкомъ, не знаютъ, куда идутъ и черезъ какія деревни проходятъ. Карты театра войны между ними рѣдкость.

„Солдаты, двинутые въ походъ въ 8—9 часовъ утра, должны дѣлать переходъ въ самое жаркое время. Они растягиваются, отходятъ въ сторону отъ дороги, пьютъ всякую встрѣчную воду, ѣдятъ недозрѣлые плоды и на все это обращается очень малое вниманіе. Отсталые подтягиваются еще глубокою ночью. Предпріимчивая непріятельская кавалерія могла бы порубить многихъ.

„Останавливаясь на ночлегъ или привалъ, пѣхотинцы, отдѣльными людьми и небольшими партіями, отправляются часто безоружными за нѣсколько верстъ отъ расположенія частей. Предлогъ: покупка скота и фуража. Иногда ихъ рубятъ, какъ было при стоянкѣ въ Какринѣ 13 августа.

„Располагаясь на бивакъ или стоянку, при малѣйшемъ невниманіи со стороны начальства, безобразятъ мѣстность чуть не у самыхъ козелъ ружей. Войсковыя кухни испускаютъ зловоніе, какъ отхожія мѣста, вслѣдствіе массы гніющихъ остатковъ битаго скота.

---

[1]) Приведенное значится въ „Отчетѣ“ одной изъ тѣхъ пѣхотныхъ дивизій, надъ настоящей боевой подготовкой коей потрудились въ мирное время гораздо болѣе, нежели надъ многими другими дивизіями,—дивизіи, которая въ прочихъ отношеніяхъ блистательно оправдала примѣненные къ ней пріемы боевой подготовки.

„На переходѣ небольшого отряда генерала Скобелева отъ д. Иглау къ Какрину, несмотря на то, что подъ ранцы были наняты особыя подводы, отсталыхъ за время перехода было очень много. Непривычка къ движенію въ жару сказалась очень сильно: на сотню осталыхъ только нѣсколько человѣкъ были со стертыми ногами.

„Казенныя повозки съ офицерскими вещами, чрезмѣрно нагруженныя и запряженныя всего двумя лошадьми, затрудняли движеніе.

„День 19 августа только начинался, а солдаты этихъ баталіоновъ при началѣ наступленія уже имѣли свои манерки опорожненными. Они, передъ подъемомъ на высоты, проходили воду внѣ выстрѣловъ, но никто не предупредилъ ихъ, чтобы они ее набрали.

„Частные начальники, введя свои части на боевыя позиціи, часто уже, въ большинствѣ, не считаютъ нужнымъ заботиться о желудкѣ своихъ солдатъ, считая, что для боя — патроны и для желудка — сухари составляютъ все, что̀ нужно.

„Начальнику отряда приходится дѣлать распоряженія о нарядѣ командъ для подноски воды на позицію, отдавать приказанія, чтобы во всѣхъ частяхъ варилась въ тылу пища, наконецъ заботиться, чтобы эта пища была доставлена солдатамъ. Обыкновенно, при самомъ сильномъ боѣ, ночью наступаетъ затишье, и всегда можно подвезти или поднести ужинъ, хотя часто простывшій, на позицію. Въ крайности можно удовлетвориться выдачею на руки одной говядины“ [1]).

Сводя сказанное о тактической подготовкѣ русской арміи вообще, приходится добавить, что не все, замѣченное въ общемъ, относится одинаково ко всѣмъ войскамъ въ частности; равно какъ и приведенныя наблюденія участниковъ

[1]) «Дневникъ и замѣтки» А. Н. Куропаткина.

войны не могутъ быть распространены одинаково на всѣ, безъ исключенія, другія части, въ особенности Кавказскія, благодаря все свѣжему еще военному ихъ опыту. Кромѣ того, разница въ подготовкѣ между разными частями войскъ бывала весьма значительна въ зависимости отъ случайнаго состава начальниковъ и другихъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій.

Однако, нельзя не признать, что въ подготовкѣ русской арміи того времени замѣчались вообще довольно важные пробѣлы, которые и не замедлили обнаружиться при провѣркѣ боевою дѣйствительностью.

ГЛАВА VI.

Военно-морскія силы Россіи.

Военно-морскія силы Россіи передъ войною 1877—78 г.г.—Судовой составъ.—Боевыя суда, ихъ вооруженіе и распредѣленіе по флотамъ и флотиліямъ.—Управленіе судами и эскадрами.—Личный составъ флота.—Морское образованіе и боевая подготовка.—Торговый флотъ.—Порты.—Черноморскій театръ войны.—Содѣйствіе сухопутнымъ войскамъ.

Ъ появленіемъ въ иностранныхъ флотахъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ брони и нарѣзной артиллеріи русскій флотъ былъ поставленъ въ такое же положеніе, въ какомъ онъ очутился въ эпоху Крымской войны—изобрѣтенія винтового двигателя. Улучшить состояніе флота въ скорое время не предвидѣлось возможности какъ по причинѣ неудовлетворительнаго состоянія судостроительной техники, такъ и, главнымъ образомъ, по недостатку денежныхъ средствъ. По этимъ причинамъ пришлось отказаться отъ мысли создать въ короткое время необходимый Россіи оборонительный и наступательный флотъ. Въ виду этого, рѣшено было, прежде всего, озаботиться безопасностью береговъ, для чего и начать съ постройки судовъ оборонительнаго типа, а потомъ уже перейти къ сооруженію судовъ, годныхъ для плаванія въ океанѣ и для дѣйствій наступательныхъ. Однако, даже и эта задача могла быть выполнена лишь постепенно.

При коренномъ измѣненіи военнаго судостроенія со времени введенія брони стали во множествѣ возникать проекты различныхъ типовъ судовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своихъ горячихъ сторонниковъ и противниковъ. Переходъ отъ этихъ проектовъ къ практическому ихъ осуществленію въ русскомъ флотѣ требовалъ большой осмотрительности, особенно въ виду недостатка средствъ и громадной стоимости броненосцевъ.

Впрочемъ, несмотря на относительную новизну дѣла, почти всѣ судостроители пришли къ убѣжденію въ несовмѣстимости въ одномъ типѣ всѣхъ условій, требуемыхъ отъ современныхъ военныхъ судовъ. Для прибрежной войны, т. е. для атаки и обороны портовъ, требовались броненосцы съ толстою бронею и артиллеріею самыхъ большихъ калибровъ, тогда какъ для крейсерства и плаванія въ океанахъ нужны были суда, прежде всего обладающія быстрымъ ходомъ и большимъ запасомъ угля. Первымъ условіямъ лучше всего удовлетворяли башенные, а вторымъ—бортовые, рангоутные [1]) броненосцы.

Этимъ и объясняется преобладаніе въ русскомъ военномъ флотѣ башенныхъ броненосцевъ: ихъ передъ войною 1877—78 годовъ было 20 на 29 всѣхъ наличныхъ тогда броненосцевъ.

Въ результатѣ: Балтійскій флотъ получилъ цѣлый рядъ судовъ, спеціально предназначенныхъ для обороны Кронштадта и Петербурга (сначала мониторы и башенныя лодки, затѣмъ батареи и башенные фрегаты) и лишь впослѣдствіи мореходные броненосцы, а Черноморскій—двѣ „поповки“ [2]) для обороны Керчи, Днѣпровскаго лимана и другихъ прибрежныхъ пунктовъ.

---

[1]) Способные ходить подъ парусами.

[2]) «Поповками» назывались, по имени изобрѣтателя ихъ, адмирала Попова, круглыя, плоскодонныя броненосныя суда. Для стрѣльбы при большихъ углахъ поворота вращались не орудійныя установки, какъ на судахъ башеннаго типа, а самыя суда.

Осуществленіе всего этого потребовало затраты большихъ средствъ, такъ что впослѣдствіи, когда была сознана необходимость перейти къ созданію самаго важнаго элемента всякой морской силы — наступательнаго флота, то не оказалось нужныхъ для этого средствъ, да и поздно уже было.

Передъ началомъ Русско-Турецкой войны 1877—78 годовъ военно-морскія силы Россіи состояли изъ двухъ флотовъ: Балтійскаго и Черноморскаго, и трехъ флотилій: Каспійской, Сибирской (Тихій океанъ) и Аральской. Изъ нихъ послѣдняя содержалась на средства Военнаго Министерства и находилась въ полномъ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа.

По *судовому списку* флота къ 1 января 1877 года, число различныхъ военныхъ судовъ (за исключеніемъ тѣхъ, которыя не имѣли никакого боевого значенія) было слѣдующее:

Въ Балтійскомъ флотѣ: 1) броненосныхъ: 1 корабль, 10 фрегатовъ, 3 батареи, 3 лодки, 10 мониторовъ; 2) неброненосныхъ: а) паровыхъ: 1 фрегатъ, 7 корветовъ, 7 клиперовъ, 4 пароходо-фрегата, 3 морскихъ парохода, 2 транспорта, 1 миноносецъ и 1 канонерская лодка; б) парусныхъ: 2 корвета [1]).

Въ Черноморскомъ флотѣ: а) броненосныхъ: 2 поповки; б) неброненосныхъ: 4 корвета, 20 пароходовъ, 14 шхунъ, 1 барказъ, 5 катеровъ и 7 миноносныхъ шлюпокъ [2]).

[1]) Броненосныя суда: корабль «Петръ Великій»; фрегаты: «Севастополь», «Петропавловскъ», «Князь Пожарскій», «Мининъ», «Генералъ-Адмиралъ», «Герцогъ Эдинбургскій», «Адмиралъ Лазаревъ», «Адмиралъ Грейгъ», «Адмиралъ Чичаговъ», «Адмиралъ Спиридовъ»; батареи: «Первенецъ», «Не тронь меня», «Кремль»; лодки: «Смерчъ», «Чародѣйка», «Русалка»; мониторы: «Ураганъ», «Тифонъ», «Стрѣлецъ», «Единорогъ», «Броненосецъ», «Латникъ», «Лава», «Перунъ», «Вѣщунъ», «Колдунъ»; неброненосныя суда: фрегатъ «Свѣтлана»; корветы: «Воевода», «Гридень», «Баянъ», «Богатырь», «Варягъ», «Витязь», «Аскольдъ», «Бояринъ» и «Гилякъ»; клипера: «Гайдамакъ», «Всадникъ», «Жемчугъ», «Алмазъ», «Изумрудъ», «Крейсеръ», «Джигитъ»; пароходо-фрегаты: «Олафъ», «Смѣлый», «Рюрикъ», «Храбрый»; морскіе пароходы: «Владиміръ», «Волга», «Днѣпръ»; миноносецъ «Взрывъ»; канонерская лодка «Ершъ»; транспорты: «Артельщикъ» и «Красная Горка».

[2]) Поповки: «Новгородъ» и «Вице-Адмиралъ Поповъ»; неброненосныя суда: корветы: «Соколъ», «Воинъ», «Львица», «Память Меркурія»; пароходы: «Эльборусъ», «Турокъ»,

Въ Каспійской флотиліи — неброненосныхъ паровыхъ: 3 лодки, 4 парохода и 2 шхуны [1]).

Въ Сибирской флотиліи — неброненосныхъ паровыхъ: 1 клиперъ, 4 шхуны, 2 транспорта и 3 лодки [2]).

Въ Аральской флотиліи: 5 пароходовъ и 1 паровой барказъ [3]).

Изъ всѣхъ судовъ флота собственно боевыми, болѣе или менѣе удовлетворяющими современнымъ требованіямъ, могли считаться лишь броненосцы (числомъ 29); если же прибавить къ нимъ 19 неброненосныхъ паровыхъ судовъ (1 фрегатъ, 18 корветовъ и клиперовъ) и 8 миноносокъ, то, въ общемъ, сила русскаго военнаго флота сводилась къ 56 судамъ весьма различнаго боевого значенія. При сравненіи этой силы съ современными флотами другихъ первоклассныхъ державъ, она оказывалась весьма незначительною, тѣмъ болѣе, что суда численно преобладавшія въ русскомъ флотѣ далеко не отвѣчали всѣмъ военно-морскимъ требованіямъ того времени. Главною тому причиною было то, что въ Россіи, какъ и въ прочихъ государствахъ, тогда еще не установился, да и не могъ установиться вполнѣ опредѣленный взглядъ на цѣлесообразность того или другого типа военныхъ судовъ.

Наибольшею силою изъ всѣхъ башенныхъ судовъ отличался типъ корабля, единственнымъ представителемъ котораго въ русскомъ флотѣ былъ „Петръ Великій“. Онъ считался въ то время однимъ изъ самыхъ сильныхъ броненосцевъ,

---

«Инкерманъ», «Сулинъ», «Тамань», «Прутъ», «Эрикликъ», «Гальванеръ» (минный), «Аккерманъ», «Батюшка», «Волтунъ», «Братецъ», «Голубчикъ», «Дочка», «Крикунъ», «Матушка», «Опытъ», «Родимый», «Сестрица», «Метеоръ» (послѣдніе 12 пріобрѣтены были въ октябрѣ 1876 года отъ Русскаго Общества пароходства и торговли); шхуны: «Донъ», «Салгиръ», «Псезуапе» «Келасуры», «Туапсе», «Соукъ-су», «Редутъ-Кале», «Казбекъ», «Вомборы», «Пицунда», «Ингулъ», «Абинъ», «Новороссійскъ», «Генечъ».

[1]) Лодки: «Тюлень», «Сѣкира», «Пищаль»; пароходы: «Уралъ», «Наср-Эддин-Шахъ», «Баку», «Аракъ»; шхуны: «Персіянинъ» и «Хивинецъ».

[2]) Клиперъ «Абрекъ»; шхуны: «Алеутъ», «Востокъ», «Ермакъ», «Тунгузъ»; транспорты: «Японецъ» и «Манджуръ»; лодки: «Моржъ», «Горностай», «Соболь».

[3]) Пароходы: «Перовскій», «Аралъ», «Сыръ-Дарья», «Самаркандъ» и «Ташкентъ».

даже по отношенію къ другимъ флотамъ. Будучи типичнымъ представителемъ такъ называемыхъ мореходныхъ броненосцевъ, онъ не могъ, однако, по многимъ причинамъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ океанской крейсерской службы.

Къ числу остальныхъ броненосцевъ принадлежали слѣдующіе:

1) Башенные фрегаты („Адмиралъ Лазаревъ“, „Адмиралъ Грейгъ“, „Адмиралъ Чичаговъ“ и „Адмиралъ Спиридовъ“), а также башенныя лодки („Смерчъ“, „Русалка“ и „Чародѣйка“), отличавшіяся отъ фрегатовъ лишь нѣсколько меньшими размѣрами и меньшимъ калибромъ орудій,—принадлежали къ усовершенствованному типу судовъ береговой обороны. По своимъ размѣрамъ и мореходнымъ качествамъ они вполнѣ пригодны были для плаванія по Финскому заливу и вблизи береговъ Балтійскаго моря.

2) Всѣ десять мониторовъ Балтійскаго флота представляли собою первый и чистѣйшій типъ башенныхъ судовъ береговой обороны; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показалъ опытъ, они не лишены были и нѣкоторыхъ морскихъ качествъ, дававшихъ имъ возможность удаляться отъ береговъ. Наконецъ, обѣ „поповки“, выстроенныя спеціально для обороны Черноморскаго прибрежья, обладавшія толстою бронею и сильною артиллеріею, при маломъ углубленіи, представляли, такъ сказать, пловучія батареи, которымъ тоже, однако, не совсѣмъ чужды были кое-какія морскія качества.

3) Бортовые, рангоутные броненосцы распадались на два главнѣйшіе типа: батареи и фрегаты.

4) Батареи („Первенецъ“, „Не тронь меня“ и „Кремль“) были первыми броненосными судами, появившимися въ русскомъ флотѣ, и представляли собою одинъ изъ переходныхъ типовъ отъ деревянныхъ судовъ къ броненоснымъ. Первоначально онѣ назначались для обороны Кронштадта;

однако, по сравненію съ соотвѣтствующими судами другихъ флотовъ, онѣ должны были считаться неудовлетворяющими своему назначенію. Кромѣ того, плохія морскія качества батарей дѣлали невозможнымъ употребленіе ихъ въ качествѣ судовъ дальняго плаванія или крейсеровъ.

Среди броненосныхъ батарейныхъ фрегатовъ были деревянные и желѣзные. Первые („Петропавловскъ“ и „Севастополь“) представляли собою другой переходный типъ отъ деревянныхъ судовъ къ броненоснымъ. Начатые постройкою какъ обыкновенныя суда, они, въ виду измѣнившихся требованій военно-морского дѣла, были покрыты бронею, толщиною до $4^1/_2$ дюймовъ. При такой тонкой бронѣ и слабости артиллеріи (не болѣе 8 дюймовъ) суда эти являлись не совсѣмъ пригодными для береговой обороны, но зато ихъ удовлетворительныя морскія качества позволяли разсчитывать на успѣшную дѣятельность въ качествѣ крейсеровъ, если не въ заграничныхъ водахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Балтійскомъ морѣ.

Изъ числа трехъ желѣзныхъ фрегатовъ („Князь Пожарскій“, „Генералъ-Адмиралъ“, „Герцогъ Эдинбургскій“) [1]), первый принадлежалъ къ типу казематированныхъ, а другіе два носили названіе полуброненосныхъ. Суда эти, особенно „Генералъ-Адмиралъ“ и „Герцогъ Эдинбургскій“, могли съ успѣхомъ нести стаціонерную службу въ дальнихъ водахъ и совершать океанскіе переходы, но для крейсерской службы не вполнѣ годились вслѣдствіе недостаточныхъ помѣщеній для запасовъ угля.

Недостатокъ броненосцевъ, способныхъ къ крейсерству въ дальнихъ водахъ, до нѣкоторой степени могъ быть восполненъ судами деревянными. Они, конечно, не были въ

[1]) Послѣдніе два были заложены въ 1870 году въ Петербургѣ на частныхъ заводахъ, но совершенно изготовлены къ плаванію: «Генералъ-Адмиралъ»—въ 1878, а «Герцогъ Эдинбургскій» только въ 1880 году. Этотъ примѣръ лучше всего свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ состояніи судостроительной техники въ Россіи и зависѣвшей отъ этого, а также отъ финансовыхъ затрудненій и другихъ причинъ, медленности постройки и вооруженія судовъ.

состояніи бороться съ броненосцами [1]), но, обладая относительно сильною артиллеріею, порядочнымъ ходомъ подъ парами и парусами, а равно и возможностью довольно долго держаться въ морѣ, могли успѣшно нести крейсерскую службу. Сильнѣйшимъ представителемъ такихъ судовъ въ концѣ 1876 года былъ единственный и послѣдній въ русскомъ флотѣ фрегатъ „Свѣтлана“, заново тимберованный [2]) и снабженный въ 1874 году новыми котлами. Остальныя, т. е. корветы и клипера, будучи вполнѣ надежными мореходными судами, значительно уступали „Свѣтланѣ“ въ боевомъ отношеніи [3]).

Затѣмъ, къ числу боевыхъ судовъ могли быть отнесены еще три канонерскія лодки Сибирской флотиліи, которыя предполагалось вооружить 6-дюймовыми нарѣзными орудіями, и одна Балтійскаго флота, снабженная однимъ 11-дюймовымъ орудіемъ и предназначенная спеціально для береговой обороны.

Наконецъ, на Черномъ морѣ нѣкоторымъ подспорьемъ для слабыхъ тамъ морскихъ силъ являлись миноносныя шлюпки (числомъ семь), частію построенныя уже въ 1877 году.

Остальныя суда русскаго флота (пароходо-фрегаты, яхты, шхуны, пароходы и др.) не имѣли боевого значенія, а служили только для портовыхъ и маячныхъ надобностей, транспортной службы и пр., хотя къ содѣйствію нѣкоторыхъ изъ нихъ, за отсутствіемъ въ Черномъ морѣ болѣе подходящихъ судовъ, и приходилось прибѣгать во время войны.

Большинство судовъ было вооружено стальными нарѣзными, скрѣпленными кольцами орудіями, причемъ величина калибра (12, 10, 9, 8 и 6-дюймовыя) обусловливалась для

[1]) Это и не входитъ, собственно, въ задачу крейсеровъ, но считаться съ такою, весьма возможною, случайностью необходимо.

[2]) Капитально исправленный.

[3]) Въ числѣ клиперовъ было два новыхъ желѣзныхъ, изъ серіи восьми неброненосныхъ крейсеровъ, предназначенныхъ къ постройкѣ.

каждаго судна его водоизмѣщеніемъ, размѣрами и конструкціею. Кромѣ того, для вооруженія судовыхъ шлюпокъ и отраженія минныхъ атакъ имѣлись 9 и 4-фунтовыя нарѣзныя пушки и картечницы.

Въ дополненіе къ артиллерійскому вооруженію, нѣкоторыя суда получили еще и минное, состоявшее изъ минъ Гарвея, бортовыхъ, буксирныхъ и шестовыхъ. Послѣдними вооружались также гребныя суда и паровые катера.

Для вооруженія судовой команды, на всѣ суда отпускались шести-линейныя винтовки (системы Баранова), револьверы въ 4,2 линіи (системы Галлана и Кольта) и палаши.

Главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за судно и за команду, какъ по строевой, такъ и по хозяйственной части, являлся его командиръ, которому подчинялись всѣ судовые офицеры и нижніе чины.

На время плаваній суда соединялись въ отряды и эскадры, командованіе которыми вручалось флагманамъ, обыкновенно назначаемымъ изъ адмираловъ. При флагманахъ, на время плаванія, формировались особые штабы.

Нѣсколько соединенныхъ эскадръ составляли флотъ, подъ начальствомъ главнокомандующаго, при которомъ долженъ былъ состоять штабъ, обыкновенно подъ начальствомъ особаго адмирала. Суда, не вошедшія въ составъ эскадръ и отрядовъ, или находились въ самостоятельномъ отдѣльномъ плаваніи, или же получали какое-либо спеціальное назначеніе.

Таково было, въ общихъ чертахъ, состояніе русскихъ боевыхъ судовъ и судовой организаціи къ концу 1876 года. Что̀ касается *личнаго состава*, то организація его къ тому времени представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Весь корпусъ офицеровъ комплектовался: 1) флотскими—производствомъ гардемариновъ изъ воспитанниковъ Морского училища, Николаевскихъ юнкерскихъ классовъ и изъ вольноопредѣляющихся; 2) чинами спеціальныхъ корпусовъ, т. е.

флотскими штурманами, морскими артиллеристами, инженеръ-механиками и корабельными инженерами—производствомъ кондукторовъ изъ воспитанниковъ Морского Техническаго училища; 3) инженерами Морской строительной части—переводомъ изъ корпуса военныхъ инженеровъ; 4) состоящими по адмиралтейству—переводомъ изъ флота и изъ другихъ вѣдомствъ, а также производствомъ изъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, въ составъ чиновъ морского вѣдомства входили и гражданскіе чиновники.

Общій срокъ службы (дѣйствительной и въ запасѣ) согласно Уставу о воинской повинности установленъ былъ для офицеровъ 7-лѣтній, причемъ тѣ изъ нихъ, которые получали образованіе въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ, должны были за каждый учебный годъ, проведенный въ спеціальныхъ классахъ, прослужить $1^1/_2$ года на дѣйствительной службѣ. Офицерскій запасъ и такъ называемое морское ополченіе (2-я категорія запаса) представляли необходимый резервъ на случай мобилизаціи флота. Къ сожалѣнію, по своимъ незначительнымъ размѣрамъ, онъ не могъ удовлетворить вполнѣ этому назначенію.

Нижними чинами флотъ комплектовался первое время при помощи рекрутскихъ наборовъ. Такой порядокъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, существовалъ до введенія въ 1874 году всеобщей воинской повинности. Прежняя система мало обращала вниманія на спеціальныя требованія морской службы. Во флотъ назначались люди изъ рекрутовъ, на общихъ основаніяхъ, не всегда достаточно крѣпкаго сложенія, что́ особенно требуется условіями морской службы, причемъ родъ ихъ прежнихъ занятій почти вовсе не принимался въ соображеніе. Между тѣмъ, давно уже во всѣхъ государствахъ лучшимъ въ этомъ отношеніи контингентомъ считались матросы коммерческаго флота и жители приморскихъ мѣстностей. Недостатокъ тѣхъ и дру-

гихъ въ странѣ преимущественно континентальной, какова Россія, представлялъ, на первыхъ порахъ, при осуществленіи этого принципа не мало затрудненій.

Въ 1853 году сдѣлана была первая попытка привлечь исключительно для службы во флотѣ населеніе двухъ приморскихъ губерній—Архангельской и Астраханской. За нею послѣдовали вскорѣ и другія, но всѣ онѣ не оправдали ожиданій Морского Министерства, главнымъ образомъ, по вышеупомянутымъ уже естественнымъ, такъ сказать, причинамъ. Чтобы восполнить недостающее число мало-мальски подготовленныхъ для морской службы рекрутовъ, пришлось обращаться къ населенію прирѣчныхъ и приозерныхъ мѣстностей, и въ 1867 году Морскому Министерству предоставлено было право выбора наиболѣе желательныхъ для него въ этомъ смыслѣ раіоновъ, съ обращеніемъ ихъ въ исключительное распоряженіе флота.

Всѣ подобныя мѣры нашли себѣ возможно полное осуществленіе въ новомъ Уставѣ 1874 года, въ основу котораго легли два весьма важные для преуспѣянія морской силы принципа: во-первыхъ, предоставленіе нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи исключительно для надобностей морского вѣдомства и, во-вторыхъ, назначеніе изъ всего остального контингента во флотъ бывшихъ матросовъ, машинистовъ, кочегаровъ, мастеровыхъ и лицъ, имѣющихъ призваніе къ морской службѣ. Первый наборъ далъ изъ всего количества потребныхъ для флота новобранцевъ 25% людей, подготовленныхъ къ морскому дѣлу, но уже въ періодъ войны 1877—78 годовъ процентъ этотъ возросъ до 80, несмотря на то, что столь богатая морскимъ населеніемъ Финляндія не подлежала набору.

Самый срокъ службы, бывшій сначала пожизненнымъ, затѣмъ постепенно ограничиваемый, сократился по новому Уставу 1874 года до 10 лѣтъ, изъ которыхъ 7 лѣтъ дѣйствительной службы и 3 года въ запасѣ. Всѣ поступавшіе на

службу новобранцы зачислялись, послѣ принятія ими присяги, въ матросы 2-й статьи [1]). Повышеніе въ 1-ю статью производилось, въ зависимости отъ успѣховъ и поведенія нижнихъ чиновъ, обыкновенно, не ранѣе второго года службы. При комплектованіи судовыхъ командъ принято было за правило назначать въ составъ ихъ третью часть матросовъ 1-й статьи и двѣ трети матросовъ 2-й статьи. Нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія именовались боцманами, боцманматами и квартирмейстерами [2]).

Со введеніемъ всеобщей воинской повинности флотъ получилъ возможность располагать извѣстнымъ количествомъ резерва, въ формѣ *запаса* (3 годовыхъ контингента) и ополченія (12 годовыхъ контингентовъ). Важное значеніе такого резерва для всякаго флота, а тѣмъ болѣе для русскаго, очевидно. Приготовленіе значительнаго количества потребныхъ для него спеціалистовъ, благодаря упомянутымъ уже выше неблагопріятнымъ условіямъ, представляло громадныя затрудненія и требовало непосильныхъ затратъ. Поэтому пришлось пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы перечисленіемъ въ запасъ увеличивать резервъ флота, размѣры котораго колебались въ предѣлахъ отъ 3 до 19 тысячъ. Подобный резервъ пріобрѣталъ особенную цѣнность въ случаѣ мобилизаціи, затрудняемой, между прочимъ, и принятой въ Уставѣ 1874 года *смѣшанной* системой комплектованія, по которой люди поступаютъ изъ разныхъ губерній, нерѣдко отстоящихъ на тысячу и болѣе верстъ отъ мѣста расположенія частей.

Вскорѣ 7-лѣтній срокъ оказался недостаточнымъ для основательнаго ознакомленія съ требованіями морской

---

[1]) Предназначавшіеся же изъ нихъ къ спеціальной службѣ—въ машинисты и кочегары 2-й статьи.

[2]) Первыхъ можно было бы, отчасти, приравнять къ фельдфебелямъ, но это, собственно, чисто морское, судовое званіе, ставящее боцмана на кораблѣ выше фельдфебелей ротъ, составляющихъ судовую команду. Боцманматы—старшіе, а квартирмейстеры—младшіе унтеръ-офицеры.

службы, почему уже въ 1875 году признано было необходимымъ привлекать на сверхсрочную службу различными льготами и привилегіями наиболѣе свѣдущихъ и опытныхъ людей, преимущественно спеціалистовъ.

Начиная съ 1863 года, стала ежегодно выходить особая, утверждаемая адмиралтействъ-совѣтомъ, *табель комплектаціи*. Она опредѣляла количество офицеровъ и нижнихъ чиновъ различныхъ спеціальностей, потребныхъ для судовыхъ командъ, экипажей, школъ и другихъ частей и учрежденій морского вѣдомства, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніемъ для учета призываемыхъ новобранцевъ.

Въ дополненіе къ этой табели составлялись по статистическимъ даннымъ росписанія офицеровъ, гражданскихъ и медицинскихъ чиновъ строевого и берегового состава. Къ 1 января 1877 года ихъ состояло 4 тысячи слишкомъ человѣкъ [1]), причемъ противъ комплекта недоставало 48 оберъ-офицеровъ. Недочетъ этотъ могъ быть легко пополненъ производствомъ гардемариновъ и кондукторовъ, равно какъ и призывомъ офицеровъ резерва, состоявшихъ въ безсрочномъ отпуску и уволенныхъ для службы на коммерческихъ судахъ. Число нижнихъ чиновъ собственно строевого состава (судовыя команды) простиралось къ этому же времени до 25.076 человѣкъ. Пополненіе недостающаго числа 495 человѣкъ не могло тоже представить особыхъ затрудненій, такъ какъ обезпечивалось новымъ наборомъ и призывомъ запаса, насчитывавшаго тогда болѣе 5.400 человѣкъ.

За хозяйственную и административную единицу личнаго состава въ русскомъ флотѣ принята была рота. Судовая команда каждаго изъ боевыхъ судовъ состояла изъ одной или нѣсколькихъ ротъ, смотря по величинѣ судна. Для высшаго административнаго и строевого надзора на берегу роты соединялись въ болѣе крупныя единицы, которымъ

[1]) Въ томъ числѣ: 123 адмирала и генерала; 763 штабъ-офицера; 2.274 оберъ-офицера; 797 чиновниковъ; 144 гардемариновъ и кондукторовъ.

присвоено названіе экипажей. Къ каждому экипажу приписаны были суда, количество коихъ разсчитывалось такъ, чтобы, въ зависимости отъ численности судовыхъ командъ, онъ состоялъ, приблизительно, изъ 2.000 человѣкъ. Состоявшіе въ экипажахъ офицеры ежегодно, на особомъ собраніи флагмановъ и капитановъ, росписывались по судамъ, предназначеннымъ въ кампанію, т. е. въ плаваніе.

Весь строевой личный составъ флота раздѣлялся на гвардейскій, 12 флотскихъ и кадровый экипажи, полуэкипажъ и 2 отдѣльныя роты. Распредѣленіе ихъ было слѣдующее:

Въ Балтійскомъ флотѣ: Гвардейскій экипажъ (въ С.-Петербургѣ), 8 флотскихъ экипажей (первые 7 въ Кронштадтѣ и одинъ, 8-й, въ С.-Петербургѣ); Ревельскій полу-экипажъ (въ Ревелѣ); Финскій кадровый экипажъ (въ Гельсингфорсѣ); Финляндская и Архангельская флотскія роты (въ Гельсингфорсѣ и Архангельскѣ)

Въ Черноморскомъ флотѣ: 2 флотскихъ экипажа, 1-й и 2-й (въ Николаевѣ).

Въ Каспійской и Сибирской флотиліяхъ по одному экипажу (въ Баку и Владивостокѣ).

Чины Аральской флотиліи особаго экипажа или роты не составляли.

Морское дѣло, и прежде трудное и сложное, сдѣлалось съ переходомъ отъ парусныхъ флотовъ къ паровымъ и броненоснымъ еще значительно сложнѣе. Пропорціонально колоссальному развитію техники росла потребность въ различнаго рода спеціалистахъ, не только офицерахъ, но и нижнихъ чинахъ. А между тѣмъ, подготовка послѣднихъ сдѣлалась, вслѣдствіе сокращенія срока службы, и безъ того затруднительною. Если, при этомъ, принять еще во вниманіе нѣкоторыя особенности организаціи морской силы, требующія всегдашней боевой готовности отъ всякаго вышедшаго въ море военнаго судна, въ мирное или военное время—без-

различно, то легко себѣ представить, сколько чрезвычайныхъ усилій и матеріальныхъ затратъ потребовалось для всесторонней подготовки личнаго состава въ эту переходную эпоху. Подготовка эта заключалась въ теоретическомъ образованіи въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и командахъ, въ береговой службѣ и въ практическихъ плаваніяхъ.

Морскія учебныя заведенія подверглись въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кореннымъ преобразованіямъ, въ основу которыхъ положены были слѣдующія начала: 1) отдѣленіе общаго образованія отъ спеціальнаго; 2) состязательныя пріемныя испытанія; 3) расширеніе доступа къ морскому образованію лицамъ различныхъ сословій, и 4) усиленіе средствъ для практическаго ознакомленія съ морскимъ дѣломъ. По многимъ, однако, причинамъ реформа не была доведена до конца, и самыя основы ея подверглись, съ теченіемъ времени, различнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ.

Морской кадетскій корпусъ преобразованъ былъ въ Морское училище, а штурманское, артиллерійское и инженерное училища морскаго вѣдомства слились въ одно общее Техническое училище. Въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ установленъ былъ четырехъ-годичный курсъ, съ однимъ общеобразовательнымъ и тремя спеціальными классами, причемъ въ первое изъ нихъ принимались по состязательному экзамену молодые люди въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ, прошедшіе, приблизительно, пять классовъ гимназіи, а во второе—отъ 15 до 17 лѣтъ, съ познаніями, соотвѣтствующими четыремъ классамъ, исключая древніе языки.

Воспитанники обоихъ учебныхъ заведеній, въ видахъ лучшаго ознакомленія съ требованіями морской службы до занятія въ ней отвѣтственныхъ должностей, выпускались не прямо въ офицеры, а въ гардемарины и кондукторы. Въ этомъ переходномъ званіи они должны были прослужить на судахъ двѣ кампаніи, подъ руководствомъ и, такъ

сказать, опекой своихъ ближайшихъ начальниковъ, послѣ чего ихъ подвергали практическому испытанію и производили въ офицеры.

Учрежденные въ 1872 году въ Николаевѣ юнкерскіе классы, давая весьма ограниченные выпуски, занимали въ комплектованіи флота офицерами второстепенное мѣсто [1]).

Для высшаго морского образованія офицеровъ флота и корпусовъ существовалъ съ 1827 года при Морскомъ корпусѣ офицерскій классъ, преобразованный затѣмъ въ 1862 году въ Академическій курсъ морскихъ наукъ и переименованный, наконецъ, въ 1877 году, по случаю своего пятидесятилѣтняго юбилея, въ Николаевскую морскую академію. Онъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: гидрографическаго, механическаго и кораблестроительнаго, съ двухъ-годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Съ 1874 года положено было допускать на первое изъ нихъ офицеровъ флота и корпуса флотскихъ штурмановъ, если они сдѣлали не менѣе двухъ трехъ-мѣсячныхъ кампаній, а на послѣдніе два—офицеровъ флота и всѣхъ корпусовъ. Пріемы и выпуски производились разъ въ два года, причемъ допускались и вольнослушатели.

Съ 1862 года по 1876 включительно получили высшее морское образованіе, считая и вольнослушателей по отдѣльнымъ предметамъ, 76 человѣкъ, въ томъ числѣ офицеровъ флота—42. Кромѣ того, въ 1873 году окончили курсъ въ Михайловской артилерійской академіи 3 флотскихъ офицера.

Несмотря на всѣ преобразованія, морская академія не могла вполнѣ удовлетворять своему назначенію, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, за отсутствіемъ въ ней спеціально военно-морского отдѣленія, гдѣ на-ряду съ предметами математическими преподавались бы необходимыя всякому флотскому офицеру военныя науки: стратегія, тактика, морская исторія и проч., а во-вторыхъ, за

[1]) Для испытанія на званіе гардемарина черноморскіе юнкера одно время прикомандировывались къ Морскому училищу.

ограниченностью отпускавшихся ей средствъ [1]). Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, академія давала своимъ слушателямъ солидную теоретическую подготовку, не отвѣчавшую, однако, вполнѣ требованіямъ строевой морской службы.

Главною и лучшею школою для подготовки личнаго состава къ военно-морской дѣятельности являлись, безъ сомнѣнія, *практическія плаванія*, заграничныя и внутреннія. Первыя, по самой сущности своей, были особенно цѣнны въ этомъ отношеніи: онѣ закаливали личный составъ и знакомили его съ чужими странами и флотами. Русскій флотъ все чаще сталъ появляться въ дальнихъ водахъ, главнымъ образомъ въ Средиземномъ морѣ и Тихомъ океанѣ, и появленіе это не разъ получало политическое значеніе. Такъ, напримѣръ, считалось нужнымъ содержать постоянно особый отрядъ въ греческихъ водахъ [2]), на долю котораго выпало въ 1860 году участвовать, вмѣстѣ съ эскадрами Англіи и Франціи, въ охранѣ интересовъ христіанъ въ Сиріи. Во время возстанія на островѣ Кандіи въ 1866 году русскія суда перевезли до 25.000 семействъ инсургентовъ въ Грецію.

Дѣятельность Тихо-океанской эскадры [3]) заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Суда ея поперемѣнно назначались въ крейсерство для наблюденія за иностранцами, посѣщающими берега и острова Приморской области, и появленіе русскихъ военныхъ судовъ въ моряхъ крайняго востока въ то время, когда завязывались сношенія могущественнѣйшихъ морскихъ державъ Европы съ Японіей и Китаемъ, не мало содѣй-

[1]) Въ то время, какъ бюджетъ Морского училища достигалъ 250.000 рублей, на академію ассигновывалось менѣе 18.000 рублей, т. е. около 7% первой суммы.

[2]) Къ 1 января 1877 года, подъ флагомъ контръ-адмирала И. Бутакова: фрегаты «Свѣтлана» и «Петропавловскъ», корветы «Аскольдъ» и «Богатырь», клиперъ «Крейсеръ», шхуны «Псезуапе» и «Келасури». Всего 7 вымпеловъ и, не считая картечницъ, 86 нарѣзныхъ орудій, отъ 4-фунтоваго до 8-дюймоваго калибра.

[3]) Къ тому же времени, подъ флагомъ контръ-адмирала Пузино: корветъ «Баянъ», клипера «Всадникъ», «Гайдамакъ» и «Абрекъ», лодка «Горностай», транспортъ «Японецъ», шхуны «Тунгузъ», «Востокъ» и «Ермакъ». Всего 9 вымпеловъ и 38 нарѣзныхъ орудій, отъ 4-фунтоваго до 6-дюймоваго калибра.

ствовало къ усиленію тамъ политическаго вліянія Россіи. Но особенно замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи являлось плаваніе эскадры адмирала Лесовскаго изъ Кронштадта къ берегамъ Сѣверной Америки въ 1863 году, въ то время, когда отношенія съ западными европейскими державами осложнились по поводу Польскаго возстанія.

Однако, недостатокъ средствъ помѣшалъ развить дальнія плаванія въ достаточно широкой мѣрѣ. Дальнія плаванія стоили дорого и продолжались очень долго; участники въ нихъ могли смѣняться не часто. Такимъ образомъ, число офицеровъ, прошедшихъ черезъ эту практическую школу, было сравнительно незначительно. Остальные участвовали во внутреннихъ плаваніяхъ, преимущественно въ Балтійскомъ морѣ, гдѣ къ началу шестидесятыхъ годовъ сформирована была первая броненосная эскадра. Во главѣ ея вскорѣ былъ поставленъ вице-адмиралъ Бутаковъ, остававшійся на этомъ вліятельномъ посту до самой войны.

Девятилѣтнее командованіе адмирала Бутакова практической броненосной эскадрой создало практическую школу для подготовленія офицеровъ и нижнихъ чиновъ къ морской и боевой службѣ на судахъ совершенно новыхъ типовъ—школу, черезъ которую прошло почти $^3/_4$ всего личнаго состава флота. Въ виду коренного измѣненія въ эту переходную эпоху матеріальной части приходилось создавать совершенно новую систему обученія, знакомя моряковъ съ самими судами и, въ то же время, изощряя ихъ въ употребленіи новѣйшихъ боевыхъ средствъ.

Искушенный боевымъ опытомъ и пользовавшійся заслуженнымъ авторитетомъ не только въ Россіи, но и заграницей, этотъ, по выраженію Августѣйшаго Генералъ-Адмирала, „истинный морякъ и отличный знатокъ морской тактики“ [1]) примѣнилъ для достиженія вышеупомянутой цѣли наиболѣе цѣлесообразныя мѣры.

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ по морскому вѣдомству.

На просторномъ Транзундскомъ рейдѣ, гдѣ собиралось иногда до 18 вымпеловъ, эскадра разрабатывала лучшіе способы атаки и обороны, стрѣляла въ щиты, взрывала мины, упражнялась въ таранныхъ эволюціяхъ и сигнализаціи. Развивались отвага, находчивость и присутствіе духа, столь необходимыя морякамъ не только въ военное, но и въ мирное время. Нововведенія адмирала Бутакова вскорѣ обратили на себя вниманіе иностранцевъ. Англичанамъ понравилась идея устройства походной мастерской для эскадры на особомъ пароходѣ, и они поспѣшили сдѣлать и у себя то же. Еще болѣе представляли для нихъ интересъ чисто боевые пріемы обученія стрѣльбѣ и тараненію. Практиковавшаяся до того времени стрѣльба въ неподвижные щиты, при малой скорости судовъ и, притомъ, съ опредѣленнаго заранѣе разстоянія, не могла дать опыта и снаровокъ, необходимыхъ для настоящей боевой стрѣльбы, по отдаленности своей отъ условій боевой обстановки. Для устраненія этого недостатка адмиралъ Бутаковъ ввелъ стрѣльбу на ходу двумя судами, шедшими другъ другу навстрѣчу и буксировавшими спеціально приспособленные для такихъ упражненій щиты, причемъ разстоянія между противниками постоянно умышленно мѣнялись. Полному развитію дѣла практической стрѣльбы не могъ способствовать весьма ограниченный отпускъ числа снарядовъ.

Не смотря на существованіе уже во всѣхъ почти флотахъ того времени таранов, нигдѣ еще не упражнялись въ эволюціяхъ, нужныхъ для тараннаго боя. Впервые сдѣлалъ это на своей эскадрѣ адмиралъ Бутаковъ, для чего были сначала приспособлены старыя винтовыя канонерки, а затѣмъ выстроены и спеціальные быстроходные паровые барказы. Учась на нихъ таранить другъ друга, командиры и старшіе офицеры изощряли въ высокой степени свой глазомѣръ и развивали въ себѣ безусловно необходимыя для такихъ маневровъ лихость и хладнокровіе.

Въ 1868 году германскій адмиралъ Яхманъ съ пятью командирами судовъ посѣтилъ Транзундскій рейдъ съ цѣлью ознакомленія съ порядками, существовавшими на броненосной эскадрѣ, и примѣненіе ихъ въ германскомъ флотѣ не заставило себя долго ждать.

Польза, которую могла принести броненосная эскадра въ смыслѣ подготовки личнаго состава къ морской боевой службѣ, умалялась, какъ уже сказано, ограниченностью отпуска артиллерійскихъ снарядовъ и, сверхъ того, еще недостаточною подвижностью эскадры, стѣсняемой опредѣленнымъ на всю кампанію количествомъ угля. При такихъ условіяхъ эскадра не въ состояніи была въ короткій, 3—4-мѣсячный, срокъ приготовлять для флота еще и спеціалистовъ. Для подготовленія послѣднихъ существовали особые учебные отряды, артиллерійскій и минный, съ соотвѣтствующими береговыми командами и школами. Окончившіе въ нихъ курсъ артиллерійскіе и минные офицеры и нижніе чины — комендоры (наводчики) и минеры—росписывались затѣмъ по всѣмъ судамъ флота.

Съ отмѣной въ 1871 году статей Парижскаго трактата, стѣснявшихъ свободное развитіе военнаго флота въ Черномъ морѣ, начались и здѣсь практическія плаванія русскихъ судовъ, но ко времени войны 1877—78 годовъ они еще не успѣли оказать русскому флоту существенныхъ услугъ, несмотря на сравнительно весьма благопріятныя географическія и климатическія условія.

Для опредѣленія числа судовъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ, назначенныхъ въ плаваніе, Морское Министерство, съ начала шестидесятыхъ годовъ, стало ежегодно издавать такъ называемую *программу плаванія*. Количество судовъ, назначаемыхъ въ плаванія, и численность судовыхъ командъ, въ зависимости отъ политическихъ обстоятельствъ и финансовыхъ разсчетовъ, подвергались различнымъ колебаніямъ. Однако, какъ то такъ и другое вообще, сравнительно съ судовымъ и личнымъ составомъ флота, было незначительно.

Изъ числа всѣхъ перебывавшихъ въ плаваніи въ періодъ времени съ 1855 по 1879 годъ, находилось: въ заграничномъ плаваніи—офицеровъ 20,5% и нижнихъ чиновъ 29,8%, а во внутреннемъ—офицеровъ 79,5% и нижнихъ чиновъ 70,2%.

Нѣкоторымъ подспорьемъ къ боевой подготовкѣ личнаго состава являлась береговая служба. На берегу команды занимались гимнастикой, стрѣльбою въ цѣль изъ ружей, пистолетовъ и орудій (съ береговыхъ батарей), изучали теорію артиллеріи, миннаго и машиннаго дѣла; готовились въ рулевые и сигнальщики; наконецъ, знакомились съ фронтовой и строевой службой, исполняя различные наряды и представляясь на смотрахъ наравнѣ съ сухопутными войсками. Все это не могло, конечно, замѣнить плаванія, но хоть отчасти подготовляло къ требованіямъ судовой службы.

Несмотря на указанныя выше затрудненія, встрѣчаемыя въ дѣлѣ подготовки личнаго состава русскаго военнаго флота, оказалось подготовленнымъ ко времени войны 1877—78 годовъ достаточное число опытныхъ моряковъ и разнаго рода спеціалистовъ для сформированія морскихъ отрядовъ на Дунаѣ и Черномъ морѣ и для укомплектованія крейсеровъ и миноносокъ.

Нельзя не замѣтить, что русскій военный флотъ не могъ быть, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ, усиливаемъ ко времени войны средствами торговаго флота, способнаго дать въ критическое время государству не только нужныхъ людей, но и нѣкоторое количество лучшихъ своихъ судовъ, которыя, будучи наскоро приспособлены для военныхъ цѣлей, въ состояніи оказать боевому флоту не малыя услуги. Въ нихъ особенно нуждалась Россія во время войны съ Турціею въ 1877—78 годахъ въ виду слабости своего военнаго флота на Черномъ морѣ, раздѣлявшемъ два театра предстоящей войны: Азіатскій и Европейскій. Кромѣ двухъ поповокъ, тамъ находилось всего нѣсколько десятковъ

старыхъ деревянныхъ судовъ и пароходовъ, не имѣвшихъ почти никакого боевого значенія.

Однако, столь важное для преуспѣянія морской силы торговое мореплаваніе находилось въ то время далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Оно исчерпывалось почти исключительно средствами двухъ субсидируемыхъ правительствомъ компаній: „Русское Общество пароходства и торговли“ и „Кавказъ и Меркурій“. Конкурренція иностраннаго торговаго флота и указанныхъ двухъ богатыхъ компаній убила въ зародышѣ другія, болѣе слабыя, предпріятія и не давала развиться русскому торговому флоту въ сколько-нибудь обширномъ размѣрѣ.

Изъ числа всѣхъ коммерческихъ судовъ, плававшихъ по Черному морю, только около 7% было русскихъ, а если считать одни паровыя, то около 15%. Бо́льшая часть послѣднихъ принадлежала „Русскому Обществу пароходства и торговли“ и давала ему возможность единовременно перевезти на нихъ дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи и артиллерійскую бригаду, со всѣми обозами, лошадьми, лазаретами и штабами. Кромѣ того, наиболѣе быстроходныя изъ этихъ судовъ могли быть съ пользою употреблены для крейсерской службы. Всего отъ названнаго общества было позаимствовано для военныхъ надобностей 22 паровыхъ судна.

Общество „Кавказъ и Меркурій“, дѣйствовавшее на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, какъ по своимъ средствамъ, такъ и вслѣдствіе удаленія раіона его операцій отъ главнаго театра войны, играло въ этомъ отношеніи второстепенную роль. На судахъ его, поднимавшихъ одновременно до 10 тысячъ пѣхоты, можно было перевезти въ теченіе одной навигаціи на Кавказъ около двухъ милліоновъ пудовъ казеннаго груза.

Впрочемъ, самые лучшіе и быстроходные коммерческіе пароходы, какимъ бы числомъ ихъ ни располагало въ военное время морское вѣдомство, не могли бы, конечно, замѣнить

боевого флота. Правда, для созданія его на Черномъ морѣ послѣ 1871 года времени было немного, да и обыкновенныхъ рессурсовъ Морского Министерства для выполненія такой кораблестроительной программы, конечно, не хватило бы. При настойчивомъ, однако, стремленіи осуществленіе столь важной государственной задачи не могло считаться дѣломъ невозможнымъ.

Каждый военный флотъ нуждается въ хорошо оборудованныхъ базахъ. Такими базами служатъ для него обыкновенно порты. Россія располагала передъ войною девятью портами: четырьмя въ Балтійскомъ морѣ (Кронштадтъ, Петербургъ, Ревель и Свеаборгъ), однимъ въ Бѣломъ морѣ (Архангельскъ), двумя въ Черномъ морѣ (Севастополь и Николаевъ), однимъ въ Каспійскомъ морѣ (Баку) и однимъ въ Тихомъ океанѣ (Владивостокъ).

Главнымъ изъ русскихъ портовъ былъ Кронштадтъ, въ которомъ находились всѣ необходимыя средства для исправленія, снабженія и вооруженія военныхъ судовъ. Къ тому же, въ виду близости своей къ столицѣ, онъ былъ особенно тщательно укрѣпленъ вынесенными въ море фортами и батареями, что́ при мелководьи дѣлало его почти недоступнымъ для непріятельскаго флота. Но расположеніе его въ самой глубинѣ Финскаго залива, замерзающаго въ продолженіе шести мѣсяцевъ, придавало ему лишь мѣстное стратегическое значеніе, бывшее особенно важнымъ въ началѣ борьбы Россіи со шведами изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ. Да и въ морскомъ отношеніи, вслѣдствіе обмелѣнія гаваней, узкости и извилистости фарватеровъ и доступности совершенно почти открытыхъ рейдовъ для господствующихъ здѣсь западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, онъ не могъ считаться удобною стоянкой, особенно для большихъ судовъ.

Петербургскій портъ спеціально предназначенъ былъ для постройки новыхъ судовъ и изготовленія для нихъ механизмовъ и орудій.

Остальные порты Балтійскаго, а также Бѣлаго и Каспійскаго морей имѣли второстепенное значеніе. Болѣе важнымъ изъ нихъ былъ Ревель.

Владивостокъ представлялъ для русскаго флота единственную базу на Дальнемъ Востокѣ, чтó, въ виду быстро возраставшаго вниманія Европы къ богатымъ странамъ Азіатскаго материка и зарождавшагося морского могущества сосѣдней Японіи, ставило его въ исключительное положеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ далеко не могъ удовлетворять своему назначенію какъ вслѣдствіе того, что два лучшіе выхода изъ Японскаго моря въ океанъ (проливы Корейскій и Сангарскій) находились въ рукахъ японцевъ, такъ и, главнымъ образомъ, потому, что Владивостокъ за недостаткомъ средствъ не былъ еще приведенъ къ 1877 году въ благоустроенное состояніе, подобающее первоклассному порту.

Изъ Черноморскихъ портовъ, по своему прекрасному географическому и стратегическому положенію, первое мѣсто занимаетъ Севастополь. Но онъ не успѣлъ еще оправиться отъ разгрома въ Крымскую кампанію и, съ уничтоженіемъ флота, постепенно терялъ военное значеніе, которое, по необходимости, стало сосредоточиваться почти исключительно въ Николаевѣ [1]), который не обладая такой обширной, глубокой и незамерзающей бухтой, какъ первый [2]), могъ, благодаря своему расположенію въ глубинѣ Бугскаго лимана и уцѣлѣвшимъ послѣ Восточной войны 1853—56 го-

[1]) Въ 1867 году военный портъ въ Севастополѣ былъ даже совсѣмъ упраздненъ, главнымъ образомъ, по экономическимъ соображеніямъ.

[2]) Севастопольская бухта справедливо считается одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Глубоко вдаваясь въ материкъ, она имѣетъ въ длину 4 мили и въ ширину $^1/_2$ мили, при глубинѣ отъ 4 до 10 саженъ. Закрытая, за малымъ исключеніемъ (отъ WNW до WSW), отъ всѣхъ вѣтровъ, изрѣзанная, въ свою очередь, бухточками, изъ которыхъ наиболѣе обширная—Южная—представляетъ превосходную естественную гавань, она имѣетъ ровное дно, иловатый грунтъ и почти никогда не замерзаетъ.

Здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, для разстояній на морѣ приняты морскія мили (морская миля=$1^3/_4$ версты), а глубины показаны въ морскихъ саженяхъ (морская сажень=6 футамъ).

довъ портовымъ сооруженіямъ, служить для судовъ Черноморскаго флота не только надежнымъ убѣжищемъ, но и ремонтной мастерской [1]). Болѣе же капитальныя исправленія и судостроительныя работы можно было производить въ такъ называемомъ Лазаревскомъ адмиралтействѣ Русскаго Общества пароходства и торговли въ Севастополѣ, спеціально для этого приспособленномъ.

Такимъ образомъ, Севастополь и Николаевъ, раздѣленные разстояніемъ въ 200 морскихъ миль [2]) и взаимно дополняв-

[1]) Насколько Николаевскій портъ удовлетворялъ послѣднему назначенію, можно судить по тому, что первая поповка «Новгородъ», построенная въ Петербургѣ и доставленная по частямъ въ Николаевъ, была собрана мѣстными средствами въ теченіе 18 мѣсяцевъ и спущена на воду 21 мая 1873 года.

Устроенныя для такой трудной и сложной работы временныя мастерскія дали, затѣмъ, возможность приступить къ самостоятельному уже сооруженію здѣсь второй, и притомъ болѣе значительныхъ размѣровъ, поповки «Вице-Адмиралъ Поповъ», спущенной на воду въ 1876 году.

[2]) Разстоянія между важнѣйшими портами Чернаго моря показаны въ прилагаемой при семъ таблицѣ.

ТАБЛИЦА

кратчайшихъ морскихъ путей между нѣкоторыми главнѣйшими портами Чернаго моря, въ морскихъ миляхъ. (1 морская миля=$1^3/_4$ версты).

	Николаевъ.	Сулинъ.	Кюстенджи.	Варна.	Бургасъ.	Константинополь.	Севастополь.	Керчь.	Новороссійскъ.	Сухумъ.	Поти.	Батумъ.	Синопъ.	Очаковъ.
Одесса	74	95	170	246	290	344	155	333	360	508	550	563	337	37
Николаевъ . . .		157	231	302	350	403	200	364	401	551	592	605	367	45
Сулинъ			80	149	195	249	169	330	360	505	547	563	307	115
Кюстенджи . .				80	125	192	208	372	399	544	586	594	325	192
Варна					57	147	257	408	440	575	606	618	333	259
Бургасъ						126	291	444	472	597	627	632	347	308
Константинополь							298	432	455	557	579	589	310	358
Севастополь . .								182	211	357	399	412	191	158
Керчь									80	247	296	318	210	330
Новороссійскъ .										177	228	249	203	359
Сухумъ											57	84	270	506
Поти												30	292	547
Батумъ													293	560
Синопъ														334

шіе другъ друга, являлись главнѣйшими базами для дѣйствій на Черноморскомъ театрѣ войны, которымъ ограничились операціи военно-морскихъ силъ въ кампанію 1877—1878 годовъ.

Положеніе его, въ общихъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Черное море, заключенное между 41° и 47° сѣверной широты, простирается съ востока на западъ (отъ Редутъ-Кале до Бургаса) на 610 морскихъ миль, и съ сѣвера на югъ (отъ Очакова до Пендеракліи)—на 330 морскихъ миль. Больше половины его береговой линіи, достигающей 3.900 верстъ, принадлежало Россіи, преимущества которой, однако, этимъ не ограничивались. Русскіе берега болѣе изрѣзаны, гуще населены, и къ нимъ направляются большія рѣки; между тѣмъ, какъ песчаный Анатолійскій берегъ очень мало развитъ, лишенъ сколько нибудь значительныхъ рѣкъ и почти не имѣетъ удобныхъ гаваней. Въ лучшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находится западный, Румелійскій, берегъ.

Черноморскій бассейнъ представляетъ обширную котловину, съ глубиною, правильно и постепенно измѣняющеюся и достигающею между Крымомъ и Анатолійскимъ берегомъ 1.227 морскихъ саженъ, чтó, при отсутствіи вдали отъ береговъ скрытыхъ опасностей, малочисленности острововъ [1]), хорошемъ грунтѣ и достаточномъ количествѣ якорныхъ стоянокъ и безопасныхъ убѣжищъ, ставитъ его въ довольно благопріятныя для плаванія условія. Но уже съ древнѣйшихъ временъ Черное море славилось своими бурями, особенно въ зимнее время. Наибольшею жестокостью отличается сѣверо-восточный вѣтеръ, сопровождаемый обыкновенно довольно сильными морозами и извѣстный въ Новороссійскѣ и ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ подъ именемъ *боры*. Сѣвер-

[1]) Ихъ всего три: *Фидониси* (противъ устьевъ Дуная), *Березань* (противъ Днѣпровскаго лимана) и *Кефкенъ* (у Анатолійскаго берега, въ 50 морскихъ миляхъ отъ Константинопольскаго пролива).

ные вѣтры дуютъ иногда съ такимъ постоянствомъ, что по цѣлымъ мѣсяцамъ удерживаютъ въ Константинополѣ парусныя суда, идущія въ Черное море, замерзающее въ суровыя зимы на пространствѣ между устьями Днѣпра и Дуная на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ береговъ.

Кромѣ Севастополя и Николаева, Россія обладала на Черномъ морѣ еще нѣсколькими, болѣе или менѣе важными, портами и стратегическими пунктами. Въ коммерческомъ отношеніи первенствующее мѣсто принадлежало Одессѣ.

Однако, Одесса, по самымъ уже топографическимъ условіямъ своего расположенія на берегу совершенно открытаго рейда, являлась легко доступною для бомбардировки и требовала, поэтому, для своей защиты значительныхъ средствъ.

Весьма важное торговое и военное значеніе имѣлъ обширный, хотя и мелководный, Днѣпровскій лиманъ, съ впадающими въ него рѣками Днѣпромъ и Бугомъ, на берегахъ которыхъ расположены Херсонъ и Николаевъ. Входъ въ него, съуживающійся между двумя песчаными косами почти до 3 миль, былъ защищенъ Очаковымъ и Кинбурномъ, упраздненныя укрѣпленія которыхъ были нѣсколько усилены постройкой новыхъ батарей передъ самой кампаніей, съ осени 1876 года.

Къ этому времени сильнѣйшею крѣпостью на Черномъ морѣ являлась одна только Керчь, важное стратегическое положеніе которой при входѣ въ Азовское море очевидно. Командуя надъ проливомъ, имѣющимъ въ узкой своей части всего около 2 съ небольшимъ морскихъ миль и только до 14 футъ на барѣ, будучи обезпечена отъ нападеній десанта, она могла считаться вполнѣ надежнымъ оплотомъ противъ вторженія непріятельскаго флота въ Азовское море.

Изъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ Константинополь занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто какъ по своему исключительному выгодному географическому и стра-

тегическому положенію, такъ и въ качествѣ первокласснаго морского арсенала, откуда флотъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, могъ всегда съ одинаковымъ удобствомъ направиться, смотря по обстоятельствамъ, или въ Средиземное, или въ Черное море.

Въ послѣднемъ случаѣ, при дѣйствіяхъ вблизи Румелійскаго берега, онъ могъ бы опираться на Бургасъ, Варну, Бальчикъ и другіе, расположенные здѣсь, порты; а при операціяхъ у Анатолійскаго берега—базами для турецкаго флота могли служить Пендераклія, Синопъ, Требизонтъ и Батумъ.

Изъ нихъ Варна считалась весьма сильною приморскою крѣпостью, относительная близость которой къ русскимъ берегамъ ставила ее въ особенно выгодныя условія промежуточной базы для наступающаго къ сѣверу непріятельскаго флота.

Важный въ торговомъ отношеніи Бургасъ отпускалъ хлѣбъ и за границу; а Синопъ и Батумъ представляли довольно хорошія якорныя стоянки.

Батумскій рейдъ, правда, не великъ, но глубокъ и примыкаетъ съ южной стороны къ вполнѣ командующимъ надъ нимъ высотамъ, что́ значительно облегчаетъ его оборону.

Сливающееся съ Чернымъ моремъ, при посредствѣ Керчь-Еникальскаго пролива, Азовское море значительно меньше и мельче перваго. Наибольшая длина его (между Арбатской стрѣлкой и устьемъ Дона) достигаетъ 195 миль, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ (между Темрюкомъ и Бѣлосарайской косой) оно имѣетъ 95 морскихъ миль. Глубина не превышаетъ 44 футъ, а множество выдающихся въ море косъ, окруженныхъ подводными отмелями, а нерѣдко и небольшими низменными островками [1]), значительно стѣсняетъ пла-

[1]) Изъ острововъ Азовскаго моря болѣе замѣчательны *Песчаные*, лежащіе въ 9 морскихъ миляхъ къ сѣверу отъ Ейска, и *Черепаха*, насыпанный по повелѣнію Петра Великаго въ одной милѣ къ югу отъ Таганрога.

ваніе. Зато, при такомъ мелководьи и вязкомъ илистомъ грунтѣ, якорная стоянка возможна даже и въ открытомъ морѣ. Господствующіе вѣтры: зимою—сѣверо-восточный, а лѣтомъ — юго-западный. Съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ весь Таганрогскій заливъ, бо́льшая часть Керчь-Еникальскаго пролива и море, миль на 10 отъ береговъ, покрываются льдомъ, почему навигація, обыкновенно, продолжается лишь съ половины марта до половины ноября.

Изъ Азовскихъ портовъ наибольшимъ значеніемъ по своимъ торговымъ оборотамъ пользовался Таганрогъ, расположенный при устьѣ Дона и соединенный этой рѣкой съ Ростовомъ и Нахичеванью, удаленными отъ него всего на какихъ нибудь 20 верстъ.

Весьма важнымъ неудобствомъ Таганрога являлось его мелководье, составляющее, хотя и въ меньшей степени, серьезный недостатокъ и стоящаго при впаденіи въ море рѣки Ея города Ейска, торгующаго хлѣбомъ и шерстью.

Маріуполь (при устьѣ рѣки Кальміуса) и особенно Бердянскъ, ведущій весьма значительную отпускную торговлю хлѣбомъ, по глубинѣ своихъ гаваней, представляли, сравнительно съ первыми двумя портами, болѣе удобствъ для нагрузки судовъ [1]).

Черноморско-Азовскій бассейнъ соединяется съ Средиземнымъ моремъ системою проливовъ Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ. Это обстоятельство создавало совершенно исключительное положеніе въ смыслѣ изолированности русскаго флота на Черномъ морѣ отъ остальныхъ военно-морскихъ силъ Россіи.

Занимая центральное положеніе между сухопутными театрами военный дѣйствій, Европейскимъ и Азіатскимъ,

[1]) Удаленіе вышепоименованныхъ портовъ Азовскаго моря отъ Керчи, въ морскихъ миляхъ, слѣдующее:

Бердянска	92
Маріуполя	117
Ейска	149
Таганрога	173

Черноморскій театръ пріобрѣталъ весьма важное значеніе для обѣихъ воюющихъ сторонъ, отдавая существенныя выгоды той изъ нихъ, которая занимала на немъ господствующее положеніе. Въ войну 1829 года съ Турціею господство русскаго флота на Черномъ морѣ дало возможность избрать для русской сухопутной арміи наиболѣе удобную и кратчайшую операціонную линію черезъ Нижній Дунай на Варну въ Адріанополь.

Въ кампанію 1853—1856 годовъ Синопская побѣда обезпечила Россіи вновь обладаніе Чернымъ моремъ, на этотъ разъ, однако, лишь на первое время кампаніи, такъ какъ съ появленіемъ союзнаго флота обладаніе Чернымъ моремъ перешло къ послѣднему, и русское побережье стало главнымъ театромъ разыгравшейся борьбы, сосредоточившейся окончательно у Севастополя.

Ко времени войны 1877—1878 годовъ, какъ видно изъ настоящей главы, а также главы второй, господство на Черномъ морѣ принадлежало турецкому флоту, базировавшемуся на свой главный портъ — Константинополь и другіе упомянутые выше порты. Это не могло не повліять на дѣйствія русскихъ армій на обоихъ театрахъ войны.

Вліяніе турецкаго господства на Черномъ морѣ сказалось еще и въ необходимости притянуть для защиты русскаго побережья значительныя силы для цѣлей чисто пассивныхъ.

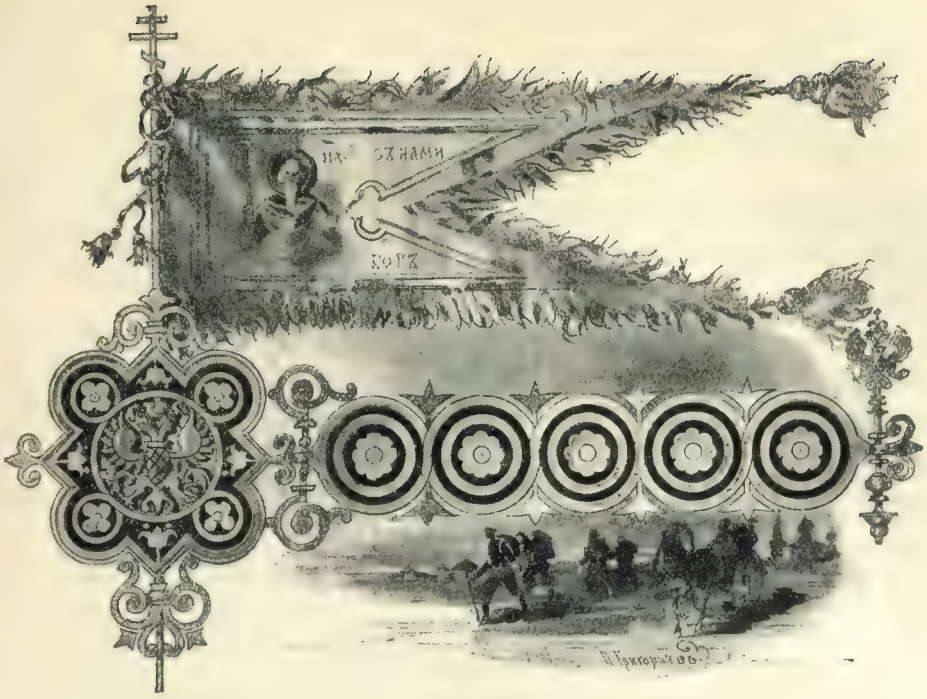
Наконецъ, Черное море значительно облегчало туркамъ подвозъ подкрѣпленій своимъ войскамъ и снабженіе ихъ боевыми и съѣстными припасами на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій.

Столь важныя преимущества турокъ на Черномъ морѣ могли бы быть, до нѣкоторой степени, парализованы угрозою русскаго флота Константинополю со стороны Дарданеллъ, что́ сначала и предполагалось осуществить особой эскадрой изъ судовъ Балтійскаго флота. Сравнивая силы

этой эскадры съ силами турецкаго флота (см. главу вторую), можно придти къ заключенію, что подобный образъ дѣйствій принудилъ бы турецкое правительство притянуть Черноморскую эскадру, а можетъ быть и часть Дунайской, для защиты своего побережья Средиземнаго моря, что̀ въ значительной степени облегчило бы успѣхи русской арміи на главныхъ театрахъ дѣйствій. Однако, отъ этого пришлось отказаться въ виду возможныхъ послѣдствій другихъ еще политическихъ осложненій [1]).

Послѣ всего вышеизложеннаго станетъ понятнымъ, что участіе русскаго флота въ минувшую войну 1877—78 годовъ могло имѣть лишь второстепенное значеніе отчасти вслѣдствіе его слабости, отчасти по географическимъ условіямъ и, наконецъ, по политическимъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ и другихъ, менѣе важныхъ, причинъ русскій флотъ на Черномъ морѣ вынужденъ былъ ограничиться оборономъ своихъ береговъ и уничтоженіемъ непріятельской морской торговли. Это не помѣшало, однако, русскимъ морякамъ оказать сухопутнымъ войскамъ посильное содѣйствіе и рядомъ отважныхъ подвиговъ при столкновеніяхъ съ непріятельскимъ флотомъ украсить лѣтописи военной исторіи.

[1]) Письмо князя Горчакова къ графу Шувалову отъ $^{18}/_{30}$ мая 1877 года.



ГЛАВА VII.

Приготовленія къ войнѣ и развитіе русскихъ силъ по іюль мѣсяцъ 1878 года.

Мѣропріятія Военнаго Министерства по укомплектованію войскъ.—Изданіе недоставававшихъ положеній.— Новыя формированія.— Ноябрьская мобилизація.—Первая дополнительная мобилизація.—Послѣдующія мобилизаціи.—Составъ дѣйствующей арміи, устройство и составъ ея управленія.—Сосредоточеніе арміи въ Бессарабіи.—Организація обороны Черноморскаго побережья.—Измѣненія въ организаціи арміи за время стоянки ея въ Бессарабіи.—Состояніе, здоровье и занятія войскъ.—Зимніе и весенніе смотры.

Въ главѣ четвертой было уже упомянуто о томъ, что организація русскихъ боевыхъ силъ передъ войной 1877—78 годовъ находилась въ состояніи переходномъ. Преобразованія, частію только еще намѣченныя, частію уже начатыя, требовали времени для приведенія къ окончанію и, кромѣ того, значительныхъ расходовъ, которые пришлось разсрочить. Какъ по той, такъ и по другой причинѣ преобразованія подвигались только постепенно и къ началу войны были далеко не закончены.

Недоставало и многихъ „положеній“, изъ которыхъ нѣкоторыя, будучи связаны съ успѣхомъ различныхъ пре-

образованій, были, до времени, не нужны, а утвержденіе другихъ откладывалось въ видахъ бо́льшаго ихъ усовершенствованія.

Такимъ образомъ, приготовленія къ предстоящей войнѣ являлись не въ видѣ простого, несложнаго исполненія заранѣе уже подготовленнаго, но они, напротивъ того, во многихъ частностяхъ, потребовали громадныхъ усилій для скорѣйшаго, сверхъ прежняго разсчета, окончанія уже начатаго, или дополненія, гдѣ оказывалось нужнымъ.

Все это тянулось рядомъ съ нормальной дѣятельностью какъ передъ войной, такъ и во время ея теченія и окончилось лишь послѣ Берлинскаго договора.

Понятно, что при такомъ ходѣ дѣла не обошлось безъ многихъ импровизацій, часто трудно исполнимыхъ или требовавшихъ большихъ расходовъ.

Съ другой стороны, война съ Турціей отнюдь не была предрѣшена русскимъ правительствомъ. Оно вынуждено было взяться за оружіе по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ; вѣроятность, что до этого дойти можетъ, то усиливалась, то опять уменьшалась, что́, въ свою очередь, отражалось и на приготовленіяхъ, тѣмъ болѣе, что не желательно было отягощать государство особыми расходами безъ крайней въ нихъ надобности [1]).

При такой затруднительной обстановкѣ пришлось вести дѣло приготовленія къ войнѣ, устраняя и преодолѣвая разнородныя къ тому препятствія.

Однако, встрѣчались такіе коренные недочеты, восполнить кои не было никакой возможности; съ ними пришлось мириться волей неволей и къ нимъ приноровить надлежащія мѣропріятія.

[1]) Напримѣръ, ходатайство Штаба дѣйствующей арміи въ февралѣ 1877 года о разрѣшеніи купить матеріалъ для устройства переправъ черезъ Дунай было отклонено и разрѣшено только телеграммою Военнаго Министра 26 марта, съ добавкой: «хотя и нынѣ еще нѣтъ никакого положительнаго рѣшенія, однако, осторожнѣе все приготовить на случай войны».

Такимъ кореннымъ недочетомъ являлись недостаточный запасъ нижнихъ чиновъ и, въ особенности, отсутствіе правильнаго запаса офицеровъ, о чемъ уже было упомянуто въ главѣ четвертой.

Различныя мѣропріятія по приготовленію къ войнѣ касались, конечно, не только устройства и организаціи боевыхъ силъ, но и связанной съ ними дѣятельности по части артиллерійской, инженерной, медицинской, интендантской и желѣзнодорожной [1]).

По дѣлу о приведеніи войскъ на военное положеніе прежде всего выдвигался впередъ вопросъ о некомплектѣ офицеровъ и отсутствіи ихъ запаса.

Положеніе этого дѣла весьма характерно очерчено въ нѣкоторыхъ письмахъ Начальника Штаба дѣйствующей арміи генералъ-адъютанта Непокойчицкаго къ Военному Министру, писанныхъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1876 года. Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, значится [2]):

„Въ войскѣ весьма мало офицеровъ, такъ что въ представляющихся частяхъ въ нѣкоторыхъ ротахъ только одинъ ротный командиръ. Разныя командировки, быть можетъ временныя, отвлекли офицеровъ отъ строя; въ настоящее время не могу еще положительно о томъ доложить вамъ, за неимѣніемъ строевыхъ рапортовъ отъ войскъ, но во всякомъ случаѣ предметъ этотъ требуетъ серьезнаго вниманія. То же скажу и о медикахъ въ войскахъ“.

Въ другомъ письмѣ сказано:

„Не могу не возвратиться къ предмету, о которомъ я докладывалъ вашему высокопревосходительству въ прош-

[1]) Касающееся части интендантской и желѣзнодорожной изложено въ двухъ послѣдующихъ главахъ. Относящееся къ дѣятельности артиллерійской и медицинской помѣщено въ «Отчетѣ полевого артиллерійскаго управленія Дѣйствующей арміи за время кампаніи 1877—1878 годовъ въ Европейской Турціи», изд. 1882 года и «Военно-Медицинскомъ отчетѣ за войну съ Турціей 1877—78 годовъ. Дунайская армія», изд. 1885 года. Свѣдѣнія по части инженерной помѣщаются въ очеркѣ дѣятельности Инженерныхъ войскъ за время войны 1877—78 годовъ, составляемомъ при Главномъ Инженерномъ Управленіи.

[2]) Въ письмѣ отъ 28 ноября 1876 года.

ломъ моемъ письмѣ, это о недостаткѣ въ офицерахъ; положительно части представляются Его Высочеству съ одними ротными командирами и послѣ перваго сраженія войска могутъ остаться безъ офицеровъ. Для видимости представляю отчетъ о командировкахъ офицеровъ 14-й пѣхотной дивизіи, изъ коей послано 77 офицеровъ: изъ нихъ 8 штабъ-офицеровъ, 25 капитановъ и штабсъ-капитановъ, 44 субалтернъ-офицера“ [1]).

Названный недостатокъ сознавался и въ Военномъ Министерствѣ, что̀ видно, между прочимъ, изъ отвѣта Военнаго Министра генералъ-адъютанту Непокойчицкому [2]), въ которомъ указывается:

„Для мобилизаціи арміи, при неимѣніи пока запаса офицеровъ, нѣтъ никакой возможности избѣгнуть откомандированія значительнаго числа офицеровъ изъ полевыхъ войскъ въ мѣстныя.

„Безъ этой мѣры нельзя было бы привести мѣстныя войска въ военное положеніе, а безъ приведенія въ это положеніе мѣстныхъ войскъ мы не могли бы располагать всѣми полевыми войсками для военныхъ дѣйствій, не могли бы и сформировать запасныхъ баталіоновъ, безусловно необходимыхъ для дѣйствующихъ войскъ. Но происшедшій большой некомплектъ офицеровъ въ полкахъ есть только временное неудобство; оно должно исчезнуть въ самомъ скоромъ времени. Каждый день Высочайшій приказъ пополняется производствомъ въ офицеры портупей-юнкеровъ и опредѣленіемъ вновь на службу отставныхъ офицеровъ“.

Такимъ образомъ, хотя и принимались мѣры къ покрытію некомплекта офицеровъ, однако, пришлось замѣщать старослуживыхъ офицеровъ въ полкахъ арміи офицерами, произведенными изъ портупей-юнкеровъ или принятыми изъ отставки, что̀, конечно, должно было вредно

[1]) Письмо отъ 5 декабря 1876 года.
[2]) Письмо отъ 18 декабря 1876 года.

отозваться на составѣ и сплоченности офицеровъ въ частяхъ войскъ.

Для пополненія недостатка офицеровъ Военнымъ Министерствомъ были приняты слѣдующія мѣры:

1) Прекращеніе увольненія въ отставку.

2) Облегченіе пріема отставныхъ офицеровъ. Мѣра эта дала въ 1876 году 536 человѣкъ, въ 1877 году — 2.555 человѣкъ и въ 1878 году—688 человѣкъ, а всего 3.779 офицеровъ.

3) Производство портупей-юнкеровъ, состоявшихъ на вакансіи и выпущенныхъ изъ юнкерскихъ училищъ въ 1877 году, всего 2.398 человѣкъ.

4) Допущеніе въ войскахъ, находившихся на театрѣ военныхъ дѣйствій, производства нижнихъ чиновъ за военныя отличія, безъ экзамена, а также всѣхъ вольноопредѣляющихся и нижнихъ чиновъ, поступившихъ на сокращенные сроки, за „обыкновенныя“ отличія по службѣ. Мѣра эта дала въ 1877 году 99 офицеровъ и въ 1878 году—742 офицера.

5) Ускоренный выпускъ офицеровъ изъ военно-учебныхъ заведеній въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1878 года далъ 645 офицеровъ и такой же выпускъ изъ юнкерскихъ училищъ—1.778 офицеровъ.

6) Наконецъ, въ пѣхотныхъ юнкерскихъ училищахъ юнкера младшаго класса были переведены въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1878 года въ старшій классъ и въ декабрѣ того же года были выпущены въ офицеры, что̀ дало еще 1.058 офицеровъ.

Всѣ указанныя мѣры дали 10.499 офицеровъ и съ нормальнымъ выпускомъ 1877 года изъ военно-учебныхъ заведеній (651 человѣкъ) число произведенныхъ и принятыхъ изъ отставки въ теченіе войны офицеровъ дошло до 11.150 человѣкъ [1]).

[1]) Изъ общаго числа офицеровъ отъ разныхъ причинъ убыло въ теченіе войны до 3.000.

Благодаря принятымъ мѣрамъ, къ началу 1878 года списочный составъ офицеровъ въ кавалеріи, полевой артиллеріи и инженерныхъ войскахъ почти равнялся штатному; въ полевой пѣхотѣ составлялъ 91% штатнаго; въ крѣпостныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ—72% и въ запасныхъ войскахъ—всего 60% штатнаго числа офицеровъ. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ выше сказано, въ части войскъ вошло свыше 11.000 офицеровъ, изъ коихъ далеко не всѣ могли считаться удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ арміи, къ іюлю мѣсяцу 1878 года, когда количество русскихъ военныхъ силъ достигло высшей точки, положеніе дѣла еще ухудшилось. Некомплектъ офицеровъ дошелъ до 3.200 человѣкъ, а въ случаѣ приведенія всѣхъ войскъ на военное положеніе превысилъ бы цифру въ 6.000 человѣкъ.

Некомплектъ офицеровъ, наравнѣ съ недостаточнымъ числомъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, и былъ, въ значительной степени, причиною того, что штаты нѣкоторыхъ частей (напримѣръ резервныхъ и запасныхъ), съ приведеніемъ ихъ на военное положеніе, были сокращены, и многія части, предназначенныя къ формированію, не были вовсе сформированы (седьмыя и восьмыя батареи въ артиллерійскихъ бригадахъ, нѣкоторыя части инженерныхъ войскъ и прочее).

Что̀ касается некомплекта врачей и чиновниковъ, то онъ былъ также великъ. Всего не доставало врачей и чиновниковъ къ 1 ноября 1876 года въ частяхъ, состоящихъ на службѣ, 5.726 человѣкъ.

Мѣры для покрытія некомплекта врачей сводились: 1) Къ назначенію на театръ военныхъ дѣйствій военныхъ врачей изъ войскъ и врачебныхъ заведеній внутреннихъ округовъ, съ замѣною этихъ лицъ гражданскимъ и вольнопрактикующимъ медицинскимъ персоналомъ. 2) Къ приглашенію на

театръ военныхъ дѣйствій вольнопрактикующихъ и отставныхъ врачей. 3) Къ прекращенію отставокъ военно-медицинскихъ чиновъ. 4) Къ принятію врачей постороннихъ вѣдомствъ. 5) Къ усиленнымъ выпускамъ врачей изъ Медико-Хирургической академіи и соотвѣтствующихъ факультетовъ университетовъ.

Результатомъ названныхъ мѣръ было то, что къ лѣту 1878 года число лицъ медицинскаго персонала дошло до 4.595 врачей, 806 фармацевтовъ и 377 ветеринаровъ, что̀ уже приближалось къ штатному числу. Зато въ теченіе самой войны въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостатокъ рабочихъ рукъ сказывался иногда весьма сильно.

По отношенію къ *некомплекту чиновниковъ* принимались также различныя мѣры, а именно: 1) Прекращена отставка чиновниковъ военнаго вѣдомства. 2) Переводились чиновники изъ другихъ вѣдомствъ. 3) Производились достойные нестроевые нижніе чины. 4) Принимались отставные чиновники.

Несмотря на эти мѣры, некомплектъ къ концу войны доходилъ до 20% потребнаго числа чиновниковъ.

Весьма неблагопріятнымъ обстоятельствомъ являлся также *недостатокъ запаса нижнихъ чиновъ.*

Какъ уже изложено въ главѣ четвертой, для полной мобилизаціи арміи согласно намѣченной программы недоставало 550 тысячъ человѣкъ нижнихъ чиновъ, собственно рядовыхъ; что̀ же касается унтеръ-офицеровъ, то ихъ числилось въ запасѣ даже болѣе потребнаго числа. Къ сожалѣнію, этотъ цѣнный матеріалъ не былъ достаточно использованъ. Въ то время, какъ въ дѣйствующей арміи даже въ концѣ войны сверхъ-комплектъ строевыхъ унтеръ-офицеровъ доходилъ до $9^1/_2$ тысячъ, въ резервныхъ войскахъ и въ перемѣнномъ составѣ запасныхъ баталіоновъ оказывался некомплектъ унтеръ-офицеровъ.

Устранить недостатокъ запаса нижнихъ чиновъ не представлялось, вообще, возможнымъ. По этой причинѣ пришлось

сократить не только программу формированія новыхъ частей, но и самые штаты намѣченныхъ формированій, возмѣстить недостатокъ запаса ратниками ополченія и прекратить увольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ.

Сверхъ того, вслѣдствіе продолжительности войны, войска могли быть пополнены двумя призывами новобранцевъ, а именно призывами 1876—1877 годовъ. Эта мѣра дала арміи 404.000 человѣкъ.

Призывъ ратниковъ ополченія состоялся въ два пріема: въ 1877 году—въ количествѣ 110.000 человѣкъ, кои были зачислены прямо на службу въ резервныя, запасныя и мѣстныя войска, и въ 1878 году, когда было призвано 66.968 ратниковъ, изъ коихъ 34.041 человѣкъ поступили на пополненіе крѣпостныхъ, мѣстныхъ и запасныхъ войскъ, а 30.877 человѣкъ поступили на усиленіе войскъ Кавказскаго военнаго округа. Всего за время войны было призвано 176.968 ратниковъ.

Что̀ касается пополненія войскъ собственно изъ запаса, то въ теченіе 1876 года поступило 221.164 запасныхъ нижнихъ чиновъ, въ теченіе 1877 года—241.623 и въ теченіе 1878 года—32.731 человѣкъ.

Всего за время кампаніи всѣ эти источники дали 1.076.486 человѣкъ, что̀ должно было составить, вмѣстѣ съ 722.293 нижними чинами, состоявшими по списку въ арміи къ 1 ноября 1876 года, 1.798.779 человѣкъ. Въ дѣйствительности, къ 25 іюля 1878 года, за вычетомъ произведенныхъ въ офицеры, убитыхъ, умершихъ, уволенныхъ въ отставку и запасъ, бѣжавшихъ, отправленныхъ въ Сибирь на поселеніе и въ каторгу за преступленія и пр., а также за исключеніемъ части ратниковъ ополченія,—состояло по списку въ войскахъ 1.519.708 нижнихъ чиновъ. Въ запасѣ же къ этому времени оставалось не болѣе 230.000 человѣкъ, что̀ было едва достаточно для пополненія еще не

мобилизованныхъ частей. Формированіе же новыхъ частей, преимущественно резервныхъ, могло состояться лишь при условіи обращенія вновь къ призыву ратниковъ ополченія.

Сокращеніе штатовъ, вызванное недостаткомъ запаса, началось еще въ январѣ мѣсяцѣ 1876 года, когда было рѣшено, именно въ виду этого недостатка, полки, переформировываемые въ четырехъ-баталіонный составъ, не доводить при мобилизаціи до полныхъ штатовъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, шестнадцати-баталіонныя дивизіи, вмѣсто 17.152 нижнихъ чиновъ, насчитывали въ своихъ рядахъ лишь нѣсколько болѣе, чѣмъ дивизіи двѣнадцати-баталіоннаго состава, а именно: въ Кавказскихъ дивизіяхъ числилось по штатамъ 13.453 нижнихъ чина, а въ гвардейскихъ дивизіяхъ—13.808 нижнихъ чиновъ въ то время, какъ дивизіи, состоявшія изъ трехъ-баталіонныхъ полковъ, имѣли по 13.284 нижнихъ чина.

По той же причинѣ запасные баталіоны были сформированы лишь въ двухъ-ротномъ составѣ, вслѣдствіе чего получили въ постоянный составъ по 6 офицеровъ и 83 нижнихъ чина, вмѣсто 13 офицеровъ и 177 нижнихъ чиновъ, и въ перемѣнный составъ—по 500 нижнихъ чиновъ, вмѣсто 16 офицеровъ и 1.116 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 29 офицеровъ запасные баталіоны получили всего по 6 офицеровъ.

Что̀ касается до усиленія однѣхъ частей войскъ насчетъ другихъ, то мѣра эта коснулась, главнымъ образомъ, резервныхъ войскъ, формировавшихся засчетъ мѣстныхъ и крѣпостныхъ войскъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Помимо принятія мѣръ, вызывавшихся недостаткомъ запаса, пришлось въ періодъ времени съ 1876 по 1878 годъ восполнить *недостатокъ многихъ положеній и правилъ*, опредѣлявшихъ порядокъ приведенія войскъ на военное по-

ложеніе, перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, организацію арміи и пр. [1]).

Наконецъ, въ теченіе всей войны приходилось *импровизировать* цѣлый рядъ новыхъ *формированій и переформированій*, измѣняя, при этомъ, объявленные ранѣе штаты.

Принимать указанныя мѣры приходилось постепенно, по ходу военныхъ дѣйствій, а въ концѣ войны—по мѣрѣ того, какъ осложнялось политическое положеніе Россіи относительно нѣкоторыхъ европейскихъ державъ.

Къ числу новыхъ формированій, коснувшихся полевыхъ, крѣпостныхъ и мѣстныхъ войскъ, относятся слѣдующія:

Лѣтомъ 1876 года вновь сформированы три военно-телеграфныхъ парка, одновременно съ переформированіемъ шести

[1]) Важнѣйшими изъ нихъ были слѣдующія:

Лѣтомъ 1876 года объявлено положеніе о запасныхъ пѣшихъ артиллерійскихъ частяхъ. Тогда же приняты мѣры къ усиленію крѣпостной артиллеріи и опредѣлена новая организація телеграфныхъ парковъ.

22 октября того же года, при приказѣ по военному вѣдомству за № 304, было разослано по управленіямъ «Положеніе о Полевомъ Управленіи войскъ въ военное время», дополненія къ которому выходили затѣмъ въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ 1876 года и по октябрь мѣсяцъ 1877 года. Такъ, напримѣръ, «Временное положеніе объ управленіи военными сообщеніями арміи и войсками, въ тылу ея находящимися» было объявлено лишь 18 октября 1877 года.

Приказомъ по военному вѣдомству за № 310 объявлены «Положенія о корпусномъ комендантѣ и о завѣдующемъ обозомъ корпуса» и приказомъ за № 333—«Положеніе о казначейской части».

Въ приказѣ за № 342 объявлено «Положеніе о пособіяхъ въ военное время» и въ приказѣ № 343—«Положеніе о комендантахъ желѣзнодорожныхъ станцій».

24 октября 1876 года, всего за недѣлю до объявленія мобилизаціи, было объявлено «Положеніе о военно-конской повинности» (приказъ по военному вѣдомству № 343).

30 числа того же мѣсяца объявленъ «Проектъ положенія о Государственномъ Ополченіи» (приказъ по военному вѣдомству № 351).

Затѣмъ объявлены въ 1876 году (приказы №№ 385 и 386) «Положеніе объ этапной части» и «Положеніе о полевыхъ жандармахъ» (приказъ № 410) и «Положеніе о запасныхъ баталіонахъ» (приказъ № 391).

Кромѣ того, за это время объявлены штаты полевого управленія арміи (приказы 1876 года № 317 и 1877 года № 137) и штаты интендантскаго транспорта (приказы: 1876 года № 323 и 1877 года №№ 17, 134 и 136) и временные штаты различныхъ артиллерійскихъ управленій и учрежденій (приказъ того же года № 314).

Наконецъ, въ 1877 году были послѣдовательно изданы при приказахъ по военному вѣдомству положенія о составѣ и устройствѣ саперныхъ и понтонныхъ частей, о «Полевомъ Контролѣ» (№ 73), о конскомъ запасѣ (№ 220) и, какъ сказано выше, положенія объ управленіи военными сообщеніями арміи и войсками, въ тылу ея находящимися (№ 386), штаты интендантскаго транспорта (№ 9) и нѣкоторые другіе положенія и штаты.

бывшихъ телеграфныхъ парковъ въ военно-телеграфные парки.

Въ ноябрѣ 1876 года сформированъ четырехъ-ротный желѣзно-дорожный баталіонъ № 3, включенный въ составъ 3-й саперной бригады. Тогда же вновь сформированы въ Кіевскомъ округѣ двѣ горныя батареи, а также 7-й и 8-й конные артиллерійскіе и 25-й, 26-й, 27-й и 28-й подвижные парки.

Въ половинѣ декабря 1876 года сформировано нѣсколько конвойныхъ командъ на Кавказѣ.

Въ январѣ 1877 года сформированы вновь два Оренбургскихъ линейныхъ баталіона, взамѣнъ 1-го и 2-го Оренбургскихъ баталіоновъ, передвинутыхъ въ Туркестанскій военный округъ и переименованныхъ въ 16-й и 17-й Туркестанскіе линейные баталіоны.

Въ теченіе того же года сформированы 2-й и 4-й желѣзнодорожные баталіоны, двѣ минныя роты: Кронштадтская и Керченская и управленія девяти корпусовъ.

Въ 1878 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ образованъ вновь 3-й крѣпостной полкъ въ Керчи. Для формированія его были выдѣлены кадры изъ первыхъ двухъ Керченскихъ крѣпостныхъ полковъ.

Въ теченіе лѣта того же года были сформированы семь линейныхъ баталіоновъ, №№ 8—14, путемъ раздвоенія уже существовавшихъ линейныхъ баталіоновъ №№ 1—7. Тогда же сформированы новыя инженерныя части, а именно: три полевыхъ инженерныхъ парка № 1, № 2 и Кавказскій, желѣзнодорожный баталіонъ № 1, понтонные баталіоны №№ 1 и 2 и 2-й крѣпостной Александропольскій полкъ, сформированный изъ 1-го полка той же крѣпости, выдѣленіемъ части этого послѣдняго.

Что̀ касается многочисленныхъ переформированій, то о нихъ будетъ сказано ниже, при изложеніи хода мобилизаціи, которой и вызывались, главнымъ образомъ, эти переформированія.

Мобилизація войскъ совершалась постепенно, въ зависимости отъ того, какъ усложнялись политическія обстоятельства.

Въ августѣ 1876 года предполагалось еще ограничиться мобилизаціей всего двухъ корпусовъ.

Однако, 19 сентября послѣдовало повелѣніе о подготовкѣ мобилизаціи войскъ Одесскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и частію Кавказскаго округовъ. 12 октября рѣшена была мобилизація еще четырехъ дивизій Московскаго округа.

Въ ноябрѣ 1876 года послѣдовала мобилизація двадцати пѣхотныхъ дивизій и прочихъ частей помянутыхъ выше округовъ. Въ 1877 году произведенъ былъ рядъ частныхъ мобилизацій, причемъ разновременно было мобилизовано 16 пѣхотныхъ дивизій и сформировано 52 резервныхъ баталіона.

Наконецъ, въ 1878 году были мобилизованы почти всѣ мѣстныя и вновь сформированы резервныя и запасныя войска, причемъ мобилизація всѣхъ этихъ войскъ была произведена порядкомъ, лишь отчасти разработаннымъ за время, предшествовавшее войнѣ.

Начало мѣропріятій по обезпеченію правильности хода мобилизаціи войскъ вообще было положено изданіемъ въ 1869 и въ 1870 годахъ положеній, опредѣлившихъ порядокъ счисленія и призыва чиновъ запаса. Съ этого времени въ Главномъ Штабѣ ежегодно (два раза въ годъ) составлялись росписанія для призыва запасныхъ чиновъ, съ указаніемъ числа чиновъ разныхъ званій и путей слѣдованія ихъ къ соотвѣтствующимъ частямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же составлялись росписанія для перевозки какъ призванныхъ изъ запаса нижнихъ чиновъ, такъ и укомплектованныхъ уже частей по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ.

Въ 1871 и 1872 годахъ были произведены опыты призыва запасныхъ, преимущественно съ цѣлью повѣрки степени ознакомленія мѣстныхъ гражданскихъ властей съ правилами сбора отпускныхъ, а также съ цѣлью повѣрки состав-

ленныхъ разсчетовъ. Результаты въ обоихъ случаяхъ оказались вполнѣ удовлетворительными. Въ 1874 году организованы управленія уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ [1]), съ цѣлью сосредоточенія всѣхъ исполнительныхъ работъ по призыву запасныхъ, что̀ значительно упрочило постановку всего мобилизаціоннаго дѣла.

Наконецъ, въ концѣ 1875 года былъ учрежденъ при Главномъ Штабѣ мобилизаціонный комитетъ, которому было поручено: 1) выясненіе и приведеніе въ надлежащую систему всѣхъ свѣдѣній о дѣйствительной военной готовности арміи; 2) обсужденіе и указаніе мѣръ для наилучшаго распредѣленія средствъ и для пополненія недостающихъ предметовъ, и 3) составленіе общаго мобилизаціоннаго плана.

Въ концѣ 1875 года мобилизаціонный комитетъ уже былъ въ состояніи выяснить дѣйствительное положеніе военной готовности арміи, что̀ дало возможность принять съ начала 1876 года рядъ мѣръ, изложенныхъ выше.

Успѣхъ мобилизаціи отдѣльныхъ частей значительно затруднялся отсутствіемъ заранѣе выработанныхъ мобилизаціонныхъ плановъ каждой такой части.

Что̀ касается составленія общаго мобилизаціоннаго плана, начатаго въ маѣ 1876 года, то оно было прервано вслѣдствіе необходимости приняться за спѣшное подготовленіе къ предстоящей частной мобилизаціи (что̀ ранѣе не могло быть предусмотрѣно), а также и необходимостью принять въ разсчетъ положеніе о военно-конской повинности. Росписанія и планъ перевозки были окончены въ августѣ 1876 года. Въ томъ же мѣсяцѣ произведена была конская перепись въ тридцати трехъ губерніяхъ западной полосы Имперіи, съ цѣлью обезпечить успѣхъ исполненія военно-конской повинности.

Всѣ указанныя здѣсь мѣры пополнили, до нѣкоторой степени, отсутствіе заранѣе выработаннаго мобилизаціон-

[1]) Управленія губернскихъ воинскихъ начальниковъ были организованы еще ранѣе.

наго плана, но неполнота и спѣшность распоряженій перевозки запасныхъ и впослѣдствіи по сосредоточенію войскъ не могли не отразиться на частныхъ мобилизаціяхъ, въ особенности на первой и самой значительной изъ нихъ, такъ называемой ноябрьской мобилизаціи. Недостатки эти выразились, между прочимъ, нѣкоторымъ замедленіемъ въ перевозкѣ запасныхъ чиновъ, а также и частей войскъ, по укомплектованіи таковыхъ, частію же въ извѣстной суммѣ лишеній, перенесенныхъ войсками въ періодъ мобилизаціи и сосредоточенія въ Бессарабіи. Были, наконецъ, случаи пропуска въ планѣ перевозки нѣкоторыхъ частей войскъ (см. главу восьмую).

Объявленіе *первой частной мобилизаціи* послѣдовало 1 ноября 1876 года. *Полевыхъ* войскъ на этотъ разъ было мобилизовано:

1) 20 пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллерійскими бригадами и подвижными лазаретами, а именно: 11-я, 12-я, 32-я и 33-я (Кіевскаго округа); 13-я, 14-я, 15-я и 34-я (Одесскаго округа); 5-я, 9-я, 31-я и 36-я (Харьковскаго округа); 1-я, 17-я, 18-я и 35-я (Московскаго округа); Кавказская гренадерская, 19-я, 39-я и 41-я (Кавказскаго округа), 4 стрѣлковыхъ бригады (3-я, 4-я, 5-я и Кавказская) и 2 линейныхъ баталіона.

2) 7 кавалерійскихъ дивизій съ ихъ конною артиллеріею, а именно: 11-я и 12-я (Кіевскаго округа); 7-я и 8-я (Одесскаго округа); 9-я и 10-я (Харьковскаго округа); Кавказская и Крымскій дивизіонъ.

3) Вся артиллерія названныхъ выше пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій, 4 парковыхъ бригады (4-я, 5-я, 6-я и 8-я)[1]) и одно отдѣленіе осаднаго парка (2 баталіона).

---

[1]) 14-й, 15-й, 13-й, 16-й, 10-й, 11-й, 12-й и 17-й летучіе, тѣхъ же №№ подвижные парки, 4 половины конно-артиллерійскихъ парковъ (1-я и 2-я—4-го и 1-я и 2-я—5-го) и 8-й конно-артиллерійскій паркъ. Независимо сего, были сформированы: 7-й конно-артиллерійскій, 25-й, 26-й, 27-й и 28-й подвижные артиллерійскіе парки.

4) 3-я и Кавказская саперныя бригады и 2 понтонныхъ полубаталіона 2-й саперной бригады.

Всего полевыхъ войскъ было мобилизовано: 274 баталіона пѣхоты и 2 роты гвардейскаго экипажа, 90 эскадроновъ и 42 сотни [1]) кавалеріи, 1.056 пѣшихъ и конныхъ орудій [2]), 6 саперныхъ баталіоновъ, 4 понтонныхъ полубаталіона и 1 желѣзнодорожный баталіонъ, 4 военно-телеграфныхъ и 2 инженерныхъ парка и одно отдѣленіе осаднаго артиллерійскаго парка.

Мѣстныхъ войскъ: 3 мѣстныхъ баталіона (Кіевскій, Одесскій и Тифлисскій), 26 мѣстныхъ командъ и вновь сформировано 14 командъ; 4 крѣпостныхъ баталіона (Бендерскій, 2 Керченскіе и Александропольскій). При этомъ, мѣстные баталіоны переформированы въ полки, 26 кадровыхъ командъ—въ баталіоны, крѣпостные баталіоны развернуты въ четырехъ-баталіонные полки. Всего мѣстныхъ и крѣпостныхъ войскъ сформировано 54 баталіона и 18 командъ. Кромѣ того, мобилизованы Бендерская, Керченская, Николаевская и Александропольская крѣпостныя артиллеріи—всего 9 баталіоновъ крѣпостной артиллеріи.

Иррегулярныхъ частей: Донская казачья дивизія и вызвано со льготы 10 Донскихъ полковъ и 4 Донскихъ батареи [3]). Отъ Кубанскаго и Терскаго войскъ вызваны со льготы по одному полку (2-й Кубанскій казачій полкъ и Владикавказскій казачій полкъ Терскаго войска), 2 сотни пластуновъ, 2 эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя и Терско-Горскій конно-иррегулярный полкъ [4]), зачисленные въ составъ дѣйствующей арміи.

---

[1]) Здѣсь приведены лишь казачьи сотни, входившія въ составъ дивизій.

[2]) Здѣсь показаны орудія Донскихъ батарей, входившихъ въ составъ кавалерійскихъ дивизій.

[3]) Донскіе казачьи полки №№ 21, 23, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37 и 40 и Донскія батареи №№ 8, 9, 10 и 15.

[4]) Сформированъ въ четырехъ-сотенномъ составѣ изъ туземнаго населенія: Осетинъ и Ингушей.

Кромѣ того, отъ Кубанскаго и Терскаго войскъ вызваны были льготныя части по особымъ распоряженіямъ командующаго войсками Кавказскаго округа.

Запасныхъ войскъ: 85 запасныхъ баталіоновъ (въ томъ числѣ 3 стрѣлковыхъ и 2 саперныхъ). Пѣхотные баталіоны были сформированы по двухъ-ротному составу, по 500 человѣкъ въ баталіонѣ. Саперные и стрѣлковые имѣли четырехъ-ротный составъ.

Вспомогательныхъ войскъ и учрежденій: 3-й и 4-й полевые жандармскіе эскадроны, 30 военно-временныхъ госпиталей, подвижной арсеналъ, 3 запасныхъ кавалерійскихъ бригады (4-я, 5-я и 6-я), составлявшія 22 маршевыхъ эскадрона, по 12 рядовъ во взводѣ, 16 запасныхъ пѣшихъ и 1 запасная конная батареи.

Всего до января мѣсяца 1877 года было мобилизовано полевыхъ и казачьихъ войскъ 286 баталіоновъ и 4 полубаталіона пѣхоты и инженерныхъ войскъ и 34 пластунскихъ сотни, 363 эскадрона и сотни конницы, 1.154 орудія и 38 артиллерійскихъ и инженерныхъ парковъ.

Численность всѣхъ мобилизованныхъ войскъ возрасла, собственно въ войскахъ, предназначенныхъ для дѣйствій на обоихъ театрахъ войны, по штатамъ военнаго времени до 460 тысячъ человѣкъ.

Мобилизованныя части русской арміи вошли частію въ составъ дѣйствующей арміи (107 баталіоновъ, 149 эскадроновъ и сотенъ, 472 орудія,—всего до 193 тысячъ человѣкъ), частію въ составъ дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ (79 баталіоновъ, 32 пѣшихъ сотни, 151 эскадроновъ и сотенъ, 256 орудій,—всего 122 тысячи человѣкъ). Для охраны сѣвернаго побережья Чернаго моря было назначено 48 баталіоновъ, 39 эскадроновъ, 216 орудій,—всего около 72 тысячъ человѣкъ. Наконецъ, въ видѣ резерва дѣйствующей арміи, въ Кіевскомъ округѣ было сосредоточено 52 баталіона, 24 сотни, 210 орудій,—всего 73 тысячи человѣкъ.

Кромѣ того, въ округахъ: Одесскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ, Московскомъ и Кавказскомъ было мобилизовано тыловыхъ и запасныхъ войскъ всего 79.758 человѣкъ при 78 орудіяхъ.

Всего же общая численность мобилизованныхъ войскъ, съ соотвѣтствующими учрежденіями, дошла до 546.667 человѣкъ.

Для пополненія всѣхъ этихъ частей сдѣланъ былъ призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ въ сорока четырехъ губерніяхъ, четырехъ областяхъ и двухъ округахъ Европейской Россіи и Кавказа. Призывались на службу не всѣ запасные нижніе чины, находившіеся въ указанныхъ мѣстностяхъ, а лишь то число ихъ, какое было нужно для доведенія числительности мобилизовавшихся войскъ до военнаго состава съ прибавкою 10% на заболѣваніе, неявки и другія случайности, что́, въ общемъ, составило 254.061 человѣкъ. На четвертый день мобилизаціи призывъ людей былъ совершенно оконченъ въ 10 губерніяхъ, на пятый день—еще въ 7 губерніяхъ (первымъ днемъ мобилизаціи назначено было 2 ноября) и къ 6 ноября явилось вообще на призывные пункты болѣе $^3/_4$ всего числа призванныхъ людей.

Въ теченіе семнадцати дней сборъ призывныхъ былъ оконченъ повсемѣстно, кромѣ Закавказскаго края, гдѣ призывъ затянулся до двадцать шестого дня. Люди, вообще, собирались быстро и охотно спѣшили явиться на призывные пункты, несмотря на осеннюю распутицу и, затѣмъ, зимнія вьюги.

Изъ 254.061 призваннаго оказалось недобора 1.011 человѣкъ, или всего $^1/_2$ %. Причиною неявки въ большинствѣ случаевъ была болѣзнь или смерть.

Вмѣстѣ съ призывомъ запасныхъ людей, въ 30 губерніяхъ южной и центральной Россіи и Сѣверо-Западнаго края началась и поставка населеніемъ лошадей на основаніи новаго закона объ обще-обязательной военно-конской

повинности[1]). Для всѣхъ приводимыхъ на военное положеніе войскъ и учрежденій требовалось 62.996 лошадей.

Поставка лошадей началась на пятый день мобилизаціи и въ теченіе первыхъ трехъ дней была окончена въ 10 губерніяхъ, а на одиннадцатый день—кончилась почти повсемѣстно и лишь въ немногихъ уѣздахъ — на шестнадцатый день. Добровольно было поставлено 58.956 лошадей, или $93^1/_2$% требуемаго количества.

Остальныя 4.040 лошадей были поставлены по жребію. Перевозка людей и лошадей по желѣзнымъ дорогамъ началась съ третьяго дня мобилизаціи и закончилась вполнѣ лишь къ 30 ноября.

Передвиженіе мобилизованныхъ частей началось съ седьмого дня мобилизаціи, т. е. съ 8 ноября, но уже 11 числа того же мѣсяца оказалось необходимымъ остановить движеніе по причинамъ, подробно указаннымъ въ главѣ восьмой.

---

[1]) Проектъ военно-конской повинности въ началѣ 1876 года былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, причемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1876 года было испрошено Высочайшее повелѣніе приступить къ предварительнымъ распоряженіямъ. Въ августѣ была произведена конская перепись въ тридцати трехъ губерніяхъ западной полосы Россіи, а 23 сентября 1876 года состоялось Высочайшее повелѣніе принять проектъ къ руководству въ случаѣ частной или общей мобилизаціи войскъ, не ожидая утвержденія его Государственнымъ Совѣтомъ. Наконецъ, 24 октября 1876 года состоялось утвержденіе названнаго проекта въ видѣ временной мѣры.

Согласно сему положенію, пополненіе войскъ лошадьми по штатамъ военнаго времени и во время самой войны должно было производиться поставкою лошадей отъ населенія за опредѣленную плату. Поставкѣ подлежали всѣ годныя; условія же годности и раздѣленіе лошадей по сортамъ опредѣлялись особыми инструкціями. Для поставки лошадей уѣзды раздѣлялись на военно-конскіе участки, города же образовывали особые участки. Для пріема лошадей въ сдаточныхъ пунктахъ назначались особыя комиссіи изъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Для опредѣленія числа годныхъ лошадей по сортамъ установлено производить конскія переписи черезъ каждыя шесть лѣтъ. Общее число требуемыхъ лошадей и распредѣленіе ихъ по уѣздамъ производились Военнымъ Министерствомъ по соглашенію съ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ.

Распредѣленіе лошадей по военно-конскимъ участкамъ производилось въ уѣздахъ уѣздными по воинской повинности присутствіями; на случай браковки надбавлялось 50% лошадей.

Населенію предоставлялось право добровольной поставки, причемъ въ этомъ случаѣ къ назначенному вознагражденію за лошадь прибавлялось 20% и давались льготы прочимъ лошадямъ того же владѣльца.

Къ пріему по жребію прибѣгали лишь въ случаѣ недостатка добровольно поставляемыхъ лошадей.

Дальнѣйшее движеніе по желѣзнымъ дорогамъ производилось безостановочно и окончилось къ 17 декабря, кромѣ нѣкоторыхъ парковъ и госпиталей.

Одновременно съ приведеніемъ полевыхъ войскъ на военное положеніе и формированіемъ соотвѣтствующихъ имъ запасныхъ частей необходимо было прибѣгнуть къ развертыванію части крѣпостныхъ и мѣстныхъ войскъ для нуждъ гарнизонной службы, что́ вызывалось необходимостью замѣны уходящихъ полевыхъ войскъ.

Что́ касается резервныхъ частей, то въ ноябрьскую мобилизацію формированіе ихъ не производилось. Между тѣмъ, неимѣніе особыхъ войскъ для этапной службы заставило первое время держать на этапахъ полевыя войска.

Дальнѣйшее усиленіе русской арміи происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: уже 11 января, вслѣдствіе выяснившейся необходимости усиленія дѣйствующей арміи и войскъ на Кавказѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подготовленіи къ мобилизаціи еще семи пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій, а также о сформированіи 28 запасныхъ баталіоновъ, 24 запасныхъ эскадроновъ, 3 крѣпостныхъ полковъ, 11 мѣстныхъ баталіоновъ и 11 командъ. Мобилизоваться на этотъ разъ должна была часть полевыхъ и мѣстныхъ войскъ, расположенныхъ въ округахъ: Виленскомъ, Варшавскомъ, Московскомъ, Казанскомъ и Кавказскомъ. Согласно указанному повелѣнію, 3 апрѣля 1877 года была объявлена первая дополнительная мобилизація: 2-й, 3-й, 16-й, 20-й, 21-й, 30-й и 38-й пѣхотнымъ дивизіямъ съ соотвѣтствующими артиллерійскими бригадами и парками; 2-й саперной бригадѣ; 4-й и, кромѣ того, 13-й кавалерійскимъ дивизіямъ съ ихъ конными батареями и конными парками, и 12 военно-временнымъ госпиталямъ. Изъ числа этихъ войскъ 20-я, 21-я и 38-я пѣхотныя дивизіи были оставлены на Кавказѣ, всѣ же остальныя предназначались на усиленіе дѣйствующей арміи въ Европейской Турціи.

На усиленіе той же арміи призвано на службу еще десять льготныхъ Донскихъ казачьихъ полковъ 2-й очереди и семь льготныхъ Донскихъ казачьихъ батарей [1]).

Въ связи съ мобилизаціею полевыхъ войскъ и госпиталей приводилась въ военный составъ часть мѣстныхъ баталіоновъ и командъ, запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ и пр.

Запасныхъ баталіоновъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ было сформировано двадцать. Тогда же сформированы двѣнадцать кадровъ запасныхъ пѣшихъ батарей.

Изъ мѣстныхъ войскъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были переформированы Московскій и Казанскій баталіоны, каждый въ четырехъ-баталіонный полкъ, и часть мѣстныхъ командъ (Новгородская, Псковская и Ревельская) — въ баталіоны.

Кадрами для формированія означенныхъ частей послужили названные баталіоны и команды.

Офицерами они пополнялись, преимущественно, изъ отставныхъ, нижними же чинами — частію изъ запаса, частію же ратниками ополченія 1-го разряда.

Независимо сего, какъ будетъ указано ниже, началось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ формированіе резервныхъ войскъ.

Численность всѣхъ дополнительно мобилизованныхъ частей достигла, кромѣ казачьихъ, до цифры 188.172 человѣкъ.

Для укомплектованія этихъ войскъ по штатамъ военнаго времени въ сорока четырехъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи и Кавказа было призвано 119.015 человѣкъ запасныхъ.

Какъ первый призывъ запасныхъ въ ноябрѣ 1876 года, такъ и этотъ второй, въ апрѣлѣ 1877 года, произошелъ въ распутицу, что́, однакожъ, не помѣшало и на этотъ разъ быстрому и успѣшному сбору запасныхъ нижнихъ чиновъ.

[1]) Донскіе казачьи полки №№ 22, 24, 25, 27, 28, 32, 33, 36, 37 и 39 и батареи №№ 12, 13, 14, 18, 19, 20 и 21.

Сборъ запасныхъ кончился вездѣ не позже девятаго дня, кромѣ Астраханской губерніи, гдѣ онъ кончился на четырнадцатый.

Дополнительная поставка лошадей была разложена на двадцать восемь губерній. Всего назначено было взять для войскъ, а также для образованія конскаго запаса, 19.188 лошадей. Эти лошади были поставлены населеніемъ въ 14 дней, причемъ только 800 изъ нихъ было принято по жребію, всѣ же остальныя 18.388 поставлены добровольно.

Дальнѣйшая мобилизація войскъ, уже въ теченіе войны, происходила въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ 1877 году были мобилизованы: въ маѣ—40-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею; въ іюлѣ—1-я, 2-я и 3-я гвардейскія, 1-я гренадерская, 24-я и 26-я пѣхотныя и 2-я гвардейская кавалерійская дивизіи съ ихъ артиллеріею, гвардейская стрѣлковая бригада и лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ; въ августѣ—2-я и 3-я гренадерскія и 1-я кавалерійская дивизіи съ ихъ артиллеріею и 1-я саперная бригада.

Кромѣ того, мобилизованы гвардейскій и 5-й полевой жандармскіе эскадроны.

Призывъ людей совершался на основаніи мобилизаціоннаго росписанія № 6, утвержденнаго еще въ августѣ 1876 года.

Запасныхъ войскъ было сформировано: въ маѣ—11 баталіоновъ, въ іюлѣ — переформированы учебныя батареи: пѣшая — въ 1-ю и 2-ю гвардейскія запасныя батареи, а конная — въ 3-ю запасную конную батарею; въ августѣ сформированъ 31 баталіонъ; сверхъ того, часть запасныхъ баталіоновъ была сформирована въ іюнѣ, сентябрѣ и ноябрѣ. Всего въ теченіе 1877 года были сформированы запасные баталіоны: 10 гвардейскихъ, 14 гренадерскихъ и 40 армейскихъ полковъ; 1 гвардейскій стрѣлковый и 2 саперныхъ. Изъ нихъ: всѣ гвардейскіе, 2 грена-

дерскихъ и саперные баталіоны по нормальнымъ, а прочіе— по сокращеннымъ штатамъ. Кадры выдѣлялись изъ соотвѣтствующихъ полевыхъ частей. Въ перемѣнный составъ гвардейскихъ и гренадерскихъ баталіоновъ назначались чины запаса, а въ прочіе — новобранцы и ратники 1-го разряда.

Изъ мѣстныхъ войскъ за этотъ періодъ переформировано нѣсколько командъ. Всего же въ 1877 году переформировано было 2 баталіона и 17 командъ, давшихъ, въ общей сложности, 25 мѣстныхъ баталіоновъ, и сформировано вновь 15 мѣстныхъ, 10 конвойныхъ и нѣкоторое число другихъ командъ.

Всего за 1877 годъ число частей, приведенныхъ въ военный составъ, считая съ вновь сформированными и переформированными частями, увеличилось: а) по полевымъ войскамъ—на $222^{3}/_{4}$ баталіоновъ, 70 эскадроновъ и сотенъ и 106 батарей артиллеріи, съ соотвѣтствующими артиллерійскими парками, 1 осадный инженерный и 4 военно-телеграфныхъ парка; б) по мѣстнымъ войскамъ — 25 баталіонами, 15 мѣстными, 5 конвойными и нѣкоторыми другими командами; в) по резервнымъ войскамъ,—какъ будетъ разъяснено ниже, 56 резервными баталіонами и 12 резервными батареями; г) по запаснымъ войскамъ—на 67 баталіоновъ и 15 батарей.

Отъ всѣхъ измѣненій въ штатахъ войскъ, а также отъ новыхъ формированій, въ штатномъ составѣ регулярныхъ войскъ прибавилось: 71 генералъ, 6.683 офицера, 2.586 классныхъ чиновниковъ, 406.930 нижнихъ чиновъ и 73.287 лошадей. Наличный составъ казачьихъ войскъ увеличился на 577 генераловъ и офицеровъ и на 20.991 казака.

Развитіе русскихъ вооруженныхъ силъ продолжалось также во время всей первой половины 1878 года, и обратное теченіе началось лишь съ половины іюля этого года, когда окончаніе засѣданій Берлинскаго конгресса

совершенно устранило вѣроятность какого либо новаго столкновенія.

За это время, кромѣ перечисленныхъ выше вновь сформированныхъ полевыхъ, крѣпостныхъ и мѣстныхъ войскъ, были переформированы:

1) Мѣстные баталіоны: Петербургскій, Ревельскій, Архангелогородскій, Виленскій, Рижскій и Варшавскій—въ полки; кадрами для нихъ служили баталіоны этого же наименованія. Составъ офицеровъ дополнялся преимущественно пріемомъ изъ числа отставныхъ, а нижнихъ чиновъ—частію изъ новобранцевъ призыва 1877 года, частію изъ ратниковъ ополченія 1-го разряда. Переформированіе всѣхъ этихъ баталіоновъ, за исключеніемъ Ревельскаго, переформированнаго лишь въ апрѣлѣ, произошло въ январѣ и февралѣ.

2) Мѣстныя команды: Ковенская, Люблинская, Сѣдлецкая и Митавская переформированы въ мѣстные баталіоны въ февралѣ.

3) Херсонскій и Кишиневскій мѣстные баталіоны въ маѣ мѣсяцѣ были раздѣлены пополамъ и усилены переводомъ чиновъ изъ мѣстныхъ командъ, причемъ изъ каждаго изъ нихъ образовано по два баталіона.

4) На Кавказѣ, въ теченіе іюня и іюля 1878 года, Тифлисскій мѣстный полкъ и 13 мѣстныхъ баталіоновъ были удвоены въ своемъ составѣ и образовали вторые полкъ и баталіоны, а 11 мѣстныхъ командъ развернуты въ мѣстные баталіоны четырехъ-ротнаго состава. Кромѣ того, въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ были сформированы управленія Кронштадтской и Свеаборгской крѣпостныхъ дивизій и Ивангородской крѣпостной бригады. Крѣпостныя части, вошедшія въ составъ этихъ дивизій, не были приведены, однако, въ военный составъ, и были лишь приняты подготовительныя къ тому мѣры.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ переформированій, включая и новыя формированія, штатный составъ войскъ, вообще, усилился на 888 офицеровъ и 49.000 нижнихъ чиновъ.

Наибольшее затрудненіе, однако, представило формированіе резервныхъ войскъ, которое являлось, между тѣмъ, настоятельно необходимымъ уже съ весны 1877 года, дабы освободить полевыя войска отъ тыловой службы.

Формированіе резервныхъ войскъ было предусмотрѣно „Положеніемъ о резервной пѣхотѣ“ 1874 года, причемъ, какъ о томъ было упомянуто въ главѣ четвертой, отдѣльныхъ кадровъ для резервныхъ частей пѣхоты въ мирное время содержать не полагалось. Формированіе ихъ предположено было обезпечить выдѣленіемъ офицеровъ изъ полевыхъ и мѣстныхъ войскъ и призывомъ на службу изъ запаса офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ, къ началу 1877 года запасъ нижнихъ чиновъ (запаса офицеровъ почти не существовало) настолько истощился, что его могло хватить лишь для немобилизованныхъ еще полевыхъ и части крѣпостныхъ, мѣстныхъ и запасныхъ войскъ. Слѣдовательно, для формированія резервныхъ баталіоновъ приходилось или воспользоваться этимъ запасомъ и тѣмъ нарушить всѣ разсчеты, или обратить на образованіе резерва части крѣпостной и мѣстной пѣхоты, съ добавленіемъ ратниковъ Государственнаго ополченія 1-го разряда. Послѣдній способъ формированія и былъ принятъ для всѣхъ частей резервной пѣхоты, образованныхъ въ теченіе 1877 и первой половины 1878 годовъ.

Формированіе резервныхъ частей производилось слѣдующимъ порядкомъ: первыми были сформированы въ апрѣлѣ 1877 года 10 баталіоновъ, №№ 1—10, изъ крѣпостныхъ полковъ: Бендерскаго, Бобруйскаго и двухъ Динабургскихъ, выдѣленіемъ отъ послѣднихъ баталіоновъ. Баталіоны эти были приведены въ составъ по штатамъ 1874 года, получили неформенный обозъ въ уменьшенномъ размѣрѣ и за-

тѣмъ отправлены для исправленія этапной службы въ тылу дѣйствующей арміи. Въ августѣ мѣсяцѣ того же года изъ одного Бобруйскаго и двухъ Динабургскихъ крѣпостныхъ полковъ было выдѣлено 6 баталіоновъ, получившихъ №№ 11, 12, 49, 50, 51 и 52, сформированныхъ также по штату 1874 года. Тогда же изъ баталіоновъ №№ 10—12 была сформирована 1-я резервная дивизія, но безъ артиллеріи.

Еще ранѣе, однако, а именно 31 іюля, было повелѣно сформировать еще 36 баталіоновъ по штату 1874 года, но съ уменьшеніемъ въ каждомъ штатнаго числа офицеровъ на шесть [1]). Обозъ имъ приданъ неформенный и въ уменьшенномъ составѣ.

Формированіе этихъ баталіоновъ было произведено раздѣленіемъ 36 мѣстныхъ баталіоновъ пополамъ, причемъ каждая половина обращалась въ кадръ резервнаго или мѣстнаго баталіона. Послѣдніе положено содержать въ составѣ по 900 рядовыхъ, число же офицеровъ уменьшено здѣсь уже на девять офицеровъ противъ штатнаго [2]). Для приведенія въ военный составъ этихъ баталіоновъ— и резервныхъ, и мѣстныхъ — назначены ратники 1-го разряда.

Баталіонное управленіе прежняго мѣстнаго баталіона переходило въ резервный, а для перваго формировалось новое.

36 резервныхъ баталіоновъ, сформированныхъ такимъ образомъ, получили №№ 13—48 и изъ нихъ было составлено три дивизіи №№ 2—4. Названные баталіоны сформированы: въ августѣ — 21, въ сентябрѣ — 13 и въ октябрѣ — 2.

Кромѣ того, въ августѣ изъ гвардейскаго кадроваго баталіона былъ сформированъ лейбъ-гвардіи резервный пѣхотный полкъ четырехъ-баталіоннаго состава.

---

[1]) Т. е. по пятнадцати вмѣсто двадцати одного.

[2]) Т. е. по шестнадцати вмѣсто двадцати пяти.

Что касается резервной артиллеріи, то въ теченіе 1877 года было сформировано 12 батарей, приданныхъ по четыре къ резервнымъ пѣхотнымъ дивизіямъ №№ 2—4. Сформированы эти батареи были по штату полевыхъ батарей, но безъ пятыхъ запасныхъ взводовъ.

Всего въ теченіе этого года было образовано 56 резервныхъ баталіоновъ и 12 резервныхъ батарей, численностью свыше 61 тысячи нижнихъ чиновъ и около 4 тысячъ лошадей.

Въ 1878 году формированіе резервныхъ частей производилось также разновременно и не было вполнѣ закончено ко времени заключенія Берлинскаго договора.

Въ январѣ мѣсяцѣ было повелѣно сформировать 44 баталіона (№№ 53—96). Изъ этихъ баталіоновъ было сформировано четыре резервныхъ пѣхотныхъ дивизіи (№№ 5—8). Къ каждой изъ этихъ дивизій было придано по артиллерійской резервной бригадѣ соотвѣтствующихъ №№, по четыре батареи въ каждой.

Въ апрѣлѣ началось формированіе еще 36 резервныхъ баталіоновъ, вошедшихъ въ составъ резервныхъ дивизій №№ 9—11, съ соотвѣтствующими резервными артиллерійскими бригадами, также изъ четырехъ батарей каждая.

Самое формированіе этихъ 80 баталіоновъ было произведено слѣдующимъ порядкомъ:

20 баталіоновъ было сформировано путемъ выдѣленія по два баталіона отъ каждаго изъ четырехъ Новогеоргіевскихъ, двухъ Динабургскихъ и Бобруйскаго крѣпостныхъ полковъ и Рижскаго, Виленскаго и Варшавскаго мѣстныхъ полковъ. Всѣ указанные полки рѣшено было временно оставить въ двухъ-баталіонномъ составѣ. 60 баталіоновъ—путемъ выдѣленія половины каждаго баталіона мѣстныхъ полковъ: Кіевскаго, Одесскаго, Казанскаго, Петербургскаго и Московскаго и 40 мѣстныхъ баталіоновъ. Оставшіяся отъ этихъ баталіоновъ половины послужили кадрами для обра-

зованія 60 новыхъ мѣстныхъ баталіоновъ того же наименованія, какъ и до переформированія.

Выдѣленные же баталіоны и половины баталіоновъ послужили кадрами для вышепоименованныхъ резервныхъ баталіоновъ. Для пополненія ихъ до штатовъ военнаго времени служили частію сверхкомплектные нижніе чины, оказавшіеся въ немобилизованныхъ войскахъ послѣ поступленія новобранцевъ призыва 1877 года, а главнымъ образомъ ратники ополченія 1-го разряда изъ запасныхъ баталіоновъ.

Число офицеровъ было уменьшено: въ резервныхъ—на шесть, а въ мѣстныхъ баталіонахъ—на девять.

Новые 80 резервныхъ баталіоновъ и 7 резервныхъ артиллерійскихъ бригадъ были сформированы: въ январѣ—4 батареи; въ февралѣ—30 баталіоновъ и 8 батарей; въ мартѣ—12 баталіоновъ и 8 батарей; въ апрѣлѣ—15 баталіоновъ, и въ маѣ—23 баталіона и 8 батарей.

23 апрѣля 1878 года повелѣно названные 80 и сформированные ранѣе №№ 49—52 баталіоны свести въ полки трехъ-баталіоннаго состава (баталіоны первыхъ четырехъ дивизій были сведены въ полки еще ранѣе).

Въ маѣ 1878 года въ Западно-Сибирскомъ военномъ округѣ было повелѣно сформировать 8 резервныхъ Туркестанскихъ баталіоновъ и 2 резервныхъ Туркестанскихъ батареи для усиленія войскъ въ Средней Азіи. Въ кадры этихъ войскъ назначено по одной ротѣ отъ линейныхъ баталіоновъ Западно-Сибирскаго военнаго округа; недостающіе же чины дополнены изъ запаса и наличнаго сверхкомплекта.

Сверхъ того, въ іюнѣ 1878 года сформирована еще одна резервная батарея.

Кромѣ указанныхъ здѣсь 11 резервныхъ дивизій, въ мартѣ того же года было опредѣлено образовать еще 7 пѣхотныхъ дивизій №№ 12—18, выведя для этого въ поле 36 мѣстныхъ и 48 крѣпостныхъ баталіоновъ. Каждой дивизіи предполагалось придать по 4 батареи.

Баталіоны первыхъ трехъ дивизій предположено было соединить въ четыре полка, по три баталіона въ каждомъ; полки же послѣднихъ четырехъ дивизій имѣть въ четырехъ-баталіонномъ составѣ.

Въ случаѣ вывода въ поле указанныхъ частей, ихъ предположено было замѣнить дружинами ополченія. Прибѣгать къ этимъ крайнимъ мѣрамъ, вслѣдствіе улучшившагося политическаго положенія, однако, не пришлось: дивизіи №№ 12—18 сформированы вовсе не были.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что къ іюлю мѣсяцу 1878 года силы Россіи дошли почти до высшей степени развитія. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что бо̀льшая часть мѣстныхъ, крѣпостныхъ и, особенно, резервныхъ войскъ, по малому и не всегда удовлетворительному составу офицеровъ и вслѣдствіе мало обученнаго состава нижнихъ чиновъ, преимущественно образованнаго изъ ратниковъ ополченія, не могла представлять вполнѣ надежной боевой силы. При этомъ части эти имѣли обозъ въ недостаточномъ количествѣ или вовсе его не имѣли.

Всего къ 1 іюля 1878 года число войсковыхъ частей русской арміи было слѣдующее:

1) Дѣйствующихъ войскъ: пѣхоты 192 полка (616 баталіоновъ), 32 стрѣлковыхъ и 43 линейныхъ баталіоновъ, всего 691 баталіонъ (изъ нихъ формировалось 7 линейныхъ баталіоновъ). Кромѣ того, 16 баталіоновъ отъ казачьихъ войскъ.

Регулярной кавалеріи—224 эскадрона и казаковъ—688 эскадроновъ и сотенъ.

Артиллеріи—292 пѣшихъ, 26 конныхъ, 36 казачьихъ и $10^1/_2$ горныхъ батарей.

Инженерныхъ войскъ, кромѣ парковъ,—$15^1/_2$ саперныхъ, 8 понтонныхъ и 4 желѣзнодорожныхъ баталіона (въ томъ числѣ формировались 2 понтонныхъ и 1 желѣзнодорожный баталіоны).

2) Тыловыхъ войскъ: 339 баталіоновъ, 71 батарея, 41 баталіонъ крѣпостной артиллеріи и 675 мѣстныхъ командъ (въ томъ числѣ формировалось 8 баталіоновъ и 2 батареи).

3) Запасныхъ войскъ: 152 баталіона, 56 эскадроновъ, 28 батарей.

Кромѣ того, учебныя войска и части вспомогательнаго назначенія.

Во всѣхъ этихъ частяхъ, въ случаѣ приведенія на военное положеніе немобилизованныхъ еще 12 пѣхотныхъ и 6 кавалерійскихъ дивизій съ ихъ артиллеріею и нѣкоторыхъ другихъ частей, а также со всѣми казачьими частями, по штату полагалось 1.983.000 человѣкъ.

Составъ дѣйствующей арміи. Вынужденное на войну лишь вслѣдствіе полной невозможности обезпечить мирными средствами улучшеніе быта подвластнаго Турціи христіанскаго населенія, русское правительство, въ зависимости отъ хода политическихъ событій, принуждено было мѣнять какъ предположенія о мѣстѣ сосредоточенія арміи, такъ и самое количество назначенныхъ для войны боевыхъ силъ и средствъ. Вмѣсто двухъ корпусовъ, которые предположено было сосредоточить прямо въ Румыніи съ цѣлью дальнѣйшей затѣмъ оккупаціи Болгаріи, какъ имѣлось въ виду лѣтомъ 1876 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года было окончательно рѣшено включить въ составъ дѣйствующей арміи, назначавшейся для дѣйствій на Европейскомъ театрѣ, четыре армейскихъ корпуса (VIII, IX, XI и XII) и нѣкоторыя другія части. Войска эти должны были сосредоточиться уже не въ Румыніи, а въ Бессарабіи, при этомъ имѣлось въ виду сосредоточить въ предѣлахъ Кіевскаго округа, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Австро-Венгріей, четыре пѣхотныхъ (1-ю, 17-ю, 18-ю и 35-ю) и Донскую казачью дивизіи, квартировавшія до того въ предѣлахъ

Московскаго военнаго округа, въ качествѣ резерва дѣйствующей арміи [1]).

Для обороны сѣвернаго побережья Чернаго моря предполагалось усилить войска Одесскаго округа (оставшіяся за выдѣленіемъ 14-й пѣхотной и 8-й кавалерійской дивизій, вошедшихъ въ составъ дѣйствующей арміи) 36-й пѣхотной и 10-й кавалерійской дивизіями.

Во исполненіе этихъ предначертаній, Высочайшимъ приказомъ отъ 1 ноября 1876 года было объявлено о формированіи дѣйствующей арміи и отдѣльнаго Кавказскаго дѣйствующаго корпуса, а также назначены войска для обороны побережья Чернаго моря.

Согласно этому приказу, въ составъ арміи вошли: Полевое Управленіе дѣйствующей арміи, лейбъ-гвардіи 2-й Кубанскій и Терскій Кавказскій казачьи эскадроны Собственнаго Его Величества конвоя, 2 роты Гвардейскаго экипажа, 50 человѣкъ лейбъ-гвардіи Саперная баталіона, 4 названныхъ выше корпуса (96 баталіоновъ, 48 эскадроновъ, 24 сотни, 432 орудія, 16 парковъ и 4 парковыя половины), 4-я стрѣлковая бригада (13-й, 14-й, 15-й и 16-й баталіоны), 1-я и 2-я горныя батареи (16 орудій), 3-я саперная бригада (саперные баталіоны 5-й, 6-й и 7-й, 5-й и 6-й понтонные полубаталіоны, 2-й осадный инженерный паркъ, 2-й полевой инженерный паркъ, 5-й и 6-й военно-телеграфные парки и $1^1/_2$ парковыхъ роты), 3-й и 4-й понтонные полубаталіоны, команда гальванической роты (50 чел.), военно-дорожный баталіонъ [2]), команда моряковъ Черно-

[1]) Позднѣе, въ 1877 году, когда войска эти были присоединены къ дѣйствующей арміи, на смѣну имъ, для наблюденія за австрійской границей, были сосредоточены 2-я и 3-я пѣхотныя дивизіи и 2-я Донская казачья дивизія, а впослѣдствіи, съ уходомъ ихъ въ дѣйствующую армію, для той же цѣли, на смѣну имъ были передвинуты изъ Варшавскаго и Виленскаго военныхъ округовъ 8-я и 25-я пѣхотныя дивизіи. Кромѣ того, для той же цѣли, въ предѣлахъ Кіевскаго и Одесскаго военныхъ округовъ были сосредоточены 5-я, 6-я, 8-я, 9-я и 10-я резервныя пѣхотныя дивизіи и нѣкоторыя казачьи части, а еще позже передвинута съ Кавказа 1-я гренадерская дивизія.

[2]) Впослѣдствіи, въ декабрѣ мѣсяцѣ, включенъ въ составъ 3-й саперной бригады и переименованъ въ 3-й желѣзнодорожный баталіонъ.

морскаго флота (200 чел.), Донскіе казачьи полки №№ 21, 23, 26, 29, 30, 31, 34, 35, 37 и 40 (60 сотенъ), 2-й конный полкъ Кубанскаго казачьяго войска (6 сотенъ), Владикавказскій конный полкъ Терскаго казачьяго войска (4 сотни), 4 сотни Терской милиціи[1]), 2 сотни пластуновъ Кубанскаго казачьяго войска, Донскія казачьи батареи №№ 8, 9, 10 и 15 (24 орудія), 8-й конно-артиллерійскій паркъ и 3-й жандармскій эскадронъ.

Всего же въ составъ дѣйствующей арміи вошло: 100 баталіоновъ пѣхоты, 2 роты и команда моряковъ, 51 эскадронъ и 98 конныхъ сотенъ, 472 запряженныхъ орудія, 17 артиллерійскихъ парковъ и 4 парковыхъ половины, 4 баталіона, 4 полубаталіона, 4 парка и $1^1/_2$ парковыхъ роты инженерныхъ войскъ.

Сверхъ того, на основаніи Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, при Полевомъ Штабѣ были сформированы: служительская команда и обозъ Главной Квартиры. Нижніе чины служительской команды были выдѣлены изъ полковъ 13-й, 15-й и 34-й пѣхотныхъ дивизій. При Полевомъ же Штабѣ состоялъ пѣшій почетный конвой (одна рота) Главнокомандующаго арміею, сформированный въ числѣ 270 человѣкъ изъ сверхкомплектныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей, выдѣленныхъ изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, входившихъ въ составъ арміи. Рота пѣшаго почетнаго конвоя была употреблена впослѣдствіи для образованія изъ болгарскихъ выходцевъ дружинъ Болгарскаго ополченія. Формированіе его изъ пѣшаго почетнаго конвоя и командированныхъ изъ пѣхотныхъ дивизій дѣйствующей арміи оберъ-офицеровъ было возложено на генералъ-маіора Столѣтова.

---

[1]) Сотни эти были сведены въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Терско-Горскій полкъ, который, вмѣстѣ со 2-мъ Кубанскимъ и Владикавказскимъ полками, былъ включенъ въ составъ вновь сформированной Отдѣльной казачьей дивизіи (14 сотенъ).

Ко времени объявленія войны, т. е. къ 12 апрѣля 1877 года, составъ дѣйствующей арміи измѣнился лишь весьма незначительно.

Въ декабрѣ 1876 года къ составу дѣйствующей арміи была причислена Уральская казачья сотня, прибывшая къ арміи въ началѣ января, впослѣдствіи она была прикомандирована къ 3-й саперной бригадѣ.

Въ январѣ 1877 года приступлено было къ формированію передового артиллерійскаго запаса, законченному лишь къ половинѣ іюня того же года.

Въ первой половинѣ февраля въ составъ арміи была включена осадная артиллерія, въ личный составъ которой вошли два баталіона Кіевской крѣпостной артиллеріи.

Въ томъ же мѣсяцѣ команда моряковъ Черноморскаго флота была усилена и изъ нея сформированъ Черноморскій флотскій отрядъ изъ двухъ ротъ. Тогда же Отдѣльная казачья дивизія была усилена Донскимъ казачьимъ № 30 полкомъ и переименована въ Кавказскую казачью дивизію. Затѣмъ, въ составъ арміи включено парковое артиллерійское отдѣленіе для 4-й стрѣлковой бригады.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 3-й жандармскій эскадронъ былъ разбитъ по-взводно между четырьмя корпусами дѣйствующей арміи; взамѣнъ того, при Главной Квартирѣ назначено состоять полуэскадрону отъ 4-го жандармскаго эскадрона, другая половина котораго вошла въ составъ войскъ Одесскаго военнаго округа.

Такимъ образомъ, къ 13 апрѣля въ составъ дѣйствующей арміи входило: 100 баталіоновъ пѣхоты, 4 роты моряковъ и 2 пѣшихъ казачьихъ сотни, 150½ эскадроновъ и сотенъ, 472 запряженныхъ орудія, 2 баталіона крѣпостной артиллеріи, 17 артиллерійскихъ парковъ, 4 парковыхъ половины и одно парковое отдѣленіе, осадный артиллерійскій паркъ, 8 саперныхъ, понтонныхъ и желѣзнодорожныхъ баталіоновъ, 1½ парковыхъ инженерныхъ роты, 4 военно-

телеграфныхъ, полевыхъ и осадныхъ инженерныхъ парковъ и 2 команды.

Значительное усиленіе дѣйствующей арміи произошло уже позже объявленія войны, когда, приказомъ по военному вѣдомству (въ концѣ апрѣля), въ составъ ея были включены XIII, XIV и IV корпуса, 2-я саперная бригада, 10 резервныхъ баталіоновъ, 1-я резервная саперная рота, флотская стрѣлковая рота учебнаго пѣхотнаго баталіона, Балтійскій флотскій отрядъ (3 роты), баталіонъ Николаевской и рота Кіевской крѣпостныхъ артиллерій, осадный артиллерійскій паркъ. Присоединились же къ дѣйствующей арміи: части XIII и XIV корпусовъ—въ концѣ апрѣля и въ первой половинѣ мая, а IV корпуса—въ концѣ мая и въ началѣ іюня.

Резервные пѣхотные баталіоны входили постепенно въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ.

Прибытіе указанныхъ частей довело къ 25 іюня дѣйствующую армію до 182 баталіоновъ пѣхоты, 1 баталіона и 6 ротъ моряковъ, 2 пѣшихъ сотенъ, 215 эскадроновъ и сотенъ, 802 орудій, 29 артиллерійскихъ парковъ, 4 парковыхъ половинъ, 6 парковыхъ отдѣленій, 5 саперныхъ, 2 желѣзнодорожныхъ и 4 понтонныхъ баталіоновъ и 1 резервной саперной роты и 2 командъ, 2 осадныхъ инженерныхъ, 1 полевого и 4 военно-телеграфныхъ парковъ, $2^1/_2$ парковыхъ ротъ и $3^1/_4$ баталіоновъ крѣпостной артиллеріи, 1 осаднаго артиллерійскаго парка.

Сверхъ того, въ составъ дѣйствующей арміи вошли: Сводный гвардейскій отрядъ и Болгарское ополченіе.

Составъ и устройство управленія дѣйствующей арміи согласно „Положенію объ управленіи войскъ въ военное время“, утвержденному 16 октября 1876 года, были таковы:

Во главѣ арміи стоялъ Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій,

сохранявшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, званія по должности Генералъ-Инспектора Кавалеріи и по Инженерной части [1]).

Права, кругъ дѣйствій, степень и предѣлы власти Главнокомандующаго, согласно этому „Положенію“, по отношенію къ арміи, личному составу войскъ, по части хозяйственной, по управленію занятой у непріятеля территоріей и въ прочихъ отношеніяхъ—были весьма обширны. Повелѣнія Главнокомандующаго исполнялись въ войскахъ, ему ввѣренныхъ, въ подчиненныхъ военныхъ округахъ, губерніяхъ и областяхъ, входившихъ въ раіонъ военныхъ дѣйствій,—какъ Высочайшія повелѣнія [2]).

---

[1]) Его Императорское Высочество родился въ 1831 году и при назначеніи своемъ Главнокомандующимъ арміею имѣлъ отъ роду 45 лѣтъ. За время прохожденія службы Великій Князь послѣдовательно командовалъ 1-ю бригадою 1-й легкой кавалерійской дивизіи, затѣмъ тою же дивизіей, 1-й гвардейской кавалерійской дивизіей, резервнымъ гвардейскимъ кавалерійскимъ корпусомъ, Отдѣльнымъ Гвардейскимъ корпусомъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1864 года Его Высочество былъ назначенъ Командующимъ, а впослѣдствіи Главнокомандующимъ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа и, наконецъ, 10 августа 1876 года назначенъ Главнокомандующимъ дѣйствующею арміею.

Съ 1852 года Его Высочество состоялъ Генералъ-Инспекторомъ по Инженерной части, съ 1857 года — почетнымъ Президентомъ Николаевской Инженерной Академіи, а съ 1864 года — Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи и по Инженерной части.

Великій Князь принималъ участіе въ Крымской войнѣ и за отличіе въ Инкерманскомъ сраженіи награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса.

[2]) Направленіе военныхъ дѣйствій предоставлялось его непосредственному усмотрѣнію, при этомъ онъ обязанъ былъ лишь руководствоваться Высочайше утвержденнымъ общимъ планомъ войны. Онъ могъ собственною властью заключать съ непріятелемъ перемирія; въ переговоры же о мирѣ Главнокомандующій не могъ, однако, вступать безъ особеннаго на то Высочайшаго Государя Императора полномочія.

Передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій Главнокомандующій входилъ въ соглашеніе съ Военнымъ Министромъ какъ о составѣ арміи, такъ и о нормѣ личнаго состава полевыхъ управленій. О соглашеніяхъ этихъ представлялось на Высочайшее Имя.

Въ Полевомъ его Управленіи составлялись соображенія о первоначальномъ устройствѣ операціоннаго базиса, а также распоряженія, необходимыя для окончательнаго приведенія арміи въ полную готовность къ войнѣ. Соображенія эти онъ сообщалъ Военному Министру для зависящаго, съ его стороны, содѣйствія. Главнокомандующій же распоряжался составленіемъ смѣты на экстраординарные и дополнительные по военному времени расходы и, по представленіи ея черезъ Военнаго Министра на Высочайшее утвержденіе, опредѣлялъ сроки, въ которые потребныя суммы должны были высылаться въ армію.

Должностныхъ лицъ Полевого Управленія арміи, согласно Положенію, Главнокомандующій избиралъ, представляя на Высочайшее Государя Императора утвержденіе, частію же назначалъ собственною властью; къ временному же исправленію должностей начальниковъ отдѣловъ Полевого Управленія арміи и ихъ помощниковъ, командировъ корпусовъ и начальниковъ дивизій—допускалъ собственною властью. Сверхъ того, Главнокомандующій имѣлъ право назначать: 1) полковыхъ командировъ и другихъ, имѣющихъ равную съ ними

Органомъ по управленію ввѣренными Его Высочеству войсками служило Полевое Управленіе арміи, состоявшее изъ слѣдующихъ главныхъ частей или отдѣловъ: 1) Полевого Штаба, 2) полевого интендантскаго управленія, 3) полевого артиллерійскаго управленія, 4) полевого инженернаго управленія, 5) полевого управленія военными сообщеніями и 6) полевого казначейства [1]). Сверхъ того, къ составу Полевого Управленія арміи принадлежали управленія и лица, подчиненныя Начальнику Штаба арміи: 1) комендантское управленіе, 2) инспекторъ госпиталей арміи, 3) полевое военно-медицинское управленіе, 4) полевое почтовое управленіе и 5) полевой главный священникъ.

Наиболѣе важное значеніе изъ перечисленныхъ отдѣловъ Полевого Управленія принадлежало Полевому Штабу, во

власть, начальниковъ отдѣльныхъ частей; 2) начальниковъ отрядовъ; 3) военныхъ губернаторовъ и комендантовъ; 4) правителей и другихъ чиновъ по управленію областями, занятыми по праву войны.

За военные блистательные подвиги имѣлъ право собственною властью награждать нижнихъ чиновъ знаками военнаго ордена всѣхъ степеней, унтеръ-офицеровъ—офицерскими чинами, а офицеровъ—слѣдующими чинами до капитана арміи включительно или до соотвѣтствующаго оному чина и орденами Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, Св. Анны 2-й и 3-й степеней съ мечами и бантомъ и 4-й степени съ надписью «за храбрость», Св. Станислава 2-й и 3-й степеней съ мечами и бантомъ и золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Награжденіе орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени онъ производилъ по статуту и не иначе, какъ по удостоенію думы, учреждаемой изъ наличныхъ кавалеровъ сего ордена.

Главнокомандующій могъ всѣхъ лицъ, ему подвѣдомственныхъ, безъ различія чина и званія, удалять отъ должностей и выселять изъ арміи.

По части хозяйственной Главнокомандующему предоставлялись права Военнаго Совѣта. Сверхъ того, онъ пользовался властью назначать общія и частныя реквизиціи, а въ областяхъ непріятельскихъ, занятыхъ по праву войны, налагать контрибуціи; разрѣшать замѣну однихъ предметовъ довольствія другими и, вообще, разрѣшать сверхштатные отпуски и расходы на какую бы то ни было сумму, когда обстоятельства того требуютъ; утверждать сравнительную цѣнность русскихъ монетъ съ монетами занятой у непріятеля страны и проч.

По отношенію къ губерніямъ и областямъ, объявленнымъ на военномъ положеніи, Главнокомандующій имѣлъ обширныя права до удаленія и преданія военному суду должностныхъ лицъ и тѣхъ жителей, коихъ онъ признавалъ вредными для безопасности арміи. Въ областяхъ непріятельскихъ, занятыхъ арміею, онъ имѣлъ право учреждать, Именемъ Его Императорскаго Величества, временныя правленія, собирать существующія и налагать новыя пошлины.

[1]) Полевое казначейство было образовано согласно временному „Положенію о казначейской части въ арміи“, объявленному при приказѣ по военному вѣдомству отъ 8 ноября 1876 года за № 333. Органами главнаго полевого казначея при войскахъ служили корпусные и отрядные казначеи.

главѣ коего стоялъ Начальникъ Штаба арміи, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Непокойчицкій.

Составъ прочихъ начальствующихъ лицъ Полевого Управленія арміи былъ слѣдующій: собственно Полевого Штаба—помощники Начальника Штаба генералъ-маіоры Левицкій и Кучевскій; начальниками отдѣловъ Полевого Управленія были: начальникъ артиллеріи—генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ князь Масальскій; начальникъ инженеровъ—генералъ-маіоръ Деппъ; начальникъ военныхъ сообщеній—генералъ-лейтенантъ Каталей; интендантъ арміи—дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ.

Начальниками частей управленій, подчиненныхъ непосредственно Начальнику Полевого Штаба были:

Начальникъ комендантскаго управленія — генералъ-маіоръ Воейковъ; инспекторъ госпиталей—генералъ-маіоръ Коссинскій; полевой военно-медицинскій инспекторъ— дѣйствительный статскій совѣтникъ Приселковъ; начальникъ полевого почтоваго управленія—надворный совѣтникъ Романусъ; полевой главный священникъ—протоіерей Смоличъ.

Непосредственно Главнокомандующему были подчинены: походный атаманъ—генералъ-лейтенантъ Фоминъ (завѣдывалъ всѣми принадлежащими къ арміи, но не входящими въ составъ дивизій частями иррегулярныхъ войскъ), главный полевой казначей — дѣйствительный статскій совѣтникъ Кидошенковъ, полевой генералъ-контролеръ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Черкасовъ [1]), завѣдующій дѣлами по гражданской части—дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Черкасскій (правитель его канцеляріи—генералъ-маіоръ Домонтовичъ), чиновникъ по дипломатической части—статскій совѣтникъ Хитрово.

При арміи состояли полевой военный судъ и кассаціонное присутствіе.

---

[1]) „Временное положеніе о полевомъ контролѣ“ было объявлено при приказѣ по военному вѣдомству отъ 28 февраля 1877 года за № 73.

Предсѣдателемъ перваго были: сначала—генералъ-маіоръ Брандтъ, а съ 10 апрѣля 1877 года — генералъ-маіоръ Величковскій.

Предсѣдателемъ послѣдняго былъ вначалѣ командующій 14-й пѣхотной дивизіей генералъ-маіоръ Драгомировъ, а съ 22 апрѣля—походный атаманъ генералъ-лейтенантъ Фоминъ [1]).

Сосредоточеніе арміи въ Бессарабіи, по планамъ Главнаго Штаба, должно было начаться 8 ноября и окончиться къ 20 декабря.

По составленной въ Полевомъ Штабѣ дислокаціи, армія должна была сосредоточиться въ средней и южной частяхъ

---

[1]) Приводимъ здѣсь важнѣйшія подробности о начальствующихъ лицахъ Полевого Управленія арміи и о кругѣ дѣятельности подвѣдомственныхъ имъ управленій и учрежденій.

Генералъ Непокойчицкій началъ службу въ 1832 году, участвовалъ въ рядѣ экспедицій противъ горцевъ на Кавказѣ съ 1841 по 1845 годъ; принималъ, затѣмъ, участіе въ Венгерской кампаніи и въ войнѣ съ турками 1853—54 годовъ. Передъ назначеніемъ на должность Начальника Штаба арміи, съ 1859 по 1876 годъ былъ предсѣдателемъ Военно-Кодификаціоннаго Комитета. Въ ноябрѣ 1876 года онъ имѣлъ отъ роду 63 года.

По положенію своему въ арміи, Начальникъ Штаба былъ ближайшимъ къ Главнокомандующему лицомъ. Онъ являлся докладчикомъ по всѣмъ частямъ Полевого Управленія, а въ случаѣ, если Главнокомандующій признавалъ нужнымъ призывать для личнаго доклада интенданта, начальниковъ артиллеріи и инженеровъ арміи, а также начальника военныхъ сообщеній или полевого казначея, онъ присутствовалъ при ихъ докладахъ. Хотя названныя лица не были ему подчинены, онъ имѣлъ право призывать ихъ для совѣщаній, на коихъ являлся предсѣдателемъ. Онъ обязанъ былъ доводить до свѣдѣнія Главнокомандующаго о замѣченныхъ безпорядкахъ и упущеніяхъ во всѣхъ частяхъ арміи, какъ и вообще наблюдать за порядкомъ во всей арміи. Онъ имѣлъ право осматривать всѣ полки и прочія части арміи. Приказанія Главнокомандующаго, имъ объявляемыя, имѣли силу повелѣній самого Главнокомандующаго. Въ случаѣ болѣзни этого послѣдняго, онъ управлялъ арміей его именемъ, а въ случаѣ смерти—долженъ былъ заступить его мѣсто, впредь до назначенія новаго главнокомандующаго.

Какъ указано въ текстѣ настоящей главы, Начальникъ Штаба имѣлъ сперва одного помощника—свиты Его Величества генералъ-маіора Левицкаго. Впослѣдствіи (3 января 1877 года) назначенъ вторымъ помощникомъ генералъ-маіоръ Кучевскій.

Генералъ-маіоръ Левицкій былъ произведенъ въ офицеры въ 1853 году, занималъ разныя должности по генеральному штабу, былъ профессоромъ Николаевской академіи генеральнаго штаба и командовалъ недолго Конно-Гренадерскимъ полкомъ. Передъ назначеніемъ въ дѣйствующую армію онъ былъ помощникомъ начальника штаба войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Въ виду престарѣлаго возраста Начальника Штаба, на генералъ-маіорѣ Левицкомъ лежала, по преимуществу, вся оперативная дѣятельность.

Генералъ-маіоръ Кучевскій съ 1870 года, до назначенія въ дѣйствующую армію, состоялъ членомъ Военно-Кодификаціоннаго Комитета. Въ офицеры былъ произведенъ въ 1829 году.

Бессарабіи, а также вдоль желѣзныхъ дорогъ въ южной части Подольской и въ сѣверо-западной части Херсонской губерній, имѣя три корпуса съ четырьмя Донскими полками въ первой линіи, въ окрестностяхъ Кишинева, а одинъ корпусъ съ шестью Донскими и тремя Кавказскими полками — сзади, за центромъ и правымъ флангомъ, вдоль по линіямъ желѣзныхъ дорогъ изъ Одессы на Кіевъ и Кременчугъ, на пространствѣ отъ

Полевой Штабъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: 1) строевого, 2) инспекторскаго и 3) хозяйственнаго, вѣдавшихъ переписку по соотвѣтствующимъ предметамъ. Отдѣлы эти были непосредственно подчинены помощникамъ Начальника Штаба.

Непосредственно Начальнику Штаба были подчинены: 1) канцелярія Начальника Штаба (правитель канцеляріи—дѣйствительный статскій совѣтникъ Шубертъ); 2) военно-топографическій отдѣлъ (начальникъ—полковникъ Обломіевскій); 3) штабъ-офицеръ надъ вожатыми—полковникъ Артамоновъ; обязанностью его было собираніе свѣдѣній о непріятелѣ и доставленіе арміи проводниковъ, и 4) чины для порученій.

Помощникомъ начальника полевого интенданта д. с. с. Аренса былъ д. с. с. Левковичъ.

Кругъ дѣятельности интендантскаго управленія очерченъ въ девятой главѣ.

Начальникомъ артиллеріи, какъ выше сказано, былъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ князь Масальскій, состоявшій на службѣ съ 1829 года. Передъ войной занималъ должность начальника артиллеріи Петербургскаго военнаго округа.

Помощникомъ его былъ генералъ-маіоръ Адамовичъ.

Начальникомъ артиллерійскихъ парковъ былъ полковникъ Каннабихъ.

Начальникъ артиллеріи завѣдывалъ всею артиллеріею арміи и заботился о безостановочномъ снабженіи подчиненныхъ Главнокомандующему войскъ и крѣпостей всѣми предметами артиллерійскаго довольствія.

Артиллерія, входившая въ составъ корпусовъ, дивизій и отрядовъ, должна была дѣйствовать по распоряженію начальниковъ этихъ частей. Начальникъ артиллеріи арміи могъ распоряжаться этою артиллеріею лишь въ случаяхъ полученія отъ Главнокомандующаго порученій привести въ исполненіе какое-либо особое предначертаніе, сопряженное съ дѣйствіемъ значительной части артиллеріи. Ему подчинялась прямо артиллерія, не причисленная къ составу корпусовъ, дивизій или отрядовъ.

Начальникъ инженеровъ—генералъ-маіоръ Деппъ (офицеромъ съ 1854 года). Передъ войною онъ былъ начальникомъ инженеровъ Варшавскаго военнаго округа.

Помощникомъ начальника инженеровъ былъ полковникъ Энгель.

Главною обязанностью начальника инженеровъ арміи было распоряженіе о снабженіи войскъ арміи предметами инженернаго довольствія, предупреждая всякій въ нихъ недостатокъ.

Инженернымъ войсками начальникъ инженеровъ распоряжался на основаніяхъ, одинаковыхъ съ начальникомъ артиллеріи по отношенію къ артиллерійскимъ частямъ.

Начальникомъ военныхъ сообщеній въ арміи былъ генералъ-лейтенантъ Каталей (офицеромъ съ 1838 года). Передъ войною былъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ Петербургскаго военнаго округа. Въ полевомъ управленіи военными сообщеніями сосредоточивалось исполненіе всѣхъ распоряженій Главнокомандующаго, касающихся устройства и поддержанія связи арміи съ ея базисомъ. На этомъ основаніи, предметами его вѣдѣнія были: 1) устройство военныхъ дорогъ; 2) эксплоатація путей, служащихъ военными дорогами: желѣзныхъ, водяныхъ и грунтовыхъ; 3) охраненіе порядка и безопасности на военныхъ дорогахъ; 4) всѣ распоряженія по подвозу къ арміи людей, лошадей и матеріальныхъ предме-

Бирзулы до Жмеринки и Винницы—въ одну и Ольвіополя—въ другую стороны. Расположенная такимъ образомъ, армія занимала пространство по фронту и въ глубину свыше 200 верстъ.

Въ частности, войска должны были занять и, за указанными ниже измѣненіями, дѣйствительно заняли слѣдующее положеніе: Полевое Управленіе арміи, со всѣми учрежденіями,—въ городѣ Кишиневѣ. Тамъ же 2 эскадрона конвоя,

---

товъ снабженія, а также по обратному отвозу всего подлежащаго отправленію изъ арміи; 5) общее завѣдываніе всѣми средствами матеріальнаго снабженія войскъ, сосредоточенными на военныхъ дорогахъ и составляющими непосредственную принадлежность дѣйствующей арміи.

Полевое управленіе военными сообщеніями состояло изъ трехъ отдѣловъ: 1) этапнаго, 2) военно-дорожнаго и 3) почтъ и телеграфовъ.

Этапный отдѣлъ завѣдывалъ, главнымъ образомъ, устройствомъ и личнымъ составомъ комендантскихъ и этапныхъ управленій на военныхъ дорогахъ.

Отдѣлъ военно-дорожный вѣдалъ, главнымъ образомъ, дѣла по устройству и поддержанію въ исправности путей, служащихъ военными дорогами, и эксплоатаціей ихъ.

Въ непосредственномъ подчиненіи завѣдующаго военно-дорожнымъ отдѣломъ состояли желѣзнодорожные баталіоны, инженеры и техники, командированные вѣдомствомъ путей сообщенія.

Отдѣлъ почтъ и телеграфовъ завѣдывалъ устройствомъ и поддержаніемъ въ порядкѣ почтъ и телеграфовъ на военныхъ дорогахъ и личнымъ составомъ чиновъ почтоваго и телеграфнаго вѣдомствъ.

Начальникъ комендантскаго управленія являлся ближайшимъ помощникомъ Начальника Штаба арміи по охраненію въ оной порядка и благоустройства и по управленію обозами; распоряжался принятіемъ, содержаніемъ и отсылкою изъ раіона расположенія арміи арестантовъ, плѣнныхъ, дезертировъ и пр.; приводилъ въ исполненіе приговоры военныхъ судовъ; пріискивалъ лазутчиковъ, передавая ихъ штабъ-офицеру надъ вожатыми. Ему подчинялся конвой Главной Квартиры и жандармскія части.

Къ предметамъ вѣдѣнія инспектора госпиталей относились: 1) непосредственныя распоряженія по устройству военно-врачебныхъ заведеній въ раіонѣ расположенія арміи и въ ея тылу и 2) наблюденіе за исправностью содержанія госпиталей, особенно по хозяйственной части. Ему подчинялся личный составъ чиновъ по хозяйственной части въ госпиталяхъ.

Въ полевомъ военно-медицинскомъ управленіи (начальникъ его—д. с. с. Приселковъ) сосредоточивались: 1) распоряженія по принятію мѣръ для охраненія здоровья войскъ арміи и по снабженію войскъ и военныхъ госпиталей, на театрѣ войны находящихся, медикаментами, аптечными вещами, хирургическими инструментами, перевязочными припасами и тѣми предметами матеріальнаго каталога, заготовленіе коихъ лежитъ на обязанности военно-медицинскаго вѣдомства; 2) наблюденіе за успѣшнымъ леченіемъ больныхъ и раненыхъ, и 3) завѣдываніе личнымъ составомъ военно-медицинской части въ арміи.

Полевое почтовое управленіе завѣдывало собственно почтовой корреспонденціей, въ то время какъ вышеуказанный отдѣлъ почтъ и телеграфовъ управленія военными сообщеніями вѣдалъ устройство и содержаніе почтовыхъ станцій.

При Главной Квартирѣ была учреждена полевая почтовая контора, а при корпусахъ (впослѣдствіи—отрядахъ) и на военныхъ дорогахъ, по мѣрѣ надобности, учреждались, съ утвержденія Главнокомандующаго, по представленію начальника полевого почтоваго управленія, почтовыя отдѣленія.

2 роты Гвардейскаго экипажа и команды Черноморскихъ моряковъ и гвардейскаго Сапернаго баталіона.

XII корпусъ—къ сѣверу отъ Кишинева, причемъ 12-я пѣхотная дивизія располагалась вдоль желѣзной дороги отъ Кишинева до границы, 33-я пѣхотная дивизія—отъ города Оргѣева до Бѣльцы, а 12-я кавалерійская дивизія—у Сороки и Ямполя; штабъ корпуса—въ Оргѣевѣ.

XI корпусъ—къ югу отъ Кишинева, имѣя 32-ю пѣхотную дивизію къ югу отъ крѣпости Бендеры, 11-ю пѣхотную дивизію—въ юго-западномъ углу Бессарабіи, въ окрестностяхъ села Тарутина, 11-ю кавалерійскую дивизію—у Дубассары и Григоріополя; штабъ корпуса—у селенія Новые-Каушаны.

VIII корпусъ: 9-я пѣхотная дивизія—вдоль по Днѣстру, къ югу отъ Тирасполя, 14-я пѣхотная дивизія—между Кишиневомъ и Тирасполемъ, четыре Донскихъ полка съ двумя батареями (№№ 29, 30, 31 и 40 полки, 8-я и 10-я батареи)—вдоль границы, впереди 11-й пѣхотной дивизіи, отъ мѣстечка Комрада до Кубея, 4-я стрѣлковая бригада расположилась между Кишиневомъ и границей, южнѣе 12-й пѣхотной дивизіи, у Варзарешти, 3-я саперная бригада съ двумя понтонными полубаталіонами 2-й саперной бригады расположилась въ Кишиневѣ и западнѣе его.

IX корпусъ имѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію расположенною вдоль желѣзной дороги отъ Жмеринки до Винницы, 31-ю пѣхотную дивизію—отъ Бирзулы до Балты, 9-ю кавалерійскую дивизію—отъ Бирзулы до Ананьева; штабъ корпуса—въ городѣ Балтѣ.

Шесть Донскихъ полковъ №№ 21, 23, 26, 34, 37 [1]) съ двумя батареями (9-я и 15-я батареи) расположились между Бирзулою и Жмеринкою, три Кавказскихъ казачьихъ полка съ двумя сотнями пластуновъ—вдоль Елисаветградской желѣзной дороги, отъ Балты до Ольвіополя.

[1]) Что касается Донского казачьяго № 35 полка, то онъ, какъ сказано выше, былъ впослѣдствіи приданъ Полевому Управленію арміи.

Артиллерійскіе парки располагались при своихъ дивизіяхъ, за исключеніемъ 5-й артиллерійской парковой бригады, оставленной въ мѣстѣ своего постояннаго расположенія (въ городѣ Тирасполѣ). Мѣстные артиллерійскіе парки оставлены на мѣстахъ ихъ постояннаго расположенія: четыре—въ Кременчугѣ и четыре—въ Кіевѣ.

Осадный артиллерійскій паркъ долженъ былъ сосредоточиться въ крѣпости Бендерахъ, въ составѣ 220 орудій. На первое время, однако, Главнокомандующій счелъ возможнымъ ограничиться сборомъ въ Бендерахъ всего 64 орудій (отдѣленіе обложенія и одно отдѣленіе главнаго парка) и 24 мортиръ. Передовой артиллерійскій запасъ, складъ огнестрѣльныхъ припасовъ, артиллерійскія мастерскія и лабораторія были оставлены временно на мѣстахъ, а впослѣдствіи передвинуты въ Тирасполь и Кишиневъ.

Интендантскій транспортъ расположился въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Аккерманѣ.

Военно-временные госпитали были расположены: 9 (открытыхъ) — въ Бѣльцахъ, Оргѣевѣ, Тарутинѣ, Тирасполѣ, Кишиневѣ, Винницѣ, Балтѣ, Елисаветградѣ и Кременчугѣ; остальные—временно въ мѣстахъ формированія: въ Кременчугѣ и Кіевѣ.

Какъ выше сказано, сосредоточеніе предполагалось закончить къ 20 декабря. Въ дѣйствительности же произошло замедленіе вслѣдствіе недостатка подвижного состава на Одесской линіи и закупорки подвижнымъ составомъ станціи Курско-Кіевской желѣзной дороги; Одесская дорога уже на десятый день мобилизаціи не могла отправлять полнаго числа воинскихъ поѣздовъ [1]).

Движеніе, само собою, пріостановилось и, дабы не разстраивать весь планъ перевозки, пришлось прекратить на 3 дня перевозку войскъ на всѣхъ дорогахъ. Въ теченіе этихъ дней на Одесскую дорогу успѣли доставить по-

[1]) О причинахъ замедленія подробно изложено въ главѣ VIII.

движной составъ, и 15 ноября движеніе возстановилось. Это число приказано было считать одиннадцатымъ днемъ мобилизаціи.

Вслѣдъ затѣмъ едва не явилась новая задержка вслѣдствіе порчи водоснабженія на станціяхъ Одесской дороги „Тирасполь“ и „Кучукъ-Курганъ“, почему дорога эта, не имѣя возможности возвратить порожній подвижной составъ, задолжала Кіево-Брестской дорогѣ до 450 вагоновъ.

Тогда управленія обѣихъ дорогъ стали просить новой остановки движенія еще на четыре дня.

Избѣгая невыгоднаго впечатлѣнія такой остановки, Военное Министерство не согласилось на нее, но, дабы нѣсколько облегчить участокъ Жмеринка—Бирзула Одесской дороги, въ который вливалось движеніе всѣхъ прочихъ дорогъ, было сокращено число обязательныхъ воинскихъ поѣздовъ на этомъ участкѣ, что̀ дало возможность Одесской дорогѣ освободиться отъ порожняго подвижного состава, чѣмъ было обезпечено безостановочное движеніе и по другимъ линіямъ.

Облегченіе это было достигнуто тѣмъ, что 33-я пѣхотная дивизія и 33-я артиллерійская бригада были остановлены на своихъ мѣстахъ и перевезены уже потомъ, въ концѣ всего движенія, и по особому плану; а 5-я пѣхотная дивизія перевезена была вплоть до станцій назначенія „Винницы“ и „Жмеринки“ въ вагонахъ Курско-Кіевской дороги.

Дальнѣйшихъ затѣмъ задержекъ болѣе не было.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прибыли на свои мѣста: 9-я, 11-я и 12-я кавалерійскія дивизіи. 8-я кавалерійская дивизія, уже до того расположенная въ предѣлахъ Бессарабіи, совершила передвиженіе въ окрестности Бѣльцы и Скулянъ походнымъ порядкомъ, также какъ и 14-я пѣхотная дивизія, расположившаяся между Бендерами и Кишиневомъ; 11-я и 12-я пѣхотныя дивизіи (11-я—безъ артиллеріи), 4-я стрѣлковая бригада (безъ 13-го стрѣлковаго баталіона) и часть 3-й саперной бригады.

Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ, 23 числа, прибылъ въ Кишиневъ Главнокомандующій. Въ Кишиневъ же прибыли: Полевое Управленіе арміи и состоящія при немъ команды, рота Гвардейскаго экипажа, команда лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, двѣ команды Черноморскихъ моряковъ. Что́ касается команды гальванеровъ, то эта послѣдняя прибыла въ Одессу также въ концѣ ноября. Тогда же прибыли 4 Донскихъ полка (№№ 29, 30, 31 и 40) на станціи высадки и въ концѣ ноября находились въ слѣдованіи обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ на квартиры по дислокаціи (Еникубей, Комрадъ, Тараклія и Тамай) передъ фронтъ XI корпуса, для чего имъ предстояло сдѣлать 10—11 переходовъ.

Донская 8-я батарея присоединилась къ арміи 24 ноября.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ къ арміи прибыли въ первыхъ числахъ: части 3-й саперной бригады и 3-й и 4-й понтонные полубаталіоны, 15-я и 9-я Донскія казачьи батареи, 9-я пѣхотная дивизія и 13-й стрѣлковый баталіонъ—къ 4, артиллерія 11-й пѣхотной дивизіи—къ 5, 5-я пѣхотная дивизія—къ 7, 31-я пѣхотная дивизія—къ 8, 32-я пѣхотная дивизія—къ 10 декабря, 2 эскадрона конвоя 11 декабря, 33-я пѣхотная дивизія—съ 27 ноября по 18 декабря (всѣ дивизіи съ ихъ артиллеріею), шесть Донскихъ полковъ (№№ 21, 23, 26, 34, 35 и 37) прибывали съ 11 по 19 декабря, дѣлая отъ трехъ до восьми переходовъ; 17 декабря прибыли Владикавказскій полкъ Терскаго казачьяго войска и двѣ сотни пластуновъ; 23 декабря прибылъ Кубанскій казачій полкъ; 24 и 25 декабря — 3-й желѣзнодорожный баталіонъ.

Летучіе артиллерійскіе парки прибывали разновременно, въ общемъ, значительно позже войскъ, при коихъ состояли. Значительная часть ихъ прибыла уже въ двадцатыхъ числахъ декабря.

Къ 23 декабря окончилась массовая перевозка войскъ, а къ 26 декабря всѣ части арміи прибыли на квартиры, назначенныя имъ по дислокаціи.

Въ январѣ мѣсяцѣ къ арміи присоединились лишь: 17—Уральская казачья сотня и 30—изъ Кіева двѣ горныхъ батареи.

При слѣдованіи на квартиры многимъ частямъ войскъ пришлось совершить довольно значительные переходы. Особенно большое число переходовъ выпало на долю четырехъ указанныхъ выше Донскихъ казачьихъ полковъ (11 переходовъ); наибольшая же величина перехода въ верстахъ была у Донского № 26 полка, сдѣлавшаго 270 верстъ въ 8 переходовъ.

Пѣхотныя части дѣлали, въ общемъ, для слѣдованія съ пунктовъ высадки на квартиры не болѣе трехъ переходовъ; однако, нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось совершить значительныя передвиженія, напримѣръ: 41-й пѣхотный Селенгинскій полкъ сдѣлалъ 128 верстъ (7 переходовъ, 2 дневки), а 47-й пѣхотный Украинскій полкъ—198 верстъ (11 переходовъ, 5 дневокъ).

Изъ пѣшихъ артиллерійскихъ частей—33-я артиллерійская бригада сдѣлала до 116 верстъ (5—6 переходовъ, 2 дневки).

Приведенная выше дислокація арміи, разработанная въ Полевомъ Штабѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, подверглась затѣмъ лишь нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ, вызваннымъ въ декабрѣ 1876 года усиливавшейся вѣроятностью немедленнаго перехода границы; въ февралѣ мѣсяцѣ — необходимостью дать войскамъ лучшія въ санитарномъ отношеніи стоянки; весною, въ виду уже окончательно рѣшенной войны,—необходимостью придвинуть отрядъ войскъ къ юго-западному углу границы для скорѣйшаго, затѣмъ, занятія важнаго стратегическаго пункта—города Галаца, и, наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ—сосредоточеніемъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ нѣкоторыхъ частей войскъ для предстоящихъ смотровъ Государя Императора.

Въ видахъ болѣе быстраго перехода войскъ черезъ границу, если бы на то послѣдовало повелѣніе Государя Импе-

ратора, Главнокомандующій арміею призналъ нужнымъ перевести въ половинѣ декабря Кавказскія казачьи части изъ окрестностей города Ольвіополя ближе къ румынской границѣ и расположить въ Бессарабской губерніи: Владикавказскій полкъ—въ Ченакѣ, Кубанскій—въ Чимишлинѣ и Терско-Горскій—въ мѣстечкѣ Гура-Галбина, а двѣ сотни пластуновъ — въ селеніи Резени, къ югу отъ желѣзной дороги Кишиневъ—Унгены.

Тогда же были переведены: въ городъ Кишиневъ—№ 35 Донской казачій полкъ и 1-я Донская казачья батарея—въ Бендеры.

Въ половинѣ декабря два полка 12-й кавалерійской дивизіи и обѣ конныя батареи этой дивизіи, расположенныя на лѣвомъ берегу Днѣстра у Ямполя, были переведены на правый берегъ рѣки и расположены въ окрестностяхъ города Сороки, такъ что вся 12-я кавалерійская дивизія сосредоточилась на правомъ берегу Днѣстра. Эта перемѣна вызывалась трудностью переправы черезъ Днѣстръ на паромахъ, которая во время ледохода могла стать совершенно невозможной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было сдѣлано распоряженіе о переводѣ 21-го и 26-го Донскихъ казачьихъ полковъ и 15-й Донской казачьей батареи изъ окрестностей Жмеринки въ окрестности Ямполя, а 23-й Донской казачій полкъ перевезенъ по желѣзной дорогѣ изъ окрестностей Бирзулы въ Бессарабію и расположенъ въ селѣ Гинчешты, по близости отъ румынской границы, къ югу отъ желѣзной дороги.

Въ концѣ февраля были выведены части войскъ, расположенныя вблизи болотистыхъ мѣстностей, и переведены въ мѣста болѣе здоровыя. Такія перемѣщенія были сдѣланы въ расположеніи 9-й пѣхотной дивизіи, а именно: 33-й Елецкій и 36-й Орловскій пѣхотные полки переведены изъ болотистыхъ мѣстностей около Днѣстра: первый—въ колоніи Мангеймъ и Эльзасъ, а второй—въ окрестности Ново-Петровскаго (около станціи Одесской дороги „Веселый

Кутъ“). Незначительныя перемѣщенія съ тою же цѣлью ротъ и баталіоновъ сдѣланы въ XII армейскомъ корпусѣ въ окрестностяхъ города Оргѣева. Наконецъ, въ IX корпусѣ, расположенномъ въ окрестностяхъ городовъ Балта и Винница, сдѣланы перемѣщенія ротъ и баталіоновъ для расширенія квартирнаго расположенія.

Затѣмъ предположено было, тотчасъ по вскрытіи Днѣстра, перевести въ побережныя деревни по Днѣстру въ окрестностяхъ крѣпости Бендеры всѣ понтонные полубаталіоны и морскія команды для учебныхъ упражненій. Для той же цѣли предполагалось направить туда имѣвшіяся при арміи мелкія паровыя суда.

Въ началѣ апрѣля, какъ то будетъ изложено ниже (см. т. II, гл. II), произведены были перемѣщенія нѣкоторыхъ частей въ цѣляхъ приближенія къ границѣ.

Наконецъ, по той же причинѣ, а также въ виду предстоящихъ смотровъ Государя Императора, были тогда же сдѣланы распоряженія о сосредоточеніи 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею къ станціи Жмеринкѣ; 31-й пѣхотной и 9-й кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею и 16-мъ летучимъ и 16-мъ подвижнымъ артиллерійскими парками [1])—къ станціи Бирзулѣ; 9-й пѣхотной дивизіи и 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи—къ Тирасполю; 14-й пѣхотной и 11-й кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею, двухъ эскадроновъ Собственнаго Его Величества конвоя и одной сотни Уральскаго войска—въ Кишиневѣ, и, наконецъ, 12-й пѣхотной, 8-й кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею, 7-го сапернаго и желѣзнодорожнаго (впослѣдствіи 3-го) баталіоновъ—въ Унгени.

Мѣры по оборонѣ Черноморскаго побережья. Наряду съ приготовленіями къ наступательнымъ дѣйствіямъ на Евро-

[1]) По окончаніи смотровъ войскамъ IX корпуса приказано возвратиться въ мѣста прежняго расположенія.

пейскомъ и Азіятскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій, рѣшено было принять рядъ мѣръ по оборонѣ Черноморскаго побережья на случай высадки непріятельскаго десанта и бомбардировки прибрежныхъ городовъ.

Мѣры эти сводились: 1) къ выдѣленію для названной цѣли полевыхъ, крѣпостныхъ и, впослѣдствіи, резервныхъ войскъ; 2) къ укрѣпленію важнѣйшихъ пунктовъ побережья и усиленію существовавшихъ ранѣе укрѣпленій; 3) къ усиленію артиллерійскихъ средствъ для обороны названныхъ пунктовъ; 4) къ устройству въ нѣкоторыхъ пунктахъ минныхъ заграждений, и, наконецъ, 5) къ усиленію наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ слабаго Черноморскаго флота.

Для противодѣйствія непріятельскимъ десантамъ, одновременно съ формированіемъ дѣйствующей арміи, было назначено четыре пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ дивизіи съ ихъ артиллеріею, которыя, какъ замѣчено выше, были также подчинены Главнокомандующему дѣйствующею арміею и сведены въ два армейскіе корпуса—VII и X [1]).

Командиромъ перваго изъ нихъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Барклай-де-Толли Веймарнъ, а второго — генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Воронцовъ. Войска этихъ корпусовъ, одновременно съ передвиженіемъ частей дѣйствующей арміи, должны были занять новое

[1]) Въ составъ этихъ корпусовъ вошли: VII—15-я и 36-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею и 7-я кавалерійская дивизія съ 13-й и 14-й конно-артиллерійскими батареями, 25-мъ и 26-мъ подвижными артиллерійскими парками и 1-я половина 7-го конно-артиллерійскаго парка; X — 13-я и 34-я пѣхотныя дивизіи съ соотвѣтствующими артиллерійскими бригадами, 10-я кавалерійская дивизія съ 17-й конно-артиллерійской и Донской казачьей № 3 батареями, Крымскій дивизіонъ, 27-й и 28-й подвижные артиллерійскіе парки и 2-я половина 7-го конно-артиллерійскаго парка. Всего 48 баталіоновъ, 26 эскадроновъ, 12 сотенъ, 96 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій, общею численностью до 72.314 человѣкъ при 216 орудіяхъ.

Кромѣ того, въ оборонѣ береговъ могла принять участіе бо́льшая часть мѣстныхъ и крѣпостныхъ войскъ, расположенныхъ въ Одесскомъ округѣ, а именно: Одесскій мѣстный полкъ (4 баталіона), 2 мѣстныхъ баталіона—Симферопольскій и Херсонскій и Николаевская мѣстная команда, 1-й и 2-й Керченскіе крѣпостные полки (впослѣдствіи былъ сформированъ 3-й Керченскій крѣпостной полкъ), 3 баталіона Керченской и 3 баталіона Николаевской крѣпостныхъ артиллерій и, кромѣ того, экипажи Черноморскаго флота; всего до 25—30 тысячъ человѣкъ.

расположеніе. Такъ, 7-я и 10-я кавалерійскія дивизіи прибыли: первая — въ Одессу, а вторая — въ Евпаторію, — въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 36-я же пѣхотная дивизія перешла въ Аккерманскій уѣздъ, а 34-я пѣхотная — въ Симферополь, Перекопъ и Херсонъ — въ декабрѣ. Квартировавшая въ Крыму 13-я пѣхотная дивизія, расположенная въ окрестностяхъ Одессы и Херсона, только нѣсколько измѣнила свою дислокацію мирнаго времени.

Для этихъ армейскихъ корпусовъ, предназначенныхъ для обороны южнаго побережья Чернаго моря и нуждавшихся въ летучихъ паркахъ менѣе, чѣмъ корпуса дѣйствующей арміи, приказано было лишь сформировать 4 подвижныхъ артиллерійскихъ и 2 конно-артиллерійскихъ парка [1]), для чего купить крестьянскія повозки съ упряжью, а огнестрѣльные припасы взять изъ Кременчугскихъ мѣстныхъ парковъ.

10 апрѣля, съ пріѣздомъ Государя въ Кишеневъ, Таврическая губернія, приморскіе уѣзды Херсонской губерніи и Бессарабія были объявлены на военномъ положеніи и командующему войсками Одесскаго военнаго округа генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту Семекѣ предоставлены права начальника края, находящагося на военномъ положеніи; всѣ же войска, расположенныя въ Крыму, подчинены командиру X армейскаго корпуса генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту князю Воронцову и ему же подчинены войска, находившіяся въ Херсонѣ. Керченскому коменданту генералъ-маіору Седерхгольму, по оборонѣ крѣпости, предоставлена полная самостоятельность.

Для защиты береговъ Чернаго моря предстояло сдѣлать весьма много. Единственная тогда приморская крѣпость Керчь не была еще окончена, и вообще Черноморское по-

[1]) №№ 25, 26, 27 и 28 подвижные артиллерійскіе и №№ 7 и 8 конно-артиллерійскіе. Первые формировались въ составѣ 108 пароконныхъ повозокъ и 235 лошадей, а вторые—120 повозокъ и 265 лошадей.

бережье, за слабостью флота, оставалось открытымъ для непріятельскихъ покушеній.

Въ первыхъ числахъ сентября Военный Министръ, сопровождавшій Государя Императора на южный берегъ Крыма, осмотрѣлъ Керчь и другіе пункты Черноморскаго побережья. На основаніи сдѣланныхъ имъ указаній, тогда же начались спѣшныя работы для обороны Керчи, Одессы, Очакова и Севастополя.

Артиллерійскія орудія для вооруженія батарей въ Очаковѣ, Севастополѣ и Одессѣ назначены были частію изъ Николаева и Керчи, частію же, особенно большихъ калибровъ, изъ Петербургскихъ складовъ и съ Кронштадтскихъ верковъ.

Кромѣ батарей, для защиты Черноморскихъ портовъ съ моря, положено было устроить подводныя минныя заграждения: на Одесскомъ рейдѣ, у входа въ Днѣпровскій лиманъ, въ Севастопольской и Балаклавской бухтахъ и въ Керченскомъ проливѣ.

По недостатку подводныхъ минъ въ южныхъ портахъ, мины съ принадлежностями и проводниками приказано было выслать изъ Петербургскихъ и Кронштадтскихъ складовъ.

Для загражденія доступовъ въ Балтійскіе порты назначено 2.990 разнаго рода минъ [1]) и сдѣланъ запасъ минныхъ принадлежностей на пополненіе взятыхъ изъ Кронштадтскаго склада и отправленныхъ въ Черноморскіе порты [2]).

Изъ имѣвшихся въ Одессѣ минъ приказано выдѣлить 300 для заграждений на Дунаѣ, а взамѣнъ выдѣленныхъ отправлено изъ Петербурга въ Одессу 200 минъ старой конструкціи, съ тѣмъ, чтобы онѣ были передѣланы тамъ въ гальваническія.

Для заряда подводныхъ минъ артиллерійское вѣдомство отпустило въ Балтійскіе порты 14.760 пудовъ пороху, а въ

[1]) 1.490 гальваническихъ минъ, 700 ударныхъ и 100 донныхъ назначены были для Кронштадта, а остальныя гальваническія назначались: 200—для Динамюнде и по 250—для Выборга и Свеаборга.

[2]) 600 минныхъ корпусовъ, 120 минныхъ сѣтей, 365 верстъ броневого кабеля.

Черноморскіе, къ имѣвшимся тамъ запасамъ,—еще 3.700 пудовъ.

Такъ какъ укладка минныхъ загражденій на Черномъ морѣ шла чрезвычайно медленно по недостатку казенныхъ судовъ, то было приказано принять въ морское вѣдомство отъ Русскаго Общества пароходства и торговли двѣнадцать пароходовъ и приспособить ихъ для минныхъ работъ.

Пароходы эти были укомплектованы командами отъ Черноморскихъ экипажей и распредѣлены по прибрежнымъ портамъ.

Къ веснѣ 1877 года береговая оборона Черноморскихъ портовъ находилась въ слѣдующемъ состояніи.

Въ Керченской крѣпости уже были кончены всѣ оборонительныя работы; устроено водоснабженіе; заготовлено четырехъ-мѣсячное продовольствіе гарнизона; пересмотрѣно и дополнено охранительное вооруженіе. Для загражденія же пролива, изъ имѣвшихся 267 минъ, было уложено 95.

Одесса была усилена десятью береговыми батареями, со всѣми необходимыми помѣщеніями. Кромѣ того, двѣ батареи еще достраивались. Готовыя батареи были вооружены 78 орудіями большого калибра. Сверхъ того, 6 орудій были подвезены для строющейся батареи № 11. Затѣмъ, для прибрежной же обороны, имѣлось 6 скорострѣльныхъ пушекъ. Изъ 725 гальваническихъ минъ, назначенныхъ для загражденій доступа къ Одессѣ, 436 были уже уложены. Эти минныя загражденія охранялись достаточнымъ числомъ судовъ.

Въ Севастополѣ построены были семь батарей (четыре на Сѣверной и три на Южной сторонѣ), вооруженныхъ 45 орудіями большого калибра. Кромѣ того, Карантинная батарея была вооружена двумя 12-фунтовыми пушками, а для прибрежной обороны имѣлось 8 скорострѣльныхъ пушекъ. Изъ 280 гальваническихъ и 35 ударныхъ минъ Герца, имѣвшихся для загражденій, уложено было 183 гальвани-

ческихъ мины [1]). Для укладки минъ были назначены три паровыхъ судна.

Наконецъ, для обороны Очакова было построено шесть батарей, вооруженныхъ 54 орудіями большого калибра. Для прибрежной обороны имѣлось, сверхъ того, 8 скорострѣльныхъ пушекъ. Изъ 360 минъ у Очакова было уложено 211 гальваническихъ. Укладка и охрана ихъ производилась пятью паровыми судами.

Къ этому же времени и доступы къ городу Поти были защищены батареями и минными загражденіями.

Кромѣ этой пассивной обороны береговъ, признано было полезнымъ имѣть и активную—изъ быстроходныхъ паровыхъ судовъ, вооруженныхъ шестовыми минами. Для этого на Черномъ морѣ предназначались: Императорская яхта „Ливадія“ и казенные пароходы „Эльборусъ“ и „Эрикликъ“. Для этой же цѣли приказано было принять отъ Русскаго Общества пароходства и торговли пять болѣе ходкихъ пароходовъ.

Эти послѣднія суда, получивъ военныя команды и вооруженіе, должны были ходить подъ военнымъ флагомъ.

Для активной же обороны предназначались въ качествѣ минныхъ судовъ два парохода и пять паровыхъ катеровъ, снабженныхъ минами, перевезенные изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ.

Для вооруженія же судовъ Русскаго Общества пароходства и торговли въ Черноморскіе порты отправлено 30 шести-дюймовыхъ мортиръ и по 200 бомбъ на каждую.

Одновременно съ этимъ, на случай политическихъ осложненій, были приняты нѣкоторыя оборонительныя мѣры на Балтійскомъ морѣ и въ опорныхъ пунктахъ на берегу Тихаго океана.

[1]) Минное загражденіе (гальваническія мины) уложено было тоже при входѣ въ Балаклавскую бухту.

На всякій случай обращено было вниманіе на оборону Владивостока и сдѣлано было распоряженіе о доставкѣ туда изъ Хабаровки 10 нарѣзныхъ мортиръ, а изъ Николаева 3.000 пудовъ пороху.

Тогда же Океанской эскадрѣ приказано было возвратиться изъ Сѣверной Америки въ Кронштадтъ.

Измѣненія въ организаціи дѣйствующей арміи за время стоянки ея въ Бессарабіи произошли слѣдующія: 1-я Донская казачья батарея переведена была въ началѣ декабря въ Бендеры, для переформированія ея въ горную батарею, и была придана впослѣдствіи къ Кавказскимъ казачьимъ полкамъ. Вмѣсто этой батареи къ 8-й кавалерійской дивизіи была придана казачья № 9 батарея. Тогда же Донской казачій № 35 полкъ поступилъ для надобностей Полевого Управленія арміею, причемъ одна сотня оставлена въ распоряженіи Полевого Штаба, двѣ сотни—въ распоряженіи полевого интенданта и три сотни—въ распоряженіи начальника военныхъ сообщеній.

Для приданія большей самостоятельности вновь сформированной Кавказской казачьей дивизіи, приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 25 января 1877 года за № 8 въ составъ ея включенъ Донской казачій № 30 полкъ, составившій съ Кубанскимъ полкомъ 1-ю бригаду дивизіи; Владикавказскій и Терско-Горскій [1]) полки составили 2-ю бригаду этой дивизіи. Этой же дивизіи была придана Донская казачья № 1 горная батарея и одно конно-артиллерійское парковое отдѣленіе изъ 8-го конно-артиллерійскаго парка, составленнаго изъ легкихъ неформенныхъ повозокъ.

Въ концѣ же января обѣ горныя пѣшія батареи были окончательно сформированы и включены въ составъ 4-й стрѣлковой бригады.

---

[1]) Терско-Горскій полкъ, имѣвшій на вооруженіи ружья азіятскаго образца, большею частью—кремневыя, по прибытіи въ армію былъ перевооруженъ ружьями Вердана.

Наконецъ, 7 апрѣля 1877 года, приказомъ по войскамъ дѣйствующей арміи за № 28, въ составѣ арміи были произведены слѣдующія измѣненія.

Чтобы „имѣть возможность направлять сильные отряды кавалеріи для самостоятельныхъ предпріятій, не разстраивая при этомъ организаціи корпусовъ“, Великій Князь приказалъ прикомандировать къ корпусамъ Донскіе казачьи полки, не входившіе въ составъ дивизій, а именно: къ VIII армейскому корпусу — № 23; къ IX армейскому корпусу — № 24; къ XI армейскому корпусу — № 29; къ XII армейскому корпусу — № 37. Къ XI армейскому корпусу, сверхъ того, временно прикомандировывались Донскіе казачьи №№ 31 и 40 полки съ Донскими казачьими №№ 8 и 10 батареями.

Остающіеся затѣмъ не распредѣленными по корпусамъ Донскіе казачьи полки №№ 21 и 26 съ Донскою казачьею № 15 батареею составили отдѣльную Донскую казачью бригаду. Впредь до назначенія особаго бригаднаго командира, бригадою этой командовалъ старшій полковой командиръ.

Двѣ сотни 7-го Кубанскаго пластунскаго баталіона поступили въ составъ 4-й стрѣлковой, а сотня Уральскаго казачьяго войска—въ составъ 3-й саперной бригады.

Всѣ означенныя казачьи части продолжали оставаться въ общемъ вѣдѣніи походнаго атамана.

Въ томъ же приказѣ, съ цѣлью дать командирамъ корпусовъ возможность, безъ всякихъ каждый разъ особыхъ предварительныхъ распоряженій, сосредоточивать артилерію, состоящую при корпусахъ, по условіямъ боя и положенію частей корпуса, предписывалось съ движеніемъ арміи впередъ образовать корпусныя артиллеріи; образованіе же корпусной артиллеріи въ IX и XI корпусахъ должно было быть исполнено по соединеніи дивизій этихъ корпусовъ вмѣстѣ. Въ составъ корпусныхъ артиллерій поступили

3-и (девяти-фунтовыя) и 6-я (четырехъ-фунтовыя) батареи отъ обѣихъ бригадъ корпуса [1]).

Артиллерійскія бригады, за исключеніемъ названныхъ батарей, въ силу этого приказа, поступали въ полное подчиненіе начальникамъ пѣхотныхъ дивизій, батареи же корпусной артиллеріи, по образованіи таковой, поступали въ непосредственное вѣдѣніе начальника артиллеріи корпуса также, какъ и всѣ летучіе и подвижные парки корпуса.

Парковыя отдѣленія, состоявшія при частяхъ, не входившихъ въ составъ корпусовъ, были подчинены непосредственно командирамъ этихъ частей, а конно-артиллерійскіе парки, состоявшіе при кавалерійскихъ дивизіяхъ,—начальникамъ этихъ дивизій. Общее же вѣдѣніе парками въ артиллерійскомъ отношеніи, а также въ отношеніи пополненія ихъ снарядами, комплектованія ихъ людьми, лошадьми и повозками — было оставлено за начальникомъ парковъ арміи.

Здоровье войскъ за все время пребыванія арміи въ Бессарабіи было вполнѣ удовлетворительно, въ значительной степени благодаря принятымъ въ этомъ направленіи мѣрамъ со стороны Главнокомандующаго и заботливому отношенію къ этому вопросу войсковыхъ начальниковъ.

Приварочный окладъ, какъ о томъ изложено будетъ подробно въ главѣ девятой, былъ значительно увеличенъ— на $1^1/_2$ копѣйки, а съ 7 апрѣля — на 2 копѣйки сверхъ обыкновеннаго приварочнаго оклада, что̀ дало возможность улучшить пищу нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, на чай, а въ исключительныхъ случаяхъ—на винныя порціи, былъ установленъ спеціальный отпускъ въ $^1/_2$ копѣйки.

Для предупрежденія развитія въ войскахъ цынги было приказано прибавлять въ воду лимонную кислоту или винно-каменную соль, а для очищенія—квасцы. Наконецъ, какъ выше указано, благодаря обширности квартирнаго раіона,

[1]) Изъ описаній послѣдующихъ операцій и сраженій не видно, чтобы организація эта проявлялась на дѣлѣ.

войска, въ общемъ, размѣщались просторно; нѣкоторыя части войскъ, оказавшіяся первоначально расположенными въ болотистыхъ мѣстностяхъ, были впослѣдствіи переведены на другія мѣста.

Для лѣченія заболѣвшихъ, кромѣ имѣвшихся въ раіонѣ расположенія арміи Тираспольскаго и Бендерскаго постоянныхъ госпиталей и Кишиневскаго мѣстнаго лазарета, съ общимъ числомъ кроватей на 837 больныхъ [1]), было разновременно открыто до 9 военно-временныхъ госпиталей [2]) изъ числа 30, имѣвшихся при арміи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы довести число больничныхъ мѣстъ до 7.000, чтб составляло около 4% численнаго состава арміи.

Въ дѣйствительности, благодаря принятымъ мѣрамъ, число больныхъ въ арміи было значительно менѣе этого числа, а именно 11 апрѣля 1877 года, передъ выступленіемъ арміи въ походъ, число больныхъ было: офицеровъ—149, нижнихъ чиновъ—3.573.

Для пополненія израсходованныхъ медикаментовъ при арміи имѣлась походная подвижная аптека.

Строевыя занятія войскъ. Зимніе мѣсяцы, проведенные арміею въ Бессарабіи въ ожиданіи войны, дали ей возможность принять мѣры для наилучшаго сплоченія укомплектованныхъ нижними чинами запаса частей и, вообще, продолжать свою обычную строевую подготовку; при этомъ въ пѣхотѣ преимущественно обращалось вниманіе на обученіе стрѣльбѣ людей, прибывшихъ изъ запаса, а въ кавалеріи—на проѣздки, имѣвшія цѣлью повѣрить степень готовности ея къ совершенію дальнихъ пробѣговъ. Между прочимъ была предпринята и большая проѣздка изъ Кишинева въ Одессу, произведенная въ январѣ мѣсяцѣ, о которой уже упомянуто было въ главѣ пятой.

[1]) Кромѣ того, въ Кишиневѣ имѣлась санитарная глазная станція на 180 человѣкъ.

[2]) № 43—въ Виннницѣ, № 44—въ Балтѣ, № 48—въ Бѣльцахъ, № 49—въ селѣ Клястицы (близъ села Тараклія), № 50—въ Оргѣевѣ, № 58—въ Кременчугѣ, № 59—въ Тирасполѣ, № 60—въ Кишиневѣ и № 61—въ Елисаветградѣ.

Артиллерія занималась, преимущественно, „усиленной съѣздкой лошадей, поступившихъ въ батареи по военно-конской повинности“ и практической, по преимуществу—учебной стрѣльбой, малымъ числомъ снарядовъ, съ цѣлью ознакомленія съ производствомъ ея людей, прибывшихъ изъ запаса, а также стрѣльбою холостыми выстрѣлами для обстрѣливанія прибывшихъ по военно-конской повинности лошадей.

Понтонные баталіоны и флотскій отрядъ, по вскрытіи рѣкъ, упражнялись въ наводкѣ мостовъ, въ устройствѣ минныхъ загражденій и пр.

Наконецъ, отъ пришедшихъ съ Дона казачьихъ полковъ, не вошедшихъ въ составъ дивизій, была собрана въ Кишиневѣ команда для обученія употребленію динамитныхъ патроновъ.

Его Императорское Высочество Главнокомандующій арміею, желая ознакомиться съ состояніемъ ввѣренныхъ ему войскъ, произвелъ имъ въ концѣ 1876 года и весною 1877 года рядъ послѣдовательныхъ смотровъ частію лично и частію черезъ довѣренныхъ чиновъ. Послѣ Великаго Князя бо̀льшая часть смотровъ была произведена Начальникомъ Штаба арміи генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ и начальникомъ артиллеріи арміи генералъ-адъютантомъ княземъ Масальскимъ.

При этомъ провѣрялся составъ людей и лошадей и положеніе матеріальной части, а также строевая подготовка частей, насколько это было возможно выполнить въ короткое время, которое можно было удѣлить отъ другихъ занятій первостепенной важности, необходимыхъ для ихъ сплоченія. Нельзя было при этомъ не принимать во вниманіе суровое время года.

По строевой части Главнокомандующій и прочія назначенныя имъ лица ограничивались обыкновенно только тѣмъ, что пропускали войска церемоніальнымъ маршемъ и производили строевыя уставныя ученья небольшимъ частямъ: ротамъ, баталіонамъ, батареямъ. Остальное предоставлялось ближайшимъ начальникамъ.

Въ концѣ ноября и началѣ декабря Его Высочество лично смотрѣлъ войска, проходившія черезъ Кишиневъ, а также—расположенныя въ этомъ городѣ. Продолжительная и тяжкая болѣзнь заставила его, однако, поручить производство смотровъ вышеуказаннымъ лицамъ.

По окончаніи сосредоточенія арміи рапортомъ отъ 26 декабря 1876 года Главнокомандующій доносилъ о результатахъ всѣхъ этихъ смотровъ слѣдующее:

„Окончивъ осмотръ всѣхъ частей войскъ, которыя проходили черезъ расположеніе Главной Квартиры арміи, а также получивъ личные доклады командировъ корпусовъ, осмотрѣвшихъ бо́льшую часть своихъ войскъ, въ настоящее время уже могу представить Вашему Величеству отчетъ о томъ состояніи, въ которомъ находится командуемая мною дѣйствующая армія:

„1) Въ строевомъ отношеніи почти всѣ части войскъ находятся вполнѣ въ удовлетворительномъ состояніи. Кадры настолько были твердо обучены, а нижніе чины въ запасѣ настолько мало отстали отъ строевого образованія, что по прибытіи ихъ въ ряды общее строевое состояніе частей почти не поколебалось.

„Бо́льшая часть полковъ представлялась въ отличномъ порядкѣ, элементарное строевое образованіе вполнѣ твердо, а время стоянки на квартирахъ даетъ возможность провѣрить и утвердить прибывшихъ людей въ тактическомъ образованіи.

„Въ этомъ отношеніи встрѣчаются только нѣкоторыя затрудненія въ артиллеріи. Въ батареяхъ болѣе половины лошадей, поступившихъ по военно-конской повинности, не могли быть съѣзжены, а потому батареи, на первое время, потеряли много способности къ маневрированію; но въ настоящее время во всей артиллеріи усиленно занимаются съѣздкою лошадей, и я увѣренъ, что послѣ предстоящаго похода по княжествамъ этотъ недостатокъ будетъ совершенно устраненъ.

„Кавалерійскія части, осмотрѣнныя командированными мною моими личными адъютантами, находятся въ матеріальномъ отношеніи въ полномъ порядкѣ. По приказанію моему онѣ производятъ постоянныя строевыя упражненія и я увѣренъ, что кавалерія наша въ состояніи будетъ выполнить всѣ мои порученія, какихъ бы трудовъ и усилій я отъ нея ни потребовалъ.

„Я имѣю полное основаніе быть увѣреннымъ, что и казачьи части, прибывшія съ Дона, будутъ вполнѣ надежны. Если въ нѣкоторыхъ полкахъ состояніе лошадей было не вполнѣ хорошо вслѣдствіе бывшей на Дону безкормицы, то послѣ нѣкотораго времени стоянки на хорошемъ кормѣ лошади непремѣнно поправятся. Полагаю это на томъ основаніи, что всѣ тѣ полки, которые были на смотру, послѣ уже нѣкотораго времени стоянки, представились въ гораздо лучшемъ видѣ, чѣмъ прибывшіе вначалѣ. Походный атаманъ арміи, близко знакомый съ состояніемъ командуемыхъ имъ полковъ, вполнѣ увѣренъ въ значительномъ улучшеніи всѣхъ казачьихъ частей даже на самомъ походѣ.

„О состояніи стрѣльбы я не имѣю достаточно данныхъ, но по заявленію командировъ нѣкоторыхъ частей пѣхоты, успѣвшихъ пройти сокращенный курсъ до движенія частей съ ихъ постоянныхъ квартиръ, результаты стрѣльбы съ прибывшими людьми только немногимъ были хуже общаго годового результата.

„Если движеніе арміи не послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, то я намѣренъ во всѣхъ частяхъ пройти курсъ стрѣльбы и для сего буду просить Военнаго Министра объ отпускѣ учебныхъ патроновъ. Подобнымъ же образомъ я и въ артиллеріи намѣренъ сдѣлать небольшую практическую стрѣльбу, которая нужна ей какъ для обученія людей, такъ и въ особенности для того, чтобы обстрѣливать лошадей. Для той же цѣли—обстрѣлки лошадей въ артиллеріи, а также въ казачьихъ частяхъ, прибывшихъ

съ Дона, потребуется нѣкоторое количество холостыхъ зарядовъ и патроновъ.

„2) Въ матеріальномъ отношеніи всѣ части арміи находятся въ очень хорошемъ состояніи. Обмундированіе отличное, снаряженіе тоже.

„Нѣкоторый недостатокъ представляетъ обувь вслѣдствіе того, что мобилизація войскъ произошла въ концѣ года, когда значительная часть людей имѣетъ только по одной парѣ сапогъ.

„Хотя и сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы выдать годовыя вещи по сроку 1877 года, но, по случаю выступленія войскъ въ походъ къ мѣсту сосредоточенія арміи, вещи эти не успѣли быть полученными въ части, а тѣ войска, которыя ихъ получили, не успѣли сшить сапоги. Къ постройкѣ обуви приняты самыя дѣятельныя мѣры.

„Обозъ находится въ полномъ порядкѣ; обозныя лошади, поступившія въ части по военно-конской повинности, настолько хороши, что положительно можно сказать, что никогда наша армія не имѣла такого хорошаго состава обозныхъ лошадей.

„3) Въ санитарномъ отношеніи армія до сихъ поръ находится, можно сказать, въ отличномъ состояніи".

Начиная съ 6 марта состояніе здоровья Великаго Князя, переѣхавшаго для лѣченія болѣзни въ Одессу, позволило ему продолжать личный осмотръ войскъ. Объѣздъ арміи Великимъ Княземъ окончился 19 марта.

Окончательныя заключенія свои относительно состоянія ввѣренной ему арміи на основаніи результатовъ всѣхъ этихъ смотровъ Главнокомандующій изложилъ въ рапортѣ своемъ отъ 21 марта Государю Императору въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Окончивъ всѣ предположенные мною смотры, я считаю долгомъ донести Вашему Императорскому Величеству, что всѣ видѣнныя мною части находятся въ блестящемъ состояніи.

„Матеріальная часть находится также въ отличномъ порядкѣ. Лошади какъ строевыя, такъ и обозныя—прекрасны. Никогда у насъ въ обозѣ не было такихъ отличныхъ лошадей, какъ теперь. Въ этомъ отношеніи военно-конская повинность дала прекрасные результаты. Что́ же касается до самаго обоза, то я считаю своимъ долгомъ донести, что изъ всѣхъ смотровъ я убѣдился, что онъ по конструкціи своей тяжелъ.

„До настоящаго времени я воздерживался дѣлать какое либо заявленіе по этому предмету, но теперь, осмотрѣвъ большое число обозовъ и при весьма разнообразныхъ условіяхъ, я не могу не заявить, что эта часть находится въ такихъ условіяхъ, что заставляетъ сомнѣваться въ ихъ удобоподвижности. Всѣ повозки весьма грузны и при едва рыхломъ грунтѣ вязнутъ до такой степени, что лошади не въ состояніи вывозить ихъ. Въ особенности тяжелы патронные ящики; въ нихъ самая большая часть груза приходится на задній ходъ, который вязнетъ весьма сильно и положительно можно сказать, что они не въ состояніи будутъ всюду слѣдовать за войсками. Къ тому же они непрочны, такъ какъ, по общему заявленію, брусья, соединяющіе задній ходъ съ переднимъ, подвержены частой ломкѣ. Провіантскія повозки также тяжелы и въ нихъ бо́льшая часть груза тоже лежитъ на задней оси, вслѣдствіе чего онѣ, на всякой невполнѣ твердой дорогѣ, глубоко врѣзываются въ грунтъ. Я опасаюсь, что при современномъ состояніи обозовъ, они, при сколько нибудь грязныхъ дорогахъ, а также въ горной мѣстности, не въ состояніи будутъ слѣдовать за войсками, а иногда и совершенно останавливать ихъ движеніе.

„Сравнивая нашъ форменный обозъ съ повозками колонистскаго образца, нельзя не отдать полнаго предпочтенія послѣднимъ. Я имѣлъ возможность судить объ ихъ легкости на смотру 8-го конно-артиллерійскаго парка.

„Несмотря на весьма сильную грязь, повозки эти, будучи нагружены полною укладкою, везлись весьма легко парою лошадей и притомъ въ гору. Изъ всѣхъ форменныхъ повозокъ наиболѣе удобны легкія повозки, назначенныя для возки раненыхъ въ подвижныхъ лазаретахъ.

„Летучіе артиллерійскіе парки, составленные изъ двухъколесныхъ ящиковъ, оказались болѣе легкими, чѣмъ артиллерійскіе парки, которые имѣютъ повозки образца провіантскихъ телѣгъ.

„Офицерскій обозъ въ большей части войскъ состоитъ изъ колонистскихъ повозокъ и довольно легокъ. Наиболѣе хороши повозки, заказанныя въ Галиціи, но объ удобоподвижности ихъ я судить не могу потому, что я не видѣлъ ихъ на ходу.

„Санитарное состояніе войскъ, несмотря на самое неблагопріятное время года, вполнѣ удовлетворительно“....

„Я рѣшительно затрудняюсь отдать предпочтеніе какой-либо части, настолько онѣ всѣ, за весьма незначительными исключеніями, о которыхъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ, найдены мною въ отличномъ видѣ.

„Готовясь исполнить по первому повелѣнію Вашего Императорскаго Величества великую задачу, всѣ чины арміи, какъ старшіе начальники, такъ и всѣ вообще офицеры, приложили полное стараніе, чтобы стать на высотѣ своего призванія и чтобы съ честію исполнить все, что̀ будетъ повелѣно Вашимъ Величествомъ.

„Духъ въ войскахъ арміи—превосходный“.

ГЛАВА VIII.

Состояніе русской желѣзнодорожной сѣти къ осени 1876 года и работа ея по сосредоточенію дѣйствующей арміи.

Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти въ 1877 году.—Планы перевозки войскъ.—Мобилизаціонныя перевозки за ноябрь и декабрь мѣсяцы.—Перевозка укомплектованныхъ частей.—Задержка движенія.—Общіе выводы.

(Карта № 3).

Ъ началу мобилизаціи 1876 года вся сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, бывшихъ въ пользованіи, считая вмѣстѣ съ дорогами, открытыми лишь для временнаго движенія, составляла 19.939 верстъ. Исключивъ изъ этого числа протяженіе дорогъ, отличавшихся отъ общей сѣти шириною колеи, и дорогъ, не соединенныхъ съ сѣтью, какъ дороги Финляндская, Царскосельская и другія, протяженіе сѣти равнялось 17.700 верстамъ.

Бо́льшая часть русскихъ желѣзныхъ дорогъ была построена по концессіямъ частными обществами, почему онѣ по направленію своему въ большей или меньшей степени удовлетворяли торговымъ потребностямъ государства, но лишь случайно могли совпадать съ требованіями стратегическими.

Въ 1876 году къ границамъ Пруссіи вели извнутри Имперіи слѣдующія линіи: 1) Петербургъ—Варшава, съ

вѣтвями: а) на Ковну и Вержболово и б) Бѣлостокъ-Граево; 2) Москва—Брестъ—Варшава—Скерневицы—Александрово. Участокъ Варшава—Александрово имѣлъ общеевропейскую колею, отличавшуюся отъ ширины колеи русской желѣзнодорожной сѣти.

Вспомогательными линіями могли служить направленія: а) Орелъ—Смоленскъ—Двинскъ—Радзивилишки—Ковно и б) Москва—Казатинъ—Брестъ.

Къ границамъ Австро-Венгріи вели слѣдующія линіи: 1) Петербургъ—Варшава—Граница [1]), 2) Москва—Брестъ—Здолбуново — Радзивиловъ, 3) Москва — Курскъ—Кіевъ — Жмеринка — Волочискъ. Вспомогательными линіями могли служить: а) Курскъ—Харьковъ—Елисаветградъ—Бирзула—Жмеринка и б) Бѣлостокъ—Брестъ.

Наконецъ, для сосредоточенія арміи въ войнѣ съ Турціей на Европейскомъ театрѣ могли служить линіи: 1) Петербургъ— Бѣлостокъ—Брестъ— Казатинъ—Жмеринка— Бирзула — Кишиневъ — Унгени, 2) Москва— Курскъ—Кіевъ— Жмеринка, 3) Харьковъ—Елисаветградъ—Бирзула. Вспомогательными линіями могли служить: а) Вилейка—Бахмачъ и б) Москва—Брестъ.

Для сосредоточенія войскъ на Кавказѣ главной линіей могла служить дорога Москва—Козловъ—Воронежъ—Ростовъ — Владикавказъ и вспомогательными: 1) Москва—Курскъ—Лозовая—Ростовъ и 2) Поти—Тифлисъ. Изъ сравненія числа линій, которыми можно было бы воспользоваться для перевозокъ при сосредоточеніи арміи къ различнымъ театрамъ войны, видно, что въ 1876 году Россія по западной своей границѣ была болѣе всего подготовлена къ войнѣ съ Турціей.

Большинство желѣзнодорожныхъ линій было, какъ сказано, построено концессіонерами, которые по понятнымъ

[1]) Участокъ Варшава—Граница имѣлъ также общеевропейскую колею, меньшую по ширинѣ противъ русской. Отъ него отходила отъ станціи Заверце короткая вѣтвь, соединявшая ее съ Силезскими желѣзными дорогами.

причинамъ старались о возможномъ удешевленіи постройки и объ окончаніи ея въ возможно короткій срокъ, дабы скорѣе получать гарантированные правительствомъ проценты на строительный капиталъ. Слабое развитіе въ Россіи желѣзодѣлательныхъ заводовъ заставляло выписывать рельсы изъ заграницы, причемъ, для экономіи, рельсы выписывались преимущественно желѣзные, быстро изнашивающіеся. Изъ заграницы же выписывались паровозы и матеріалы для путей и для подвижного состава. Дальнѣйшее удешевленіе достигалось допускомъ значительныхъ уклоновъ, кривыхъ малаго радіуса и незначительными участками второго пути.

Станціонныхъ путей было мало, что особенно сильно сказывалось на узловыхъ и на передаточныхъ станціяхъ, которыя не были въ состояніи принимать даже то количество поѣздовъ, которое можно было бы пропускать при указанномъ не вполнѣ удовлетворительномъ состояніи линій. Экономія при устройствѣ станцій выразилась въ тѣснотѣ станціонныхъ построекъ и въ недостаточномъ числѣ платформъ, съ которыхъ могла бы производиться нагрузка. Водоснабженіе производилось наиболѣе дешевымъ путемъ, т. е. преимущественно изъ колодцевъ, а не изъ живыхъ источниковъ, и потому исправность его была связана съ часто колеблющимся уровнемъ почвенныхъ водъ.

Число товарныхъ вагоновъ было недостаточно и далеко не соотвѣтствовало установленной нормѣ 24 вагоновъ на десять верстъ пути. Подробныя техническія свѣдѣнія помѣщены въ прилагаемой таблицѣ [1]). Всѣ вышеуказанные техническіе недостатки были общими для всѣхъ дорогъ.

Изъ желѣзнодорожныхъ линій, по которымъ предстояла перевозка войскъ, наиболѣе напряженными участками, какъ сосредоточивавшими на себѣ все движеніе, были участки: 1) Казатинъ—Жмеринка, 2) Жмеринка—Бирзула, 3) Бирзула—Раздѣльная, 4) Раздѣльная — Кишиневъ—Унгени—

[1]) См. приложеніе въ концѣ тома.

Яссы. Провозоспособность Кіево-Брестской и Одесской дорогъ была разсчитана: первой—на 13 и второй—на 14 паръ поѣздовъ въ сутки. Наиболѣе слабымъ былъ участокъ отъ Кишинева до Унгени, оконченный постройкою въ концѣ 1875 года и во многихъ мѣстахъ требовавшій еще дополнительныхъ работъ, особенно на перевалѣ около станціи Корнешты, гдѣ обнаружилось сползаніе пласта, по которому проходило полотно. На наиболѣе напряженныхъ участкахъ особенно большая работа требовалась на станціяхъ Казатинъ, Жмеринка, Бирзула и Раздѣльная, тѣмъ болѣе, что въ то время существовала система перемѣщенія грузовъ на узловыхъ станціяхъ изъ вагоновъ одной дороги въ вагоны другой. Эта перегрузка требовала соотвѣтственнаго развитія и оборудованія станціонныхъ путей и платформъ; между тѣмъ, станціи обладали лишь слѣдующими чрезвычайно ограниченными средствами:

	Разъѣздныхъ путей.	Запасныхъ путей.	Поворотн. круговъ.	Платформъ.
Казатинъ[1])	583 саж.	2.278 саж.	1	187 саж.
Жмеринка Одесской . .	1.400 „	2.186 „	1	300 „
Бирзула	2.817 „	1.861 „	1	193 „
Раздѣльная	1.510 „	1.020 „	1	70 „

Система перегрузокъ при переходѣ съ одной дороги на другую отличалась еще тѣмъ невыгоднымъ свойствомъ, что вызывала непроизводительную потерю времени и труда, особенно сильно сказывавшуюся при перегрузкахъ кавалеріи и артиллеріи. Недостаточное количество платформъ заставляло грузить съ пути, а имѣвшіеся при вагонахъ мостки были коротки и неудобны.

Перевозка запасныхъ нижнихъ чиновъ и, затѣмъ, укомплектованныхъ частей при мобилизаціи 1876 года производилась по плану № 6, составленному въ Комитетѣ по пере-

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ трудовъ Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ графа Баранова, изд. 1879 года, т. III.

движенію войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою, состоявшемъ при Главномъ Штабѣ. Еще съ 1868 года, то есть, тотчасъ по учрежденіи Комитета, офицеры генеральнаго штаба, завѣдующіе перевозкою войскъ доставляли ежегодно въ Комитетъ подробныя техническія описанія какъ желѣзнодорожныхъ линій, входившихъ въ раіонъ каждаго изъ нихъ, такъ и находившагося на этихъ линіяхъ подвижного состава и станціонныхъ сооруженій. Въ 1873 году свѣдѣнія эти были сгруппированы и приведены въ порядокъ. Въ томъ же году офицерамъ завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ было предложено составить, при содѣйствіи управляющихъ желѣзными дорогами, начальниковъ эксплоатаціи и правительственныхъ инспекторовъ сихъ дорогъ,—росписанія движенія наибольшаго числа поѣздовъ, какое можетъ быть отправлено по каждому направленію дороги, при условіяхъ: 1) прекращенія товарнаго движенія и оставленія только одного или двухъ пассажирскихъ поѣздовъ и 2) прекращенія какъ пассажирскаго, такъ и товарнаго движенія.

Указанныя свѣдѣнія препровождались въ Главный Штабъ и въ Техническо-Инспекторскій Комитетъ Министерства Путей Сообщенія, который и утверждалъ то наибольшее число поѣздовъ, какое признавалось соотвѣтствующимъ состоянію извѣстной желѣзнодорожной линіи. На основаніи этого составлялись графикъ и нормальное росписаніе движенія воинскихъ поѣздовъ для каждой дороги.

Съ 1871 года въ Главномъ Штабѣ ежегодно составлялось росписаніе призыва нижнихъ чиновъ запаса и назначенія ихъ въ войска, а со времени введенія конской повинности (приказъ по военному вѣдомству отъ 24 октября 1876 года за № 343) тамъ же составлялось и росписаніе снабженія войскъ лошадьми въ случаѣ приведенія арміи на военное положеніе. Всѣ эти свѣдѣнія, взаимно согласованныя, и составляли планъ № 6. Планъ этотъ, еще не

вполнѣ выработанный, былъ разсчитанъ на общую мобилизацію [1]).

Кромѣ плана № 6, въ Главномъ Штабѣ былъ составленъ планъ для перевозки укомплектованныхъ частей на случай войны съ Турціей; онъ подвергался переработкѣ и дополненіямъ по мѣрѣ послѣдовательно измѣняемыхъ предположеній.

Первое предположеніе устанавливало, что 15-я пѣхотная дивизія, за нею два армейскихъ корпуса, а затѣмъ и остальныя части будутъ перевезены безостановочно по русскимъ и румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ границѣ Турціи.

Второе предположеніе состояло въ томъ, что войска уже четырехъ армейскихъ корпусовъ должны быть сосредоточены въ окрестностяхъ Кишинева, на тѣсныхъ квартирахъ, съ тѣмъ, чтобы въ скоромъ затѣмъ времени двинуться заграницу частію по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ, частію же, преимущественно кавалерія,—походнымъ порядкомъ. Наконецъ, по третьему предположенію, приведенному въ исполненіе, войска дѣйствующей арміи должны были пока расположиться въ Бессарабской области, въ Каменецъ-Подольской и Херсонской губерніяхъ.

Планъ перевозки укомплектованныхъ частей составлялся на основаніи: 1) графиковъ, 2) маршрутовъ слѣдованія штатныхъ частей, 3) числа перевозимыхъ въ составѣ штатныхъ частей людей и лошадей и количества потребнаго для перевозки ихъ подвижного состава, опредѣляемаго для каждой желѣзной дороги по днямъ мобилизаціи, и 4) вѣдомости довольствія людей во время перевозки горячею пищею.

Разработка плана затруднялась еще тѣмъ, что количество частей, назначенныхъ въ дѣйствующую армію, посте-

[1]) Это вызвало много затрудненій при частной мобилизаціи 1876 года; такъ, напримѣръ, назначался поѣздъ для перевозки лошадей и сопровождавшей ихъ команды, но такъ какъ многія части не мобилизовались и не нуждались въ лошадяхъ, то таковыя и не отправлялись, а отправкѣ подлежали только незначительныя команды, часто всего въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которыя, все-таки, занимали цѣлый поѣздъ и т. п.

пенно увеличивалось (что будетъ подробнѣе указано ниже).

Независимо того, пришлось еще составить особый планъ перевозки тѣхъ войскъ Московскаго округа, которыя должны были замѣнить части Кіевскаго, входящія въ составъ дѣйствующей арміи.

Для разсылки составленнаго плана были приняты слѣдующія мѣры: 2 ноября была отправлена изъ Главнаго Штаба телеграмма всѣмъ завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ, чтобы на станціяхъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть штабы дивизій, находились командированные отъ этихъ штабовъ офицеры, которые должны были ждать прибытія фельдъегеря, получить отъ него планъ перевозки частей дивизіи и тотчасъ разослать его въ части. Въ окружные штабы и завѣдующимъ передвиженіемъ войскъ планы были высланы нѣсколько ранѣе.

Изъ таблицы техническаго состоянія дорогъ [1]) видно, что средства большей части дорогъ, входящихъ въ составъ тѣхъ линій, по которымъ предстояла перевозка войскъ, были недостаточны; а потому въ Комитетѣ по передвиженію войскъ была составлена особая вѣдомость, показывавшая, какого количества паровозовъ и вагоновъ недостаетъ на данныхъ дорогахъ и съ какихъ дорогъ можно взять соотвѣтственное количество. Вѣдомость эта была составлена, принимая во вниманіе необходимость прибавки 10% къ числу, выражающему дѣйствительную потребность, на случай необходимаго ремонта подвижного состава.

При составленіи плана № 6 были избраны пункты, на которыхъ проѣзжающія команды могли бы получать горячую пищу, и былъ составленъ разсчетъ общаго количества порцій, которыя должны были быть заготовлены каждымъ продовольственнымъ пунктомъ.

Указанная выше малая вообще провозоспособность желѣзнодорожныхъ линій и недостаточное объединеніе ихъ

[1]) См. приложеніе.

общей дѣятельности повлекли за собой разныя частныя неудобства и затрудненія. Съ другой стороны, въ виду необходимости сбора войскъ къ границѣ поставлена была дилемма: или слишкомъ значительно отсрочить окончаніе этого сбора, или же обратить на перевозку войскъ всѣ силы и средства желѣзнодорожныхъ линій, хотя бы и въ ущербъ обычному по нимъ движенію. Современное политическое положеніе дѣлъ понудило остановиться на послѣдней изъ двухъ указанныхъ мѣръ, не смотря на важныя отъ этого неудобства и даже частныя вредныя послѣдствія.

Ограниченіе обычнаго движенія могло, въ свою очередь, коснуться или только товарныхъ поѣздовъ, или и товарныхъ и пассажирскихъ. Первое наносило вредъ не только торговлѣ, терявшей увѣренность въ доставкѣ грузовъ, но отчасти и интендантству арміи, находящемуся въ зависимости отъ исправности подрядчиковъ. Исполненіе второго предположенія также должно было вредно отозваться какъ на внутренней жизни государства, принаровившейся къ быстрымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніямъ, такъ и на арміи, нуждающейся при мобилизаціи въ пассажирскомъ движеніи для командъ и отдѣльныхъ чиновъ, догоняющихъ свои эшелоны, и для высылки впередъ людей, командируемыхъ войсками по разнымъ случаямъ, и т. п.

Къ довольно важнымъ неудобствамъ, замедлявшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе войскъ, приходится отнести помянутую уже обязательную перегрузку на узловыхъ станціяхъ изъ вагоновъ одной линіи въ вагоны другой.

Кромѣ составленія плана, были приняты еще слѣдующія мѣры для правильной перевозки войскъ въ случаѣ мобилизаціи: на нѣкоторыя узловыя станціи, а также на станціи, на которыхъ по плану предстояли нагрузки и разгрузки воинскихъ поѣздовъ, были назначены этапные коменданты, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за соблюденіемъ порядка въ проходящихъ войскахъ и за

исполненіемъ правилъ нагрузки и разгрузки. Осенью 1876 года этапные коменданты были переименованы въ коменданты желѣзнодорожныхъ станцій и, по порученію генерала Анненкова [1]), полковникомъ Головинымъ была составлена особая для нихъ инструкція, названная „Положеніе объ офицерахъ, назначаемыхъ комендантами желѣзнодорожныхъ станцій". Въ то же время была составлена инструкція начальнику эшелона при слѣдованіи командъ штатнаго состава по желѣзнымъ дорогамъ, устанавливавшая, между прочимъ, что для наблюденія за порядкомъ во время перевозки командъ, направляемыхъ не въ составѣ частей и безъ офицеровъ, слѣдуетъ назначать, распоряженіемъ завѣдующихъ передвиженіемъ войскъ, офицеровъ начальниками эшелоновъ; наконецъ, составлена инструкція объ устройствѣ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ продовольственныхъ пунктовъ и порядокъ довольствія перевозимыхъ нижнихъ чиновъ.

Къ мѣрамъ, выработаннымъ Комитетомъ по передвиженію войскъ на случай мобилизаціи слѣдуетъ отнести еще оборудованіе товарныхъ вагоновъ для перевозки людей.

Еще съ 1867 года на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ былъ произведенъ цѣлый рядъ опытовъ устройства приспособленій подвижного состава и только послѣ многихъ испытаній былъ выработанъ способъ, признаваемый наиболѣе удобнымъ.

По соглашенію Комитета по передвиженію войскъ съ Министерствомъ Путей Сообщенія опредѣлены были: 1) нормальные размѣры товарныхъ вагоновъ и платформъ, согласно которымъ они должны были впредь строиться; 2) число поѣздовъ, вполнѣ приспособленныхъ къ перевозкѣ различнаго рода войскъ, какое слѣдуетъ имѣть на каждой дорогѣ, и 3) число вагоновъ на каждой дорогѣ, при-

[1]) Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Анненковъ былъ управляющимъ дѣлами Комитета по передвиженію войскъ. Онъ же носилъ званіе завѣдующаго перевозкой войскъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ. Органами его служили офицеры, завѣдующіе передвиженіемъ войскъ по раіонамъ.

способленныхъ къ перевозкѣ раненыхъ и больныхъ. Выработаны правила относительно приспособленія товарныхъ вагоновъ для перевозки войскъ, опредѣленъ порядокъ приведенія этихъ правилъ въ дѣйствіе и указаны источники для покрытія расходовъ, вызываемыхъ этими работами. Для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Имперіи была установлена норма металлическихъ поковокъ [1]) для приспособленія подвижного состава, по разсчету 24 крытыхъ вагоновъ и 6 платформъ на каждыя десять верстъ пути. Отъ тѣхъ же 27 линій, въ концессіи коихъ не включены обязательства объ особенномъ приспособленіи вагоновъ для перевозки войскъ, положено требовать полнаго приспособленія отъ одного до девяти воинскихъ поѣздовъ, смотря по длинѣ линіи, и по такому же разсчету—отъ одного до девяти вагоновъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ раненыхъ.

Вслѣдствіе вышеприведенныхъ распоряженій, всѣ необходимыя металлическія поковки къ приспособленіямъ вагоновъ и платформъ были приготовлены заблаговременно, такъ что съ объявленіемъ мобилизаціи оставалось сдѣлать къ нимъ только деревянныя части, чтб не должно было потребовать много времени.

Съ августа 1876 года обострившіяся отношенія съ Турціей дѣлали возможной мобилизацію и массовую перевозку войскъ впервые въ Россіи. По этой причинѣ распоряженія, сдѣланныя отчасти весьма спѣшно, могли иногда требовать дополненій и даже вызывать недоразумѣнія. А съ другой стороны, несовершенная техническая часть дорогъ, громадныя разстоянія и неопытность войскъ въ перевозкахъ дѣлали исполненіе перваго опыта весьма труднымъ.

До сентября Комитетъ по передвиженію войскъ не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній о предстоящихъ перевозкахъ и поэтому могъ только произвести повѣрку распоряженій уже сдѣланныхъ для перевозокъ въ случаѣ общей мобилизаціи.

[1]) Одно изъ приспособленій для установки наръ.

Въ началѣ сентября Комитетомъ былъ полученъ изъ Мобилизаціоннаго Комитета [1]) слѣдующій проектъ распредѣленія войскъ Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ, съ показаніемъ расположенія ихъ послѣ мобилизаціи и перевозки.

По этому проекту въ Бессарабіи сосредоточивались:

VIII корпусъ:
- 9-я пѣхотная дивизія—изъ Полтавы и Кременчуга.
- 14-я » » —на мѣстѣ.
- 8-я кавалерійская » —» »

IX » корпусъ:
- 5-я пѣхотная дивизія—изъ Чернигова.
- 31-я » » — » Курска.
- 9-я кавалерійская » — » Роменъ.

4-я стрѣлковая бригада . . . . . — » Одессы.
3-я саперная » . . . . . — » Кіева.
10 Донскихъ казачьихъ полковъ . . . — съ Дона.
4 Донскія казачьи батареи . . . . . — съ Дона.
Осадный артиллерійскій паркъ . . . . —изъ Кіева и Бреста.

Въ случаѣ необходимости корпуса эти должны были быть усилены войсками Кіевскаго военнаго округа, а именно сначала присоединялись къ нимъ:

XII корпусъ:
- 12-я пѣхотная дивизія—изъ Каменецъ-Подольска.
- 33-я » » — » Кіева.
- 12-я кавалерійская » — » Проскурова.

XI » корпусъ:
- 11-я пѣхотная дивизія— » Луцка.
- 32-я » » — » Житоміра.
- 11-я кавалерійская » — » Дубно.

3-я стрѣлковая бригада . . . . . — » Тульчина.

Для охраненія морского берега между устьями рѣкъ Дуная и Днѣпра назначались:

VII корпусъ:
- 15-я пѣхотная дивизія—на мѣстѣ.
- 36-я » » —изъ Орла.
- 7-я кавалерійская » — » Елисаветграда.

Для обороны Крыма были назначены:

X корпусъ:
- 13-я пѣхотная дивизія—на мѣстѣ.
- 34-я » » —изъ Екатеринослава.
- 10-я кавалерійская » — » Чугуева.

[1]) Оба эти Комитета состояли при Главномъ Штабѣ.

Получивъ этотъ проектъ, Комитетъ по передвиженію войскъ приступилъ къ необходимымъ измѣненіямъ плана № 6, составленнаго, какъ выше уже сказано, въ предположеніи общей мобилизаціи.

Между тѣмъ Военный Министръ телеграммой отъ 25 сентября предупредилъ Начальника Главнаго Штаба, что въ случаѣ перевозки войскъ по южнымъ желѣзнымъ дорогамъ можетъ оказаться недостатокъ въ топливѣ.

12 октября въ Комитетѣ по передвиженію войскъ было получено изъ Мобилизаціоннаго Комитета слѣдующее отношеніе:

„Военный Министръ въ резолюціи отъ 8 сего октября приказалъ сдѣлать разсчетъ передвиженію по желѣзнымъ дорогамъ всѣхъ частей, предназначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи на Дунаѣ, со включеніемъ обоихъ корпусовъ Кіевскаго военнаго округа (XI и XII) и 8 Донскихъ полковъ изъ числа льготныхъ съ 4 казачьими батареями. При этомъ надо, чтобы казаки прибыли возможно ранѣе, такъ какъ предполагается въ случаѣ движенія къ Дунаю и за Дунай пустить ихъ впередъ. Одновременно съ выступленіемъ войскъ изъ Кіевскаго военнаго округа перевозить на мѣста ихъ войска, предназначаемыя изъ Московскаго округа. При этомъ слѣдуетъ такъ сообразить, чтобы съ выступленіемъ одного корпуса изъ Кіевскаго округа немедленно перевезти въ этотъ округъ изъ Московскаго двѣ дивизіи пѣхоты и казачью дивизію, а затѣмъ уже начать передвиженіе другого Кіевскаго корпуса, если это потребуется“.

И такъ, пришлось пересоставлять планъ перевозки. Для разрѣшенія многихъ вопросовъ, связанныхъ съ предстоящею мобилизаціей, въ Петербургъ были вызваны завѣдующіе передвиженіемъ войскъ, а Министерство Путей Сообщенія, только теперь узнавшее о готовящейся мобилизаціи, 9 октября спѣшно вызвало управляющихъ и инспекторовъ дорогъ для обсужденія спеціальныхъ распоряженій.

Главнымъ результатомъ съѣзда управляющихъ и инспекторовъ былъ циркуляръ Техническо-Инспекторскаго Комитета Министерства Путей Сообщенія отъ 22 октября 1876 года, которымъ отъ правленій желѣзныхъ дорогъ требовалось доставленіе графиковъ и росписаній зимняго движенія воинскихъ поѣздовъ, а также свѣдѣній о количествѣ имѣющагося на дорогахъ подвижного состава. Кромѣ того, правленіямъ этимъ предложено было озаботиться устройствомъ щитовъ для предупрежденія снѣжныхъ заносовъ и заготовленіемъ лѣсного матеріала для приспособленія вагоновъ къ воинскимъ перевозкамъ.

Чрезвычайно важнымъ въ этомъ циркулярѣ было указаніе, что перевозка частныхъ грузовъ должна быть допускаема только тогда, когда будетъ дѣйствовать неполный графикъ, съ тѣмъ, чтобы эта перевозка производилась по соглашенію управляющаго дорогою съ грузоотправителями относительно времени доставки и чтобы вся отвѣтственность за могущія произойти отъ этого нарушенія воинскаго графика лежала на управляющемъ дорогою; наконецъ, согласно тому же циркуляру, всѣ находящіеся на дорогѣ въ моментъ объявленія мобилизаціи вагоны съ грузами должны быть выгружены на тѣхъ станціяхъ, гдѣ ихъ застанетъ начало мобилизаціи.

Тотъ же съѣздъ рѣшилъ весьма важный вопросъ о количествѣ подвижного состава, который долженъ былъ быть переданъ съ сѣверныхъ дорогъ на южныя, наиболѣе напряженныя. Паровозовъ назначено 572, т. е. гораздо больше противъ разсчета Главнаго Штаба.

Общаго маршрута для слѣдованія подвижного состава, назначавшагося на усиленіе южныхъ дорогъ, составлено не было, чтб, какъ будетъ видно далѣе, вызвало значительныя затрудненія.

Ожидаемая со дня на день мобилизація и перевозка войскъ откладывались и въ октябрѣ возникло опасеніе,

какъ бы онѣ не совпали съ перевозкою новобранцевъ, главное движеніе которыхъ должно было начаться 10 декабря. Военный Министръ приказалъ въ случаѣ этого совпаденія задержать новобранцевъ на мѣстахъ призыва до окончанія мобилизаціи.

Начиная съ 16 октября, предполагаемый составъ дѣйствующей арміи постепенно увеличивался и параллельно съ этимъ шло развитіе плана перевозки. 17 октября получена въ Комитетѣ по передвиженію войскъ телеграмма Военнаго Министра о назначеніи въ случаѣ мобилизаціи для конвоя Главнокомандующаго двухъ льготныхъ эскадроновъ Собственнаго Его Величества конвоя; 19 октября назначены къ перевозкѣ изъ Ремерсгофа (близъ Риги) понтонные парки; 25 октября назначены къ перевозкѣ въ случаѣ мобилизаціи слѣдующія части Московскаго военнаго округа:

17-я пѣхотная дивизія . . .	изъ Тулы въ Каменецъ-Подольскъ на мѣсто 12-й пѣхотной дивизіи.
18-я » » . . .	изъ Тамбова въ Кіевскій раіонъ на мѣсто 33-й пѣхотной дивизіи.
1-я » » . . .	изъ Смоленска въ Луцкій раіонъ на мѣсто 11-й пѣхотной дивизіи.
35-я » » . . .	изъ Ярославля въ Житомірскій раіонъ на мѣсто 32-й пѣхотной дивизіи.
Донская казачья дивизія . .	изъ Рязани въ Проскуровскій раіонъ на мѣсто 12-й кавалерійской дивизіи.
6-я и 8-я парковыя артиллерійскія бригады	16-й и 17-й парки 6-й парковой бригады въ дѣйствующую армію, остальные парки—въ Кіевскій раіонъ.
Тульскій, Калужскій, Тамбовскій, Рязанскій, Смоленскій, Тверской, Ярославскій и Костромской мѣстные баталіоны	на замѣну уходящихъ полевыхъ войскъ.

29 октября разъяснено, что въ составъ дѣйствующей арміи назначаются изъ льготныхъ Донскихъ казачьихъ полковъ не 8, а 10; 30 октября назначены въ составъ дѣйствующей арміи: одинъ полкъ Кубанскій, одинъ полкъ Терскій, двѣ сотни пластуновъ и четыре сотни милиціи; части эти

должны быть перевезены съ Кавказа въ Бессарабію; 1 ноября разрѣшено было, въ случаѣ мобилизаціи, перевезти части полковъ, стоящія по деревнямъ, къ штабамъ своимъ; 2 ноября назначены къ перевозкѣ двѣ роты Гвардейскаго экипажа изъ Петербурга.

Во избѣжаніе затрудненій при встрѣчномъ движеніи Императорскихъ поѣздовъ изъ Крыма въ Петербургъ, отъѣздъ Государя и Главнокомандующаго изъ Крыма былъ ускоренъ.

Въ тотъ же день, 2 ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приведеніи на военное положеніе военныхъ округовъ Одесскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и части Кавказскаго. Въ предвидѣніи начала мобилизаціи съѣздъ управляющихъ и инспекторовъ дорогъ былъ закрытъ и этимъ лицамъ было предписано немедленно отправиться къ своимъ дорогамъ для руководства предстоящими перевозками. Вслѣдствіе скораго прекращенія совѣщаній съѣзда многіе весьма существенные вопросы не могли быть рѣшены и управляющіе дорогами не были вполнѣ ознакомлены съ предстоявшею имъ дѣятельностью.

Передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ нижнихъ чиновъ запаса началось 5 ноября и продолжалось до 12 ноября, когда всѣ воинскія перевозки были остановлены.

Остановка въ передвиженіяхъ запасныхъ, которая могла имѣть послѣдствіемъ крупные безпорядки при выполненіи плана мобилизаціи, была вызвана переполненіемъ главныхъ линій подвижнымъ составомъ, шедшимъ съ сѣверныхъ дорогъ на усиленіе южныхъ.

Выше было указано, что большое количество паровозовъ и вагоновъ было назначено на южныя дороги. А такъ какъ перевозка ихъ, производившаяся безъ заранѣе соображеннаго маршрута, совпала съ перевозкой запасныхъ нижнихъ чиновъ, то это повлекло за собой разныя неудобства.

Паровозы посылались безъ паровъ, поѣздами, причемъ тяжесть паровозовъ заставляла составлять малые поѣзда, все-таки, занимавшіе номеръ. Только на Московско-Курской дорогѣ паровозы шли подъ парами на разстояніи 15 или 10 минутъ хода одинъ за другимъ, благодаря чему на этой дорогѣ не было случаевъ забивки станцій подвижнымъ составомъ.

Первоначально задержка воинскаго движенія сказалась на наиболѣе напряженной станціи—Жмеринка. Здѣсь еще 9 ноября было задержано нѣсколько воинскихъ эшелоновъ, такъ какъ Одесской дорогѣ не хватало паровозовъ и вагоновъ, а свободные паровозы Кіево-Брестской дороги нельзя было пустить по Одесской, потому что на первой дорогѣ было принято отопленіе паровозовъ углемъ, а на второй—дровами. Къ 11 ноября подвижной составъ сѣверныхъ дорогъ скопился въ большой массѣ на станціи Курскъ и не могъ быть двинутъ далѣе, а въ это время Одесская дорога была уже едва въ состояніи отправлять половину числа поѣздовъ, назначенныхъ планомъ; почему 11-й уланскій и часть 11-го Донского казачьяго полка были высажены въ Жмеринкѣ, гдѣ расположились по квартирамъ.

Для надлежащаго урегулированія воинскихъ перевозокъ безъ измѣненія плана была принята слѣдующая мѣра: всѣ воинскія перевозки были пріостановлены на три дня и 15 ноября было приказано считать одиннадцатымъ днемъ мобилизаціи. Приказаніе это не относилось къ тѣмъ командамъ, которыя уже были посажены на поѣзда 11 ноября и поэтому къ 16 ноября, т. е. къ двѣнадцатому дню мобилизаціи ббльшая часть полковъ получила все свое укомплектованіе какъ людьми, такъ и лошадьми. Трехъ-дневный перерывъ далъ возможность доставить на южныя дороги необходимый подвижной составъ и приготовиться къ продолженію дальнѣйшихъ перевозокъ.

Если для южныхъ дорогъ перерывъ мобилизаціи былъ необходимъ, то для дорогъ, не входящихъ въ линіи глав-

ныхъ направленій, онъ былъ излишенъ и состоялся только по недоразумѣнію, вслѣдствіе коего команды и воинскіе грузы непроизводительно потеряли трое сутокъ.

Въ теченіе перваго періода работы желѣзныхъ дорогъ было перевезено запасныхъ нижнихъ чиновъ и лошадей для укомплектованія войскъ военныхъ округовъ:

Одесскаго	47.314	человѣкъ.	7.718	лошадей.
Кіевскаго	30.779	„	8.074	„
Харьковскаго . .	29.285	„	4.027	„
Московскаго . . .	26.796	„	3.674	„
Виленскаго . . .	152	„	242	—
Кавказскаго . . .	44.227	„	—	—
Всего . . .	178.553	человѣка.	23.735	лошадей.

Кромѣ того, было перевезено 3.146 ремонтныхъ лошадей, слѣдовавшихъ на пополненіе артиллеріи Кавказскаго военнаго округа и купленныхъ въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ. Изъ этого числа 2.826 лошадей были доставлены на мѣсто высадки—во Владикавказъ, а 320 выгружены въ Ростовѣ и отправлены далѣе уже впослѣдствіи, по окончаніи мобилизаціи.

Во время мобилизаціи Комитету по передвиженію войскъ часто приходилось давать указанія по возникавшимъ вопросамъ.

Къ числу важнѣйшихъ обстоятельствъ нужно отнести совершеніе перевозокъ въ холодное время года, когда приходилось принимать особыя мѣры для приспособленія товарныхъ вагоновъ къ перевозкѣ войскъ. Сначала было предположено покрыть полы вагоновъ соломой и сверхъ ея обить рогожей. Опыты, произведенные на Петербургской станціи Варшавской желѣзной дороги, доказали цѣлесообразность этой мѣры, почему часть товарныхъ вагоновъ получила соломенную обивку; Министерство Путей Сообщенія настаивало на отмѣнѣ этого способа, указывая на опасность отъ огня, угрожающую подвижному составу при такой обивкѣ, и предложило обивку половъ войлокомъ.

Принята была эта послѣдняя мѣра и дала хорошіе результаты; слабыми сторонами ея были высокая, сравнительно съ соломенной обивкой, стоимость и порча обивки; были также случаи, что перевозимые нижніе чины отдирали войлокъ, употребляя его вмѣсто одѣялъ.

Наступившее холодное время вызвало также необходимость выдачи перевозимымъ чинамъ запаса горячаго чая. Военное Министерство вошло по этому дѣлу въ соглашеніе съ обществомъ Краснаго Креста, которое приняло на себя всѣ заботы по устройству въ опредѣленныхъ военнымъ вѣдомствомъ пунктахъ чайныхъ буфетовъ и по снабженію чаемъ перевозимыхъ чиновъ запаса, съ тѣмъ, чтобы, помимо тѣхъ расходовъ, которые будутъ произведены самимъ обществомъ, ему было уплачено военнымъ вѣдомствомъ по 3 копѣйки за каждаго продовольствуемаго человѣка.

Всего пунктовъ для раздачи чая на желѣзнодорожныхъ линіяхъ было устроено 155. Довольствіе перевозимыхъ запасныхъ горячею пищею производилось на 70 продовольственныхъ пунктахъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ, состояніе здоровья нижнихъ чиновъ запаса во время передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ было вполнѣ удовлетворительно и цифра больныхъ за все это время не превышала 242 человѣкъ изъ общаго числа перевезенныхъ людей—178.000.

Около 20 ноября первый періодъ работы желѣзныхъ дорогъ, то есть перевозка запасныхъ нижнихъ чиновъ и лошадей, закончился и наступалъ второй—перевозка укомплектованныхъ частей.

Планъ перевозки укомплектованныхъ частей былъ разосланъ войскамъ 2 ноября. Сообразно съ дислокаціей войскъ дѣйствующей арміи пунктами разгрузки воинскихъ поѣздовъ были избраны желѣзнодорожныя станціи: Бирзула, Жмеринка, Балта, Раздѣльная, Бендеры и Кишиневъ. Выборъ этихъ пунктовъ былъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ,

чтобы не втягивать всѣ перевозимыя войска въ мѣшокъ линіи Раздѣльная—Кишиневъ, но, по возможности, облегчить этотъ участокъ и тѣмъ ускорить сосредоточеніе арміи. Это послѣднее условіе представлялось необходимымъ, во-первыхъ, потому что къ 21 декабря всѣ войска, входящія въ составъ дѣйствующей арміи, со всѣми обозами и парками должны были быть на мѣстѣ въ полной готовности перейти границу; во-вторыхъ же, было желательно окончить перевозку войскъ до наступленія сильныхъ морозовъ. Уже послѣ разсылки плана перевозки укомплектованныхъ частей пришлось спѣшно составить дополнительныя соображенія для перевозки частей, ранѣе въ планъ не включенныхъ, и частей, перевозка коихъ по прежнему плану не была выполнена.

Главныя дополненія къ плану были слѣдующія: 7 ноября былъ посланъ въ Харьковъ новый планъ перевозки полковъ 34-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею; составленіе новаго плана для этой перевозки было вызвано нарушеніемъ правильности движенія на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ; 9 ноября назначена перевозка 2-й бригады 3-й гренадерской дивизіи въ Люблинъ и 2-й бригады 13-й кавалерійской дивизіи въ Яновъ; 11 ноября былъ составленъ планъ для перевозки 4-й Донской казачьей батареи, которую, по недоразумѣнію, забыли включить въ общій планъ; въ тотъ же день составленъ планъ для перевозки 8 паровыхъ ботовъ съ командою изъ Петербурга; 9 декабря былъ составленъ планъ перевозки изъ Оренбурга Уральской сотни, которая была назначена въ составъ дѣйствующей арміи только 8 декабря.

Кромѣ этихъ измѣненій, пришлось ввести въ планъ еще одну поправку. Многія части должны были сдѣлать значительныя передвиженія походнымъ порядкомъ до станціи посадокъ, что вслѣдствіе морозовъ и метелей было затруднительно, поэтому пункты посадокъ были назначены ближе къ расположенію полковыхъ штабовъ.

Въ то же время пришлось составить соображенія для пропуска нѣсколькихъ экстренныхъ поѣздовъ. Главное затрудненіе здѣсь представлялъ пропускъ поѣзда Главнокомандующаго, движеніе котораго совпадало съ наибольшимъ движеніемъ воинскихъ поѣздовъ. Ссылаясь на примѣръ движенія поѣзда короля прусскаго въ 1870 году, предполагалось сначала отправить поѣздъ Главнокомандующаго по воинскому графику, но чрезвычайная длина пути заставила отказаться отъ этого предположенія и пустить поѣздъ экстреннымъ. Подъ тяжести Полевого Штаба было назначено два поѣзда и подъ полевое казначейство одинъ поѣздъ, которые также пущены были экстренными. Это не представляло затрудненія на желѣзныхъ дорогахъ, сохранившихъ пассажирское движеніе, но вызвало значительное нарушеніе воинскаго графика южнѣе Курска. Къ пропускамъ, допущеннымъ при составленіи общаго плана, слѣдуетъ отнести невнесеніе въ него перевозокъ штабовъ вновь сформированныхъ армейскихъ корпусовъ.

Къ частнымъ неправильностямъ плана присоединилось 20 ноября еще одно обстоятельство, которое могло снова прекратить все воинское движеніе. Водоснабженіе на станціяхъ Кучурганъ и Тирасполь испортилось, вслѣдствіе чего Одесская дорога задерживала поѣзда. Снѣжныя метели еще ухудшили положеніе, результатомъ чего была закупорка Жмеринки. Одесская дорога задолжала Кіево-Брестской 450 вагоновъ, почему эта послѣдняя не могла выполнить графика. Возникшее нарушеніе движенія грозило передаться на смежныя дороги, почему управленія Кіево-Брестской и Одесской дорогъ телеграммами просили о пріостановкѣ воинскихъ перевозокъ на четыре дня.

Вслѣдствіе неудобствъ отъ остановки мобилизаціонныхъ перевозокъ, извѣстныхъ уже по опыту 12 ноября, было рѣшено: не останавливая всего движенія, облегчить лишь участокъ между Жмеринкой и Бирзулой, исключивъ

для сего изъ плана перевозокъ 55 поѣздовъ. Для исполненія приняты слѣдующія мѣры: одна бригада 33-й пѣхотной дивизіи и 33-я артиллерійская бригада, подлежавшія перевозкѣ изъ Кіева въ Кишиневъ, были оставлены на мѣстѣ и для перевозки ихъ уже по окончаніи всего движенія былъ составленъ новый планъ,—эта мѣра дала возможность исключить изъ общаго плана 22 поѣзда; затѣмъ, Курско-Кіевской дорогѣ было предложено довезти на своемъ подвижномъ составѣ 5-ю пѣхотную дивизію только до Жмеринки, т. е. до пункта, предназначеннаго для разгрузки заднихъ эшелоновъ этой дивизіи, черезъ что̀ участокъ Жмеринка—Бирзула облегчился еще на 33 поѣзда. Способъ этотъ далъ возможность избѣгнуть общей пріостановки движенія воинскихъ поѣздовъ и болѣе крупнаго нарушенія плана.

Частныхъ задержекъ движенія воинскихъ поѣздовъ было нѣсколько, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, онѣ были вызваны или снѣжными метелями, которыя были особенно сильны и повсемѣстны въ серединѣ декабря (заносы между Москвой и Курскомъ задержали поѣзда съ 15 по 17 декабря), или опаздываніемъ войскъ къ пунктамъ посадокъ [1]).

Въ день 14 декабря закончилась перевозка войскъ дѣйствующей арміи и войскъ Одесскаго и Кіевскаго округовъ, кромѣ Кубанскаго казачьяго полка и двухъ сотенъ пластуновъ, которые прибыли въ Кишиневъ 17 декабря.

Перевозку парковъ предполагалось закончить къ 22 декабря, но она замедлилась по неготовности парковъ; такъ, формировавшіеся въ Кременчугѣ полевые артиллерійскіе парки VII и X армейскихъ корпусовъ были нагружены

[1]) На какія разнородныя препятствія приходилось натыкаться и какими особыми мѣрами приходилось улаживать дѣло, показываетъ слѣдующій примѣръ: нужно было везти одну Уральскую сотню изъ Оренбурга. Оренбургская дорога была окончена постройкой осенью 1876 года, но для движенія не открыта, поэтому путь не расчищался и былъ занесенъ глубокимъ слоемъ снѣга. Когда этой дорогѣ было предложено 9 декабря перевезти сотню, то она потребовала особой платы за расчистку всего пути, на что̀ военное вѣдомство не соглашалось; перевозка состоялась на условіи, что за расчистку пути дорога получаетъ разрѣшеніе открыть движеніе до весны, т. е. до срока, ранѣе установленнаго.

не 18 декабря, какъ предполагалось, а только 6 января. Перевозка частей Московскаго военнаго округа въ Кіевскій продолжалась почти до конца декабря, когда началось движеніе новобранцевъ.

За время сосредоточенія было перевезено по желѣзнымъ дорогамъ укомплектованныхъ уже частей:

Пѣхотныхъ полковъ 51 или баталіоновъ	153
Отдѣльныхъ баталіоновъ	7
» ротъ (Гвардейскаго экипажа)	2
» пѣшихъ сотенъ (пластунскихъ)	4
Итого 160 баталіоновъ, 2 роты, 4 сотни.	
Батарей пѣшихъ и конныхъ	93
Кавалерійскихъ полковъ 12 или эскадроновъ	48
Казачьихъ полковъ 14 или сотенъ	84
Отдѣльныхъ казачьихъ эскадроновъ	2
» » сотенъ	4
Итого эскадроновъ и сотенъ	138
Артиллерійскихъ парковъ	26

Для перевозки означенныхъ частей было употреблено 2.029 поѣздовъ. Наибольшую работу несла Одесская дорога, давшая 452 поѣзда, и Кіево-Брестская, давшая 408 поѣздовъ.

Кромѣ этихъ поѣздовъ, было отправлено два поѣзда подъ тяжестями Полевого Штаба арміи, одинъ поѣздъ подъ полевымъ казначействомъ и 62 поѣзда, назначенныхъ для перевозки лошадей, шедшихъ на сформированіе интендантскаго транспорта, и командъ нижнихъ чиновъ, сопровождавшихъ лошадей. Всего въ этихъ поѣздахъ было перевезено 10.090 лошадей и 5.040 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, не считая поѣздовъ, употребленныхъ за время ноябрьской мобилизаціи, для перевозки укомплектованныхъ частей понадобилось 2.094 поѣзда. Въ это же время желѣзныя дороги работали надъ перевозкою различныхъ грузовъ, принадлежавшихъ арміи. Количество перевезенныхъ грузовъ было весьма значительно: такъ, напримѣръ, интендантское вѣдомство перевезло въ числѣ прочихъ грузовъ 3.000 телѣгъ

для транспортовъ, 208.000 палатокъ и свыше 2.200.000 пудовъ различныхъ предметовъ довольствія войскъ; артиллерійское вѣдомство отправило 386 орудій разнаго калибра, съ лафетами и снарядами, 28.000 винтовокъ, 3.100.000 штукъ патроновъ и 192.849 пудовъ разныхъ тяжестей; морское вѣдомство перевезло 6 винтовыхъ и 2 кожуховыхъ бота, 17 катеровъ, подводныя мины и 10.000 пудовъ грузовъ. Особенно затруднительна была перевозка паровыхъ ботовъ, которыхъ было сначала назначено 8; маршрутъ имъ былъ назначенъ Петербургъ—Брестъ—Кишиневъ, но затѣмъ, когда оказалось, что Варшавская дорога по габариту [1]) не можетъ ихъ перевезти, маршрутъ былъ измѣненъ на Петербургъ—Москва—Кіевъ—Кишиневъ, причемъ два наибольшихъ бота пришлось оставить, такъ какъ по условіямъ габарита они не могли пройти и по этимъ дорогамъ.

Военно-медицинское вѣдомство перевезло около 8.000 пудовъ грузовъ.

Для безостановочнаго слѣдованія всѣхъ этихъ грузовъ, отправленныхъ или самими подлежащими вѣдомствами, или черезъ подрядчиковъ, приняты были слѣдующія мѣры: каждый вагонъ былъ снабженъ трафареткой съ обозначеніемъ, какой грузъ и какого вѣдомства помѣщается въ вагонѣ, куда слѣдуетъ и въ какую часть назначается. На станціяхъ разгрузки были отведены на платформахъ, или вновь устроены, особыя мѣста съ такими же надписями, такъ что, тотчасъ по прибытіи, вагоны разгружались и каждое вѣдомство знало, гдѣ могло найти свои грузы.

Въ общемъ доставка грузовъ прошла безъ задержекъ, исключеніемъ были лишь случаи, когда въ началѣ мобилизаціи нѣкоторые грузы были выгружены на станціяхъ вслѣдствіе распоряженія Министерства Путей Сообщенія о пріостановкѣ товарнаго движенія (о чемъ подробнѣе—ниже).

[1]) Габаритомъ называется предѣльная, допускаемая устройствомъ данной дороги, поперечная профиль подвижного состава.

При усиленной перевозкѣ не обошлось безъ случаевъ схода съ рельсъ и столкновенія поѣздовъ. Наибольшимъ числомъ жертвъ ознаменовалось столкновеніе поѣздовъ на Владикавказской дорогѣ въ ночь съ 29 на 30 ноября, когда былъ раненъ командиръ Кубанскаго полка и 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Снабженіе перевозимыхъ частей горячею пищею производилось на тѣхъ же 70 продовольственныхъ пунктахъ, какъ и при перевозкѣ запасныхъ. Всего за время мобилизаціи продовольственные пункты отпустили 2.369.310 порцій. Вышеупомянутые буфеты общества Краснаго Креста въ числѣ 155 выдали войскамъ 3.568.040 порцій чая или сбитня и столько же булокъ съ мясомъ или сыромъ [1]). Во многихъ городахъ для проѣзжавшихъ войскъ были приготовлены отъ городскихъ обществъ и частныхъ лицъ чай, закуски, водка и обѣды, нѣкоторыя городскія общества приняли на себя продовольствіе всѣхъ слѣдовавшихъ черезъ городъ войскъ.

Обивка половъ вагоновъ войлокомъ до нѣкоторой степени предохраняла перевозимыя войска отъ заболѣваній, вызванныхъ передвиженіемъ въ холодное время года. Особенное вниманіе обращаютъ на себя заботы желѣзнодорожной администраціи о сохраненіи здоровья перевозимыхъ войскъ: такъ, Курско-Кіевская желѣзная дорога по распоряженію предсѣдателя правленія г. фонъ-Дервиза снабдила товарные вагоны, предназначенные для перевозки войскъ, переносными печами, не требуя за это особой платы; другія дороги, также безплатно, отпускали войскамъ, пришедшимъ на станціи посадки, дрова для разведенія костровъ [2]).

[1]) Порціи чая выдавались въ кружкахъ вмѣстимостью около 3 стакановъ. Военное Министерство заплатило обществу Краснаго Креста 107.041 руб. 20 коп., считая по 3 коп. за каждую порцію; затраты, сдѣланныя обществомъ, были очень велики; такъ, напримѣръ, одно устройство буфетовъ, т. е. заведеніе самоваровъ и посуды, наемъ прислуги и прочее обошлось обществу около 25.000 руб.

[2]) Насколько необходимой бывала подобная помощь, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: батареи 34-й артиллерійской бригады выступили изъ пунктовъ квартированія 23 ноября,

Во время передвиженія укомплектованныхъ частей заболѣвшихъ было только 177 человѣкъ при общей числительности перевезенныхъ войскъ въ 253.973.

Изъ обстоятельствъ, вызванныхъ усиленной перевозкой войскъ, особенно важна пріостановка товарнаго движенія. Выше было указано, что § 9 инструкціи Инспекторско-Техническаго Комитета Министерства Путей Сообщенія отъ 22 октября 1876 года опредѣлялъ, что перевозка частныхъ грузовъ должна быть допускаема лишь при дѣйствіи неполнаго графика и на отвѣтственности управляющихъ дорогами. Очевидно, что въ принципѣ возможность товарнаго движенія была допущена, хотя возложеніе отвѣтственности за послѣдствія на управляющихъ дорогами крайне ограничивало примѣненіе этого принципа.

Движеніе товарныхъ поѣздовъ скорости меньшей не согласовалось со скоростью движенія воинскихъ поѣздовъ, а перевозка частныхъ грузовъ товарными поѣздами, идущими по воинскому графику, считалась многими дорогами убыточной. Впрочемъ, Московско-Курская дорога, не прекращавшая отправку частныхъ грузовъ, но на которой во время усиленной перевозки войскъ скопилось много товаровъ, нашла для себя выгоднымъ по окончаніи перевозки

чтобы въ четыре перехода дойти до пункта посадки—станціи Казанки, Харьково-Николаевской желѣзной дороги. Во время похода погода была: 23—дождь, 24—морозъ, 25—метель и 26—морозъ; во время метели 25 ноября проводники, бывшіе при 1-й батареѣ, сбились съ дороги, населенныхъ пунктовъ по пути не было и батарея должна была остановиться въ степи около стога сѣна. Для обогрѣванія людей батарейный командиръ приказалъ разложить костеръ, причемъ на топливо пошли сначала собственная повозка батарейнаго командира, затѣмъ коновязные колья, а подъ конецъ сѣно изъ стога. Не смотря на эту мѣру, два офицера и 11 рядовыхъ озябли, а одинъ рядовой, отбившійся отъ батареи, замерзъ. Когда батарея прибыла на станцію, то тамъ была оказана помощь озябшимся, а начальникъ станціи отпустилъ топлива для поддержанія костровъ. Одна изъ кавалерійскихъ дивизій требовала отъ желѣзной дороги пассажирскихъ вагоновъ для перевозки нижнихъ чиновъ и, хотя дорога не обязана была выполнить это требованіе, въ составъ каждаго поѣзда изъ числа перевозившихъ дивизію было поставлено по нѣсколько вагоновъ 3-го класса, что̀ дало возможность людямъ, зябнувшимъ въ товарныхъ вагонахъ, ходить поочередно отогрѣваться въ отапливавшіеся пассажирскіе вагоны. Подъемъ духа, вызванный освободительной цѣлью войны, вообще сказался на отношеніяхъ къ перевозимымъ войскамъ желѣзнодорожнаго персонала, который старался сдѣлать все возможное для большаго ихъ удобства.

войскъ удерживать еще мѣсяцъ воинскій графикъ, чтобы ускорить перевозку частныхъ грузовъ, и достигла своей цѣли, перевезя ихъ по крайней мѣрѣ на десять дней ранѣе, чѣмъ это было бы возможно при обыкновенномъ товарномъ движеніи.

Министерство Путей Сообщенія 3 ноября 1876 года телеграммой всѣмъ управляющимъ дорогами предписало пріостановить пріемъ товарныхъ грузовъ на всѣхъ линіяхъ. Телеграмма эта была вызвана желаніемъ дать возможность отправить на южныя дороги большое количество подвижного состава съ сѣверныхъ дорогъ. Телеграмма эта была понята дорогами не какъ напоминаніе § 9 инструкціи 22 октября, а какъ категорическое приказаніе. Результатомъ пріостановки товарнаго движенія было затруднительное положеніе желѣзныхъ дорогъ, войскъ и большихъ городовъ[1]).

Дѣйствительно, желѣзныя дороги понесли значительные убытки и самая подготовка ихъ къ воинскимъ перевозкамъ могла быть ослаблена; такъ, отправленныя изъ Москвы на Курско-Кіевскую дорогу, заказанныя этою дорогою, приспособленія къ воинскимъ поѣздамъ были выгружены на одной изъ станцій, не доходя Курска. Войска, а еще болѣе интендантство, пострадали отъ остановки товарнаго движенія тѣмъ, что много грузовъ, предназначенныхъ для войскъ и для формированія военныхъ транспортовъ, не были доставлены въ срокъ и тѣмъ замедлилось приведеніе арміи въ готовность къ походу; наконецъ, положеніе большихъ городовъ, получающихъ все необходимое для жизни многочисленнаго населенія черезъ посредство желѣзныхъ дорогъ, было весьма тяжелое.

Въ Москвѣ 4 ноября на товарныхъ станціяхъ были вывѣшены объявленія о прекращеніи пріема частныхъ грузовъ; 5 ноября дрова и мясо въ городѣ поднялись въ цѣнѣ почти вдвое; подрядчики, обязанные поставлять продукты

[1]) «Отчетъ о перевозкѣ войскъ» генерала Анненкова отъ 17 февраля 1877 года.

первой необходимости по заранѣе условленной цѣнѣ, въ виду грозившаго имъ разоренія, обратились съ просьбами о выдачѣ имъ удостовѣреній въ дѣйствительности отказа въ пріемѣ грузовъ; подрядчики интендантства, осаждавшіе станціи, справедливо заявляли, что отъ отказа принять ихъ грузы пострадаетъ снабженіе арміи. Въ Одессѣ положеніе было едва ли не труднѣе. Одесскій градоначальникъ донесъ телеграммой Министру Внутреннихъ Дѣлъ, что прекращеніе подвоза топлива и жизненныхъ припасовъ ставитъ жителей въ тяжелое положеніе и вызвало быстрый ростъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Для выясненія условій, при которыхъ можно было бы облегчить тягости, легшія на большіе города, въ Петербургѣ была составлена комиссія изъ чиновъ заинтересованныхъ вѣдомствъ: военнаго, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ членъ отъ Министерства Финансовъ тайный совѣтникъ Кобеко. Военный Министръ, соглашаясь на передачу дѣла на обсужденіе комиссіи и назначивъ членомъ ея отъ Военнаго Министерства генерала Анненкова, надписалъ на дѣлѣ, препровожденномъ этому послѣднему: „Комиссія эта должна принять за основаніе, что движеніе войскъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть замедлено. Привести примѣръ Германіи въ послѣднюю войну“.

Указанное выше условіе, вызванное необходимостью скорѣе окончить сосредоточеніе арміи, стѣсняло, конечно, соображенія комиссіи и дѣлало частныя предложенія ея неисполнимыми [1]).

[1]) Комиссія потребовала, чтобы Одесская дорога, наиболѣе важная для снабженія Одессы, начала перевозку частныхъ грузовъ въ поѣздахъ воинскаго графика, не занятыхъ войсками, на что завѣдующій перевозкою войскъ Одесскаго раіона отвѣтилъ телеграммой, что по Одесской дорогѣ ежедневно идетъ, кромѣ почтоваго, 11 воинскихъ поѣздовъ, весь графикъ занятъ до 17 декабря, а потому возстановить товарное движеніе невозможно. Такой же отвѣтъ получился и отъ управляющаго дорогою. Тогда комиссія предложила, не увеличивая числа поѣздовъ, увеличить составъ каждаго поѣзда, прицѣпкою нѣсколькихъ вагоновъ съ частными грузами. Эта мѣра также оказалась невыполнимой, такъ какъ изъ телеграммы управляющаго дорогою выяснилось, что на станціяхъ лежитъ грузъ на 10 поѣздовъ, нагруженный въ началѣ воинскихъ перевозокъ, и что съ него слѣдуетъ начать перевозку, увеличить составъ поѣздовъ, въ виду зимняго времени, также нельзя.

Перевозка частныхъ грузовъ на южныхъ дорогахъ возобновилась только съ середины декабря, на сѣверныхъ дорогахъ—раньше, а на нѣкоторыхъ, какъ выше указано (Московско-Курская),—она не прекращалась, благодаря распорядительности управляющихъ.

Изъ всего вышесказаннаго можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) По числу и по направленію желѣзнодорожныхъ линій, бывшихъ въ пользованіи въ 1876 году, Россія была подготовлена наиболѣе къ войнѣ съ Турціей.

2) Техническая сторона желѣзныхъ дорогъ оставляла желать много лучшаго; недостатки ихъ были слѣдующіе.

Почти всѣ дороги были въ одинъ путь. Полотно не вездѣ достаточной прочности. Значительные подъемы и уклоны требовали легкихъ поѣздовъ, въ особенности въ зимнее время. Водоснабженіе изъ колодцевъ (не изъ живыхъ источниковъ) подвергалось случайностямъ отъ измѣненія погоды; такъ было, напримѣръ, на станціяхъ Тирасполь и Кучурганъ. Станціи, не обладавшія достаточнымъ количествомъ разъѣздныхъ и запасныхъ путей, легко забивались отъ усиленныхъ движеній; такъ было, напримѣръ, на станціи Курскъ. То же вызвано было у Жмеринки громаднымъ количествомъ подвижного состава, направленнаго съ сѣверныхъ линій на усиленіе слабыхъ средствъ южныхъ. Наконецъ, недостаточные запасы топлива, количество котораго не было соображено съ потребностью мобилизаціоннаго движенія, причемъ была упущена изъ вида необходимость имѣть нѣкоторые запасы дровъ на дорогахъ съ угольнымъ отопленіемъ и угля на дорогахъ съ дровянымъ для паровозовъ, пришедшихъ на усиленіе съ дорогъ съ другимъ отопленіемъ.

3) Планъ перевозки какъ чиновъ запаса, такъ и мобилизованныхъ частей былъ составленъ для общей мобили-

зацiи всѣхъ вооруженныхъ силъ, почему частная мобилизацiя вызвала необходимость спѣшнаго составленiя плана.

Планъ частной мобилизацiи пришлось постепенно дополнять, въ зависимости отъ того, что составъ дѣйствующей арміи не былъ опредѣленъ сразу, а постепенно усиливался. Разработка плана была еще болѣе затруднена тѣмъ обстоятельствомъ, что пункты, назначенные для высадки войскъ, были три раза измѣняемы въ зависимости отъ плана начала кампанiи. Спѣшность составленiя плана повлекла за собой пропуски (штабы корпусовъ, два Донскихъ казачьихъ полка и батареи) и не позволила довести до конца объясненiя съ Министерствомъ Путей Сообщенiя, необходимыя для опредѣленiя подробностей мобилизацiонныхъ перевозокъ. Движенiе экстренныхъ поѣздовъ не было предусмотрѣно планомъ, что̀ вызвало затрудненiя при назначенiи экстренными поѣздовъ Главнокомандующаго и Полевого Штаба.

4) Войска не были подготовлены къ перевозкамъ по желѣзнымъ дорогамъ; необходимость точнаго выполненiя плана была для нихъ настолько неясна, что весьма часто полки опаздывали къ пунктамъ посадокъ на нѣсколько часовъ, причемъ это опаздываніе не было вызвано какими либо особенными причинами. Также неясны были для войскъ особенности массовой перевозки; такъ, нѣкоторыя части настоятельно требовали себѣ пассажирскихъ вагоновъ или желали, чтобы поѣзда стояли на станцiяхъ столько времени, сколько это было почему либо удобнымъ для перевозимыхъ эшелоновъ.

5) Опытъ массовой перевозки войскъ являлся первымъ и для Министерства Путей Сообщенiя и управленiй отдѣльныхъ линiй. Неопредѣленность § 9 инструкцiи 22 октября и телеграммы 3 ноября вызвали остановку товарнаго движенiя на всей сѣти, а не на тѣхъ только дорогахъ, гдѣ

это было дѣйствительно необходимо. Подвижной составъ направленъ былъ безъ маршрутовъ и, наконецъ, назначены на дороги съ угольнымъ отопленіемъ паровозы съ дровянымъ. Все это въ значительной степени объясняется запоздалымъ вызовомъ въ С.-Петербургъ управляющихъ дорогами. Случалось, что управляющіе дорогами смотрѣли на воинскія перевозки, какъ на выполненіе въ тѣсномъ смыслѣ условій, заключенныхъ съ правительствомъ, на основаніи параграфовъ концессій. Между тѣмъ какъ по существу дѣла военное вѣдомство являлось главнымъ отвѣтственнымъ распорядителемъ.

6) Погода въ значительной степени повліяла на ходъ перевозокъ. Рано наступившіе морозы, понизившіе уровень почвенныхъ водъ, дѣлали неустойчивымъ водоснабженіе и увеличивали для войскъ трудности дальнихъ переѣздовъ. Снѣжные метели и заносы вызывали опаздываніе поѣздовъ, а иногда даже прекращали движеніе (Одесская дорога—25 и 26 ноября, Московско-Курская—16 и 17 декабря). Суровое время года особенно сильно сказывалось на войскахъ, шедшихъ походнымъ порядкомъ къ пунктамъ посадокъ, часто вызывая опаздываніе и нарушеніе тѣмъ правильности выполненія плана (34-я артиллерійская бригада).

7) Положеніе большихъ городовъ, лишенныхъ подвоза жизненныхъ припасовъ вслѣдствіе прекращенія товарнаго движенія, было весьма затруднительно. Вынести лишенія помогъ населенію тотъ высокій патріотическій подъемъ духа, который сказался въ торжественныхъ проводахъ и угощеніяхъ войскъ, въ благотворительной помощи, оказанной дѣлу продовольствія перевозимыхъ частей обществомъ Краснаго Креста и въ усердіи, съ которымъ служащіе на желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ относились къ нуждамъ войскъ, стараясь сдѣлать все возможное часто на собственный счетъ (печи въ вагонахъ г. фонъ-Дервиза), чтобы облегчить тягости зимней перевозки.

Вообще, для правильной оцѣнки мобилизаціонныхъ перевозокъ 1876 года особенно необходимо имѣть въ виду, что въ Россіи это былъ первый опытъ перевозки большихъ массъ войскъ на огромныя разстоянія.

ГЛАВА IX.

Русское полевое интендантство и снабженіе дѣйствующей арміи предметами интендантскаго довольствія.

Регламентація устройства и дѣятельности полевого интендантства, продовольственной части и вещевого довольствія.—Снаряженіе.—Обозъ.—Снабженіе офицеровъ.—Подготовительныя мѣры по обезпеченію арміи продовольствіемъ, вещевымъ довольствіемъ, палатками, обозомъ и деньгами.—Текущее довольствіе арміи въ Бессарабіи: продовольствіе, вещевое довольствіе, квартирное довольствіе.

ЕРЕРАБОТКА „Положенія о полевомъ управленіи войскъ 1868 года“ не была еще закончена, когда, въ ноябрѣ 1876 года, объявлена была частная мобилизація войскъ Кіевскаго, Харьковскаго и Одесскаго военныхъ округовъ и изъ этихъ войскъ сформирована дѣйствующая армія.

Новое Положеніе о полевомъ управленіи войскъ, какъ уже сказано въ главѣ седьмой, было объявлено къ руководству приказомъ по военному вѣдомству отъ 22 октября 1876 года за № 304 и то безъ приложеній, которыя объявлялись затѣмъ постепенно, частію въ томъ же 1876 и частію въ 1877 годахъ.

По смыслу этихъ законоположеній, перечисленныхъ въ ряду прочихъ въ главѣ седьмой, *устройство интендантской части въ арміи* опредѣлялось слѣдующимъ образомъ.

Общія распоряженія по снабженію арміи продовольствіемъ, а равно денежнымъ и вещевымъ довольствіями—сосредоточиваются въ полевомъ интендантскомъ управленіи, которое находится въ завѣдываніи интенданта арміи и состоитъ изъ: 1) помощника интенданта, 2) канцеляріи, 3) чиновъ для порученій, 4) корпусныхъ, дивизіонныхъ и отрядныхъ интендантовъ и 5) начальника интендантскаго транспорта.

Полевое интендантское управленіе есть лишь ближайшій распорядительный органъ Главнокомандующаго; вся же исполнительная часть возлагается на окружныя интендантскія управленія театра войны или на мѣстныя заграничныя интендантскія управленія, учреждаемыя по мѣрѣ надобности съ удаленіемъ арміи отъ границъ Имперіи; само полевое интендантское управленіе принимаетъ непосредственное участіе въ исполнительныхъ дѣйствіяхъ только тогда, когда Главнокомандующій признаетъ это нужнымъ. Исполнительныя дѣйствія возлагаются тогда на чиновъ для порученій, а равно на корпусныхъ, дивизіонныхъ и отрядныхъ интендантовъ.

Интендантъ арміи подчиняется непосредственно Главнокомандующему, но всѣ письменныя представленія ему онъ дѣлаетъ не иначе, какъ черезъ Начальника Штаба арміи, а личные, въ случаѣ надобности, доклады—въ присутствіи сего послѣдняго.

Интенданту арміи предоставляется: 1) утверждать окончательно всякіе, произведенные по распоряженію полевого интендантства, подряды, поставки, наличныя покупки и проч., если заготовительныя цѣны не превосходятъ смѣтныхъ цѣнъ военнаго времени; въ противномъ случаѣ онъ представляетъ на разрѣшеніе Главнокомандующаго [1]) и

[1]) На основаніи Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время 1876 года, для военнаго времени составлялась смѣта расходовъ Полевого Управленія арміи (составленіе этой смѣты лежало на интендантѣ арміи), дѣйствіе которой должно было продолжаться со дня ея утвержденія Высочайшею властью до окончанія текущаго общаго смѣтнаго

2) избирать для заготовленій продовольствія тѣ изъ указанныхъ способовъ, которые по обстоятельствамъ наиболѣе выгодны и удобны; но на примѣненіе реквизиціи онъ предварительно испрашиваетъ разрѣшеніе Главнокомандующаго.

Гдѣ бы война ни велась: внутри ли Имперіи, въ странѣ союзной или непріятельской,—онъ долженъ всемѣрно охранять средства театра войны отъ истощенія, а потому прибѣгать къ нимъ только при невозможности, неуспѣхѣ или чрезмѣрной дороговизнѣ удовлетворенія потребностей арміи средствами казенныхъ заготовленій.

Корпусные, дивизіонные и отрядные интенданты суть непосредственные исполнители распоряженій интенданта арміи относительно тѣхъ частей, при которыхъ состоятъ; они избираются интендантомъ арміи и назначаются его приказомъ по полевому интендантскому управленію [1]).

Интендантскій транспортъ назначается въ распоряженіе интенданта арміи для подвоза предметовъ довольствія войскъ за арміею, для перемѣщенія запасовъ изъ одного магазина въ другой, или же для перевозки разнаго рода армейскихъ тяжестей и раненыхъ, по соглашенію съ Начальникомъ Штаба арміи и съ начальникомъ полевого управленія военными сообщеніями.

Вначалѣ предполагалось сформировать одинъ казенный интендантскій транспортъ, штатъ коего объявленъ при при-

---

періода; если бы война продолжалась нѣсколько лѣтъ, то такая смѣта должна была составляться ежегодно. Изъ этого видно, что смѣтныя цѣны военнаго времени, какъ предусматриваемыя на очень большіе сроки, неизбѣжно были весьма гадательными и въ то же время въ теченіе всего періода дѣйствія смѣты оставались неподвижными. Вслѣдствіе сего бо́льшая часть хозяйственныхъ распоряженій должна была восходить на разрѣшеніе Главнокомандующаго, такъ какъ, по несоотвѣтствію смѣтныхъ цѣнъ съ дѣйствительными цѣнами военнаго времени, утвержденіе сихъ распоряженій могло весьма часто превышать власть интенданта арміи.

[1]) Они, слѣдовательно, не были органами строевого управленія, какъ въ настоящее время, а были лишь агентами интенданта арміи при войскахъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, они назначаются Высочайшими приказами и являются органами строевого управленія.

казѣ по военному вѣдомству 1876 года № 323, а именно: въ 4.900 повозокъ (1.900 парныхъ и 3.000 троечныхъ) при 14.080 лошадяхъ.

Транспортъ долженъ былъ состоять изъ 14 отдѣленій, по 350 повозокъ въ каждомъ. Начальникъ всего транспорта—полковникъ, начальники отдѣленій—маіоры или подполковники; всѣ обозные чины—изъ нижнихъ чиновъ. Никакихъ кадровъ и запасовъ матеріальной части для формированія интендантскаго транспорта не имѣлось. Личный составъ надлежало взять изъ запаса арміи, лошадей—поставкою отъ населенія по только что введенной въ Имперіи военно-конской повинности; повозки и сбрую—пріобрѣсти покупкою.

Приказомъ по военному вѣдомству отъ 18 апрѣля 1877 года за № 136 объявленъ новый штатъ интендантскаго транспорта, по смыслу коего транспортъ сей долженъ состоять изъ: 1) казеннаго транспортнаго эшелона въ составѣ, опредѣленномъ вышеприведеннымъ приказомъ по военному вѣдомству 1876 года № 323, и 2) вольнонаемныхъ транспортныхъ эшелоновъ, каждый въ составѣ 3.500 парныхъ обывательскихъ повозокъ и 7.000 лошадей съ погонщиками изъ населенія. Начальствованіе вольнонаемнымъ транспортнымъ эшелономъ ввѣряется подполковнику; транспортъ состоитъ изъ 10 отдѣленій, коими начальствуютъ штабъ-офицеры, имѣя по два помощника изъ оберъ-офицеровъ, по нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ для присмотра за цѣлостью казеннаго имущества (по одному рядовому на каждыя 10 повозокъ).

Порядокъ продовольствія войскъ въ мирное время передъ войною 1877 года опредѣлялся объявленнымъ въ 1871 году Положеніемъ о провіантскомъ, приварочномъ и фуражномъ довольствіи войскъ (приказъ по военному вѣдомству № 256), которое пришлось примѣнить и въ войну 1877 года (хотя никакихъ статей, касающихся военнаго времени, въ немъ не имѣется), такъ какъ особаго Положенія, опредѣляющаго

порядокъ продовольствія войскъ на войнѣ, не было, за отмѣною прежде дѣйствовавшихъ по этому вопросу Положеній и за невыработкою на замѣну ихъ новаго [1]). За симъ въ Положеніи о полевомъ управленіи войскъ 1876 года имѣлось нѣсколько руководящихъ статей общаго характера, касающихся продовольствія войскъ. По смыслу сихъ законоположеній устройство продовольственной части въ арміи представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Для продовольствія нижнихъ чиновъ отъ казны отпускаются провіантъ и приварочныя деньги. Указная дача провіанта на человѣка въ день: муки 2 фунта $25^1/_2$ золотниковъ или хлѣба 3 фунта, или сухарей 2 фунта; крупы 32 золотника. Провіантъ отпускается натурою отъ интендантства, причемъ при отпускѣ муки на хлѣбъ — хлѣбопеченіе лежитъ на попеченіи самихъ войскъ. Приварочныя деньги отпускаются по двумъ окладамъ: обыкновенному и усиленному. Обыкновенный окладъ (на одного человѣка въ день) слагается изъ двухъ частей: 1) измѣняющейся, соотвѣтствующей стоимости $^1/_2$ фунта мяса (въ сыромъ видѣ съ костями), и 2) постоянной—въ одну копѣйку, назначаемую для закупки овощей, соли и всѣхъ прочихъ приварочныхъ припасовъ. Усиленный окладъ равенъ полуторному обыкновенному. Приварочныя деньги по обыкновенному окладу полагаются на нижнихъ чиновъ, имѣющихъ артельное хозяйство, а по усиленному—на нижнихъ чиновъ (мелкія команды при штабахъ и прочее), не имѣющихъ онаго [2]).

[1]) Учрежденіе для управленія большою дѣйствующею арміею 1812 года весьма подробно регламентировало этотъ вопросъ, равно и замѣнившій его Уставъ 1846 года для управленія арміями въ мирное и военное время. Но объявленное взамѣнъ сего Устава Положеніе о полевомъ управленіи войскъ 1868 года сохранило лишь нѣсколько общихъ по сему вопросу указаній, вѣроятно, въ виду бывшаго предположенія выработать особое Положеніе о продовольствіи войскъ въ военное время; такой же характеръ сохранило и Положеніе о полевомъ управленіи войскъ 1876 года; но особаго Положенія о продовольствіи войскъ въ военное время къ 1877 году объявлено не было.

[2]) Положеніемъ о провіантскомъ, приварочномъ и фуражномъ довольствіи 1871 года предусматривается еще уменьшенный приварочный окладъ на нижнихъ чиновъ частей войскъ, имѣющихъ свои огороды. Но этотъ окладъ къ военному времени не примѣнимъ.

Приварочныя деньги отпускаются въ полное распоряженіе войскъ на заготовленіе приварочныхъ продуктовъ и варку горячей пищи артельнымъ порядкомъ.

Для продовольствія казенныхъ лошадей частямъ войскъ отъ казны отпускаются или фуражъ натурою, или деньги на заготовленіе онаго собственнымъ попеченіемъ. Размѣръ указныхъ дачъ фуража различный, а именно:

		Овса.	Сѣна.	Соломы.
I разрядъ	(строевыя лошади гвардейской кавалеріи и артиллеріи) . . .	4 гарн.	10 фун.	4 фун.
II „	(строевыя лошади армейской кавалеріи и артиллеріи) . . .	3 „	10 „	4 „
III „	(обозныя лошади)	$2^1/_2$ „	20 „	—

Сверхъ отпусковъ, установленныхъ закономъ, Главнокомандующій, въ силу Положенія о полевомъ управленіи войскъ 1876 года, имѣетъ право назначать войскамъ отпускъ винныхъ порцій и другихъ продовольственныхъ припасовъ, какіе имъ признаны будутъ нужными. Ему же принадлежитъ право разрѣшать всякаго рода замѣны однихъ предметовъ довольствія другими.

Тѣмъ же Положеніемъ ему предоставлено право: 1) въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, какъ за границею, такъ и внутри Имперіи, назначать общія и частныя реквизиціи, а въ областяхъ непріятельскихъ, занятыхъ по праву войны, налагать контрибуціи; 2) утверждать въ занятыхъ арміею областяхъ продовольственные тарифы [1]), и 3) назначать офицерамъ отпускъ продовольственныхъ продуктовъ въ натурѣ, когда пріобрѣтеніе ихъ покупкою бываетъ затруднительно.

---

[1]) Т. е. устанавливать продовольствіе нижнихъ чиновъ отъ обывателей (квартирное продовольствіе), съ указаніемъ состава его и условій оплаты. Проектированіе продовольственныхъ тарифовъ лежитъ на интендантѣ арміи; въ нихъ обозначается: сколько и какихъ припасовъ должно быть отпускаемо обывателями на ежедневное продовольствіе каждаго чина, за какое именно вознагражденіе и какимъ порядкомъ будетъ производиться уплата за квартирное продовольствіе по выдаваемымъ войсками квитанціямъ.

Согласно вышеизложенному общій характеръ продовольствія войскъ на войнѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Провіантъ войска получаютъ натурою отъ интендантства [1]).

2) На заготовленіе приварка войска получаютъ деньги и заготовленіе онаго лежитъ на ихъ собственномъ попеченіи; указный отпускъ на приварочное довольствіе слишкомъ малъ для условій военнаго времени (сверхъ стоимости $^1/_2$ фунта мяса всего одна копѣйка).

3) Продовольствіе офицеровъ лежитъ на ихъ собственномъ попеченіи и лишь въ видѣ исключенія допускается отпускъ для нихъ натуральнаго довольствія.

4) Фуражъ войска получаютъ или натурою, или деньгами и въ послѣднемъ случаѣ заготовляютъ оный собственнымъ попеченіемъ.

5) Продукты, отпускаемые войскамъ натурою, заготовляются преимущественно окружными и мѣстными заграничными интендантскими управленіями, т. е. въ дальнемъ тылу; заготовленіе ихъ органами полевого интендантства, т. е. въ раіонахъ дѣйствія войскъ и ближнемъ тылу, допускается лишь въ видѣ исключенія, не иначе, какъ съ разрѣшенія Главнокомандующаго, причемъ обращается особое вниманіе на необходимость всемѣрно сберегать мѣстныя средства.

Это, въ связи съ правиломъ довольствовать войска провіантомъ всегда натурою, возлагаетъ на подвозъ огромную задачу и не благопріятствуетъ оперативной свободѣ войскъ (слишкомъ связываетъ ихъ съ тыломъ).

Къ изложенному остается добавить о составѣ и количествѣ подвижныхъ запасовъ продовольствія при войскахъ. На основаніи Положенія о провіантскомъ, приварочномъ и

[1]) Заготовленіе его собственнымъ попеченіемъ войскъ или полученіе его войсками отъ населенія могутъ быть лишь въ видѣ исключенія.

фуражномъ довольствіи войскъ 1871 года, войска при выступленіи въ походъ берутъ съ собою: 1) провіанта (сухарей и крупы) полный восьми-дневный запасъ и 2) овса: пѣхота, артиллерія и парки — четырехъ-дневный; кавалерія—двухъ-дневный.

Запасъ этотъ размѣщается слѣдующимъ образомъ: въ ранцѣ пѣхотинца—сухарей на 3 дня, крупы на 2 дня и соли на 2 дня; во вьюкѣ кавалериста—сухарей на 3 дня, крупы на 2 дня, соли на 2 дня, овса на 2 дня и сѣна на 1 день; остальной запасъ въ повозкахъ полкового обоза.

При войскахъ положена слѣдующая продовольственная утварь: 1) на людяхъ: въ пѣхотѣ—одиночные котелки и фляги для воды[1]), въ кавалеріи—котелокъ на трехъ человѣкъ, парусинное ведро также на трехъ человѣкъ, торба на каждаго человѣка; 2) на повозкахъ обоза—артельные котлы, которые возились нѣкоторыми частями войскъ въ патронныхъ ящикахъ, а другими—въ парныхъ облегченныхъ повозкахъ [2]).

Порядокъ вещевого довольствія въ военное время опредѣлялся Положеніемъ, объявленнымъ при приказѣ по военному вѣдомству 1875 года № 200. По смыслу онаго, вещевое довольствіе войскъ въ военное время производится по табелямъ мирнаго времени, но на штатное число чиновъ военнаго времени. Сверхъ довольствія, опредѣленнаго сими табелями, войска могутъ получать, въ мѣрѣ надобности, только шинели и сапоги изъ чрезвычайнаго запаса, но не иначе, какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія. Кромѣ того, вещи, утраченныя по военнымъ обстоятельствамъ (въ сраженіяхъ и проч.), возмѣщаются новыми отпусками отъ казны на основаніи свидѣтельствъ начальниковъ дивизій о дѣйствительности утраты. Самый по-

[1]) Фляги были заведены въ апрѣлѣ 1877 года передъ выступленіемъ арміи изъ Бессарабіи въ заграничный походъ.

[2]) Подробнѣе объ этомъ сказано далѣе, при обозрѣніи обоза.

рядокъ вещевого довольствія опредѣляется Главнокомандующимъ арміею, по соглашенію интенданта оной съ Главнымъ Интендантомъ Военнаго Министерства.

Снаряженіе. Въ снаряженіе пѣхотинца входило: 1) ружье и 60 патроновъ, изъ нихъ 48 въ сумкахъ и 12 въ ранцѣ, 2) запасъ продовольствія (сухарей на 3 дня, соли на 2 дня, котелокъ и водоносная фляга), 3) запасъ одежды и обуви (кромѣ надѣтаго: пара сапогъ, 2 рубахи, 1 подштаники, 2 пары портянокъ, полотенце, лѣтнія панталоны, гимнастическая рубаха, наушники, рукавицы съ варежками, шинель, башлыкъ), 4) ружейная принадлежность, 5) разная мелочь для поддержанія чистоты и опрятности, 6) часть палаточнаго прибора, 7) ранецъ (стараго образца—изъ телячьей кожи, новаго образца—изъ парусины). Сверхъ того: у сапожниковъ — сапожный, у портныхъ — портняжный инструментъ.

Въ гвардіи, у гренадеръ и саперъ — обоюдоострый тесакъ, для рубки дровъ и другихъ бивачныхъ и окопныхъ работъ; у остальной пѣхоты — тесаки только на унтеръ-офицерахъ.

Вѣсъ всего снаряженія 1 пудъ 34 фунта.

Изъ поименованныхъ предметовъ снаряженія водоносныя фляги и гимнастическія рубахи заведены были только въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1877 года на экономическія суммы войскъ. Палаточнымъ приборомъ (походныя палатки) войска дѣйствующей арміи стали снабжаться тоже только весною 1877 года. Такъ какъ эти палатки вводились въ войска впервые, то въ декабрѣ 1876 года частямъ войскъ дѣйствующей арміи были разосланы описаніе ихъ и наставленіе о разбивкѣ ихъ съ чертежами [1]). Доставка же самыхъ палатокъ въ войска началась лишь въ февралѣ мѣсяцѣ 1877 года и не всѣ части дѣйствующей арміи, моби-

[1]) О заготовленіи этихъ палатокъ Главнымъ Интендантскимъ Управленіемъ будетъ сказано далѣе.

лизованныя въ 1876 году, выступили въ походъ за границу съ палатками; равно нѣкоторыя изъ частей войскъ, мобилизованныхъ въ 1877 году и прибывавшихъ на театръ войны лѣтомъ этого года, не имѣли при себѣ палатокъ; таковыя были высланы имъ лишь въ сентябрѣ.

Кромѣ поименованныхъ предметовъ, въ снаряженіе пѣхотинца въ апрѣлѣ 1877 года были введены еще: 1) сухарные мѣшки вмѣстимостью на 6 фунтовъ сухарей и 2) бѣлые чахлы на шапки съ назатыльниками. На заведеніе этихъ предметовъ войскамъ были отпущены деньги.

О снабженіи теплою одеждою будетъ сказано далѣе.

Во время войны ранцы оказались тяжелыми и неудобоносимыми, а потому многія части войскъ замѣнили ихъ мѣшками.

Въ снаряженіе кавалериста входило: 1) вооруженіе: а) холодное—сабля или шашка у всѣхъ, пика—у рядовыхъ первой шеренги гусарскихъ и уланскихъ полковъ (у казаковъ—шашка и пика); б) огнестрѣльное: винтовка—у драгунъ и казаковъ (40 патроновъ)[1]), карабинъ—у рядовыхъ второй шеренги гусарскихъ и уланскихъ полковъ (20 патроновъ), револьверъ—у всѣхъ унтеръ-офицеровъ и трубачей, а также у рядовыхъ первой шеренги гусарскихъ и уланскихъ полковъ; 2) запасъ продовольствія (сухарей на 3 дня, крупы на 2 дня, соли на 2 дня, овса на 2 дня и сѣна на 1 день, котелокъ и парусинное ведро на каждыхъ трехъ человѣкъ, торба); 3) запасъ одежды и обуви (кромѣ надѣтаго: пара сапогъ, шаровары, галстухъ, 2 рубахи, 1 подштаники, 2 пары портянокъ, изъ коихъ одна пара суконныхъ или взамѣнъ шерстяные чулки, полотенце, китель, пара перчатокъ, шинель, башлыкъ, фуражка); 4) топоръ на каждыхъ 8 человѣкъ; 5) попона, трокъ, фуражный арканъ, саквы, сѣтки; 6) пара запасныхъ подковъ и 16 гвоздей; 7) сѣдло и конскій при-

[1]) У казаковъ, кромѣ того, по 20 патроновъ въ сѣдельныхъ чемоданчикахъ (приказаніе по дѣйствующей арміи 1876 года № 6).

боръ; 8) разная мелочь для поддержанія чистоты и опрятности.

Кромѣ того, въ снаряженіе кавалеріи входили палаточный приборъ и бѣлые чахлы на шапки съ назатыльниками, которыми она была обезпечена тѣмъ же порядкомъ, какъ пѣхота.

О снабженіи теплою одеждою будетъ сказано далѣе.

Войсковой обозъ. Мобилизація 1876 года совпала со временемъ пересмотра организаціи обоза. Комиссія, работавшая надъ этимъ вопросомъ, была образована въ 1874 году; предположенія ея удостоились Высочайшаго утвержденія лишь 31 января 1876 года и едва начали приводиться въ исполненіе, какъ 1 ноября 1876 года объявлена была мобилизація войскъ Кіевскаго, Одесскаго и Харьковскаго военныхъ округовъ; а потому проектированная организація обоза могла быть примѣнена и то лишь отчасти только къ тѣмъ частямъ войскъ, которыя мобилизовались въ 1877 году. Вслѣдствіе сего войска дѣйствующей арміи выступили въ походъ съ неодинаковымъ обозомъ: части войскъ, мобилизованныя въ 1876 году, имѣли обозъ большею частью старой организаціи, въ частяхъ же войскъ, мобилизованныхъ въ 1877 году, обозъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, проектированнымъ вышеупомянутою комиссіею.

Войска, мобилизованныя въ 1876 году, выступили въ походъ съ слѣдующимъ обозомъ. Обозъ пѣхотнаго полка (3 баталіона, въ 15 строевыхъ ротъ), состоялъ изъ 37 четверочныхъ и 27 парныхъ повозокъ и одной двуколки, а всего 65 повозокъ и 219 лошадей (въ томъ числѣ запасныя, по разсчету 1 на 15); въ числѣ повозокъ имѣлось: по одному патронному ящику, по одной провіантской и по одной артельной повозкѣ на каждую роту; санитарный обозъ полка состоялъ изъ двухъ лазаретныхъ линеекъ, одной повозки для лазаретныхъ вещей и одной аптечной платформы; для возки

офицерскихъ вещей имѣлось 10 парныхъ повозокъ; остальныя повозки назначались подъ казну, канцелярію и инструменты.

Обозъ кавалерійскаго полка (четырехъ-эскадроннаго) состоялъ изъ 23—24[1]) повозокъ и 74—78 лошадей. Въ числѣ повозокъ имѣлось: по одной провіантской, по одной артельной и по одной офицерской на эскадронъ; для возки патроновъ драгунскіе полки имѣли по 2 патронныхъ ящика, а гусарскіе и уланскіе—по одному; санитарный обозъ полка состоялъ изъ одной лазаретной линейки, одной повозки для лазаретныхъ вещей и одной аптечной платформы; прочія повозки назначались подъ казну, канцелярію и инструментъ.

Войска гвардіи, мобилизованныя въ 1877 году, выступили съ слѣдующимъ обозомъ: обозъ пѣхотнаго полка (4 баталіона въ 16 строевыхъ ротъ) состоялъ изъ 33 четверочныхъ и 44 парныхъ повозокъ, а всего изъ 77 повозокъ и 234 лошадей; обозъ кавалерійскаго полка (4 эскадрона)—изъ 23 повозокъ и 64 лошадей.

Главное отличіе этого обоза отъ прежняго заключалось въ слѣдующемъ: 1) съ патронныхъ ящиковъ сняты артельные котлы и приварочная провизія (трехъ-дневный запасъ крупы, соли и сала), что̀ дало возможность уменьшить число патронныхъ ящиковъ (они были четверочной запряжки) до 3 на баталіонъ четырехъ-ротнаго состава; 2) взамѣнъ сего на каждую роту придано по одной парной повозкѣ (кромѣ парныхъ артельныхъ), куда и положены котлы съ приварочною провизіею; 3) число повозокъ для общихъ потребностей (четверочныя) уменьшено съ трехъ на двѣ; 4) въ гвардейскихъ пѣхотныхъ полкахъ четверочныя лазаретныя линейки замѣнены облегченными парными [2]).

[1]) Первая цифра относится къ гусарскимъ и уланскимъ полкамъ, а вторая — къ драгунскимъ.

[2]) Всеподданнѣйшій отчетъ Военнаго Министра за 1877 годъ, по части Главнаго Интендантскаго Управленія, стр. 145—156. Это было лишь частью тѣхъ измѣненій, которыя проектированы

Въ обозѣ пѣхотнаго полка положено было возить слѣдующіе предметы: 1) ружейные патроны по 60 на ружье; 2) продовольствіе въ вышеуказанномъ размѣрѣ [1]); 3) артельные котлы; 4) лазаретное имущество и аптечные припасы; 5) шанцевый инструментъ, по слѣдующему разсчету на каждую строевую роту: 10 лопатъ, 24 топора, 3 мотыги, 3 кирки и 1 ломъ. Для носки этого инструмента, въ случаѣ выдачи на руки людямъ, возились ремни, а для топоровъ—получахлы. Бо́льшая часть инструмента возилась на патронныхъ ящикахъ, а остальная—на особыхъ повозкахъ, по одной на баталіонъ; 6) офицерское имущество; 7) казна и канцелярія.

Въ обозѣ кавалерійскаго полка положено было возить то же самое имущество, какъ въ пѣхотѣ, съ слѣдующею разницею: а) патроновъ: въ драгунскихъ полкахъ—по 50, въ уланскихъ и гусарскихъ—по 30 на ружье; б) шанцеваго инструмента не возилось.

Къ началу мобилизаціи 1876 года обозъ даже по прежней организаціи былъ въ некомплектѣ, а именно: а) офицерскаго обоза не имѣлось совсѣмъ на лицо, б) всѣ казачьи полки (кромѣ гвардейскихъ) не имѣли совсѣмъ обоза, в) во многихъ частяхъ недоставало лазаретнаго обоза [2]) и г) въ нѣкоторыхъ частяхъ—хозяйственнаго обоза.

Недостатокъ этотъ былъ пополненъ отпускомъ мобилизующимся частямъ повозокъ изъ мастерскихъ, казенныхъ и частныхъ, усиленно работавшихъ въ 1876 году [3]), передачею повозокъ изъ частей войскъ, которыя не мобилизо-

---

были вышеупомянутою комиссіею и удостоились Высочайшаго утвержденія 31 января 1876 года; самыя же существенныя изъ нихъ (выдѣленіе значительной части повозокъ въ особое учрежденіе — дивизіонный обозъ и составленіе полкового обоза изъ однѣхъ лишь легкихъ повозокъ) были осуществлены лишь послѣ войны новою организаціею нашего обоза, объявленною въ 1885 году.

[1]) См. стр. 337 и 338.

[2]) Кромѣ того, многія дивизіи не имѣли обоза для своихъ подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ.

[3]) Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано еще далѣе.

вались и, наконецъ, войскамъ были отпущены деньги для заведенія неформеннаго обоза собственнымъ ихъ попеченіемъ; между прочимъ, деньги были отпущены войскамъ на заведеніе всего офицерскаго обоза; бо́льшая часть обоза казачьихъ частей заведена была собственнымъ ихъ попеченіемъ на отпущенныя имъ деньги.

Вслѣдствіе такого положенія дѣла обозъ частей войскъ дѣйствующей арміи не имѣлъ ни вполнѣ однообразной организаціи, ни повозокъ одного опредѣленнаго типа: казенныя повозки были нѣсколькихъ форменныхъ образцовъ (напр. патронныя двухъ образцовъ, тоже лазаретныя линейки), и, кромѣ того, имѣлось значительное количество неформенныхъ повозокъ (всѣ артельныя и офицерскія).

Такой обозъ былъ, разумѣется, далекъ отъ совершенства, что́ было ясно еще до начала войны.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею еще передъ выступленіемъ въ походъ доносилъ Государю Императору слѣдующее объ обозѣ:

„Матеріальная часть находится въ отличномъ порядкѣ. Никогда еще у насъ въ обозѣ не было такихъ отличныхъ лошадей, какъ теперь. Въ этомъ отношеніи военно-конская повинность [1]) дала прекрасные результаты. Что́ же касается самаго обоза, то я считаю своимъ долгомъ донести, что изъ всѣхъ смотровъ я убѣдился, что онъ по конструкціи своей тяжелъ. Я не могу не заявить, что обозъ находится въ такомъ состояніи, что заставляетъ сомнѣваться въ его удобоподвижности. Всѣ повозки весьма грузны и при едва рыхломъ грунтѣ вязнутъ до такой степени, что лошади не въ состояніи вывозить ихъ. Въ особенности тяжелы патронные ящики. Положительно можно сказать, что они не въ состояніи будутъ всюду слѣдовать за войсками. Провіантскія повозки также тяжелы и онѣ на всякой невполнѣ твердой дорогѣ глубоко врѣзываются въ грунтъ. Я

[1]) Введена въ 1876 году.

опасаюсь, что при современномъ состояніи обозовъ они, при сколько нибудь грязныхъ дорогахъ, а также въ горной мѣстности, не въ состояніи будутъ слѣдовать за войсками, а иногда и совершенно останавливать ихъ движеніе.

„Сравнивая нашъ форменный обозъ съ повозками колонистскаго образца [1]), нельзя не отдать полнаго предпочтенія послѣднимъ. Не смотря на весьма сильную грязь, повозки эти, будучи нагружены полною укладкою, везлись весьма легко парою лошадей и притомъ въ гору.

„Изъ всѣхъ форменныхъ повозокъ наиболѣе удобны легкія повозки, назначенныя для возки раненыхъ въ подвижныхъ лазаретахъ".

Въ отчетѣ Полевого Штаба дѣйствующей арміи за 1877—1878 года объ обозѣ полевыхъ войскъ сказано:

„Войска по окончаніи похода остались недовольны существующимъ обозомъ. По заявленію комиссіи, собранной при гвардейскомъ корпусѣ въ началѣ февраля 1878 года, т. е. вскорѣ послѣ перехода черезъ Балканы, оказалось: По своей конструкціи обозъ громоздокъ, тяжелъ и неповоротливъ. Чрезмѣрная его тяжесть никогда не позволяла ему слѣдовать за своими частями; обыкновенно онъ отставалъ на нѣсколько переходовъ, а иногда и за сотни верстъ. Часть повозокъ была оставлена еще при движеніи черезъ Румынію. Патронные ящики также очень тяжелы и потому не удовлетворяли своему назначенію. Нерѣдко случалось, что летучіе парки приходили ранѣе обоза и войска брали патроны прямо изъ парковъ. Большія лазаретныя линейки чрезмѣрно тяжелы и неудобоподвижны; облегченныя же оказались вполнѣ удовлетворительными.

„Такъ какъ вообще войсковой обозъ рѣдко поспѣвалъ за войсками, то офицеры, по приходѣ на бивакъ или квар-

[1]) Изъ колонистскихъ повозокъ состоялъ обозъ конно-артиллерійскихъ парковъ, а также часть интендантскаго транспорта, о формированіи котораго будетъ сказано далѣе.

тиры, долгое время оставались безъ вещей и пищи. Это побудило весьма многихъ завести вьючныхъ лошадей".

Снабженіе офицеровъ опредѣлялось Положеніемъ о пособіяхъ и добавочномъ содержаніи, производимыхъ офицерскимъ чинамъ въ военное время, которое и было примѣнено къ довольствію офицеровъ при мобилизаціи и въ войну 1877—78 годовъ. Положеніемъ этимъ, объявленнымъ при приказѣ по военному вѣдомству 1876 года № 342, установлены въ дополненіе къ денежному довольствію по окладамъ, предусмотрѣннымъ штатами, еще слѣдующіе денежные отпуски:

1) единовременные на обзаведеніе: а) верховыми лошадьми, б) упряжными лошадьми со сбруею, экипажами и повозками подъ офицерское имущество и в) разными вещами (походная одежда, оружіе и проч.);

2) текущіе: добавочные денежные оклады въ видѣ порціоновъ [1]) и фуражныхъ денегъ [2]), и

3) пособія семействамъ: единовременныя, производство квартирныхъ денегъ и деньщичье довольствіе.

Подготовительныя мѣры по обезпеченію довольствія арміи. Формированіе полевого интендантства. По штатамъ, первоначально установленнымъ для полевого интендантскаго управленія (приказъ по военному вѣдомству 1876 года № 317), оно должно было состоять изъ: интенданта арміи, его помощника, одного офицера генеральнаго штаба, 15 чиновниковъ для порученій, 3 начальниковъ отдѣленій, 7 дѣлопроизводителей, 7 помощниковъ ихъ, 3 бухгалтеровъ, 3 помощниковъ ихъ, журналиста, казначея, переводчика, 2 счетчиковъ, 4 вахтеровъ и 30 писарей.

---

[1]) Порціоны двухъ низшихъ разрядовъ были Высочайшимъ повелѣніемъ 7 декабря 1877 года увеличены (приказъ по дѣйствующей арміи № 5).

[2]) Кромѣ того, въ исключительныхъ обстоятельствахъ офицерамъ разрѣшался отпускъ солдатскихъ порцій и фуража натурою (ст. 18 и 32—34 Положенія), первыхъ безплатно, второго—за фуражныя деньги.

Къ формированію полевого интендантскаго управленія было приступлено тотчасъ по объявленіи мобилизаціи—1 ноября 1876 года.

Интендантомъ арміи назначенъ былъ Одесскій окружной интендантъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ [1]); помощникомъ къ нему—статскій совѣтникъ Левковичъ [2]). Остальной личный составъ взятъ изъ Главнаго (10%) и окружныхъ интендантскихъ управленій (70%, изъ коихъ около $^2/_3$ принадлежали Одесскому окружному интендантскому управленію) и частію (20%) изъ лицъ другихъ вѣдомствъ и изъ отставныхъ.

Первоначальный штатъ полевого интендантскаго управленія на первыхъ же порахъ оказался недостаточнымъ и въ апрѣлѣ 1877 года (приказъ по военному вѣдомству 1877 года № 137) былъ увеличенъ на 1 начальника отдѣленія, 6 дѣлопроизводителей, 6 помощниковъ ихъ, 2 бухгалтеровъ, 2 помощниковъ ихъ, 2 вахтеровъ и 20 писарей; кромѣ того, число чиновниковъ для порученій (вмѣсто прежнихъ 15) сдѣлано неограниченнымъ и опредѣленіе ихъ числа предоставлено Главнокомандующему въ мѣрѣ надобности [3]).

Для корпуснаго интендантства былъ установленъ слѣдующій штатъ: корпусный интендантъ, 1 чиновникъ для порученій, 1 столоначальникъ, его помощникъ, 2 вахтера и 3 писаря. Штатъ дивизіоннаго интендантства былъ слѣ-

---

[1]) Д. ст. сов, Аренсъ въ 1845 году окончилъ курсъ университета. До 1859 года служилъ по гражданскому вѣдомству. Въ 1859 году перешелъ на службу въ интендантство, которую продолжалъ затѣмъ непрерывно. Одесскимъ окружнымъ интендантомъ назначенъ былъ въ 1874 году. При назначеніи на должность интенданта дѣйствующей арміи имѣлъ 52 года отъ роду.

[2]) Ст. сов. Левковичъ назначенъ на должность помощника интенданта дѣйствующей арміи изъ непремѣнныхъ членовъ Курскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (прежде одно время служилъ по интендантству).

[3]) Все дѣлопроизводство полевого интендантскаго управленія было сосредоточено въ рукахъ помощника интенданта арміи и велось сначала въ трехъ, а съ увеличеніемъ штата—въ четырехъ отдѣленіяхъ (продовольственное, денежное, вещевое и госпитальное); кромѣ того, имѣлась еще особая часть секретаря.

дующій: дивизіонный интендантъ, 1 столоначальникъ и 1 писарь.

Корпусныя интендантства формировались вмѣстѣ съ мобилизаціей корпусовъ, а дивизіонныя были сформированы лишь послѣ объявленія войны, съ выступленіемъ дивизій въ заграничный походъ.

Хотя корпусныя интендантства формировались одновременно съ мобилизаціею корпусовъ, но все интендантское довольствіе корпусовъ дѣйствующей арміи было до 4 апрѣля 1877 года оставлено на непосредственномъ попеченіи Одесскаго и Кіевскаго окружныхъ интендантскихъ управленій [1]); только съ 4 апрѣля 1877 года (приказаніе по дѣйствующей арміи № 63) ассигнованіе денежнаго довольствія войскамъ возложено на корпусныхъ интендантовъ.

О формированіи интендантскаго транспорта будетъ сказано далѣе, въ отдѣлѣ о продовольствіи.

Обезпеченіе продовольствіемъ. Неприкосновенные и чрезвычайные запасы. Передъ войною 1876 года положено было содержать въ мирное время слѣдующіе запасы продовольствія: 1) въ продовольственныхъ магазинахъ—оборотные, хозяйственные и чрезвычайные запасы муки и крупъ и 2) въ войскахъ — восьми-дневный сухарный запасъ по штатамъ мирнаго времени.

Для того, чтобы войска въ случаѣ мобилизаціи имѣли на лицо восьми-дневный сухарный запасъ по штатамъ военнаго времени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1876 года послѣдовало распоряженіе, чтобы всѣ пѣхотныя части, расположенныя въ округахъ Европейской Россіи и на Кавказѣ, изготовили десяти-дневный запасъ сухарей по штатамъ мирнаго времени.

Оборотные и хозяйственные запасы магазиновъ обезпечивали текущую потребность войскъ, содержимыхъ въ мирное время, а запасы чрезвычайные назначались для обезпеченія мобилизаціи арміи.

[1]) См. приказаніе по дѣйствующей арміи 1876 года № 1.

Чрезвычайные запасы положено было содержать въ 11 пунктахъ Европейской Россіи (Динабургъ, Витебскъ, Вильна, Полоцкъ, Варшава, Бобруйскъ, Ивангородъ, Брестъ-Литовскъ, Новогеоргіевскъ, Кіевъ, Ростовъ) общимъ количествомъ въ 186.800 четвертей муки и 24.900 четвертей крупъ.

Изъ этихъ пунктовъ ни одинъ не находится не только въ Бессарабіи—области первоначальнаго сосредоточенія дѣйствующей арміи, но и въ раіонѣ всего Одесскаго округа, который только одинъ былъ подчиненъ Главнокомандующему арміею [1]).

Для *устройства продовольственной базы* приступлено было поэтому къ экстреннымъ заготовленіямъ продовольствія въ потребность дѣйствующей арміи еще до объявленія мобилизаціи, а именно въ концѣ сентября Главнымъ Интендантомъ было предписано Одесскому окружному интенданту [2]) приступить безотлагательно къ экстренному заготовленію для 8 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ дивизій (съ артиллеріей), одной саперной и одной стрѣлковой бригадъ и 5 казачьихъ полковъ четырехъ-мѣсячнаго количества провіанта (муки и крупъ), винныхъ порцій (по 2 чарки въ недѣлю), овса и сѣна и десяти-дневнаго количества порціоннаго скота (по $^1/_2$ фунта мяса на человѣка), чаю и сахару (по разсчету $^1/_3$ фунта чаю и 1 фунтъ сахару на 100 человѣкъ въ день). Вмѣстѣ съ этимъ предписывалось приступить къ изготовленію для указаннаго количества войскъ мѣсячной пропорціи сухарей.

Распоряженіе это приводило къ заготовленію слѣдующаго количества продовольствія (на 99.619 нижнихъ чиновъ и 24.812 лошадей):

---

[1]) Приказъ по военному вѣдомству 1 ноября 1876 года № 315.

[2]) Предписанія Главнаго Интенданта 1876 года 23 сентября № 1212 и 25 сентября № 1216.

На 4 мѣсяца:

муки	93.392	четверти.
крупъ	12.451	четверть.
зернового фуража	134.165	четвертей.
сѣна	917.220	пудовъ.
вина	38.858	ведеръ.

На 10 дней:

чаю	112	пудовъ.
сахару	336	„
порціоннаго скота	1.661	головъ.

Кромѣ того, для перепеченія мѣсячной пропорціи муки въ сухари (20.000 четвертей) необходимо было заготовить 1.500 саженъ дровъ.

Кромѣ порціоннаго скота, заготовленіе всего вышеуказаннаго распоряжено было комиссіонерскимъ способомъ, такъ какъ подрядный, въ виду спѣшности заготовленія и нежелательности широкой огласки, въ данномъ случаѣ признанъ былъ неудобнымъ. Заготовленіе же порціоннаго скота было отложено до объявленія мобилизаціи. Заготовляемые продукты должны были свозиться и складываться въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Тирасполѣ.

Для испеченія сухарей сдѣлано было распоряженіе, черезъ начальника инженеровъ округа, о постройкѣ кирпичныхъ печей въ Кишиневѣ и Тирасполѣ и о передѣлкѣ печей Бендерскаго лагеря; самое же изготовленіе сухарей предположено было произвести въ теченіе 6 недѣль, подъ наблюденіемъ командированныхъ отъ интендантства чиновниковъ, хлѣбопеками и рабочими, наряжаемыми отъ пѣхотныхъ частей округа.

1 октября Главный Интендантъ сообщилъ Одесскому окружному интенданту [1]), что первоначально предположенное количество войскъ, имѣющее прибыть въ раіонъ Одес-

[1]) Предписаніе Главнаго Интенданта отъ 1 октября 1876 года № 34.

скаго округа, рѣшено увеличить еще двумя корпусами [1]), а потому надлежитъ заготовить на нихъ такую же пропорцію продовольствія, какъ и для ранѣе указаннаго количества войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ количество чаю и сахару на всѣ войска довести до мѣсячной пропорціи.

Это приводило къ заготовленію слѣдующаго количества продуктовъ:

муки	72.500	четвертей.
крупъ	7.400	„
зернового фуража	196.000	„
сѣна	1.500.000	пудовъ.
вина	40.000	ведеръ.
чаю	365	пудовъ.
сахару	1.095	„
дровъ (для испеченія сухарей)	1.665	саженъ.

Кромѣ того, надлежало выпечь сухарей еще 22.500 четвертей.

Такъ какъ производимыми уже заготовленіями перваго наряда войска дѣйствующей арміи, хотя бы и удвоенныя противъ первоначальнаго предположенія, обезпечивались продовольствіемъ уже въ достаточной степени, а именно: провіантомъ, виномъ и фуражемъ—на 2 мѣсяца, въ томъ числѣ сухарями на 1 мѣсяцъ, и чаемъ и сахаромъ—на 5 дней [2]),—то заготовленіе второго наряда не требовало особой спѣшности, а потому могло быть исполнено нормальнымъ для нашихъ заготовленій способомъ—подряднымъ.

Торги (съ ограниченною конкуренціею) состоялись въ Одесскомъ военно-окружномъ совѣтѣ 12 и 25 ноября и все заготовленіе было сдано подрядчикамъ съ обязательствомъ окончить поставку къ 1 февраля 1877 года. Заготовляемые продукты должны были доставляться и складываться, главнымъ образомъ, въ тѣ же пункты, какъ и заготовленія пер-

[1]) Что̀ долженствовало довести числительность дѣйствующей арміи до 164.296 нижнихъ чиновъ и 58.635 лошадей.

[2]) По разсчету на двойное количество войскъ противъ первоначальнаго предположенія.

ваго наряда, а именно въ Кишиневъ, Бендеры и Тирасполь. Здѣсь же должна была производиться выпечка сухарей. Но такъ какъ въ этихъ пунктахъ и безъ того уже должны были образоваться громадные склады, то для части новаго заготовленія, преимущественно фуража, назначены были еще слѣдующіе пункты: Одесса, Раздѣльная и Пырлица [1]).

Такимъ образомъ, главные или базисные магазины (склады) дѣйствующей арміи учреждались въ слѣдующихъ пунктахъ: Кишиневѣ, Бендерахъ, Тирасполѣ, Одессѣ, Раздѣльной и Пырлицѣ; изъ нихъ первые 5 пунктовъ лежатъ вдоль единственной желѣзной дороги, связывавшей Россію съ будущимъ театромъ войны, а Пырлица находится почти у самой границы съ Румыніей и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ упомянутой желѣзной дороги; наибольшее количество запасовъ складывалось въ Кишиневѣ, Тирасполѣ и Бендерахъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ устраивались хлѣбопекарни для выпечки сухарей.

За недостаткомъ во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ крытыхъ помѣщеній для всѣхъ поставляемыхъ продуктовъ, мука и зерновой фуражъ должны были складываться въ бунты, для устройства которыхъ заготовлялись подкладины и доски, а для покрытія — брезенты и камышевые маты.

Обоими заготовленіями имѣлось, такимъ образомъ, въ виду обезпечить дѣйствующую армію силою въ 4 корпуса: провіантомъ, виномъ и фуражемъ—на 4 мѣсяца, въ томъ числѣ сухарями на 1 мѣсяцъ (остальное мукою), чаемъ и сахаромъ—на 1 мѣсяцъ. Сухари, чай, сахаръ и вино должны были образовать неприкосновенный запасъ, къ расходованію котораго могло быть приступлено только по особому приказанію Главнокомандующаго, съ выступленіемъ въ походъ; мука же, крупа и фуражъ назначались и для текущаго

[1]) Кромѣ того, Аккерманъ—въ качествѣ складочнаго пункта для войскъ, охранявшихъ побережье отъ Дуная до Одессы.

довольствія сосредоточиваемыхъ въ Бессарабіи войскъ дѣйствующей арміи [1]).

Заготовленіе перваго наряда (комиссіонерское) шло довольно успѣшно относительно муки, крупы, чаю, сахару и зернового фуража; но заготовленіе сѣна и вина и, особенно, выпечка сухарей шли медленно.

Къ 23 ноября въ склады были доставлены продукты, которыми довольствіе дѣйствующей арміи тогдашней числительности обезпечивалось на слѣдующее число дней [2]):

	Количество запасовъ.	На сколько дней обезпечивали довольствіе арміи.
муки	77.646 четвертей.	55
крупы	6.660 „	$35^1/_2$
зернового фуража . .	110.398 „	$36^1/_2$
сѣна	281.264 пудовъ.	$11^1/_2$
вина	8.014 ведеръ.	$3^1/_2$
чаю	112 пудовъ.	$7^1/_2$
сахару	336 „	$7^1/_2$
сухарей.	2.121 четвертей.	$1^1/_2$
мясныхъ консервовъ .	14.190 порцій.	—

Заготовленіе сѣна замедлилось, главнымъ образомъ, отъ затрудненій въ наймѣ подводъ подъ свозъ закупленнаго сѣна; затрудненія же въ наймѣ подводъ произошли вслѣдствіе отвлеченія значительнаго числа ихъ подъ перевозку людей, прибывавшихъ изъ запаса, и войскового имущества во время мобилизаціи войскъ и ихъ передвиженій. Явилась настоятельная надобность ввести взиманіе подводъ по наряду, на что́ и было испрошено Высочайшее повелѣніе.

Окончить заготовленіе перваго наряда Главнокомандующій разсчитывалъ, какъ докладывалъ интендантъ арміи и какъ изложено въ рапортѣ Главнокомандующаго Государю

[1]) Рапортъ Главнокомандующаго Государю Императору 28 ноября 1876 года.

[2]) Къ 23 ноября числительность дѣйствующей арміи опредѣлялась въ 185.548 человѣкъ и 69.144 лошади (рапортъ интенданта арміи Главнокомандующему 23 ноября 1876 года).

Императору, къ концу ноября, за исключеніемъ сѣна, заготовку котораго надѣялись закончить въ декабрѣ.

Медленность въ испеченіи сухарей произошла отъ замедленія въ постройкѣ печей, случившейся порчи ихъ отъ дождей и неумѣнія людей, наряженныхъ для печенія [1]).

Вопросъ этотъ весьма озабочивалъ Главнокомандующаго, а потому онъ приказалъ войти въ сношеніе съ Военнымъ Министромъ о заготовленіи для нуждъ арміи войсками Кіевскаго гарнизона 20.000 четвертей сухарей. Вслѣдствіе сего Военнымъ Министерствомъ сдѣлано было распоряженіе объ испеченіи въ Кіевѣ 20.000 четвертей сухарей и, кромѣ того, въ Варшавѣ, Брестѣ, Бобруйскѣ и Динабургѣ—еще 40.000 четвертей, а всего во внутреннихъ округахъ 60.000 четвертей сухарей [2]). Затѣмъ въ декабрѣ мѣсяцѣ Военное Министерство сдѣлало распоряженіе о заготовленіи въ разныхъ пунктахъ внутреннихъ округовъ еще 75.000 четвертей сухарей.

Вышепоказанные мясные консервы были доставлены въ армію распоряженіемъ Военнаго Министерства, о чемъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

Съ началомъ сосредоточенія дѣйствующей арміи въ Бессарабіи пришлось приступить къ расходованію части заготовленныхъ запасовъ порядкомъ, о которомъ будетъ сказано далѣе при обзорѣ текущаго довольствія арміи въ періодъ до объявленія войны, и къ дополнительнымъ заготовленіямъ муки и крупы [3]). Въ концѣ января наличное состояніе запасовъ въ складахъ на базѣ дѣйствующей арміи (въ Бессарабіи) было слѣдующее [4]):

[1]) Всѣ работы по постройкѣ вышеупомянутыхъ хлѣбопекарныхъ печей, а затѣмъ по изготовленію въ нихъ сухарей исполнялись нижними чинами, командированными изъ войскъ дѣйствующей арміи: Для этого требовалось большое число людей; такъ, въ Кишиневѣ хлѣбопекарная команда состояла изъ 3 офицеровъ, 26 унтеръ-офицеровъ и 947 рядовыхъ; работы эти продолжались въ теченіе двухъ мѣсяцевъ: съ 16 октября по 16 декабря 1876 года.

[2]) Рапортъ Главнокомандующаго Государю Императору 5 декабря 1876 года.

[3]) 7 января 1877 года сданъ съ торговъ подрядъ на поставку 25.000 четвертей муки и 7.000 четвертей крупъ въ шести-недѣльный срокъ.

[4]) Докладъ интенданта арміи Главнокомандующему 29 января 1877 года № 1972.

	Состояло на лицо.	Ожидалось.	итого.
муки	86.347 четв.	63.682 четв.	150.029 четв.
крупы	11.959 „	7.724 „	19.683 „
зернового фуража	287.457 „	26.862 „	314.319 „
сѣна	1.341.043 пуд.	1.014.533 пуд.	2.355.576 пуд.
вина	46.458 вед.	32.400 вед.	78.858 вед.
чаю	424 пуд.	38 пуд.	462 пуд.
сахару	1.386 „	—	1.386 „
сухарей	17.364 четв.	2.636 четв.	20.000 четв.

Запасы показаннаго итога обезпечивали довольствіе арміи (201.608 человѣкъ и 75.052 лошади) на слѣдующій срокъ:

муки и крупы	на 95 дней
сухарей	„ 23 „
зернового фуража	„ 94 „
сѣна	„ 85 „
чаю и сахару	„ 29 „
вина (по 2 чарки въ недѣлю на человѣка) .	„ $16^1/_2$ недѣль.

Кромѣ того, какъ было уже сказано, 135.000 четвертей сухарей заготовлялось во внутреннихъ округахъ и частію уже высылалось на станцію Бирзулу, гдѣ и устраивался складъ оныхъ. Къ 1 февраля тамъ было уже сложено 4.579 четвертей сухарей. Но такъ какъ въ Бирзулѣ не имѣлось достаточныхъ помѣщеній, то часть сухарей направлялась изъ Бирзулы въ Одессу. Къ 12 апрѣля въ Бирзульскомъ складѣ было 32.840 четвертей и въ Одесскомъ 7.140 четвертей сухарей; къ тому же времени въ Кишиневскомъ, Бендерскомъ и Тираспольскомъ складахъ состояло 23.000 четвертей сухарей. Такимъ образомъ, къ началу войны на базѣ находилось около 63.000 четвертей сухарей. Считая въ четверти сухарей $5^1/_2$ пудовъ или 110 суточныхъ дачъ (по 2 фунта), это составитъ 6.930.000 суточныхъ дачъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1877 года печеніе сухарей въ Кишиневскихъ, Бендерскихъ и Тираспольскихъ пекарняхъ прекращено и пекарни эти закрыты [1]).

[1]) На основаніи періодическихъ донесеній полевого интендантства Полевому Штабу.

Наличное количество продовольственныхъ запасовъ въ складахъ базы въ продолженіе всего подготовительнаго періода и ко времени объявленія войны было весьма значительно. Запасы эти, сложенные въ бунтахъ, а сѣно—въ стогахъ, портились отъ вліянія погоды [1]). Провіантъ, правда, расходовался на текущее довольствіе, но фуражъ оставался вначалѣ неприкосновеннымъ, ибо войскамъ было предоставлено заготовлять фуражное довольствіе собственнымъ попеченіемъ на отпускаемыя деньги. Но въ февралѣ приняты мѣры къ расходованію запасовъ фуража: войскамъ предписано получать фуражъ наполовину натурою и лишь на остальную половину деньгами [2]). Въ апрѣлѣ съ движеніемъ арміи за границу приняты еще болѣе рѣшительныя мѣры въ этомъ направленіи: прекращено производство фуражныхъ денегъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ пунктахъ нахожденія фуражныхъ складовъ и на указномъ разстояніи отъ нихъ, и замѣнено отпускомъ его натурою; то же распространено на всѣ войска, которыя будутъ проходить и останавливаться въ этихъ пунктахъ.

Не смотря на эти мѣры, въ складахъ базы къ концу іюля 1877 года состояло на лицо:

муки	57.000	четвертей
крупъ	1.358	„
зернового фуража	204.501	„
сѣна	1.747.767	пудовъ
вина	67.952	ведра.

Запасы эти, за невозможностью подвоза ихъ къ арміи, оказались прямо бременемъ; такъ какъ они къ тому же портились, то, по докладу интенданта арміи, Главнокомандующій 1 августа 1877 года разрѣшилъ продать ихъ съ публичныхъ торговъ.

---

[1]) Бурею 30 января повреждены склады провіанта, зернового фуража и сѣна въ Кишиневѣ, Бендерахъ и Пырлицѣ, а 19 и 20 февраля снѣжными метелями вновь повреждены Кишиневскіе склады.

[2]) Объ этомъ будетъ подробнѣе сказано при обзорѣ текущаго довольствія.

Кромѣ образованія запасовъ на базѣ, необходимо упомянуть еще о слѣдующихъ подготовительныхъ мѣрахъ по обезпеченію продовольствіемъ дѣйствующей арміи съ объявленіемъ войны.

Для обезпеченія арміи консервами Военнымъ Министерствомъ въ ноябрѣ 1876 года заключенъ контрактъ съ обществомъ Народное Продовольствіе о поставкѣ 4.000.000 порцій консервированнаго сухого мяса; консервы эти предназначались для довольствія войскъ въ экстренныхъ случаяхъ войны, а потому заказывались въ двоякой укупоркѣ: 300.000 порцій — въ ранцевой укупоркѣ и 3.700.000 порцій — въ обозной. Общество Народное Продовольствіе построило въ Самарѣ свой заводъ и обязалось исполнить поставку всего заказа къ 1 марта 1877 года; но заводъ сгорѣлъ, а потому окончательная поставка была отсрочена до 5 апрѣля 1877 года.

Каждая порція этихъ консервовъ должна была состоять изъ $^1/_8$ фунта консервированнаго сухого мяса и по питательности своей соотвѣтствовать $^1/_2$ фунта свѣжаго мяса. Консервы ранцевой укупорки предполагалось раздать въ ранцы, по разсчету трехъ дачъ на человѣка. Изъ консервовъ обозной укупорки десяти-дневный запасъ предполагалось имѣть въ полковыхъ обозахъ, а остальное въ интендантскомъ транспортѣ.

Консервы эти по изготовленіи должны были доставляться въ Кишиневскій, Бендерскій и Тираспольскій склады, но въ мартѣ 1877 года высылка ихъ въ армію пріостановлена и они направлены, до особаго распоряженія, въ Орелъ и Курскъ.

Кромѣ того, для походныхъ военно-врачебныхъ заведеній разнымъ фабрикантамъ, главнымъ образомъ Азиберу, въ 1876 году заказано около 4.000.000 порцій разныхъ консервовъ герметической укупорки.

Въ 1877 году Военное Министерство вошло въ соглашеніе съ нѣсколькими контрагентами о заготовленіи фураж-

ныхъ консервовъ общимъ количествомъ въ 4.120.000 раціоновъ. Въ концѣ марта мѣсяца предположено было произвести въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ дѣйствующей арміи опытъ кормленія этими консервами лошадей. Но за послѣдовавшимъ вскорѣ выступленіемъ арміи въ походъ опытъ этотъ не состоялся и самые консервы были доставлены въ войска уже за Дунаемъ (въ сентябрѣ 1877 года).

Сѣно въ складахъ базы положено было держать *въ прессованномъ видѣ*, кипами вѣсомъ около пяти пудовъ каждая, для облегченія его перевозки за арміею. Для сего распоряженіемъ Главнаго Интендантскаго Управленія пріобрѣтено 146 сѣносжимательныхъ прессовъ, 43 экземпляра пружинныхъ вѣсовъ и 12.825 пудовъ веревокъ для связыванія кипъ [1]); все это по мѣрѣ заготовленія отправлялось въ Кишиневъ и Бендеры, гдѣ и началось прессованіе сѣна, заготовляемаго комиссіонерами. Рабочіе назначались отъ войскъ и работа производилась подъ наблюденіемъ интендантскихъ чиновниковъ. Вначалѣ дѣло это шло малоуспѣшно: прессы портились и ломались. Пришлось нанять особаго механика и назначить постоянныхъ рабочихъ отъ крѣпостного Бендерскаго полка; тогда дѣло наладилось.

При заготовленіи сѣна второго наряда (подряднымъ способомъ), оно было подряжено прессованнымъ.

Соломорѣзки и косы приказано завести во всѣхъ частяхъ войскъ дѣйствующей арміи, вслѣдствіе доклада полевого интенданта отъ 14 декабря 1876 года, въ виду затрудненій, которыя можетъ встрѣтить довольствіе войскъ, по выступленіи ихъ въ походъ, зерновымъ фуражемъ и сѣномъ, причемъ вслѣдствіе недостатка того и другого придется кормить лошадей соломой, — а именно по слѣдующему разсчету, на что́ и были отпущены войскамъ деньги:

---

[1]) Одѣ веревки стоили болѣе 50.000 рублей.

	Соломорѣзокъ.	Косъ.
Въ пѣхотномъ полку	—	95
Въ кавалерійскомъ полку	4	190
Въ казачьемъ полку	6	299
Въ пѣшей батареѣ	1	70
Въ конной батареѣ.	1	100
Въ артиллерійскомъ паркѣ	1	180
Въ понтонномъ полубаталіонѣ . . .	1	130

Въ случаѣ довольствія лошадей соломенною рѣзкою, указано посыпать ее солью, по разсчету 3 лотовъ на каждыя 10 лошадей. Для сего частямъ войскъ приказано при выступленіи въ походъ взять съ собою мѣсячный запасъ соли.

Заведеніе чайной посуды. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1876 года частямъ войскъ, предназначеннымъ въ составъ дѣйствующей арміи, предписано завести на полковыя средства чайную посуду, а именно кружки и чайники.

Соображенія о *формированіи интендантскаго транспорта* составлялись, еще до объявленія мобилизаціи, Главнымъ Интендантскимъ Управленіемъ.

Признано было необходимымъ сформировать транспортъ такой подъемной силы, чтобы онъ могъ поднять десятидневное продовольствіе для людей, шести-дневный запасъ зернового фуража и двухъ-дневный запасъ сѣна.

Сообразно предположенной вначалѣ силѣ дѣйствующей арміи (8 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскія дивизіи), число подводъ транспорта для подъема вышепоказаннаго количества продовольствія опредѣлилось круглымъ числомъ въ 5.000.

Объявленный вслѣдъ засимъ и вышеприведенный [1]) штатъ интендантскаго казеннаго транспорта въ 4.900 повозокъ и соотвѣтствовалъ приблизительно этой данной.

Поставка лошадей для транспорта, какъ было уже сказано, назначена была по военно-конской повинности, а повозки со сбруей пріобрѣтены: 3.000 троечныхъ черезъ

[1]) Стр. 334.

Военное Комиссіонерство [1]), которое обязалось поставить ихъ (за 405.000 руб.) къ концу октября 1876 года, и 1.900 парныхъ (такъ называемыхъ колонистскихъ телѣгъ) распоряженіемъ Херсонскаго и Бессарабскаго губернаторовъ отъ колонистовъ тѣхъ губерній. Брезенты для всѣхъ этихъ повозокъ заготовлены Главнымъ Интендантскимъ Управленіемъ особо. Нижніе чины для транспорта назначены были изъ запаса, а офицерскій составъ укомплектованъ частію назначеніемъ изъ состава Главнаго и окружныхъ интендантскихъ управленій, частію изъ отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ военнаго и даже иныхъ вѣдомствъ [2]).

Формированіе транспорта не было еще вполнѣ закончено къ 1 января 1877 года (не поступило еще 530 лошадей) и закончилось вполнѣ лишь къ 1 февраля 1877 года [3]).

Вещевое довольствіе. Неприкосновенные и чрезвычайные запасы. Запасы вещевого довольствія содержались въ войскахъ, въ вещевыхъ интендантскихъ складахъ и на сборныхъ пунктахъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

Въ частяхъ полевыхъ войскъ содержался неприкосновенный запасъ готовыхъ и частію полуготовыхъ комплектовъ на разницу числа людей между штатами мирнаго и военнаго времени [4]). Это обезпечивало своевременное обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ, прибывающихъ

---

[1]) Военное Комиссіонерство было учреждено въ 1874 году въ Петербургѣ частными лицами съ цѣлью снабженія чиновъ военнаго вѣдомства необходимыми имъ предметами; уставъ его былъ объявленъ въ циркулярѣ Главнаго Штаба 1875 года № 241.

[2]) Изъ Главнаго и окружныхъ интендантскихъ управленій было около 35% и изъ отставки и иныхъ вѣдомствъ около 65%. Прямо изъ строя было назначено только 4 офицера (изъ армейской кавалеріи). Въ числѣ назначенныхъ на офицерскія (чиновничьи) должности были, между прочимъ, одинъ отставной портупей-юнкеръ и одинъ не служащій дворянинъ. Вообще, составъ этотъ былъ чрезвычайно разнообразенъ и совершенно неподготовленъ.

[3]) О формированіи вольнонаемныхъ транспортовъ будетъ сказано далѣе, такъ какъ они формировались уже по объявленіи войны.

[4]) До 1870 года этотъ запасъ содержался лишь въ матеріалахъ, а съ 1870 года у насъ перешли къ содержанію неприкосновеннаго запаса въ построенномъ видѣ.

изъ запаса на укомплектованіе полевыхъ войскъ; а такъ какъ первосрочное обмундированіе наличнаго состава по штатамъ мирнаго времени тоже хранилось въ цейхгаузахъ почти совершенно не ношеннымъ, то въ частяхъ полевыхъ войскъ въ случаѣ объявленія мобилизаціи былъ на лицо полный комплектъ совсѣмъ не ношеннаго обмундированія, за исключеніемъ годовыхъ вещей (т. е. бѣлья и обуви) наличнаго мирнаго состава, которыя въ цейхгаузахъ до выслуги срока не содержались, а состояли въ употребленіи [1]).

Для частей войскъ запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ неприкосновенные запасы не содержались; но въ вещевыхъ интендантскихъ складахъ содержался на случай формированія по военному времени новыхъ частей войскъ, такъ называемый, чрезвычайный запасъ. Въ 1876 году онъ состоялъ изъ комплекта годовыхъ, мундирныхъ и аммуничныхъ вещей на 116.000 человѣкъ и, кромѣ того, матеріаловъ на 138.000 паръ сапоговъ (безъ подметокъ) и на 53.000 шинелей.

Производившіяся въ 1876 и въ 1877 годахъ переформированія [2]) и новыя формированія [3]), вызванныя подготовкою къ войнѣ, потребовали образованія неприкосновенныхъ запасовъ въ 1876 году на 358.389 человѣкъ и 11.245 строе-

---

[1]) Хотя число полуготовыхъ комплектовъ неприкосновеннаго запаса было относительно незначительно (такъ, въ августѣ 1876 года изъ 4 полковъ 14-й пѣхотной дивизіи только въ одномъ имѣлось 600 полуготовыхъ комплектовъ, а остальные были въ совершенно готовомъ видѣ), но приведеніе ихъ въ готовый видъ требовало не малаго времени; такъ, собственными мастеровыми вышеупомянутый полкъ могъ достроить свои полуготовые комплекты лишь въ теченіе одного мѣсяца; для ускоренія этого дѣла въ августѣ мѣсяцѣ 1876 года въ этотъ полкъ были командированы портные изъ другихъ полковъ дивизіи и, кромѣ того, было разрѣшено нанять вольныхъ мастеровъ.

Вообще мобилизаціонная готовность нашихъ войскъ была передъ войною 1876 года далеко не настолько законченною, какъ нынѣ. Такъ, восьми-дневный сухарный запасъ содержался постоянно лишь на штатный составъ мирнаго времени; для части дивизіонныхъ лазаретовъ обозъ, конское снаряженіе, а равно обмундированіе и снаряженіе людей не содержались вовсе; даже оружіе и боевой комплектъ патроновъ содержались въ частяхъ войскъ не на полный военный штатъ, а частію хранились въ артиллерійскихъ складахъ.

[2]) Гвардейская пѣхота переформирована изъ трехъ-баталіоннаго состава въ четырехъ-баталіонный; 24 крѣпостныхъ и 8 мѣстныхъ баталіоновъ переформированы въ полки.

[3]) 200 запасныхъ баталіоновъ, 13 запасныхъ пѣшихъ батарей, маршевые эскадроны, дивизіонные лазареты, военно-временные госпитали и проч.

выхъ лошадей и въ 1877 году на 279.585 нижнихъ чиновъ и 10.700 строевыхъ лошадей; на пополненіе этой потребности былъ обращенъ весь наличный чрезвычайный запасъ готовыхъ комплектовъ, а остальное заготовлено и построено распоряженіемъ Главнаго Интендантскаго Управленія.

Кромѣ вышеупомянутаго чрезвычайнаго запаса, въ вещевыхъ интендантскихъ складахъ содержался еще оборотный запасъ, обезпечивавшій срочное довольствіе войскъ.

На сборныхъ пунктахъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ содержался, такъ называемый, пятипроцентный запасъ готовыхъ шинелей, шароваръ и сапоговъ для выдачи тѣмъ нижнимъ чинамъ запаса, призываемымъ при мобилизаціи на укомплектованіе арміи, которые не имѣли бы собственной исправной одежды на время препровожденія со сборнаго пункта въ часть войскъ. По общему числу запасныхъ нижнихъ чиновъ того времени, состоявшихъ на учетѣ (596.969 человѣкъ), пятипроцентный запасъ передъ мобилизаціею 1876 года состоялъ изъ 28.400 комплектовъ.

Всѣми вышеперечисленными запасами обезпечивались мобилизація войскъ и срочное ихъ довольствіе. Но въ военное время вещи изнашиваются гораздо скорѣе, чѣмъ это предусмотрѣно сроками мирнаго времени, а потому является надобность въ образованіи такихъ запасовъ вещевого довольствія, которыми обезпечивалось бы сверхсрочное вещевое довольствіе. Такіе запасы носятъ названіе чрезвычайныхъ и складъ ихъ учреждается близъ театра войны. Учрежденіе склада чрезвычайнаго запаса (для сверхсрочнаго довольствія) вещей состоялось уже во время войны, а потому о немъ будетъ сказано далѣе.

Мѣры по обезпеченію срочнаго обмундированія, предпринятыя въ предвидѣніи мобилизаціи. Въ цѣляхъ предупрежденія какой либо остановки въ снабженіи сапогами запасныхъ нижнихъ чиновъ, въ сентябрѣ 1876 года послѣдовало

распоряженіе Главнаго Интендантскаго Управленія (циркуляръ 29 сентября 1876 года № 4574) о покупкѣ казною у запасныхъ нижнихъ чиновъ принесенныхъ ими собственныхъ сапогъ, не болѣе двухъ паръ у каждаго, при условіи, чтобы сапоги были годны для носки полъ-года и достаточно просторны.

Въ сентябрѣ 1876 года (предписаніе Главнаго Интендантскаго Управленія № 4072) пѣхотнымъ полкамъ, предназначеннымъ въ составъ дѣйствующей арміи, предписано образовать запасъ обмундированія на свой запасный баталіонъ слѣдующимъ образомъ: 1) выдѣлить изъ второсрочной одежды по 600 штукъ мундировъ, шароваръ, шапокъ, шинелей и башлыковъ; 2) такое же число галстуховъ вытребовать изъ интендантства, и 3) построить такое же число паръ сапогъ.

Обмундировальныхъ казенныхъ мастерскихъ имѣлось въ 1876 году шесть, а именно: въ Петербургѣ, Москвѣ, Динабургѣ, Брестъ-Литовскѣ, Кіевѣ и Тифлисѣ, которыя въ теченіе года построили: 255.616 комплектовъ мундирной одежды, 165.616 паръ сапоговъ, 60.000 башлыковъ и 105.616 наушниковъ, рукавицъ и портянокъ. Въ виду спѣшности въ постройкѣ обмундированія, вызванной мобилизаціею, Главное Интендантское Управленіе, кромѣ того, въ исходѣ 1876 года передало въ тюремныя мастерскія Петербурга, Москвы, Динабурга и Кіева (вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) постройку 183.798 комплектовъ обмундированія и сапогъ; но мастерскія эти могли построить къ концу 1877 года всего лишь около третьей части этого наряда, а именно 63.597 комплектовъ; остальная часть была додѣлана казенными мастерскими, которыя въ теченіе 1877 года построили 435.000 комплектовъ обмундированія и сапогъ. Кромѣ того, общество дешевыхъ квартиръ построило въ 1877 году для военнаго вѣдомства 10.000 комплектовъ вещей безъ сапогъ.

Снабженіе теплою одеждою состоялось вслѣдствіе того, что при подготовленіи осенью 1876 года къ войнѣ разсчитывали на зимнюю кампанію, а потому рѣшено было снабдить строевыхъ нижнихъ чиновъ пѣхоты фуфайками, а всѣхъ нестроевыхъ и строевыхъ всѣхъ прочихъ родовъ оружія — полушубками; равно всѣхъ нижнихъ чиновъ—суконными портянками, набрюшниками, рукавицами и наушниками. Въ мирное время эти предметы частію не содержались вовсе (полушубки и фуфайки), частію же содержались въ войскахъ лишь на штатный составъ мирнаго времени. Поэтому ихъ пришлось заготовлять экстренно. Изъ этихъ предметовъ часть полушубковъ (150.955 штукъ) заготовлена интендантствомъ, часть ихъ разрѣшено заготовить самимъ войскамъ; кромѣ того, предложено было нижнимъ чинамъ, прибывающимъ изъ запаса, приносить съ собою собственные полушубки съ уплатою имъ за нихъ отъ казны по 3 рубля. Фуфайки въ количествѣ 136.830 штукъ были заготовлены интендантствомъ. Портянки, набрюшники, рукавицы и наушники, недостающіе до военнаго состава, отпускались войскамъ частію въ готовомъ видѣ, частію въ матеріалахъ съ деньгами на шитье.

Не всѣ части войскъ при выступленіи съ мѣстъ постояннаго квартированія въ Бессарабію были, однако, снабжены полностью полушубками, фуфайками и набрюшниками, а потому въ Бендерахъ въ ноябрѣ 1876 года образованъ былъ складъ теплыхъ вещей, въ который эти предметы постепенно высылались изъ внутреннихъ округовъ и изъ котораго предписано было снабжать оными всѣ войска дѣйствующей арміи, проходящія черезъ Бендеры. Въ этотъ складъ поступило и отпущено войскамъ [1]):

Поступило:	Полушубковъ.	Фуфаекъ.	Набрюшниковъ.
до 1 января 1877 года	60.000	77.000	—
съ 1 января по 1 мая 1877 года. .	31.000	1.000	23.000
Всего . . .	91.000	78.000	23.000

[1]) На основаніи періодическихъ донесеній полевого интендантства Полевому Штабу.

Отпущено войскамъ:	Полушубковъ.	Фуфаекъ.	Набрюшниковъ.
до 1 января 1877 года	20.000	60.000	—
съ 1 января по 1 мая 1877 года. .	17.500	18.000	23.000
Всего . . .	37.500	78.000	23.000

Такъ какъ войска дѣйствующей арміи выступили изъ Бессарабіи въ заграничный походъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, то полушубки и фуфайки было приказано сдать уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ. Но вслѣдствіе вступившихъ ходатайствъ о разрѣшеніи взять съ собою теплую одежду, войскамъ разрѣшено было взять съ собою фуфайки, съ условіемъ не требовать отъ казны особыхъ средствъ для перевозки ихъ [1]).

По выступленіи арміи въ заграничный походъ полушубки, оставшіеся въ Бендерскомъ складѣ, отправлены были въ Кіевскій вещевой складъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ частямъ войскъ дѣйствующей арміи разрѣшено заведеніе гимнастическихъ рубахъ на экономическія суммы (лѣтнія же панталоны отпускались отъ казны) и отпущены деньги на заготовленіе бѣлыхъ чахловъ и назатыльниковъ къ кепи и фуражкамъ.

Походныя палатки, коими войска прежде вовсе не снабжались, заготовлены въ 1876 году на 6.000 офицеровъ и 205.000 нижнихъ чиновъ. Высылка ихъ въ Бендеры, гдѣ образованъ былъ складъ палатокъ, началась лишь въ декабрѣ 1876 года, куда оныхъ по 1 января было доставлено лишь на 32.000 человѣкъ, а затѣмъ съ 1 января по 1 мая еще на 104.000 человѣкъ [2]).

Вслѣдствіе сего не всѣ войска дѣйствующей арміи при выступленіи въ заграничный походъ были снабжены походными палатками; эти части получили ихъ уже за Дунаемъ, куда палатки были высланы вслѣдъ.

---

[1]) О снабженіи теплою одеждою зимою 1877—1878 г.г. будетъ сказано далѣе въ своемъ мѣстѣ.

[2]) На основаніи періодическихъ донесеній полевого интендантства Полевому Штабу.

Въ 1877 году Главное Интендантское Управленіе заготовило еще походныхъ палатокъ на 19.750 офицеровъ и 590.000 нижнихъ чиновъ; но все-же не всѣ войска, мобилизованныя въ 1877 году, прибывали на театръ войны съ походными палатками; нѣкоторыя получили ихъ лишь потомъ, на самомъ театрѣ войны.

Постройка обоза и сбруи въ 1876 и 1877 годахъ вызвана была происходившимъ переустройствомъ войскового обоза и формированіемъ обоза вновь для подвижныхъ дивизіонныхъ лазаретовъ и военно-временныхъ госпиталей. Тогда имѣлось шесть обозныхъ казенныхъ интендантскихъ мастерскихъ, которыя, однако, не могли выполнить всѣхъ заказовъ Главнаго Интендантскаго Управленія, а потому часть заказовъ была передана нѣсколькимъ частнымъ мастерскимъ въ Петербургѣ и въ провинціи, а часть заказа передана Военному Комиссіонерству.

Обезпеченіе арміи деньгами. Для успѣшности снабженія арміи мѣстными средствами въ заграничномъ походѣ, необходимо обезпечить ее достаточнымъ количествомъ денегъ въ золотѣ, т. е. въ монетѣ, цѣнность которой заключается въ ней самой и не зависитъ отъ колебаній биржевого курса.

Передъ войною 1876 года правительство наше не располагало свободнымъ запасомъ золота, которое могло бы быть назначено на нужды арміи. Главнокомандующій, въ періодъ расположенія дѣйствующей арміи въ Бессарабіи, неоднократно заявлялъ, что для обезпеченія правильнаго довольствія арміи съ переходомъ ея за границу, особенно продовольствія ея и довольствія офицеровъ, необходимо назначить въ его распоряженіе достаточное количество золота.

Въ серединѣ декабря 1876 года въ распоряженіе Главнокомандующаго было выслано 50.000 рублей золотомъ и 200.000 рублей серебряною монетою. Сообщая объ этомъ Начальнику Полевого Штаба, Военный Министръ писалъ:

„По вопросу о высылкѣ въ армію звонкой монеты, вашему высокопревосходительству уже извѣстно изъ моей телеграммы послѣдовавшее Высочайшее рѣшеніе, принятое вслѣдствіе обсужденія вопроса въ особомъ совѣщаніи. Представленныя Министромъ Финансовъ соображенія и данныя привели къ тому заключенію, что производить золотомъ всѣ расходы, предстоящіе за границею, въ случаѣ движенія арміи, рѣшительно невозможно (да и въ прежнія войны въ предѣлахъ Турціи расходы производились бумажными деньгами); а потому, если нынѣ Министръ Финансовъ и согласился выслать золотомъ 50.000 рублей и серебромъ 200.000 рублей, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобы этою ничтожною суммою покрывать всѣ вообще нужды арміи за границею, а лишь на нѣкоторые мелкіе расходы, имѣющіе характеръ экстраординарныхъ и секретныхъ“.

Главнокомандующій находилъ присланную сумму золота крайне ничтожною [1]), что и выразилъ въ письмѣ Начальника Полевого Штаба Военному Министру. Генералъ-адъютантъ Непокойчицкій въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Милютину отъ 19 декабря 1876 года, выясняя невозможность основать продовольствіе арміи въ Румыніи и Болгаріи на одномъ подвозѣ и сообщая, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, въ странахъ этихъ армія можетъ найти продовольственныя средства, если практиковать покупки на наличныя деньги, говоритъ слѣдующее: „Но для заграничныхъ покупокъ необходимо золото; оно нужно и для выдачи содержанія офицерамъ, иначе офицеры будутъ получать не рубль, а 50 копѣекъ. 50 тысячъ рублей звонкой золотой монеты не имѣютъ никакого значенія. Въ Румыніи въ ходу золото преимущественно, серебра немного и кредитныхъ билетовъ вовсе нѣтъ; а потому считаю долгомъ

[1]) Насколько въ дѣйствительности ничтожна эта сумма, видно изъ слѣдующаго. По смѣтѣ расходовъ, составленной въ Полевомъ Управленіи арміи, на четырехъ мѣсячное-содержаніе дѣйствующей арміи за границей (разсчетъ составленъ былъ въ мартѣ 1877 года) потребно 20.841.422 рубля; отсюда среднее дневное содержаніе ея выходитъ въ 174.000 рублей.

доложить, что безъ золота въ Румыніи придется намъ очень трудно и если имѣется въ виду вести войну съ Турціей, то на этотъ важный финансовый вопросъ нельзя не обратить особаго вниманія. Если въ Румыніи и Турціи не будемъ платить наличными деньгами, а выдавать квитанціи, то или все для насъ будетъ спрятано, или добываемо на каждомъ шагу съ крайними затрудненіями. Фуражъ для лошадей и порціонный скотъ будутъ свободно покупаться въ Румыніи войсками на наличныя деньги, между тѣмъ какъ при обязательной ихъ поставкѣ отъ края до будущихъ разсчетовъ войска будутъ встрѣчать полнѣйшій въ нихъ недостатокъ. Положительно я тревожусь отъ одной мысли не быть достаточно обезпеченными звонкою монетою. Прошу извиненія, что такъ много говорю объ этомъ предметѣ— онъ слишкомъ важенъ для умолчанія о немъ".

29 марта 1876 года для нуждъ арміи было выслано еще 2 милліона рублей золотомъ, а передъ выступленіемъ за границу войска были снабжены нѣкоторымъ золотымъ авансомъ.

Продовольствіе въ періодъ мобилизаціи и сосредоточенія производилось слѣдующимъ образомъ. Продовольствіе въ пунктахъ мобилизаціи производилось обычнымъ порядкомъ мирнаго времени.

Для продовольствія при перевозкахъ по желѣзнымъ дорогамъ чиновъ запаса, слѣдовавшихъ на укомплектованіе частей войскъ по штатамъ военнаго времени, а равно мобилизованныхъ войскъ при слѣдованіи изъ пунктовъ мобилизаціи въ область сосредоточенія, на 70 желѣзнодорожныхъ станціяхъ, распоряженіемъ и средствами военнаго вѣдомства, были устроены временные продовольственные пункты [1]), на которыхъ нижнимъ чинамъ отпускалась горячая пища [2]).

[1]) Отчетъ Главнаго Штаба о перевозкѣ войскъ по случаю мобилизаціи части арміи въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1876 года (помѣщенъ въ „Военномъ Сборникѣ" 1879 года № 6).

[2]) За время перевозокъ, совершенныхъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1876 года, продовольственные пункты отпустили 2.369.310 порцій (обѣдовъ) горячей пищи.

Въ виду совершенія перевозокъ въ холода (ноябрь и декабрь мѣсяцы) признано было необходимымъ, кромѣ выдачи одинъ разъ въ сутки горячей пищи на продовольственныхъ пунктахъ, давать нижнимъ чинамъ по два раза въ день горячій чай или сбитень.

Для сего намѣчено было 155 желѣзнодорожныхъ станцій. Устройство на этихъ станціяхъ солдатскихъ чайныхъ буфетовъ, по предложенію Военнаго Министерства, взяло на себя общество Краснаго Креста на условіяхъ уплаты ему военнымъ вѣдомствомъ по 3 копѣйки за каждую выданную чайную порцію [1]).

Военно-медицинскій отчетъ за войну 1877—78 годовъ свидѣтельствуетъ [2]), что качество горячей пищи и хлѣба, выдававшихся на продовольственныхъ пунктахъ, было, за рѣдкими исключеніями, превосходное; довольствіе же чаемъ оказалось весьма полезнымъ, давая возможность людямъ согрѣться и утолить голодъ.

Однако, нѣкоторыя отступленія отъ плановъ перевозки, вызванныя неправильностями движенія воинскихъ поѣздовъ, нарушили и правильность довольствія людей на продовольственныхъ пунктахъ. Такъ, по свидѣтельству того же военно-медицинскаго отчета, нѣкоторыя части войскъ нѣсколько дней подъ рядъ вовсе не получали горячей пищи [3]).

Текущее продовольствіе войскъ въ области сосредоточенія въ Бессарабіи производилось слѣдующимъ образомъ.

Провіантъ (мука и крупа) отпускался войскамъ натурою отъ интендантства. Войска получали его частію изъ по-

[1]) Чайную порцію составляли кружка чаю или сбитня (вмѣстительностью до трехъ стакановъ) и булка съ мясомъ или сыромъ. За время перевозокъ, совершенныхъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1876 года, чайные буфеты выдали 3.568.040 порцій.

[2]) Часть 2-я, стр. 139.

[3]) Донской казачій № 11 полкъ за 5 дней переѣзда не получилъ ни разу горячей пищи, 130-й пѣхотный Херсонскій полкъ за 4 дня переѣзда получилъ горячую пищу только одинъ разъ, 48-й пѣхотный Одесскій полкъ за 5 дней переѣзда получилъ горячую пищу только 2 раза и т. д.

стоянныхъ продовольственныхъ магазиновъ [1]), частію изъ открытыхъ вновь продовольственныхъ складовъ; такіе склады были учреждены сначала въ 10 пунктахъ [2]), съ такимъ разсчетомъ, чтобы войска могли сами доставлять себѣ провіантъ изъ нихъ. Склады эти пополнялись десяти-дневными пропорціями муки и крупы, доставляемыми въ нихъ или изъ вышеперечисленныхъ главныхъ складовъ (Кишиневъ, Бендеры, Тирасполь, Пырлица, Раздѣльная и Одесса) распоряженіемъ интендантства, или прямою въ нихъ поставкою провіанта подрядчиками. Склады эти являлись такимъ образомъ расходными, пополняемыми небольшими пропорціями изъ главныхъ или базисныхъ, въ которыхъ, какъ было уже сказано, содержались значительные запасы не только муки и крупы, но также сухарей, чаю, сахару, вина и фуража (зерна и сѣна).

Въ январѣ войскамъ отпущены были денежные авансы для покупки провіанта собственнымъ попеченіемъ, въ случаѣ несвоевременнаго полученія его натурою.

На приварокъ войска получали приварочныя деньги сначала по окладамъ, которые были установлены на текущій годъ для данной мѣстности.

30 ноября Главнокомандующій установилъ чайное довольствіе для нижнихъ чиновъ (а въ исключительныхъ случаяхъ—вмѣсто чая отпускъ винныхъ порцій) деньгами: по $^1/_2$ копѣйки въ день на человѣка.

16 декабря, въ виду вздорожанія продовольственныхъ продуктовъ, вызваннаго значительнымъ скопленіемъ войскъ въ раіонѣ расположенія арміи, властью Главнокомандующаго обыкновенный приварочный окладъ для войскъ дѣйствующей арміи увеличенъ на $1^1/_2$ копѣйки.

---

[1]) 2-го класса: въ г.г. Кишиневѣ и Вендерахъ; 3-го класса: въ г.г. Вѣльцы и Винница, и 4-го класса: въ г.г. Тирасполѣ, Аккерманѣ, Хотинѣ и Балтѣ.

[2]) Сороки, Бирзула, Ананьевъ, Пырлица, Тузора, Оргѣевъ, Григоріополь, Граденица, Мало-Ярославская колонія и Новыя-Каушаны. Потомъ были открыты еще въ Раздѣльной, Ямполѣ, Рахнахъ, Гура-Гальбинѣ и Татаръ-Бунарѣ.

Съ 1 января 1877 года войскамъ дѣйствующей арміи повелѣно было для приварочнаго довольствія руководствоваться окладами, утвержденными военно-окружными совѣтами Одесскаго и Кіевскаго округовъ на 1877 годъ, съ присоединеніемъ къ нимъ установленныхъ Главнокомандующимъ прибавокъ: $1^1/_2$ копѣйки на улучшеніе приварочнаго довольствія и $^1/_2$ копѣйки на чай или винныя порціи.

Фуражъ всѣмъ войскамъ дѣйствующей арміи было сначала предоставлено заготовлять собственнымъ попеченіемъ по цѣнамъ, которыя уже были утверждены на данный періодъ для данной мѣстности. Но такъ какъ вслѣдствіе сосредоточенія большой массы войскъ и огромныхъ заготовленій, производимыхъ интендантствомъ, цѣны на фуражъ въ раіонѣ расположенія арміи значительно возросли, то приказомъ по арміи отъ 21 декабря утверждена особая цѣна на фуражъ для войскъ арміи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ признано необходимымъ расходовать, съ цѣлью освѣженія, запасы зернового фуража и сѣна, сложенные въ главныхъ складахъ, такъ какъ отъ долгаго лежанія въ бунтахъ и стогахъ они могли подвергнуться порчѣ [1]). Поэтому отдано распоряженіе объ отпускѣ войскамъ фуража натурою прямо изъ главныхъ складовъ:

1) интендантскому транспорту полностью (14.000 лошадей);

2) войскамъ, квартирующимъ по мѣстамъ расположенія складовъ, зерновой фуражъ и сѣно на половину натурою и на половину деньгами;

3) прочимъ войскамъ отпускать натурою только зерновой фуражъ въ половинномъ количествѣ (на остальную половину зернового фуража и на сѣно—деньги), обязавъ войска подвозить зерновой фуражъ собственными средствами

[1]) Такъ мотивирована эта мѣра въ рапортѣ Главнокомандующаго Государю Императору отъ 22 февраля 1877 года.

на разстоянія до 25 верстъ, а на бо́льшія разстоянія доставку возложить на интендантство, и

4) только частямъ войскъ, расположеннымъ въ значительномъ удаленіи отъ складовъ (въ сѣверной части Ясскаго уѣзда, Сорокскомъ, Ямпольскомъ и Винницкомъ уѣздахъ), отпускать весь фуражъ деньгами.

Для облегченія войскъ въ закупкѣ сѣна, по сношенію съ Министерствомъ Финансовъ, разрѣшенъ былъ для войскъ арміи безпошлинный ввозъ сѣна изъ Молдавіи.

Что́ касается *вещевого довольствія*, то мобилизація 1876 года была объявлена въ такое время года, когда производился уже отпускъ войскамъ вещевого довольствія по сроку будущаго года, по штатамъ мирнаго времени. Приведеніе же войскъ къ военнымъ штатамъ вызвало необходимость снабжать эти войска вещевымъ довольствіемъ по сроку будущаго года по военному времени, т. е. удвоить назначенные и частію уже произведенные войскамъ отпуски.

Кромѣ того, нижнимъ чинамъ, прибывавшимъ изъ запаса въ періодъ со 2 ноября по 15 декабря, назначена была выдача годовыхъ вещей за полугодіе, безъ зачета ихъ на 1877 годъ, какъ ранѣе предполагалось.

Вся эта, такъ сказать, сверхсмѣтная потребность была покрыта изъ оборотнаго запаса, не вызвавъ экстренныхъ заготовленій.

При выступленіи съ мѣстъ постояннаго квартированія въ Бессарабію нѣкоторыя части войскъ успѣли получить сполна все вещевое довольствіе по сроку 1877 года и построить всѣ вещи по сроку этого года. Этимъ частямъ войскъ разрѣшено было, при выступленіи съ квартиръ, взять съ собою только вещи по сроку 1877 года, сдавъ вещи болѣе старыхъ сроковъ уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ.

Другія части войскъ, получивъ на своихъ квартирахъ все вещевое довольствіе по сроку 1877 года, не успѣли

привести ихъ въ готовый видъ ко времени выступленія, а потому при выступленіи оставили ихъ въ матеріалахъ у уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. Наконецъ, нѣкоторыя части (войска Кіевскаго и Харьковскаго округовъ) выступили, не будучи вовсе удовлетворены вещевымъ довольствіемъ по сроку 1877 года.

По прибытіи всѣхъ этихъ частей въ Бессарабію было сдѣлано распоряженіе о вытребованіи отъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ оставленныхъ у нихъ матеріаловъ, о высылкѣ изъ складовъ вещей тѣмъ частямъ войскъ, которыя ихъ еще не получали, и о немедленной постройкѣ этими частями обмундированія по сроку 1877 года, начиная съ сапогъ и шинелей, какъ предметовъ болѣе важныхъ.

Главнокомандующій, донося Государю Императору о состояніи дѣйствующей арміи къ 26 декабря, говоритъ: „Въ матеріальномъ отношеніи всѣ части арміи находятся въ очень хорошемъ состояніи. Обмундированіе отличное, снаряженіе тоже. Нѣкоторый недостатокъ представляетъ обувь вслѣдствіе того, что мобилизація войскъ произошла въ концѣ года, когда значительная часть людей имѣетъ только по одной парѣ сапогъ. Хотя и сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы выдать годовыя вещи по сроку 1877 года [1]), но, по случаю выступленія войскъ въ походъ къ мѣсту сосредоточенія арміи, вещи эти не успѣли быть полученными въ части, а тѣ войска, которыя ихъ получили, не успѣли сшить сапоги. Къ постройкѣ обуви приняты самыя дѣятельныя мѣры“.

Квартирное довольствіе (помѣщеніе и топливо). Войска дѣйствующей арміи были расположены въ Бессарабіи на квартирахъ по отводу у обывателей. По Высочайшему повелѣнію 17 февраля 1877 года къ квартированію этому примѣнена 1-я статья Положенія о преобразованіи воин-

[1]) Т. е. удовлетворить нижнихъ чиновъ годовыми вещами почти за два мѣсяца до срока.

ской квартирной повинности (приказъ по военному вѣдомству 1874 года № 244), т. е. мѣстности, въ которыхъ войска были расквартированы, признаны въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, съ выдачею, однако, общественнымъ управленіямъ за отводъ помѣщеній полныхъ квартирныхъ окладовъ (черезъ интендантство и губернскіе распорядительные комитеты).

Снабженіе войскъ топливомъ производилось при посредствѣ губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ черезъ подрядчиковъ, въ чемъ сначала встрѣтились большія затрудненія, вслѣдствіе того, что установленные закономъ оклады квартирныхъ денегъ на отопленіе и освѣщеніе помѣщеній подъ управленія не соотвѣтствовали мѣстнымъ цѣнамъ на топливо, возросшимъ по причинѣ значительнаго скопленія войскъ. Въ виду сего цѣны эти были, по Высочайшему повелѣнію, временно повышены.

ГЛАВА X.

Объявленіе войны Россіей Турціи.

Пріѣздъ Императора Александра II въ армію. — Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны Турціи. — Циркуляръ Государственнаго Канцлера князя Горчакова. — Правила отношеній во время войны къ непріятелю и нейтральнымъ державамъ. — Приказъ по дѣйствующей арміи отъ 12 апрѣля. — Воззваніе къ жителямъ Румыніи. — Отъѣздъ Императора Александра изъ арміи и возвращеніе.

Когда война Россіи съ Турціей сдѣлалась уже неизбѣжной, то Императоръ Александръ II, столь горячо любившій свои войска, пожелалъ лично напутствовать ихъ на подвигъ освобожденія Болгаріи.

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 8 апрѣля 1877 года, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и прибылъ въ Жмеринку утромъ 10 апрѣля, гдѣ произвелъ смотръ 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей; по окончаніи смотра Государь обратился къ вызваннымъ впередъ офицерамъ со слѣдующими словами:

„Мнѣ жаль было пускать васъ въ дѣло и потому Я медлилъ, доколѣ было возможно; Мнѣ жаль было проливать

дорогую для Меня кровь... но разъ честь Россіи затронута, Я убѣжденъ, что Мы всѣ, до послѣдняго человѣка, съумѣемъ постоять за нее. Съ Богомъ! Желаю вамъ полнаго успѣха. До свиданія".

Въ тотъ же день, послѣ слѣдующаго смотра у Бирзулы, Государь сказалъ собравшимся офицерамъ:

„Предъ вашимъ отправленіемъ въ походъ, Я хочу васъ напутствовать. Если придется сразиться вамъ съ врагомъ, покажите себя въ дѣлѣ молодцами и поддержите старую славу вашихъ полковъ. Есть между вами молодыя части, еще не бывшія въ огнѣ, но Я надѣюсь, что онѣ не отстанутъ отъ старыхъ и постараются сравняться съ ними въ боевыхъ отличіяхъ. Желаю вамъ возвратиться скорѣе и со славой. Прощайте, господа!"

При послѣдующихъ смотрахъ у Тирасполя и Унгени Императоръ Александръ обращался къ офицерамъ съ подобнымъ же милостивымъ и ободряющимъ словомъ; а на станціи Унгени Государь, обратясь въ послѣдній разъ къ офицерамъ, проводившимъ его верхами со смотра, сказалъ:

„Храни васъ Богъ. Поддержите честь русскаго оружія!"

Манифестъ объ объявленіи войны Турціи былъ поднесенъ Императору Александру для подписи Государственнымъ Канцлеромъ княземъ Горчаковымъ въ Кишиневѣ утромъ 12 апрѣля. Въ тотъ же день, послѣ объѣзда Государемъ построившихся къ смотру войскъ, Высочайшій Манифестъ былъ прочтенъ преосвященнымъ Павломъ, епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ.

Въ Манифестѣ возвѣщалось:

„Всѣмъ Нашимъ подданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

„Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранить Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща и въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшенія съ союзными и дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіе двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желанной цѣли.

„Порта оставалась непреклонной въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи.

„Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Константинопольской конференціи и пригласить Турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедли-

вости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція, отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи".

По окончаніи молебствія Императоръ Александръ произвелъ войскамъ смотръ, послѣ котораго, вызвавъ всѣхъ офицеровъ, милостиво говорилъ съ ними и, обращаясь затѣмъ къ войскамъ, сказалъ:

„Прощайте! До свиданія. Возвращайтесь поскорѣе со славой. Поддержите честь русскаго оружія и да хранитъ васъ Всевышній".

Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны Турціи дополненъ былъ двумя государственными актами, а именно: циркуляромъ Государственнаго Канцлера князя Горчакова русскимъ посланникамъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ для сообщенія содержанія подлежащимъ правительствамъ, и объявленіемъ правилъ, коими Россія намѣрена была руководствоваться какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, такъ и нейтральныхъ державъ и ихъ торговли.

Въ циркулярѣ Канцлера князя Горчакова значилось:

„Императорскій кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи великихъ державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

„Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили, съ ея стороны, непреодолимое сопротивленіе.

„Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19 (31) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

„Императорскій кабинетъ предложилъ его, какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацією отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренне приняты и исполнены Оттоманскимъ правительствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

„Это обстоятельство не было принято въ соображеніе Лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что, въ случаѣ, если бы великія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

„Такимъ образомъ, кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявила, что, такъ какъ правительство ея величества королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и не имѣющимъ значенія въ томъ

случаѣ, если бы предположенная цѣль, а именно: совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею,—не была бы достигнута.

„Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя къ улучшенію участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ: или допустить продолженіе положенія дѣла, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя усилія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

„Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ пригласилъ великія державы.

„Онъ далъ своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

„Благоволите объ этомъ довести до свѣдѣнія того правительства, при которомъ вы аккредитованы.

„Возлагая на себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы“.

Наконецъ, Императоръ Александръ по всеподданнѣйшему докладу Государственнаго Канцлера, въ 11-й день мая, утвердилъ составленныя въ Министерствѣ Иностран-

ныхъ Дѣлъ правила, которыми Россія, основываясь на заключенныхъ договорахъ и общепринятыхъ принципахъ международнаго права, намѣрена руководствоваться, по случаю войны съ Турціею, какъ въ отношеніи непріятеля и его подданныхъ, такъ и нейтральныхъ державъ и нейтральной торговли. Правила эти слѣдующія:

„I. Подданнымъ Турціи разрѣшается продолжать во время войны свое пребываніе и свои мирныя занятія въ предѣлахъ Имперіи, подъ защитою дѣйствующихъ законовъ.

„II. Относительно турецкихъ купеческихъ судовъ, застигнутыхъ объявленіемъ войны въ русскихъ портахъ и гаваняхъ, подтверждается правило, на основаніи котораго имъ было дозволено свободно выходить въ море, въ продолженіе времени, достаточнаго для нагрузки товаровъ, не составляющихъ военной контрабанды.

„III. Подданные нейтральныхъ государствъ безпрепятственно могутъ продолжать торговыя сношенія съ русскими портами и городами, подъ условіемъ соблюденія законовъ Имперіи и началъ международнаго права.

„IV. Военныя власти обязаны принимать всѣ мѣры съ цѣлью обезпечить свободу законной торговли нейтральныхъ, насколько она допускается условіями военныхъ дѣйствій.

„V. На основаніи Парижской декларації 4 (16) апрѣля 1856 года каперство считается отмѣненнымъ и выдача каперскихъ свидѣтельствъ (Lettres de marque) на имя частныхъ лицъ запрещается. Сверхъ того, согласно этой декларації, въ отношеніи нейтральной торговли должны быть соблюдаемы слѣдующія правила: 1) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды; 2) нейтральные товары, за исключеніемъ военной контрабанды, не подлежатъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ; 3) блокада, для того, чтобы счи-

таться обязательною, должна быть дѣйствительна, т. е. она должна быть поддерживаема достаточными военными силами для дѣйствительнаго прекращенія доступа къ непріятельскому берегу. Эти постановленія Парижской декларації подлежатъ исполненію въ отношеніи всѣхъ державъ, не исключая и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатовъ и Испаніи, хотя обѣ эти державы до сихъ поръ къ нимъ не приступили.

„VI. Въ виду приведенныхъ постановленій Парижской декларації и интересовъ нейтральной торговли, военную контрабанду составляютъ слѣдующіе предметы: всякаго рода *оружіе* ручное и артиллерійское какъ въ собранномъ видѣ, такъ и въ частяхъ; всякаго рода *огнестрѣльные принадлежности и припасы*, какъ-то: орудійные снаряды, гранатныя трубки, пули, капсюли, патроны, патронныя гильзы, порохъ, селитра, сѣра; *предметы или принадлежности для взрывовъ*, какъ-то: мины, торпеды, динамитъ, пироксилинъ и другіе взрывчатые составы; *принадлежности артиллерійскихъ, инженерныхъ и войсковыхъ обозовъ*, какъ-то: лафеты, станки, патронные и зарядные ящики или вьюки, полевыя кузницы, полевыя кухни, инструментальныя повозки, понтоны, мостовые козлы, обозная упряжь и прочее; *предметы войскового снаряженія и обмундированія*, какъ-то: сумы, патронташи, ранцы, перевязи, кирасы, шанцевый инструментъ, барабаны, котелки, сѣдла, конскій уборъ, готовая форменная одежда, палатки и проч., и вообще *всѣ другіе предметы*, непосредственно предназначенные для войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Всѣ эти вещи, застигнутыя на нейтральныхъ судахъ, могутъ быть захватываемы и конфискуемы, если онѣ предназначены въ непріятельскій портъ, исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самого нейтральнаго судна.

„VII. Наравнѣ съ торговлею, военною контрабандою должны считаться слѣдующія не дозволенныя дѣйствія ней-

тральныхъ: перевозка непріятельскихъ войскъ, непріятельскихъ депешъ и переписки, поставка и перевозъ непріятелю военныхъ судовъ. Нейтральныя суда, застигнутыя съ подобнаго рода военною контрабандою, могутъ быть, смотря по обстоятельствамъ, не только захватываемы, но и конфискуемы.

„VIII. Во время военныхъ дѣйствій, происходящихъ на рѣкѣ Дунаѣ и на ея берегахъ, высшее начальство дѣйствующей арміи обязано принимать всѣ зависящія отъ него мѣры для того, чтобы не препятствовать, насколько возможно, судоходству и законной торговлѣ нейтральныхъ на этой рѣкѣ, подвергая ихъ только такимъ временнымъ стѣсненіямъ, которыя являются неизбѣжными послѣдствіями войны и должны быть отмѣнены въ возможно скорѣйшемъ времени.

„IX. Военное начальство окажетъ, кромѣ того, особенное покровительство сооруженіямъ, работамъ и личному персоналу Европейской Дунайской комиссіи, находящимся подъ защитою ея особеннаго нейтральнаго флага.

„X. Согласно Женевской конвенціи 10 (22) августа 1864 года, относительно раненыхъ и больныхъ воиновъ, начальство дѣйствующихъ армій обязано уважать постановленія ея относительно неприкосновенности непріятельскихъ госпиталей, походныхъ лазаретовъ и врачебнаго персонала, подъ условіемъ соблюденія взаимности со стороны непріятеля.

„*Примѣчаніе.* По принятіи турецкимъ правительствомъ, съ предварительнаго соглашенія Россіи, вмѣсто Женевскаго флага съ краснымъ крестомъ — особеннаго отличительнаго знака для своихъ госпиталей и лазаретовъ, начальство дѣйствующихъ армій приметъ всѣ необходимыя мѣры для охраненія неприкосновенности зданій, помѣщеній и лицъ, находящихся подъ защитою этого особеннаго отличительнаго знака, согласно Женевской конвенціи, если всѣ постановленія послѣдней будутъ соблюдаемы турецкими властями.

„XI. На основаніи Петербургской декларації 29 ноября (11 декабря) 1868 года, употребленіе снарядовъ меньше

400 граммъ, имѣющихъ свойство разрывныхъ или начиненныхъ воспламенительными веществами, безусловно запрещается.

„XII. Въ виду смягченія бѣдствій войны и съ цѣлью согласовать, по мѣрѣ возможности, и подъ условіемъ взаимности, военныя дѣйствія съ требованіями человѣколюбія, военное начальство не преминетъ сообразоваться въ своихъ распоряженіяхъ съ общимъ духомъ началъ, выставленныхъ Брюссельскою конференціею 1871 года, насколько они примѣнимы по отношенію къ Турціи, согласны съ особенною цѣлью настоящей войны".

Въ день объявленія Высочайшаго Манифеста Главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи и воззваніе къ жителямъ Румыніи.

Въ первомъ изъ нихъ сказано было:

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими.

„Горька ихъ неволя! Все, что̀ дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, по̀томъ и кровію добытое добро—все поругано, осквернено невѣрными.

„Не выдержали несчастные—возстали противъ угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены, имущество разграблено, жены и дочери обезчещены, населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано.

„Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными.

„Мѣра долготерпѣнія Царя-Освободителя истощилась.

„Послѣднее слово Царское сказано.

„Война Турціи объявлена.

„Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ.

„Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой.

„И такъ: впередъ! Дѣло наше свято и съ нами Богъ.

„Я увѣренъ, что каждый, отъ генерала до рядового, исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ и въ былые годы. Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будетъ для васъ не прикосновенно. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ позволять себѣ произвола.

„Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины—въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени.

„Напоминаю войскамъ, что, по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ то же гостепріимство, какъ и предки и отцы наши.

„Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ—братьямъ и друзьямъ нашимъ—полною дружбою, охраною ихъ порядковъ и помощью противъ турокъ; а когда потребуется—то и защищали ихъ дома такъ же, какъ и свои собственные“.

Воззваніе къ румынамъ гласило:

„Жители княжества Румыніи! По повелѣнію Его Величества Императора Всероссійскаго, армія Его, состоящая подъ моимъ начальствомъ и предназначенная для военныхъ дѣйствій противъ Турціи, вступаетъ нынѣ въ предѣлы вашей страны, уже не разъ радушно встрѣчавшей русскія войска. Объявляя вамъ объ этомъ, предваряю васъ, что мы вступаемъ къ вамъ, какъ давніе друзья и доброжелатели ваши, надѣясь встрѣтить у васъ то же гостепріимство и то же радушіе, которые предки ваши оказывали нашимъ войскамъ во время нашихъ прежнихъ военныхъ кампаній противъ Турціи. Съ своей стороны, я, исполняя повелѣнія Его Импе-

раторскаго Величества Августѣйшаго Брата моего, считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходъ чрезъ вашу страну нашихъ войскъ и временное въ ней пребываніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно тревожить васъ, и что мы смотримъ на правительство ваше, какъ на дружественное намъ.

„Приглашая васъ, поэтому, къ продолженію мирныхъ занятій вашихъ и къ оказанію содѣйствія нашей арміи, въ удовлетвореніи ея нуждъ и потребностей, я вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобы за всѣ сдѣланныя для нея вами поставки уплачивались безъ замедленія деньги сполна изъ казначейства арміи.

„Вамъ извѣстно, что армія Его Величества отличается строгою дисциплиною. Я увѣренъ, что она поддержитъ честь свою среди васъ. Войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и соблюдутъ должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ.

„Румыны! Предки наши проливали свою кровь за освобожденіе вашихъ предковъ. Мы считаемъ себя вправѣ разсчитывать нынѣ на ваше содѣйствіе войску, проходящему черезъ вашу страну, чтобы подать руку помощи угнетеннымъ христіанамъ Балканскаго полуострова, бѣдствія которыхъ вызвали сочувствіе не только Россіи, но и всей Европы“.

Императоръ Александръ II оставался въ Кишиневѣ до 19 апрѣля и выѣхалъ въ ночь на 20 число. Прощаясь съ провожавшими Его, Государь обратился къ нимъ со словами:

„Еще разъ благодарю васъ, господа, за службу. Вы вполнѣ оправдали мои ожиданія. Съ вами Я не прощаюсь, а говорю лишь — до скораго свиданія. Теперь поѣду въ Одессу, Кіевъ, Москву и Петербургъ; затѣмъ вернусь, чтобы дѣлить съ вами радость и горе. Да поможетъ вамъ Богъ! До свиданія“.

Императоръ Александръ, дѣйствительно, скоро вернулся въ армію. Сопровождаемый Великими Князьями Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Сергѣемъ Александровичемъ, Государь, выѣхалъ 21 мая изъ Царскаго Села, прибылъ 25 числа къ Браилову, гдѣ былъ встрѣченъ Великими Князьями Главнокомандующимъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, Владиміромъ Александровичемъ, Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и Герцогами Лейхтенбергскими Николаемъ и Сергѣемъ Максимиліановичами.

Чувства, побуждавшія Императора Александра къ пріѣзду въ армію, высказаны были Имъ какъ въ упомянутыхъ выше прощальныхъ словахъ 19 апрѣля, такъ и впослѣдствіи, по прибытію въ армію; а именно: въ дневникѣ полковника Скалона, веденномъ по приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, 15 іюня занесены слѣдующія слова Его Величества:

„Сроднившись съ дѣтства со своей арміей, не вытерпѣлъ и пріѣхалъ дѣлить съ ней труды и радости“.

Приложеніе къ главѣ VIII.

ТАБЛИЦА

техническаго состоянія русской желѣзнодорожной сѣти въ 1876 году.

(Составлена по трудамъ комиссіи гр. Баранова и по изданіямъ Министерства Путей Сообщенія).

Примѣчанія: I. Дороги, означенныя знаками [1], [2], [3], [4], [5],—шириною колеи отличаются отъ другихъ дорогъ сѣти.

II. * Участокъ Унгени—р. Прутъ и далѣе до Яссъ строился въ 1876 году и по немъ производилось лишь временное движеніе.

III. [5], **** Дороги Оренбургская и Фастовская не были открыты, но движеніе воинскихъ поѣздовъ по нимъ производилось.

IV. Дороги, означенныя знаками **, ***, [7], [8] и [9], не входили въ сѣть.

V. [6] На Ряжско-Вяземской дорогѣ было открыто временное движеніе.

VI. [10] Число верстъ Привислинской дороги показано того участка, по которому было открыто пассажирское движеніе, прочія свѣдѣнія объ этой дорогѣ относятся къ общей длинѣ ея, т. е. къ 487 верстамъ.

НАЗВАНІЯ ДОРОГЪ.	Конечные пункты дорогъ и главныхъ вѣтвей.	Пути.				Станціи.			Водоснабженіе.					Рельсы.					Подвижной составъ.						
		Протяженіе дороги и главныхъ вѣтвей ея въ верстахъ.	Наименьшій радіусъ закругленій.	Наибольшая крутость подъема.	Длина второго пути въ верстахъ.	Число станцій.	Число грузовыхъ платформъ.	Число дорожныхъ мастерскихъ.	Число водоподъемныхъ сооруженій.	Число крановъ у путей.	Число колодцевъ.	Число телеграфныхъ аппаратовъ.	Наибольшее разстояніе между станціями въ верстахъ.	Длина желѣзныхъ рельсовъ въ верстахъ.	Длина стальныхъ рельсовъ въ верстахъ.	Длина желѣзныхъ со стальными головками рельсовъ въ верстахъ.	Вѣсъ погоннаго фута желѣзнаго рельса.	Вѣсъ погоннаго фута стального рельса.	Число паровозовъ.	На версту дороги приходится паровозовъ.	Число пассажирскихъ вагоновъ.	На версту дороги приходится пассажирск. вагоновъ.	Число платформъ (вагоновъ).	Число крытыхъ товарныхъ вагоновъ.	Число крытыхъ товарныхъ вагоновъ приходящееся на версту дороги.
1. Балтійская	Петербургъ—Балт.-Портъ. Петербургъ — Ораніенбаумъ. Тосно—Гатчина. Тапсъ Юрьевъ	568	300	0,008	39	49	48	6	9	25	339	100	24	493	85	—	24,37	21,48	127	0,24	233	0,44	392	407	0,72
2. Бресто-Граевская	Врестъ—Граево	204	300	0,006	—	19	31	1	2	4	12	27	16	159	45	—	25	21,76	44	0,21	30	0,16	183	610	3,00
3. Варшаво-Вѣнская [1] и Бромбергская.	Варшава—Граница. Скерневицы—Александрово	468	229	0,005	96	48	84	13	35	54	39	132	20	710	156	—	26	22,40	183	0,40	270	0,57	150	800	1,72
4. Варшаво-Тереспольская	Варшава—Тересполь	200	400	0,006	—	15	29	1	14	16	13	25	27	235	—	—	25	—	32	0,16	69	0,35	65	251	1,25
5. Волго-Донская	Царицынъ—Донская	73	1000	0,015	12	6	—	1	5	6	6	10	—	105	2	2	26	26	17	0,23	10	0,14	540	70	0,96
6. Грязе-Царицынская	Грязи—Царицынъ	625	300	0,008	—	32	55	2	24	53	9	63	26	540	86	—	26	20	80	0,13	110	0,17	483	1128	1,80
7. Динабурго-Витебская	Двинскъ—Витебскъ	244	385	0,008	—	21	8	2	27	33	5	41	17	95	220	—	24,20	24,24	91	0,37	83	0,38	120	1214	4,98
8. Кіево-Брестская	Кіевъ — Брестъ. Казатинъ—Жмеринка. Здолбуново—Радзивиловъ.	802	300	0,008	3	64	114	10	29	32	10	120	21	589	324	—	25	21,26	183	0,22	369	0,48	880	2397	2,91
9. Козлово-Воронеж.-Ростовская	Козловъ—Ростовъ на Дону	780	300	0,010	4	56	77	2	46	40	17	117	26	651	143	—	26	20	204	0,25	341	0,30	975	1896	2,43
10. Константиновская	Ст. Константиновка—ст. Еленовка	85	300	0,008	—	8	5	[illegible]	5	4		12	13	85	—	—	25,50	—	14	0,16	37	0,40	138	120	1,41
11. Курско-Кіевская	Курскъ—Кіевъ	439	300	0,008	—	23	21	4	22	31	7	56	26	349	97		26	23,75	71	0,16	117	0,27	100	917	2,08
12. Курско-Харьково-Азовская	Курскъ — Харьковъ — Лозовая — Ростовъ	763	300	0,008	—	65	98	5	45	34	22	127	21	765	—	—	25	—	190	0,24	285	0,38	635	2200	2,86
13. Ландварово-Роменская	Ромны—ст. Вилейская	711	300	0,008	—	42	75	7	39	32	18	90	25	757	7	50	24	21,60	116	0,16	99	0,14	612	1400	1,97
14. Либавская	Либава — Кошедары. Радзивилишки—Калкуны	480	300	0,008	—	28	36	[illegible]	1	—	46	42	23	537	—		21,60	—	34	0,17	66	0,14	330	512	1,07
15. Ливенская. [2]	Ливны—ст. Верховье	57	97	0,012	—	5	5	1	5	—	-	5	14	65		—	16,80	—	7	0,12	15	0,30	190	68	1,20
16. Лодзинская. [3]	Ст. Колюшки—Лодзь	26	350	0,006	—	3	3	1	2	2	2	3	15	29	2	—	26	20	5	0,19	21	0,80	4	19	0,73
17. Лозово-Севастопольская	Лозовая — Севастополь. Синельниково—Екатеринославъ	611	150	0,012	–	34	59	3	31	24	224	67	26	527	—	42	24	—	99	0,16	85	0,15	601	729	1,19
18. Митавская	Рига—ст. Можейки	127	450	0,008	-	8	7	2	8	—	10	18	21	122	2	4	25	24	16	0,12	62	0,49	48	184	1,40
19. Моршанско-Сызранская	Моршанскъ—Сызрань—Батраки	499	300	0,010	—	25	31	5	43	20	4	63	25	—	499	—	—	20	71	0,14	104	0,21	495	1005	2,01
20. Московско-Брестская	Москва—Брестъ	1023	300	0,008	59	59	53	2	40	40	22	110	24	742	478	—	26	21,65	166	0,16	176	0,17	557	1779	1,73
21. Московско-Курская	Москва—Курскъ	502	300	0,008	241	46	32	2	37	46	23	86	15	286	209	256	27	23,83	205	0,40	328	0,63	680	3141	6,26
22. Московско-Нижегородская	Москва—Нижній Новгородъ	410	300	0,006	67	31	49	4	19	20	7	70	19	446	40	—	26,50	24,32	131	0,32	220	0,53	504	1839	4,49
23. Московско-Рязанская	Москва—Рязань	248	300	0,008	183	20	23	3	11	11	5	43	17	?	?	?	?	?	87	0,36	—	—	—	—	—
24. Московско-Ярославская	Москва—Ярославль	271	300	0,003	—	19	10	4	14	3	—	34	23	175	101	—	26	14	44	0,16	119	0,43	293	550	2,03
25. Николаевская	Петербургъ—Москва	604	500	0,007	604	63	28	[illegible]	35	20	—	126	15	177	808	239	26,50	24,64	392	0,55	305	0,51	889	8248	13,66
26. Новгородская. [4]	Ст. Чудово—Новгородъ	68	150	0,012	—	6	2	1	5	—	4	14	19	76	—	—	14,50	—	8	0,12	25	0,36	28	55	0,81
27. Новоторжская	Ст. Осташково—Ржевъ	127	300	0,010	—	7	9	1	7	6	5	6	23	145	—	·	25	—	18	0,14	24	0,20	147	123	0,97
28. Одесская. *	Одесса—Волочискъ. Бирзула—Елисаветградъ. Раздѣльная — Унгени. Унгени—р. Прутъ *	1023	300	0,010	67	64	159	8	56	44	32	106	26		—		?	?	128	0,13	—	—	—	—	·
29. Оренбургская. [5]	Ст. Батраки—Оренбургъ	508	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				—		—
30. Орловско-Витебская	Орелъ—Витебскъ	488	300	0,008	—	42	26	7	43	37	15	78	17	271	116	29	26,50	21,67	125	0,25	127	0,27	409	1749	3,59

НАЗВАНІЯ ДОРОГЪ.	Конечные пункты дорогъ и главныхъ вѣтвей.	Пути.				Станціи.		
		Протяженіе дороги и главныхъ вѣтвей ея въ верстахъ.	Наименьшій радіусъ закругленій.	Наибольшая крутость подъема.	Длина второго пути въ верстахъ.	Число станцій.	Число грузовыхъ платформъ.	Число дорожныхъ мастерскихъ.
31. Орловско-Грязская	Орелъ —Грязи	283	300	0,009	10	24	32	2
32. Поти-Тифлисская. **	Поти—Тифлисъ	289	75	0,040	—	27	14	1
33. Привислинская [10].	Ивангородъ—Луковъ	57	300	0,008	4	27	49	1
34. Риго-Больдерааская	Рига—Больдераа	18	—	—	—	—	—	—
35. Риго-Динабургская	Рига—Двинскъ	214	571	0,005	204	16	22	9
36. Ростово-Владикавказская . . .	Ростовъ—Владикавказъ	652	300	0,010	—	37	84	11
37. Рыбинско-Бологовская	Ст. Бологое—Рыбинскъ	280	350	0,010	—	22	20	5
38. Ряжско-Вяземская. [6]	Ряжскъ—Вязьма. Узловая —Елецъ .	643	250	0,010	—	37	42	3
39. Ряжско-Моршанская	Ряжскъ—Моршанскъ	128	300	0,010	—	13	18	2
40. Рязанско-Козловская	Рязань—Козловъ	198	300	0,014	198	24	29	6
41. С.-Петербурго-Варшавская.	Петербургъ — Варшава. Ландварово —Вержболово	1207	375	0,006	143	79	79	14
42. Сестрорѣцкая. ***	Бѣлоостровъ—Портовая	6	125	0,002	.	2	1	—
43. Тамбово-Козловская	Тамбовъ —Козловъ	68	300	0,008	—	6	10	2
44. Тамбово-Саратовская	Тамбовъ—Саратовъ	367	300	0,012	—	17	36	5
45. Фастовская. ****	Фастовъ—Знаменка. Бобринская—Черкассы	384	200	0,008	—	21	42	4
46. Финляндскія. [7]	Петербургъ—Рихимяки —Гельсингфорсъ. Хювинге—Ганге. Рихимяки Таммерфорсъ. Або—Тойала.	780	—	—	—	—	—	—
47. Харьково-Николаевская . . .	Харьковъ—Николаевъ. Знаменка—Елисаветградъ	604	250	0,010	—	39	39	3
48. Царскосельская. [8]	Петербургъ —Павловскъ	25	200	0,003	25	5	3	1
49. Шуйско-Ивановская	Ст. Новки—Кинешма	171	350	0,008	—	8	8	1
50. Ярославо-Вологодская. [9] . . .	Ярославль (Волга)—Вологда . . .	191	150	0,012	—	11	14	1
Протяженіе всей сѣти желѣзн.	дорогъ	19939	—	—	—	—	—	—
Исключивъ дороги другой колеи длина сѣти будетъ	и означенныя въ примѣчаніи IV, ...	17700		—	—	—	—	—
Дороги строившіяся:								
51. Боровичская	Угловка—Боровичи	28	—	—	—	—	—	—
52. Донецкая	Хацепетовка — Звѣрово. Дебальцево — Луганскъ. Дебальцево—Попасна	484	—	—	—	—	—	—
53. Привислинская	Ковель—Млава	430	—	—	—	—	—	—
54. Старорусская	Новгородъ—Старая Русса	90	—	—	—	—	—	—
55. Сумская	Ворожба—Мерефа	230	—	—	—	—	—	—
56. Тукумская	Рига—Туккумъ	54	—	—	—	—	—	—
57. Уральская	Пермь—Екатеринбургъ	432	—	—	—	—	—	—

НАЗВАНІЯ ДОРОГЪ.	Водоснабженіе.			Число телеграфныхъ аппаратовъ.	Наибольшее разстояніе между станціями въ верстахъ	Рельсы.					Подвижной составъ.						
	Число водоподъемныхъ сооруженій.	Число крановъ у путей.	Число колодцевъ.			Длина желѣзныхъ рельсовъ въ верстахъ.	Длина стальныхъ рельсовъ въ верстахъ.	Длина желѣзныхъ со стальными головками рельсовъ въ верстахъ.	Вѣсъ погоннаго фута желѣзнаго рельса.	Вѣсъ погоннаго фута стальнаго рельса.	Число паровозовъ.	На версту дороги приходится паровозовъ.	Число пассажирскихъ вагоновъ.	На версту дороги приходится пассажирск. вагоновъ.	Число платформъ (вагоновъ).	Число крытыхъ товарныхъ вагоновъ	Число крытыхъ товарныхъ вагоновъ, приходящееся на версту дороги
31. Орловско-Грязская	16	16	16	55	19	249	66	—	26	20	75	0,24	80	0,28	151	1771	6,26
32. Поти-Тифлисская	16	13	9	42	21	283	6	—	26,40	26,40	48	0,16	117	0,40	240	153	0,53
33. Привислинская	45	28	27	5	21	—	57	—	25	20	71	0,18	116	0,24	490	600	1,23
34. Риго-Больдерааская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35. Риго-Динабургская	15	6	17	27	17	410	5	53	26	24,24	73	0,33	87	0,35	130	997	4,66
36. Ростово-Владикавказская	25	40	286	64	25	748	—	—	22	—	128	0,20	105	0,13	600	900	1,38
37. Рыбинско-Бологовская	12	27	11	41	16	130	230	-	26,50	21,68	77	0,27	77	0,28	324	2631	9,40
38. Ряжско-Вяземская	19	24	13	77	26	77	430	-	24	20	108	0,16	114	0,17	383	1262	1,96
39. Ряжско-Моршанская	6	5	6	20	14	40	101	2	22	21,68	24	0,19	43	0,34	60	478	3,73
40. Рязанско-Козловская	21	9	20	39	12	165	234	—	26	26	77	0,39	102	0,52	361	1384	7,00
41. С.-Петербурго-Варшавская	68	59	24	—	34	1206	338	178	26,50	24,30	296	0,24	348	0,30	702	3592	2,98
42. Сестрорѣцкая	1	—	2	2	6	13	—	—	20	—	3	0,50	4	0,66	90	30	5,00
43. Тамбово-Козловская	9	7	56	10	17	53	15	—	25	20	19	0,28	27	0,42	41	264	3,89
44. Тамбово-Саратовская	18	16	19	40	25	?	?	?	?	?	70	0,19	98	0,24	—	—	—
45. Фастовская	19	16	10	48	22	—	384	—	—	20	51	0,17	89	0,28	198	391	1,17
46. Финляндскія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
47. Харьково-Николаевская	33	58	223	65	24	553	53	—	26	21,68	104	0,17	184	0,30	989	1126	1,86
48. Царскосельская	3	1	10	8	12	12	47	—	24	21,68	13	0,52	91	3,64	—	14	0,56
49. Шуйско-Ивановская	8	4	10	16	29	175	-	—	26	—	24	0,14	37	0,23	209	151	0,88
50. Ярославо-Вологодская	10	—	—	14	22	189	7	—	15	14,89	18	0,09	37	0,19	176	100	0 52
Протяженіе всей сѣти желѣзн. дорогъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Исключивъ дороги другой колеи...	—	—	-		—	—	-	—	—	—	—	—	—	—		—	—
Дороги строившіяся:																	
51. Боровичская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
52. Донецкая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
53. Привислинская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
54. Старорусская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
55. Сумская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
56. Тукумская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
57. Уральская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОГРѢШНОСТИ.

(Томъ I).

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	снизу 2	отъ станціи Буфта	отъ станціи Китила
5	сверху 1	въ предѣлы Венгріи къ Пешту;	въ предѣлы Венгріи къ Пешту съ перерывомъ на границѣ;
17	снизу 3	3.900 футовъ.	4.200 футовъ.
126	снизу 1	четырехъ-линейныхъ	шести-линейныхъ
192	сверху 6	то на ней	то, мѣстами, на ней
194	сверху 15	мѣстами съ 1873 года	мѣстами, напримѣръ съ 1873 года
271	сверху 4	приказомъ по военному вѣдомству (въ концѣ апрѣля),	Высочайшимъ приказомъ отъ 26 апрѣля 1877 года,
312	снизу 13	выгружены	разгружены